

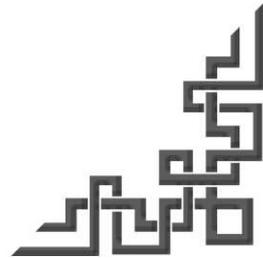

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ЛИКИ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Беловодье
Москва
2010

УДК 821.161.1-43+929(470+571)(082.1)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4я44+92
К52

Ключников, Юрий Михайлович.

К52 Лики русской культуры / Юрий Ключников. — М.: Беловодье, 2010. — 416 с.: ил.
— ISBN 978-5-93454-115-7.
Агентство СІР РГБ

Книга известного поэта, публициста, философа, путешественника, автора десяти книг стихов и прозы Юрия Ключникова «Лики русской культуры» представляет собой сборник статей, эссе, очерков, посвященных выдающимся русским писателям, поэтам, музыкантам, ученым, полководцам. Перед взором читателя встают образы и творческие судьбы Ломоносова, Пушкина, Блока, Рахманинова, Михаила Булгакова, Пастернака, Есенина, Николая Островского, Георгия Жукова, Даниила Андреева, Шолохова, Солженицына, Шукшина. Объединяющая идея книги — дать изображение характера героев, людей трудной, часто трагической судьбы, находящихся, как правило, в остром конфликте с веком. Их мужество, стойкость, верность Истине, способность реализовать свои таланты вопреки давлению времени — очень ценный опыт и качества для любого ищущего и думающего человека в наши дни. Портреты героев выписаны таким образом, что они выглядят не пантеоном ушедших классиков, но живыми участниками нашей истории, продолжающими помогать России с неба. Каждую статью сборника, освещающую жизнь и творчество великих деятелей русской культуры под неожиданным, очень своеобразным авторским углом зрения, предваряет и завершает стихотворение Юрия Ключникова. Книга заканчивается автобиографическим очерком «Безмолвие и лики», посвященным теме духовной практики исихазма — «умного делания», которой автор занимается более 30 лет и которая, по его мнению, составляет глубинную основу русской духовной культуры.

Книга будет с увлечением прочитана всеми людьми, сохранившими интерес к отечественной истории, литературе и культуре.

УДК 821.161.1-43+929(470+571)(082.1)
ББК 84(2Рос=Рус)6-4я44+92

Охраняется Законом РФ об авторском праве..

© ООО «НПЦТ «Беловодье», оформление, 2010.
© Ю. М. Ключников, текст, 2010.

ISBN 978-5-93454-115-7

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Бондаренко. Задумчивое добро Юрия Ключникова</i>	5
<i>С. Ключников. Предисловие от издателя</i>	13

ЛИКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одиночество гения (М. В. Ломоносов)	17
Мистический Пушкин	37
Неизвестный Циолковский	63
Прекрасная Дама Александра Блока	107
Руки Рахманинова	117
Сны Михаила Булгакова	125
Непонятый доктор (Страсти по Пастернаку)	145
Есенин сегодня и завтра	197
Зачем миру нужны герои? (Н. А. Островский)	221
Маршал Жуков. Уроки, заветы, надежды	237
Космос Даниила Андреева.....	261
Шолохов и Солженицын.....	301
Во что верил Шукшин.....	321
Вернись в Сорренто (фантастический рассказ)	351
Безмолвие и лики.....	369

ЗАДУМЧИВОЕ ДОБРО ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА

Юрий Михайлович Ключников — поэт, философ, публицист, путешественник, общественный деятель, творческая личность, на мой взгляд, явно недооцененная в отечественной литературе. Даже у себя на родине в Сибири. Хотя его творчество высоко ценили и Виктор Астафьев, и Вадим Кожин, и Евгений Евтушенко, и Юрий Селезнев, и Станислав Золотцев, и Валентин Сидоров — люди, относящиеся к разным, нередко противоположным направлениям и литературным лагерям. Родился Юрий Михайлович в 1930 году. Закончил филфак Томского университета, работал журналистом, редактором на радио, в студии кинохроники, издательстве. Один из первых в России обратил серьезное внимание на литературное наследие Николая Рериха. Хотя не стал ограничивать свои творческие интересы одной лишь этой темой и не пошел по пути превращения в проводника рериховских взглядов, сохранив самостоятельную позицию. Поэт и прозаик с глубокими мистическими корнями. В некотором смысле, я бы сравнил его личность и творчество с творчеством еще одного глубокого русского мистика, эмигранта-харбинца Альфреда Хейдока, о котором писал еще в советское время.

Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким областным писателем. Да и сами названия его книг говорят за себя: «Мистический Пушкин», «О назначении России», «Благая весть Новой Эпохи» (всего он автор десяти книг стихов и прозы, из которых я выделил бы поэтический сборник «Годовые кольца», эзотерическую сказку «Поэт и Фея» и книгу очерков о своих путешествиях по Индии с подзаголовком «Странствия по Ариаварте»). Сегодня он вместе с супругой руководит культурной организацией «Русский клуб» в Новосибирске. В советское время признанию его творчества мешала глубинная мистика его сочинений, «богоискательство». В перестроечный период он со своим глубинно-объективным взглядом на мир и литературу тоже не вписался ни в один из идеологических лагерей — ни в левый, ни в правый.

Этому особому, можно сказать — надличностному взгляду на жизнь не помешали все невзгоды, обрушившиеся на Ключникова в советское время. Впрочем, об этом пишет автор в своих заметках «Безмолвие и лики», завершающих его новую замечательную книгу «Лики русской культуры». За одно предложение открыть на Алтае музей Николая Рериха, за попытку с группой энтузиастов самим построить этот музей, его постарались исключить из партии, запретили заниматься идеологической работой, сняли с высокой должности в Западно-Сибирском книжном издательстве. Юрий Ключников не пал духом — он ушел в простые грузчики и проработал в этом качестве целых шесть лет. «Результат нашей записки властям был весьма неадекватным. Стройку (музей Рериха. — В. Б.) не запретили, но за нас, строителей, крепко взялись партийные власти, особенно за членов КПСС. А таких, среди подписавших записку, было трое. Нас обвинили в идеализме, богоискательстве, отходе “от принципиальных положений марксистской философии”. Дело дошло до ЦК КПСС. Я же упирался, приходя на проработки с иконой во внутреннем кармане и словами молитвы в душе, которые твердил мысленно. Это помогало... В критическую минуту моё отчаянье вдруг сменилось хлынувшим откуда-то потоком радости. В сознании сама по себе возникла молитва “Господи, помилуй!”. И я вновь увидел голубые глаза Христа. Последний акт этой партийной драмы проходил в феврале 1982 года на бюро Советского райкома КПСС Новосибирска. Секретарь райкома доложил членам бюро суть дела и, глядя мне в глаза, сказал: “Мы возились с Вами почти три года, вы настаивали на том, что остаётесь на партийных позициях и лишь хотите дополнить их философией Рериха, называя её не противоречащей марксизму-ленинизму. Классики марксизма этой философии оценки не дали, а вот Иисусу Христу дали и недвусмысленную. Скажите, Ключников, как вы относитесь к Иисусу Христу?”. На бюро повисла напряжённая тишина. Я тоже почувствовал момент истины, отступать было некуда. И сказал: “Если бы современные руководители СССР хоть чуточку походили на Иисуса Христа, наша страна не оказалась бы в кризисной ситуации”. Секретарь стукнул ладонью по столу и закончил: “Ключников за три года ничего не понял. Предлагаю исключить из партии. Кто за?”. За были все. Не стану называть фамилий, ибо действующие лица этой истории живы-здоровы. Некоторые из них находятся на высоких должностях и даже помогают строить церкви...».

Впору бы озлобиться — но Юрий Ключников открыт для прощения всех своих погромщиков, не допускает злобности в себе, и в своей книге отчетливо видит не только минусы, но и огромные плюсы советской власти для России XX века. За что ему достается изрядно уже от либералов, пожелавших было пригреть опального в советские годы поэта.

Впрочем, он сам писал в своих стихах:

*Критик, не лови меня на слове,
что, мол, славлю сталинскую жуть.
У эпохи дьявольской на сломе
я слова охранные твержу.*

*Если вместо тихого прощенья
осуждаешь эхо прежних бурь,
приготовься, друг мой, к возвращенью
новых льдов и старых диктатур.*

*Не спеши направить злобный выстрел,
рикошет ударит под ребро...
Зло, конечно, всё решает быстро,
но всегда задумчиво добро.*

Вот сам писатель с неспешной задумчивой добротой и сотворил свои «Лики русской культуры». В этой книге он старается совсем по-шукшински не пропустить ничего прекрасного в русской литературе и культуре XX века. Он откровенно смотрит на всех своих героев радостными глазами. Из его очерков о великих русских писателях, композиторах, полководцах вырастает общий лик и жестокого, трагического, и великого, героического и идеально романтического столетия. Как ни стараются это столетие и его героев нынче перечеркнуть, удалить из истории русской литературы наши либеральные ненавистники, это у них не получается. Знаковых, гениальных фигур в XX веке оказывается ничуть не меньше, чем в предыдущем пушкинско-достоевском девятнадцатом веке.

Увы, но и сегодня сказать об этом громко, на всю страну не дозволяется. Наша интеллигенция боится признавать величие своих же отечественных русских гениев. И потому такие книги как «Лики русской культуры» Юрия Ключникова являются не просто закономерным итогом писательских раздумий, но и своеобразным подвигом русского патриота. Его книга — это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, это переключка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым третьим тысячелетием.

Юрий Ключников, говоря его же словами, описывает в своей книге отнюдь не символическую, а реальную когорту русских атлантов, которые держали и продолжают держать на своих плечах русское небо над землёй, периодически проходящей жестокую, но необходимую чистку. Мне самому Юрий Ключников немного напоминает шукшинского «чудика», умудрявшегося всю жизнь говорить свою правду, и жить согласно своим законам. И в своих эссе и очерках, о ком бы он ни писал — об Александре Блоке, о Борисе Пастернаке, о Сергее

Есенине, о Шолохове или Солженицыне, отталкиваясь от общепризнанного, он каждый раз находит и предлагает читателю свое личное понимание того или иного русского гения, преодолевая устоявшиеся литературоведческие табу. Каждая глава предваряется стихами автора, посвященными своему герою. А заканчивается книга о русской культуре уже собственными размышлениями о прожитом и увиденном.

Всё, чем в своей многотрудной и многосложной жизни занимался Юрий Ключников, подходит под его же определение «умного делания». И потому его размышления о русских поэтах и писателях XX века, о композиторах и мыслителях, о вождях России ничуть не похожи на простые литературоведческие или критические исследования, ибо за ними, как за видимой частью айсберга, кроется вся предыдущая жизнь неустанного умного делателя, его десятки экспедиций по Алтаю, путешествия в Индию и Непал, встречи с восточными мудрецами.

Но ошибется тот, кто с разбегу отнесет Юрия Ключникова к модным ныне оккультистам, к экзальтированным поклонникам индийских или тибетских учений. Свет русского Православия виден ему и на вершинах Гималаев, куда, кстати, он совершил целых шесть экспедиций... Юрий Ключников и в Индии ищет Россию (одна из его книг так и называется!), и в книгах восточных мудрецов видит связь с Иисусовой молитвой, с православным учением. Я согласен с ним, и тоже считаю: надо ли нам в своем постижении России закрываться от всего остального мира, не лучше ли и остальной мир приблизить к России? Тем более Восток нам всегда был близок.

Мудрецы и поэты Востока Руми, Шанкарачарья, Миларепа, Лао Цзы, Конфуций только обогатили его, ключниковское, понимание духовных глубин православия и желание вернуться на духовную родину, к русским истокам. Как Пушкину свободное владение французским языком только помогло стать непревзойдённым мастером русского стиха.

Соединяя в себе любовь к традициям и стремление к новизне, к новому опыту, писатель у всех своих героев видит подобное взаимопроникновение вечных истин и пророческих откровений, духовного и телесного, прошлого и будущего. И уже нет ни консерваторов, ни революционеров, есть дарованный Небом путь познания мира в себе, и себя в мире. И в этом постижении жизни, в понимании России и русского опыта в чем-то равны Михаил Булгаков и Андрей Платонов, Михаил Шолохов и Александр Солженицын, Александр Блок и Николай Островский... Ибо все его герои — люди озарения. Это люди тонкой творческой энергии. При этом Юрий Ключников явно не любит пессимистов, ему гораздо ближе и интереснее духовно-героическое творческое начало. В его книгу, в целом посвященную деятелям русской культуры XX века, попали и два

родоначальника русской культуры — Михаил Ломоносов и Александр Пушкин, наш первый космист Константин Циолковский и герой великой русской победы маршал Георгий Жуков.

И всё же главными героями, вокруг которых выстраивается вся мистическая, духовная концепция русской культуры XX века, стали Александр Блок, композитор Сергей Рахманинов, Михаил Булгаков, Борис Пастернак, Сергей Есенин, Николай Островский, Даниил Андреев, Михаил Шолохов, Александр Солженицын и Василий Шукшин... Кому-то будет не хватать Осипа Мандельштама или Николая Клюева, Андрея Платонова или Виктора Астафьева. Кто-то удивится включению в этот мистический ряд тонких мастеров Николая Островского. Кто-то посчитает лишним включение Даниила Андреева. Но это же не законченный список всех русских гениев XX века, это герои, близкие и необходимые самому автору для понимания русскости, русского характера и русской культуры. Юрий Ключников видит не внешние проявления набожности, а внутреннюю суть своего героя, и потому Николай Островский с его подвижничеством — для него более русский, православный тип личности, нежели какой-нибудь лицемерный чинупа, нынче суетливо крестящийся в храме. Он видит героев в тех, кто ставит заслон развалу страны, развалу культуры. Для него: «Жив Христос в священнике, который снял рясу и возглавил развалившийся колхоз. В предпринимателе, который дал клятву никогда не торговать водкой и сигаретами. В писателе, режиссере, артисте, которые не допускают в свою работу низость ни под каким видом. В ученом, которого зовут в Америку, но он продолжает трудиться в России. В самом обывковенном человеке, не сдавшемся темным искушениям века...». Его Россия — это не Россия чиновников и держиморд, а Россия народная, Россия богоносная. Россия творческая. За что он и подвергался самым натуральным репрессиям в брежневские годы — в 1979 году был обвинен в богоискательстве, и после долгого административного разбирательства был уволен по идеологической статье из новосибирского издательства «Наука», где работал редактором. Весь его немалый опыт учителя, директора средней школы, радиокорреспондента, главного редактора Новосибирского областного радио и Западно-Сибирской кинохроники был властями презрительно перечеркнут. Ни о какой работе на идеологическом фронте не могло быть и речи. Впрочем, надо отдать должное, это Юрия Ключникова не сломало, работа в течение нескольких лет грузчиком была для него не менее почетна, чем любая преподавательская или журналистская работа, да и стихи писать талантливому поэту тяжелый физический труд никак не мешал. Скорее, наоборот:

*Время выкинуло коленце —
И причалил я в поздний час*

*С полуострова «интеллигенция»
К континенту «рабочий класс».*

Я в свое время в предисловии к сборнику «Годовые кольца» писал о поэтическом творчестве Юрия Михайловича: «Поэзия Юрия Ключникова — всегда моление о России. И чем трагичнее, драматичнее шла его жизнь, чем сильнее были гонения и репрессии со стороны властей, тем сокровеннее и преданнее звучали его стихи о родине, раздираемой противоречиями и раскалываемой междоусобицами. В России всегда было трудно поэтам воспевать Россию, еще труднее — молиться за неё.

*Россия, полумёртвый витязь,
Не раз поправивший смертью смерть,
Тебе завещано увидеть
Иные небеса и твердь.*

Его тревожные и порой трагичные стихи, его пейзажные лирические зарисовки и притчи, подчеркивающие давнюю связь поэта с Востоком, его любовные и сентиментальные сонеты, его романтические баллады, поэмы чему бы и кому бы ни были посвящены, всегда обращены к России...».

Вот и среди своих героев в новой книге он ищет не диссидентов или обласканных властями творцов, а прежде всего тех, кто всем своим творчеством, всей жизнью, подвигами своими обращен к России и к русскому народу. А любимец ли это властей Михаил Шолохов или гонимый Александр Солженицын — вторично, не существенно.

Юрий Михайлович Ключников несмотря на свой возраст и сейчас силен и духовно, и физически, поэтому меня радует, что он и на историю XX века, трагического и напряженного для России, смотрит как на страну сильных людей, сильного духа, сильной судьбы. Его книга «Лики русской культуры» — не о слабой, умирающей, вечно страдающей, а о сильной, несмотря на все беды и трагедии, великой стране и её великой культуре. Дочь Юрия Михайловича Марина Ключникова, журналист и писатель, пишет в статье о своем отце: «... В свои 75 лет он пишет зачастую по десять, а то и более, стихотворений в сутки — и так продолжается уже не одно десятилетие. И лирический поток только нарастает! Как такое возможно? Бог весть. Ну, кое-что объясняет тот факт, например, что в эти свои годы он отжимается 150 раз подряд — ежедневно, уже много лет подряд. Зимой часами гоняет на лыжах. Летом — ездит в горный Алтай, чтобы снова подняться на какую-нибудь из своих любимых вершин. Строец, подтянут и, по мнению друзей, похож на Дон Кихота — своего любимого героя. Да,

пожалуй, похож. С одной поправкой: этот рыцарь — не Печального образа, а Радостного. Мой отец — человек по-настоящему веселый. Главная тема его творчества — радость. Он часто повторяет любимую формулу — радость есть особая мудрость...».

В авторском вступлении к книге «Белый остров» (2000 г.) Юрий Ключников четко сформулировал свое творческое кредо: «Слишком долго Тонкий и Божественный миры трактовались как нечто, не имеющее отношение к повседневной жизни или же как предмет заботы церкви. Мало кто отваживался выходить к Богу напрямую, минуя посредников».

Поэтому он старается и в героях своих тоже найти сплав Божественного и земного. Собственно, это не просто герои, и духовные, литературные наставники поэта и писателя, благодаря которым он никогда не терял силы духа.

Не сравнивая по масштабу или по силе таланта автора книги с его героями, я откровенно вижу и общие, роднящие его с ними, черты.

Разве он не бывал так же одинок, как и Михайло Ломоносов, посреди толпы разъяренных врагов? Но — не уступал Ломоносов, не уступал и Юрий Ключников.

Разве он не вглядывался жадно в космос, подобно Константину Циолковскому? Конечно, как поэт, он видел нечто иное, чем мечтатель-технарь Циолковский, но оба живут с мечтой о русском Космосе всю свою жизнь.

Так же, как и Василий Шукшин, он, будучи прирожденным интеллигентом, знатоком французского языка и русской философии начала XX века, не чурался своего народа, мог жить и работать в самой его гуще, делить с ним общую судьбу.

Подобно Александру Блоку, он не боится никаких изменений в России, жадно прислушивается к новому, стараясь найти в грядущей жизни своего народа спасительные тенденции. И он мог бы сказать, как Блок:

*Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита...*

Для него, как и для Бориса Пастернака, две святыни были всегда неприкосновенны: Иисус Христос и Россия.

Я понимаю его восторг перед иконописными руками Сергея Рахманинова: эти руки творили Божественную музыку, простую и мистическую русскую музыку.

Он находил в себе силы, подобно Александру Солженицыну, отряхиваться от всех нападков на себя и на своё творчество, при этом не озлобляясь на мир, не кидаясь в объятия врагам России.

Как и Николай Островский, он никогда не боялся никакого самого черного труда и любых испытаний и никогда не отступался от своих принципов.

В Юрии Ключникове, несомненно, присутствуют черты русского подвижника, русского пассионария.

По сути, это книга о мистическом дыхании современной России, о выработке новых духовных идеалов в народе, прошедшем сквозь горнило страданий. И как бы ни растлевал дьявол дух и плоть современной России, её загадочная непостижимая улыбка героя, мудреца и ребёнка — и есть наше истинное противоядие против этого дьявольского морока и тлена. Он — не вечен, как ночная тень. Россия же — вечна.

Владимир Бондаренко
1 ноября 2009 года

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЯ

В сборник «Лики русской культуры» вошли эссе и статьи, написанные за последние 25 лет моим отцом — поэтом, философом, публицистом Юрием Михайловичем Ключниковым. Это только часть его богатого наследия, в котором только одних публицистических материалов хватило бы еще на два таких же тома. Какие-то из статей публиковались раньше в отечественных журналах, альманахах, газетах и в виде отдельных брошюр. В этот сборник все они вошли в существенно переработанном и дополненном виде. Другие же статьи публикуются впервые.

Мой отец известен в литературных кругах больше как поэт, творчество которого высоко оценено многими крупными писателями и критиками. Его публицистика не столь известна, но сама по себе она не менее интересна, нежели его стихи, а самое главное — многое объясняет в его творчестве и в литературных пристрастиях.

Эта книга выстроена как галерея человеческих и творческих портретов самых ярких и масштабных фигур русской культуры и истории от XVIII до XX столетия. Однако передо мной как перед составителем не стояла задача сделать из этого сборника классическую энциклопедию русской литературы и культуры, в которую вошли бы все выдающиеся её имена. Принцип отбора иной. Объединяющей идеей книги являются сами характеры героев, людей трудной, часто трагической судьбы, находящихся, как правило, в остром конфликте с эпохой. Герой каждой статьи — не просто представитель русской культуры, или истории, или науки. Это прежде всего действительно *герой* — человек, преданный идее служения России, отдавший этому служению весь свой талант, а порой и гениальный дар, и при этом — обладатель яркого характера, а с ним — и трудной судьбы. Это неизбежно приводит такого героя к разладу с веком: век всегда испытывает на прочность и его личное мужество, и силу духа, и творческую стойкость.

Вот эта линия судьбы, этот опыт противостояния давлению эпохи, при котором нужно не просто выжить, но и максимально реализоваться в творческом плане, сохраняя верность истине, на мой взгляд, крайне интересны и важны для каждого думающего человека в сегодняшнее трудное время. Впрочем, когда оно у России было легким? При этом каждый из героев этого сборника, пострадав, что называется, «за идею» от властей и режима, не обозлился, не впал в обиду, не стал диссидентом и врагом Государства Российского. Напротив, каждый из них сумел подняться над личными обидами и продолжал нести свой русский крест, служа стране, как бы жестоко она с ним ни поступила. Вот почему я и объединил под одной обложкой столь разные фигуры и судьбы. И хочу отметить, что именно такой была и остается судьба и самого автора книги — Юрия Ключникова.

Помимо работ, посвященных конкретным историческим фигурам, в книге есть два материала, как бы выбивающиеся из общего ряда, но внутренне принадлежащие к общей линии. Это мистический рассказ «Вернись в Сорренто», где лирический герой общается с неким таинственным духовным мастером, заставляющим вспомнить духовный опыт авторов «Добротолюбия», старцев Оптиной Пустыни, других мастеров «умного делания» и сообщаящим читателю множество интересных мыслей и сведений о будущем России и мира. Так случилось, что ряд читателей, познакомившись с рассказом в рукописи, спрашивали автора, происходили ли встречи с монахом в реальной жизни: слишком уж правдоподобен текст в житейских деталях. Ю. М. Ключников отвечал, что реальность мысли и чувства находится в одном ряду с действительностью, а порой даже превышает видимую её сторону. В автобиографической статье «Безмолвие и лики», завершающей сборник, Юрий Ключников, как бы отвечая на поставленный выше вопрос, описывает собственную тридцатилетнюю практику «умного делания» — опыт, позволивший ему не только выжить в трудных обстоятельствах жизни, но и пробудить в себе новый творческий потенциал. Этой последней статье автор придаёт особое значение, полагая, что практика «умного делания» и безмолвие, обретаемое в его результате, составляющие сокровенную духовную основу всей русской культуры, актуальны сегодня как никогда. Ибо, как считает автор, в наше кризисное апокалиптическое время они могут поднять дух России и её материальную мощь на невиданную доселе высоту.

Я верю, что современному читателю будет нужна и интересна эта книга, позволяющая увидеть и осмыслить многие известные отечественные имена не только как культурные феномены, но и как своеобразный «отряд особого назначения», состоящий из созидателей, воинов духа, служителей Русской Идеи и хранителей ее мистической сути.

Сергей Ключников

**Михаил Васильевич
ЛОМОНОСОВ
(1711 — 1765)**

* * *

*Пора закончить долгий спор с Европой,
дуэль рассудка с высотой души.
Нам главное — родного неба шёпот
и сказок наших древних миражи.*

*Мечта сильнее истины гниеня,
в ней проступают знаки новых вех.
Нас окружили крысы и гиены.
Ну, что ж, посмотрим, кто одержит верх.*

Одиночество гения

240 лет назад 4 апреля 1765 года в пять часов пополудни в возрасте 54 лет пресеклась земная жизнь Михаила Васильевича Ломоносова.

Когда известие о смерти дошло до Зимнего дворца, наследник престола, будущий император Павел I, откликнулся на это событие так: «Что о дураке жалеть, казну только разорил и ничего не сделал»

На похоронах «при огромной стечении народа», как писал один из современников, шедший в траурной процессии драматург Сумароков бросил пагавшему рядом с ним академику Штелину, будущему биографу Ломоносова: «Утомился дурак и не может больше шуметь». На что услышал в ответ: «Не советовал бы я вам сказать ему это при жизни»

Посетивший Ломоносова незадолго до его смерти тот же Яков Штелин услышал:

— Друг, я вижу, что должен умереть и спокойно и равнодушно смотрю на смерть, жалею только о том, что не смог я совершить всего того, что предпринимал для приращения наук и славы Академии, и теперь, при конце жизни моей, должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною.

28 февраля с трудом передвигавший изъязвленные болезнью ноги статский советник Ломоносов в последний раз посетил Академическую канцелярию ради судьбы «инструментального художества мастера» Филиппа Тирютина и три часа доказывал комиссии несправедливость увольнения высококлассного специалиста. Но сумел добиться для своего подчинённого лишь хорошего аттестационного свидетельства, как уволенного «по сокращению штатов».

В начале марта, чувствуя, что покидают последние силы, Ломоносов задумал ещё одну попытку защитить «сокращаемые штаты» и свои «намерения»

— он решил добиться аудиенции у Екатерины II и составил план предполагаемого разговора с императрицей. Вот что он писал за месяц до смерти.

- «1. Видеть государыню.
2. Показывать свои труды.
3. Может быть, понадоблюсь.
4. Беречь нечего. Всё открыто Шлецеру сумасбродному. В Российской библиотеке есть больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума, ни совести, рекомендованному от моих злодеев.
5. Приносил его высочеству дедикации (посвящения. — Ю. К.). Да всё! И места нет.
6. Нет нигде места и в чужих краях.
7. Все любят, да шумахерщина.
8. *Multa tacui, multa pertuli, multa concessi* *.
9. За то терплю, что стараюсь защитить труды Петра Великого, чтобы вылучились россияне, чтобы показали своё достоинство *pro aris etc* **.
10. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют.
11. Ежели не пресечёте, великая буря восстанет».

Комментируя эти наброски несостоявшегося разговора с новой императрицей, современный биограф М. В. Ломоносова Евгений Лебедев пишет: «Уже при беглом взгляде на этот документ видно, что Ломоносов ничего не собирался выпрашивать для себя лично (хотя и идёт разговор о «местах») Здесь жизнь со смертью борется. Здесь решаются судьбы новой русской культуры. Здесь дело идёт либо о приумножении достоинства, славы, знания великого народа, либо о полной потере всего этого, о культурной деградации и погружении в хаос. Ломоносов хотел прийти к Екатерине, чтобы напомнить, а не славословить императрицу и в гораздо большей степени спросить с неё, чем просить у неё. И предостеречь: «ежели не пресечёте, великая буря восстанет». Так с царями говорят пророки, а не просители и не прожектеры».

Но когда власть слушала пророков?

Предсмертное письмо Ломоносова — итог его долгих раздумий, его потрясающей воображение напряжённой творческой жизни. И борьбы. Борьбы с самим собой, с судьбой, с одиночеством, с властями и с врагами. С друзьями — тоже.

Борьба эта началась с малых лет.

* Много принял молча, многое снёс, во многом уступил (лат.)

** За алтари и т.д. (лат.).

В шесть лет выучился читать и писать у священнослужителя. Как сообщает первая биография М.В. Ломоносова, изданная в 1788 г.: «Читал обыкновенно одни только церковные книги. Через два года учинился ко удивлению всех лучшим чтецом в приходской церкви, нередко биван был не от сверстников по летам, но от сверстников по учению за то, что стыдил их превосходством своим перед ними произносить читаемое к месту, расстановочно, внятно, а притом и с одной приятностью и ломкостью в голосе».

Насчёт того, что «нередко биван был» это, скорее всего, гипербола — независимый и отважный подросток, с десяти лет ходивший с отцом в море, к четырнадцати годам мерялся силой с тридцатилетними поморами и побеждал их в перетягивании каната.

Всю последующую жизнь больше бил сам и побеждал в боях, хотя часто случалось и «бивание». Страстный, горевший неугасимым огнём любви к истине и к России, он был готов сокрушить всех, кто вставал на пути этой его любви. О трудном характере Ломоносова при жизни ходили легенды, «анекдоты», как тогда говорили. Биографию своего великого современника и друга Яков Штелин назвал сборником анекдотов.

Проявивший смолоду неукротимую жажду к наукам, он, согласно «анекдоту» Штелина, «долгое время питал в себе желание убежать (из дому)... Нетерпеливо ждал удобного случая. На семнадцатом году возраста своего оный открылся. Ночью, как все в доме отца его спали, надев две рубашки и нагольный тулуп, погнался за караваном вслед, не позабыв взять с собой любезных своих книг». Эти сведения биографа противоречат другим, более надёжным. Сохранилась запись в холмогорских архивах, что уехал Михайла с согласия отца и получив «пашпорт»».

Легендами окружена также история получения Ломоносовым образования. В славяно-греко-латинскую академию он поступил, согласно слухам, назвавшись дворянским сыном. По другим сведениям за него ходатайствовал Леонтий Магницкий, которого он поразил тем, что знал наизусть его «Арифметику». Сам Михаил Васильевич полагал, что его вело по жизни и всегда выручало Провидение.

За границу он попал по счастливому стечению обстоятельств. Императорская Академия искала за границей специалистов по «рудному делу». Марбургский профессор Вольф, к которому русский посол обратился за помощью, долго разыскивал таковых в Германии и не нашёл, специалисты либо заламывали непомерные контрактные суммы, либо отказывались ехать в Россию из-за «варварства оной». Поэтому Вольф посоветовал русской Академии прислать

к нему студентов для обучения. Так Ломоносов оказался в Марбурге, а потом проехал ещё по ряду городов Германии и Голландии.

Отчёты, которое русское посольство направляло в Петербург, свидетельствуют, что студенты, и Ломоносов в их числе, вели за границей бурную жизнь, наделав кучу долгов. Дело понятное, молодое, Ломоносов при всём его прилежании к учению, не мог не поддаться общей обстановке, царившей в ту пору в немецких университетах. Вот что писал современник о студенческом празднике в Марбурге: «В зале обедало около пятисот человек; господа студенты веселились вдоволь, но не произошло ни малейшего несчастья, ни даже беспорядка. За исключением того, что все стаканы, бутылки, столы, скамьи и окна были разбиты вдребезги». Оговорка «не произошло ни малейшего несчастья» не случайна потому, что в харчевнях Марбурга часто случались пьяные студенческие драки и дуэли.

Не обошли стороной Ломоносова и дела амурные. Двадцатипятилетний здоровяк, писавший о себе: «...обучаясь, имел со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодолимую силу имели», увлекся дочерью марбургского пивовара Екатериной-Елизаветой Цильх. Струны его «одической» лиры зазвенели так, как ни звенели никогда до и после того.

*Хвалить хочу Атрид,
Хочу о Кадме петь,
А гуслей тон моих
Звенит одну любовь
Стянул на новый лад
Недавно струны все,
Запел Алцидов труд,
Но лиры тон моей
Поёт одну любовь.
Прощайте ж ныне, вожди,
Понеже лиры тон
Звенит одну любовь.*

Роман закончился венчанием, невеста приняла православие. Основательный, надёжный во всех своих поступках, Ломоносов на время покинул жену, дабы завершить образование в других городах Европы, но, возвратившись в Петербург, вызвал впоследствии супругу в Россию вместе со всем её немецким семейством.

Молодой Ломоносов, как уже говорилось, был слишком ответственным человеком, чтобы уступить соблазнам, «отвращающим от наук», в том числе и делам семейным. Несмотря на бурный образ жизни, он никогда не забывал, зачем поехал за границу, обычные студенческие забавы он усердно совмещал с изучением «рудных дел», физики, химии, европейских языков, в «коих преуспел весьма». Характерны его отношения с ныне забытым, а в ту пору слывшим крупным специалистом горного дела, неким Генкелем. С первых дней пребывания у этого специалиста Ломоносов обнаружил его малую компетентность в горной науке. Пошли конфликты. Несдержанный и прямой россиянин грубил своему наставнику, а тот попытался поставить его на место различными воспитательными мерами и однажды поручил работу по «растирке» сулемы, которую Ломоносов счёл унижительной для себя. Строптивый ученик обругал учителя и вскоре от него ушёл. А в отчёте в Санкт-Петербург написал: «Сего господина могут почитать идолом только те, которые коротко его не знают. Я же не хотел бы променять на него свои, хотя и малые, но основательные знания, и не вижу причины, почему мне его почитать своею путеводною звездой и единственным спасением. Самые обыкновенные процессы, о которых почти во всех химических книжках говорится, он держит в секрете и сообщает неохотно. Естественную историю нельзя выучить в кабинете г. Генкеля, из его шкапов и ящичков, нужно самому в разных рудниках побывать».

Ещё некоторое время колесит Ломоносов по научным учреждениям Германии и Голландии и возвращается в Россию не только «многоучёным мужем», но и «укреплённым» сыном отечества. С ним произошла та же история, что позже случилась с Ф. И. Тютчевым, С. В. Рахманиновым, И. А. Буниным, Н. К. Рерихом, — многолетние скитания по чужбинам лишь укрепили мощные русские корни.

В 1741 г. Михайло Ломоносов появляется в Петербурге, где ему было обещано до отъезда на учёбу, если он и прочие посланные в Германию студенты «в пройденных науках совершенны будут, пробы своего искусства покажут и о том надлежащее свидетельство получат», то будут «в профессора экстраординарные удостоены». Честь «удостоения» во многом зависела от негласного главы Академии Шумахера. У Шумахера, который не представлял в научном мире никакой значимой величины, были свои виды на Ломоносова.

Зная из заграничных отчётов об успехах молодого учёного, о его буйном нраве, а также имея на него компромат из писем Генкеля, он рассчитывал использовать Михаила Васильевича, как таранную силу в борьбе со своими противниками. Однако всё вышло с точностью «до наоборот». Как свидетельствуют те же

«анекдоты» Штелина, облепивших русскую Академию сторонников Шумахера и его самого Ломоносов называл «сукиными сынами» и «мошенниками». Однажды явился в Академию в подпитии и показал профессору Винштейму «крайне поносный знак из пальцев и крикнул: «Я календарь сам сочинию не хуже тебя!». А когда оторопевший профессор стал что-то бормотать о жалобе на грубое поведение Ломоносова, предупредил: «Пикнешь, все зубы поправлю». По поводу этого инцидента «учинили» комиссию, на которой Ломоносов опять же сорвался, «кричал неучтиво и смеялся», за что в конце концов угодил под арест.

Анекдот анекдотом, но Ломоносова доводила до бешенства безбрежная «шумахерщина». И в гроб его раньше времени загнала именно она.

О борьбе великого учёного с засильем иностранцев в русской Академии наук сказано немало. В советское время, особенно в ту пору, когда всюду подчёркивались русские приоритеты в научных открытиях, акцент ставился именно на том, что Ломоносов отстаивал национальные интересы русской науки. В «демократическую» эпоху о самобытных национальных приоритетах России, так же, как о национальности представителей западного лобби, в ней стало говорить «неприлично».

Кто же такой Иоганн Даниил Шумахер — отец шумахерщины?

Он был один из многих приехавших в Россию на «ловлю счастья и чинов», как писал позднее Лермонтов. В петровскую эпоху сподвижниками великого государя были многие замечательные чужестранцы, но вместе с ними в Петербурге осело немало проходимцев.

Шумахер, длительное время состоявший негласным главой русской Академии при её номинальных президентах, был приглашён в Петербург из Страсбурга в 1714 году, как магистр богословия. Он сумел войти в доверие Петру через императорского лейб-медика Арескина и по его протекции сделал быструю карьеру. Свою магистерскую научную деятельность в Академии быстро оставил, сделавшись «мессиром» по части интриг и травли тех, кто мешал его карьерному росту. А с окончанием героической эпохи Петра I чиновный Петербург такие возможности Шумахеру предоставил широко. Он руководил в Академии финансовыми делами и, умело манипулируя немалыми денежными суммами, выделяемыми двором на науку, а также регулируя жалования профессоров, вёл дело таким образом, чтобы вынудить строптивых учёных подать в отставку, с другой стороны — чтобы обогатиться лично. Также он был великим мастером по стравливанию учёных между собой. При нём ушли из Академии, не выдержав академических склок, Эйлер, Бернулли, Жозеф Делиль, Готлиб Байер и другие европейские светила, приглашённые Петром. И споткнулся на Ломоносове, которого вначале тоже попытался использовать в личных целях.

Позднее горько сожалел: «Я великую прошибку сделал, что допустил Ломоносова в профессора».

Ломоносов вёл борьбу с этим Яго и Сальери от науки в одном лице на пределе сил. Потому что Шумахер за всю свою околонучную деятельность не написал не то что книги — строчки. Всю свою энергию он тратил на доносы, интриги, подкопы. Ломоносову же, которому, по словам Пушкина, потомки благодарны за то, что он «...создал первый университет, а лучше сказать, был сам первым нашим университетом», приходилось сражаться одновременно на многих фронтах. Он выигрывал и здесь. Он сумел, можно сказать, в одиночку добиться отстранения Шумахера от должности за денежные махинации. Но на смену одному лихоимцу пришёл другой — зять Шумахера Тауберг, и борьба с «шумахерщиной» в Академии возобновилась. Тауберг заявил как-то: «Нам не надобно десяти Ломоносовых, нам и один в тяготу».

Ломоносов умел побеждать не только врагов, но и себя. После той мальчишеской выходки, когда он показал академику Винштейму крайне «поносный знак» и обещал «зубы поправить», после отсидки под арестом, от него потребовали покаяния и извинений. Он это сделал и вёл дальнейшую борьбу более осмотрительно, хорошо понимая, что враги провоцировали его на хулиганство. Отправляясь в дальнейшем на жизненные сражения, никогда не забывал, что «славнейшую победу получает тот, кто себя побеждает».

Может быть, не стоило уделять всему вышесказанному столько внимания через 240 лет, если бы русская история не имела обыкновение повторяться. Поэтому пример Ломоносова, победно утверждавшего приоритеты русской мысли, воплощавшего их в жизнь и вместе с тем умевшего защитить себя в разного рода административных боях, вдохновляет.

Он воевал не с иноземцами. Он воевал с иноземщиной, с той низостью, которая сопровождала с петровских времен европеизацию России, тем более что среди его европейских коллег были люди, перед которыми он преклонялся. Это уже упомянутый Эйлер, а также Рихман, Вольф. Ломоносов же продолжал славные традиции петровской России, которая прорубила окно в Европу не для того, чтобы дублировать цивилизованную соседку, но чтобы, взяв у Европы всё достойное усвоения, затем, как говорил царь Пётр, повернуться к ней задом. В этом грубом образе проглядывало отнюдь не лицемерие, не тайный маккиавелевский план. Широко вводя в русскую жизнь европейские нормы жизни, Пётр, во-первых, никогда не скрывал национальные интересы России, а, во-вторых, во всеулышание заявлял, что у русского орла две головы, одна смотрит на Запад, другая — на Восток. В этом, как и во многом другом, Ломоносов наследовал устремления первого русского императора.

В новосибирском Академгородке на видном месте помещено широко цитируемое изречение Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью». Обрублено непонятое до самого последнего времени окончание ломоносовской фразы: «и Северным Ледовитым океаном». Смысл становится понятным только сейчас, когда происходит потепление климата и по прогнозам многих учёных предстоит таяние полярных шапок. Оно грозит загоплением многим континентам, а для России в будущем прирастёт могуществом. В точном соответствии с целом рядом пророчеств о превращении обширных и безлюдных ныне мерзлотных зон нашей страны в земли с субтропическим климатом. Кроме того, последние научные открытия свидетельствуют о несметных ресурсах полезных ископаемых, которые хранит подо льдами наша арктическая прародина. Да, Ломоносов был одновременно и ярчайшим романтиком и великим прагматиком своего времени. Он разрабатывал проект продвижения российских судов из родных ему архангельских краев через Северный Ледовитый и Тихий океаны в... Индию. Зачем душа его рвалась в эту страну? Может быть, «западное» одиночество России обретет надёжных союзников там? Истины, высказанные гениями, не всегда при жизни расшифровываются ими, эти истины получают своё осмысление много позже.

Он ратовал за развитие в Российской Академии «ориентального отдела», да «и целой Ориентальной академии быть бы полезно». Драгоценные ломоносовские мысли, которые потом не только проросли в очевидности, но и нуждаются в «приращении» сегодня.

«На каждом шагу в его творениях перед нами встают в поражающей нас старомодной оболочке факты, идеи и обобщения, чуждые XVIII столетию, вновь понятые, открытые и признанные в XIX и XX вв.», — писал о Ломоносове другой русский гений В. И. Вернадский.

«Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в культурной истории человечества... Часто встречающееся сопоставление Ломоносова с Леонардо да Винчи и Гёте правильно, и оправдывается не механическим многообразием видов культурной работы, а глубоким слиянием в одной личности художественно-исторических и научных интересов и задатков» (С. И. Вавилов).

«Деятельность Ломоносова — целая эпоха в истории отечественной и мировой науки» (М. В. Келдыш).

А вот оценка людьми из другого «цепа».

«С Ломоносова начинается наша литература. Он был её отцом и пестуном, он был её Петром Великим» (В. Г. Белинский).

«Его поэзия — начинающийся рассвет» (Н. В. Гоголь).

Пушкин восторгался личностью Ломоносова и подобно Белинскому равнял его с Петром I: «Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник...».

Много размышлял над феноменом Ломоносова Ф. И. Тютчев, близкий по жизненным позициям великому Михайле и подобно ему страстно отстаивавший интересы России на дипломатической ниве.

Тютчеву принадлежали стихи, словно списанные с натуры Ломоносова.

*Природа — Сфинкс. И чем она верней
Своим искусом губит человека,
Тем, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.*

Обозрение всего сделанного Ломоносовым, действительно приводит «в содрогательное удивление». Когда вчитываешься в его научные труды, в его стихи, заметки, письма, наброски, приходишь к мысли, что, в сущности, Ломоносов — это и есть русский природный Сфинкс. Только без загадки. Настолько чудо его гениальности, его «всемирной отзывчивости», как было сказано о другом русском гении, его всеприсутствие в нашей культуре естественно. «Будьте, как дети», заповедал Иисус Христос. Таким гениальным ребёнком был всю жизнь Ломоносов, не уставая задавать вопросы природе и людям. Докопаться до корня, найти ответ на любой вставший вопрос было его сутью. Неудивительно раздражение специалистов — академиков, почему штатный профессор химии берется «не за свои дела». А он слишком часто брался за любые дела со всей страстью, мог обругать каждого, кто мешал его занятиям. И заслужил от академической братии прозвище «бешеного мужика». Даже ломоносовские покровители и доброжелатели, восхищаясь его неуёмностью, были озадачены, когда речь шла о взаимоотношениях учёного с высочайшими особами. Граф Иван Иванович Шувалов, который часто бывал посредником в конфликтах Ломоносова с Академией наук, с одной стороны, и императрицей Елизаветой Петровной — с другой, однажды пожурил своего подопечного за излишнюю широту интересов, мешавшую, мол, закончить вовремя работу над «Древней российской историей», заказанной самой Елизаветой Петровной. Ответ Ломоносова меценату чрезвычайно любопытен.

«Что до других моих, в физике и химии, упражнений касается, чтобы их покинуть вовсе, то нет в том нужды, ниже возможности. Всяк человек требует себе от трудов успокоения: для того, оставив настоящее дело, ищет

себе с гостями или с домашними препровождения времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачным дымом, от чего я уже давно отказался, затем что не нашёл в них ничего, кроме скуки. Итак, уповаю, что и мне на успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение Российской истории и на украшение русского слова полагаю, позволено будет употребить на физические и на химические опыты, которые мне не токмо отменою материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют; а сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли перьвой».

Он не побоялся, что фаворит Елизаветы Петровны Шувалов мог показать письмо самой императрице, которой до того написал несколько хвалебных од. Но что это были за оды! Они славили победы русского оружия над Турцией и Пруссией, они воздавали хвалу царице за покровительство наукам. Он, как и Пушкин, имел полное основание сказать о себе: «Нет, я не льстец...».

К его врожденным качествам любви к истине и любви к отечеству можно присоединить и третье — неудержимое стремление к независимости личной и национальной. Эти три кита — камень ломоносовского основания.

Будучи одиночкой, человеком, далеко опередившим своё время, он не кичился своим одиночеством, но тяготился им, жаждал друзей, заботился о людях, с которыми его сводила судьба. Много помог землякам-архангельцам, выведя целый ряд из них из «подлого» сословия «в люди». Таков, например, известный скульптор Федор Шубин, который по протекции Ломоносова закончил Академию художеств и стал, кстати сказать, автором самого знаменитого ломоносовского скульптурного изображения.

Много сил положил, чтобы исхлопотать достойную пенсию «иноземцу» Рихману, убитому молнией в России при экспериментах с воздушным электричеством (работал для пользы отечеству).

Но настоящих друзей у него не было. Во всём он походил на свою страну, о которой много позже император Александр III однажды обмолвился: «У России нет друзей и союзников, нашей огромности боятся». Не только пугал, но также вызывал насмешки необъятностью своих интересов. А ещё тем, что мог прилюдно снять парик и утереть им потное лицо, владея притом тридцатью языками, добрую половину которых составляли европейские.

На Западе Ломоносова при жизни либо не знали, либо старались не замечать. Известный французский историк науки Ф. Гефер писал в 1860 г.: «Среди русских химиков, которые стали известными, мы упомянем Михаила Ломоносова, которого не надо смешивать с поэтом того времени».

Да и в России подлинное признание Михаил Васильевич получил, по существу, лишь в советскую пору. Но тогда это признание носило, как правило, политизированные формы. Подчеркивалось мужицкое происхождение учёного из самых «низов», хотя Ломоносов происходил из зажиточной, а самое главное, вольной крестьянской семьи. Его отец Василий Дорофеевич владел пахотной землёй, рыбными промыслами на побережье Белого моря, а также несколькими судами, одно из которых имело длину 50 метров и грузоподъёмность 5400 пудов. По тем временам подобные «галиоты» в частном владении были редкостью. «Всегда в том рыбном промысле имел счастье, — сообщает та же первая Ломоносовская печатная биография, — а собой был простосовестен и к сиротам податлив, а с соседями обходителен». Правда, Василий Дорофеевич не владел грамотой, но зато грамотной была мать Михайлы, Елена Ивановна Сивкова, дочь дьякона, которая и приохотила сына к учению.

В советской научной литературе (в «либеральной» Ломоносова почти не упоминают) нередко встречалось суждение, что по своим философским взглядам он был деистом и что его взгляды на взаимоотношение Бога с природой и человеческим обществом сформировались под влиянием немецких и французских философов. Странное утверждение. Если в нём есть доля истины, то она лишь в констатации неукротимой «пассионарности» Ломоносова, в его бунтарской независимости, когда он и у Бога «в дураках» ходить не хочет. В точности это его высказывание звучит полностью так: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет».

Деизм, как невмешательство Бога в людские дела после того, как Он дал миру первотолчок, был характерен для западной мысли XVIII века. Это был переходный период, когда Запад шаг за шагом освобождался от средневековых религиозных взглядов и перешёл полностью в XX веке к религии денег. Россия тоже постепенно ослабляла свои связи с церковью, а в советское время официально декларировала разрыв. Но у нас на смену церковной религии пришла религия коммунистических идеалов и вождей, ведущих страну в «светлое будущее». При всей жестокой наивности нашего антирелигиозного эксперимента высокие религиозные идеалы в значительной степени остались. Даже моральный кодекс строителей коммунизма списан, по существу, с заповедей Иисуса Христа.

Это чрезвычайно важно учитывать при изучении развития русской мысли, как и то, что философия в форме создания неких умозрительных систем, наподобие кантовской или гегелевской, чужда русской традиции. Тем не менее,

Толстой и Достоевский, будучи общепризнанными мировыми величинами в художественной литературе, по глубине проникновения в онтологические проблемы бытия не уступают тем же Канту и Гегелю.

Сказанное относится и к Ломоносову. Его весьма оригинальные и в то же время по-детски мудрые философские взгляды вплетены в ткань его стихотворений, в научные труды и письма. И попытки приписать ему философский деизм не могут вызвать ничего, кроме недоумения. Он был православным христианином до глубины души. Для этого достаточно даже бегло познакомиться с духовными одами Ломоносова, почитать его стихотворные переложения библейских псалмов. Всюду в них страстная, незыблемая вера в Творца и такая же пламенная готовность выполнить Его предначертания.

*Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с тобою населяет
Верх священный горних мест?
Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нелестным сердцем точно,
Как устами говорит.
Кто языком льстит не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.
Презирает всех лукавых,
Хвалит Вышнего рабов
И пред Ним душою правых
Держится присяжных слов.
В лихву * дать серебро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тищится,
Тот вовеки не падет.*

Это вольное переложение 26-го псалма из Псалтири. Но сколько же собственного чувства вложил в стихи поэт! Другое дело, что во всей своей жизни и в творчестве Ломоносов всегда стремился войти в личное взаимодействие с Всевышним, минуя посредников. Оттого у него нередки разночтения с церковным пониманием Бога. Евангельскую фразу Христа «В доме Отца Моего

обитателей много» он понимал точно так же, как и Джордано Бруно: звёздное небо всюду обитаемо.

*Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна...
Для вящей славы божества
Там равна сила естества.*

Открывший атмосферу на Венере, Ломоносов естественно предположил присутствие на ней людей и со свойственной ему непосредственностью и парадоксальностью рассуждал так: «Ежели на планетах есть живущие там люди, то какой они веры? Крещены ли они в веру Христову? Ежели кто про то знать или обратиться в нашу веру хочет, тот пусть по евангельскому слову туда пойдёт. И как свою проповедь кончит, то после пусть едет на Венеру. Только бы труд его там не был напрасен. Может, тамошние люди в Адаме не согрешили»

Понятно, что подобными пассажами Ломоносов лишь умножал себе число врагов, не только в научной, но и в церковной среде. Но, как говорится, Платон мне друг...

Своими натурфилософскими воззрениями Ломоносов заложил основы русского космизма, который позднее мощным потоком влился в мировую мысль трудами Федорова, отцов Флоренского и Булгакова, Циолковского, Чижевского, Вернадского, Блаватской, Рериха.

Вера в Творца соединялась у Ломоносова с непреклонной верой в самого себя, в своё предназначение, которое он понимал как служение Воле Всевышнего, России и людям. Вот уж кто в самом деле знал, что «царство Божие внутри нас есть». Он писал об этом в стихах.

*В терпении моем, Зиждитель,
Ты был от самых юных дней
Помощник мой и Покровитель,
Пристанище души моей.
От чрева матерня тобою
И от утробы укреплен,
Тебя превозношу хвалою,
Усердием к Тебе возжжен.
Враги мои чудясь смеются,
Что я кругом объят бедой,*

*Однако мысли не мятутся,
Когда Господь — Заступник мой.*

И в прозе: «Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания... от Всемогущего, который не лишил меня дарования, ...дал терпение, и благородную упрямку, и смелость к преодолению всех препятствий и к распространению наук в отечестве, что для меня всего в жизни дороже».

Понятно, почему одиночество такого человека было согрето неугасимым внутренним огнём, почему умирать ему было не страшно.

Понятно и умонастроение сегодняшней страны, потерявшей идеологическую опору и ищущей её снова в традиционных православных ценностях. С тяжёлым сердцем можно понять, но никак не принять позицию иных академиков и даже руководителей РАН, стремящихся найти эти ценности не столько у Ломоносова, сколько у властных чиновников, по сути участвовавших в разрушении страны и её научного потенциала. Продолжатели дела Шумахера неуничтожимы всюду: в науке, искусстве, политике и в церковных делах тоже.

В 1761 году в Записке «О сохранении и приращении русского народа» Ломоносов писал: «Ежели надлежащим образом духовенство свою должность исполнять будет, то благосостояние общества несравненно и паче чаяния возвысится, затем что, когда добрые нравы в народе чрез учинение страха (Божия) усилятся, меньше будет преступлений, меньше челобитья, меньше ябедников, меньше затруднения в судах и меньше законов. Хорошо давать законы, *ежели их исполнять есть кому*» (выделено мной. — Ю. К.). Много в Записке устарело, многое выглядит наивным, но поражает общий тон её, по-отечески заботливый и бесстрашный, Ломоносов не боится пойти наперекор многовековым установлениям, он бросает вызов и самой православной церкви.

И опять же делает это не ради философского вольномыслия, не ради абстрактного фрондёрства, но руководствуясь исключительно интересами «народной пользы». Так, например, говоря о «великой» детской смертности в России в самом малом возрасте, Ломоносов видит одну из причин в холодной воде, которой крестят детей: «Попы не токмо деревенские, но и городские крестят младенцев в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная без примешения, и вменяют теплоту за примешанную материю... Однако невеждам-попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водой летней, затем что холодная испещрешему из теплой матерней утробы младенцу, конечно, вредна...».

Другую причину «умаления» великого народа Ломоносов усматривает в несвоевременности великого поста, когда человек терпел сначала недоедание, а потом неумеренно разговлялся зимой при авитаминозе. И вполне рассудительно заключал, что обычаи, перенесённые из православных стран южных, «негожи» для северной России. Синод, разумеется, видел в таких писаниях учёного «дерзость» и «сумнительство».

В Записке есть предложения, касающиеся чрезмерного «утеснения» крестьян, пьянства, разбоев, бегства людей из России, то есть всего того, что в наших нынешних «демократических» условиях, при новой расстановке сил и укоренившемся безверии тяжким молотом обрушилось на головы простых русских людей. Кое что из современных реалий великий учёный не мог, разумеется, видеть даже в страшном сне.

Записка «О сохранении и приращении русского народа» при жизни Ломоносова не была опубликована, с купюрами её печатали и в последующие века. Сегодня идеи этой Записки озвучил А. И. Солженицын, несправедливо приписав их графу Шувалову. Так что мы и поныне в долгу перед Ломоносовым, который заботился о том, чтобы нас было больше ещё в ту эпоху, когда угроза русской демографии только намечалась.

Он остро чувствовал собственное назначение, незримую пуповину свою, связующую его с Творцом и с Россией одновременно. Подобно Пушкину (или Пушкин, подобно Ломоносову, время не играет в таких случаях существенной роли) он знал, что является оглашателем воли Божьей, что обязан «обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей».

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет из стран чужих.
О ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

План несостоявшегося разговора с Екатериной II, который приведен в начале наших заметок, был завещанием и напутствием Ломоносова потомкам.

Каждый пункт дышит заботой о России, горечью и надеждой, каждое слово животрепещет сегодня.

В замечательной книге о Ломоносове, вышедшей в 1990 г. и принадлежащей перу современного писателя-патриота Евгения Лебедева, говорится: «Всё в плане более или менее ясно. А вот пятый и шестой пункты достаточно туманны. С “дедикациями” понятно: это посвящения великому князю Павлу Петровичу “Российской грамматики” и “Краткого описания разных путешествий по Северным морям”. Но каким образом “дедикации” могут быть связаны с “местом”? Что это за “место”? Почему вдруг Ломоносов заговорил о “месте” в “чужих краях”? Очевидно, “место”, о котором говорится в пятом пункте, это место вице-президента Академии. Что же касается пункта шестого, то его комментаторы обходят молчанием. Едва ли Ломоносов говорит в нём о намерении поискать места «в чужих краях» (очевидно, именно такой смысл ломоносовского текста смущает комментаторов, и они молчат). Здесь другое: Ломоносов собирался обрисовать Екатерине безвыходность своего положения в Академии, исходя именно из принципиальной невозможности и нежелательности для себя выехать в “чужие края”, — в отличие от академиков-иностранцев, которые всегда могли вернуться к себе в Берн, Тюбингем, Геттинген и ещё невесть куда. Подавляющее большинство научных замыслов и начинаний Ломоносова было направлено на пользу России и вызвано потребностями собственно русского культурного развития — так что он со своей культурно-просветительской программой пришёл бы не ко двору в любой западноевропейской академии. А в родной Академии реализовать эту программу не дают чиновники-иностранцы. Для русского учёного её стены превращены в тюрьму.

Теперь становятся в полной мере понятными его слова: “Все любят, да шумахерщина”. Внешние знаки внимания, оказываемые Ломоносову, в создавшейся ситуации даже досадны ему. Он пережил своё честолюбие. Покуда процветает “шумахерщина” — злейший личный враг Ломоносова, — представляющий исключительную и мало кем учитываемую опасность для Русского государства, не будет ему покоя.

“Шумахерщина” и является главной темой предполагаемой беседы. Именно на её фоне мощно звучит в заметках Ломоносова и личный мотив (пункты 8, 9, 10), не требующий разъяснения. За исключением, может быть, начала второй латинской фразы. Так же, как и первая, она взята из Цицерона. Полностью фраза выглядит так: *Pro aris et focis certamen*, то есть “Борьба за алтари и домашние очаги”. Тут содержится самобытная и глубокая, как ни у кого из современников Ломоносова, оценка деятельности Петра, её исторического смысла и культурных последствий: вот ради чего борьба! Россия, только что

пережившая бурное время петровских преобразований, менее всего должна испытывать чувство “неполноценности” перед Западной Европой. Учиться у Запада, безусловно, необходимо. Но учиться, полагаясь на свой разум, на свои ресурсы, учитывая насущные потребности и внутреннюю логику своего развития. Только такое ученье могло быть плодотворным, ибо и сама Россия несла с собой уникальные ценности в сокровищницу мировой культуры.

Нравственная (и одновременно государственная) задача, которую ставит Ломоносов, заключается, следовательно, в том, чтобы сделать эту “борьбу за алтари и домашние очаги”, за “достоинство россиян” краеугольным камнем всей русской политики, что будет невозможно, если эта “борьба” не станет личной потребностью императрицы. Тауберг (наследник Шумахера. — Ю. К.) и его “креатуры” протянули свои цепкие руки к чему-то неизмеримо большему, нежели русская наука или русская казна...

“Ежели не пресечёте, великая буря восстанет”. Конец цитаты.

Он прорвал своё одиночество после смерти. Время показало, насколько дальноразор оказался Ломоносов в своих пророчествах. И не только негативного порядка. Пункт десятый комментированных заметок «обо мне дети отечества пожалеют» воплотился в трудах Пушкина, в пафосе его «Бородинской годовщины» и «Клеветникам России», в литературной и дипломатической деятельности Тютчева, который, подобно Ломоносову воевал с Шумахером своего времени — министром иностранных дел Нессельроде. Научную и патриотическую линию Ломоносова продолжал Менделеев. В иных условиях, когда «великая буря» уже прошла над Россией, первородство Родины отстаивал перед новоявленными шумахерами Сергей Есенин. И теперь, когда новая «либерально-рыночная» гроза, организованная теми же таубергами и шумахерами, стусилась над Россией, дело Ломоносова продолжают в литературе Валентин Распутин, Василий Белов, Станислав Куняев, Александр Проханов, Александр Зиновьев, Игорь Шафаревич; в науке — целый ряд учёных, не покинувших родину в поисках, где «лучше кормят»; уцелевшие от «либеральных» погромов патриоты — в политике и тысячи других сынов России на всём её урезанном, но всё ещё великом пространстве. Время покажет, сумеют ли эти люди, как и мы вместе с ними — все, кого можно назвать одним словом — «государственники», отстоять Государство Российское от новых напастей.

Эти напасти в форме политических, экономических, моральных катастроф, а также в виде очистительных природных гроз, предсказанных Библией и другими религиозными источниками, хлынули не только на Россию, они угрожают всей планете. Возвращаются времена, когда наука не конфликтовала

с религией, но совместно исследовали коренные проблемы бытия. В этой связи полезно вспомнить слова великого древнего грека, «быстрого разумом» и глубоко верующего Плотина, последователя Платона: «Если есть безоружные, хорошо вооружённые их побивают. Не дело Бога сражаться вместо тех, кто не хочет драться. Закон таков, что на войне спасает храбрость, а не молитва. Чтобы получить урожай, надо не молиться, а возделывать почву, и если пренебрегаешь здоровьем, будешь болеть... Если злые люди стоят у власти, то это из-за трусости их подданных, и обратное было бы несправедливо».

Под каждым словом древнего язычника мог бы всей своей жизнью подписаться истинно православный христианин Михаил Васильевич Ломоносов.

Русский дух

*Часто слышим чей-то писк мышиний,
что на нём квасной любви печать.
Кровь не квас, и сердце не машина,
чтобы нефть за доллары качать.*

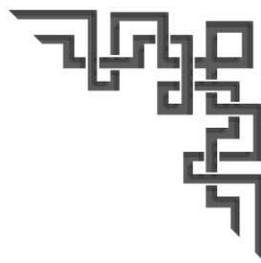
*Если же захочешь разобраться,
что за дух кипит у нас в крови,
знай, что дышит он тоской по братству,
пахнет грустью по святой любви.*

*Злом за зло врагам мы не платили,
спину не седлали никому,
рыбу не ловили в мутном иле
на потребу хитрому уму.*

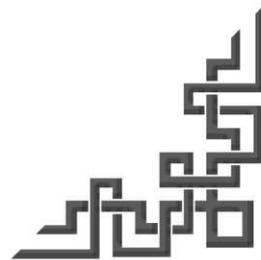
*Духу русских все на свете знаки
ведомы, когда в них свет зари.
Брата принимаем в Пастернаке,
в Че Геваре, в Сент-Экзюпери.*

*Он один среди иных, быть может,
верит, что Светильник не потух.
Свет зари грядущей чует кожей
то, что называем «Русский Дух».*

29 августа 2005 г.

Александр Сергеевич
ПУШКИН
(1799 — 1837)

* * *

Говорят, что две тыщи девятый
Нам все переменит,
Что поднимет Россию с колен,
Только чуть подожди.
Улыбается Пушкин,
Два века он наш современник,
Он не верит тому,
Что пророчат волхвы и вожди.
Улыбается Пушкин, он знает,
Что счастье, как пряник
Или куклу ребёнку,
Никто не положит в наш дом,
Что пока мы сердца
Не очистим от всяческой дряни,
Всё закончится прахом,
Разборками или костром.
Улыбается Пушкин,
Химер не оставив для рабства
И свободу воспев
В первозданной её чистоте,
Ту, к которой мы можем
Лишь в духе и в тайне прорваться,
Потому что иной
Не бывает свободы нигде.
Улыбается Пушкин
Гармонии освобожденья,
Даже боги летят
На её ослепительный свет.
Потому что она,
Как всемирный закон тяготенья,
Управляет Вселенной,
А значит, пределов ей нет.

МИСТИЧЕСКИЙ ПУШКИН

С развитием русской литературы (и не только литературы, и не только русской) всё ярче высвечивается фигура самого, может быть, загадочного гения России — Пушкина. Почему загадочного? Потому ли, что он писал, как пел?

*Шипенье пенистых бокалов
И пуниа пламень голубой...*

Но звукопись куда более изощренную мы можем встретить у Бальмонта или у Кузмина.

Глубина мысли? Но таковая больше отличает Достоевского.

Жизнь? Но она ярче и насыщеннее у Толстого.

И тем не менее никто из русских литераторов не вызывает такого всеобщего почитания, почти обожествления, как Пушкин.

Даже мало кого уважавший из собратьев по перу, заносчивый Маяковский, пытавшийся снисходительно похлопать по плечу бронзового Пушкина на Тверском бульваре, даже он не удержался от восхищения, цитируя мастерские строки из «Онегина»:

*Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.*

Так в чем же тайна пушкинского магнита?

Мне думается, в светоносном зерне гармонии, которым жила, светилась, дышала натура поэта и все, что выходило из-под его руки. Он назвал Моцарта

сыном гармонии, но то же самое он мог бы сказать о себе. Кто заронил в него это сияющее зерно? Семья поэта и её окружение были, конечно, весьма интеллигентными, но никто из родственников и окружающих Пушкина людей не отважился бы на включение в духовную родословную поэта. Да и сам он не стал прямым духовным отцом для последующих литераторов, очень уж особняком съехал с квартиры на Мойке на Святые горы в гробу и в таком же одиночестве бронзовым памятником отправился на Тверской бульвар. Мало прольют света на сущность пушкинского гения и разного рода генетические теории. Ну, кто поверит, чтобы столь гармоничный человек мог появиться в результате мутационного генетического взрыва? Остается Провидение. Но ведь не укладывается в голове, что этот в высшей степени свободный, даже своевольный человек мог ходить на поводке даже у Провидения.

Оставим Провидение в покое. Пушкина мог создать и создал, конечно, сам Пушкин, точнее, та бессмертная Индивидуальность, которая жила в поэте.

На Востоке издревле бытует вкоренившееся в сознание многих представление о перевоплощении духа. Согласно таким представлениям, человек, живёт в земном теле не один, но много раз. И в каждом новом воплощении прибавляет к своей монаде, к своей духовной индивидуальности, кочующей из тела в тело, новые духовные качества. Гирлянда воплощений как бы надета на ось монады, которая при правильной эволюции становится всё объемнее, богаче и светонеснее.

И вот наступает время, когда духовная монада выполняет свою работу на Земле и должна навсегда покинуть её, чтобы начать космическое восхождение на других планетах или на самом Солнце. Подобные духовные полёты заложены в природе каждого без исключения человека, говорят индусские и тибетские мудрецы.

Попробуем взглянуть на жизнь Пушкина с такой точки зрения.

Вот мы видим отменного хлебопашца где-нибудь в древнем Египте. Из года в год он старательно обрабатывает землю, за что вознаграждается хорошими урожаями. Хлебопашец доживает до глубокой старости, унося с собой в Тонкий мир громадные наработки трудолюбия.

Затем дух хлебопашца, или, скажем по-другому, — его духовная душа рождается в древней Македонии и становится воином Александра Македонского. Этот солдат или военачальник разделит все тяготы походов великого завоевателя, показал себя храбрецом во многих сражениях, в одном из них пал на поле брани, прибавив к своей духовной монаде стойкое качество мужества.

Далее мы встречаем мудрого управителя княжества где-нибудь в Индии. Раджа трудолюбив, храбр, очень радует о своих подданных. Он умирает, ос-

тавив княжество в цветущем состоянии, а свою монаду обогатив качеством высокой ответственности.

Нет нужды описывать, в каких воплощениях будущий Пушкин воспитал в себе талант учёного, наработки семьянина, дар писателя. Остановимся на таком отрезке его жизни, как, скажем, монаха среди учеников Сергия Радонежского. Конечно, это был один из самых светлых и способных отроков. Пройдя школу духовного совершенствования под руководством величайшего Учителя России, возрадив в себе высочайшие духовные достоинства, он приготовил себя к переходу на новый уровень космического бытия. И тогда он сам пожелал совершить последний акт земного служения в качестве великого поэта и культурного патриарха России. Высшие Силы благословили его на этом пути и обещали своё содействие. Так в 1799 году в России родился Пушкин.

С подобной схемой согласятся, конечно, не все, и потому что сама идея реинкарнаций не утвердилась в сознании русских людей, и потому что схема излишне детализирована. Но это для образности. Реинкарнации могли быть другими, в других странах, соединять воспитание ряда качеств в одном воплощении и т.д.

Главная мысль наша состоит в том, что пушкинский гений подготовлен многими отрезками земной жизни и многими предшествующими трудами избранной индивидуальности. Индивидуальность потому-то и выбрана Богом как преемник Его священного дара, что право это добыто огромными личными усилиями; в любом другом случае можно говорить не о священном даре, но о случайной подачке, что несовместимо с нашими понятиями о Боге. Когда религиозный подвижник удостоивается божественного видения — это всегда результат напряжённой работы духа, души и тела. Пушкинский случай особый — нет аскетических подвигов, нет концентрации на Иисусовой молитве — всё это как будто пройдено в прошлых жизнях, а эта уже в середине осенена видением Архангела. Именно так понимаю я Встречу, которой удостоился поэт и которую он описал в стихотворении «Пророк». Многие комментаторы Пушкина поясняют, что в основу стихотворения легли отдельные мотивы VI главы книги пророка Исайи, хотя автор «далеко уходит от библейского сюжета». С гораздо большим основанием можно считать, что Пушкин в своём духовном опыте «далеко ушёл» от рядового сознания и видел то, что видели некоторые христианские старцы, или то, что озарило Арджуну в «Бхагавад-гите», — вселенский облик Кришны. В пользу такого прочтения «Пророка» говорит поразительная точность в описании огненной встречи, одновременное, всеохватное видение бытия, факт «как труп в пустыне я лежал». Пережившие

такие озарения подвижники теряли сознание, сидели. Характерна стилистика «Пророка», насыщенная возвышенной лексикой, печать торжественности на каждой строфе — свидетельство необычайной ответственности, с которой поэт отнесся к мистическому факту своей биографии.

«Пушкин и мистика! Но это же несоединимо!», — возразят многие. Конечно, несоединимо, если считать мистикой «нечто и туманну даль», над чем посмеивался сам Поэт, воплощение ясности, простоты и меры. Но если такие качества превосходят все зримые и мысленные образцы, разве это не величайшая тайна?

Манипуляции средневекового алхимика, преобразующего с помощью философского камня неблагородные металлы в золото, всегда относили к области мистики. Но когда поэт соединяет обычные слова и нечто необычайно прекрасное — как это назвать? В конце концов, дар алхимика может сделаться проклятием; некий древний царь жестоко страдал от того, что каждое его прикосновение превращало вещи в золото. А пушкинские прикосновения высветляли всё, чего касались, превращали материю обыденности в золото Красоты высшей пробы. Благодать этих прикосновений люди сохраняли на всю жизнь. Каким «философским камнем» владел поэт? Не мистика ли это высочайшей пробы?

Среди лицейских друзей Пушкина были и заурядные чиновники, и ловкие царедворцы, и неудачники, но как облагоустроено лицейское окружение лучами пушкинского внимания. В противоречивой личности Петра, вызывавшего и вызывающего до сих пор проклятия одних и пиетет других, поэт увидел красоту и ужас, соединив несоединимое словами «Божия гроза».

*Выходит Пётр.
Его глаза сияют, лик его ужасен,
Движенья быстры.
Он прекрасен.
Он весь как Божия гроза.*

Но нигде пушкинское волшебство преобразования материи не проявилось так ярко, как в стихах о женщине. И первое, что приходит на ум, — «Я помню чудное мгновенье», — может быть, самый драгоценный камень в ожерелье мировой любовной лирики. Столь высоко поднял женщину, может быть, лишь Блок в «Незнакомке». Но то, что прошло перед Александром Блоком астральным видением, Пушкин разглядел в земной женщине — в Анне Петровне Керн. С тех пор образ этой женщины, преображённой лирой русского

Орфея, — как молитва, как духовный порыв, как благословенные розовые очки, через которые смотрит каждый здоровый мужчина на любимую им женщину. Хотя... хотя очевидцы говорят, что Пушкин не падал женщиной, к которым его чувство угасало. Лишь одна из них не знала охлаждённых чувств поэта, лишь к одной эти чувства постоянно росли. Это была жена — наименее интересный объект для большинства сочинителей.

Пушкин, как природа, одновременно изменчив и постоянен. Он больше чем поэт, больше чем мудрец и основоположник чего-то. Он — часть журчания наших ручьев, шума листвы, синевы неба. Потому в эпоху всеобщей искусственности мы припадаем к пушкинскому роднику, чтобы не захлебнуться в зловонных стоках конвульсирующей цивилизации.

Главная наша забота сегодня — выжить, не только физически, но прежде всего душевно и духовно, потому что нынешнее время стремительно сводит многих с ума. «Не дай мне Бог сойти с ума, уж лучше посох да сума», — повторяем мы одну из пушкинских молитв. А это значит попытаться вписаться в планы Всевышнего, попытаться услышать Голос Его, послужить Ему. Такое служение не может быть угрюмым, фанатичным и злобным. Посмотрите, как много нетерпимости в политике. Но ведь то же самое сплошь да рядом присутствует в течениях, считающих себя духовными. Ладно, если бы речь шла о старых религиях, перегруженных многовековым багажом распрей и разночтений, но даже самые новейшие Откровения облеплены маленькими грамотеями, которые щедро разбрасывают определения, кто тёмный, а кто светлый. А вольнодумец Пушкин писал: «Да, брат мой от меня не примет осужденья». Вот почему и видится мне в Александре Сергеевиче последний истинный язычник или первый русский мистик, хотя остаётся он прежде всего замечательным примером православного христианина.

Маяковский говорил: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп». Грубый космос Маяковского тоже тяготел к простоте и ясности, ибо к чему ещё тяготеть? Но певец атакующего класса с трудом пробивался к тому, что ходатай к Солнцу за все классы носил в себе изначально. И не побоялся сказать, что поэзия должна быть немного глуповатой. Глупостью ребёнка. Поэтому сам Пушкин, как все великие мудрецы жизни и литературы, — Сократ, Франциск Ассизский, Сервантес и его Дон-Кихот, — был похож на дитя. Будьте, как дети, рекомендует Библия. Именно «как», потому что детскость не равнозначна инфантильности. Когда же человек, пройдя многие испытания многих жизней, снова становится «как дитя», т. е. открытым, ясным, бесхитростным, сохраняя при этом лучшие качества мужчины, он готов к старту на новом уровне Бытия.

О Пушкине написано сотни томов, защищены тысячи диссертаций. Всё вроде бы до косточек разобрано в этой сияющей жизни. Но белые пятна есть, например, вопрос о масонстве Пушкина. Поэт был масоном, как Моцарт, Гёте, Кутузов. Но чем занимался в своей масонской ложе, об этом не знает никто. Есть свидетельства, что впоследствии Пушкин осудил своё молодое увлечение. Существует также мнение, что декабристы, многие из которых были масонами, не посвящали поэта в свои планы. По одной версии потому, что оберегали гения, по другой — потому что боялись, дескать, что откровенный Пушкин где-нибудь проболтается и выдаст заговорщиков.

Но откровенность в Пушкине знала границы, недаром он был сыном гармонии. Не выдал ни декабристов, ни собственных масонских занятий, эту тайну поэт унёс в могилу. Потому-то патриоты тцатся соскоблить с Пушкина масонское клеймо, «демократы» — породнить его чуть ли не с Мировым Правительством, а «центристы» — доказать, что масонство было случайным заблуждением поэта. Возможно, правы последние. Но сам Пушкин об этом молчит.

Не повезло после смерти Пушкину-семьянину, хотя при жизни в этом качестве он был вполне счастлив. Кое-кто пишет о жене поэта с плохо скрываемым пренебрежением. Порой таким пушкинистам вторят личности весьма достойные. Точно строгая мамаша отчитала Пушкина за плохой, по её мнению, выбор жены Анна Ахматова. Тонкая Марина Цветаева, оставившая немало глубоких заметок о поэте, к жене его испытывает нечто вроде ревности.

Пощадим интимные чувства поэта, если не умеем им поклониться. Пушкин любил жену. Этим сказано все. Любил щедро, ревниво, по-царски. В красоте Натальи Николаевны тоже присутствовала какая-то царственная таинственность, привлекавшая взоры и сердца петербургского света. Сам Николай I вздыхал по Натали, но хорошо понимал, чья она жена. Будь рядом с ней другой, царь наверняка воспользовался бы своим положением, ведь любовная интрига с царем в ту пору не считалась изменой, но актом монаршей милости. Для любого дворянина, но не для Пушкина. Сама мысль о том, что он может стать роконосцем, приводила его в ярость. Он, пожалуй, и Николаю послал бы дуэльный вызов, если бы был уверен, что задета супружеская честь Поэта.

Себе же самому сохранял право «ставить рога» многим мужьям. Оставил не только десять томов сочинений, но и обширный список женщин, с которыми находился в любовной связи. Последнее обстоятельство очень смущает строгих блюстителей нравов и, наоборот, вдохновляет иных из поэтов, которые стараются обогнать Пушкина хотя бы по этой части. Я сам знаю одного

такого, который хвастался, что к 37 годам превзошёл Пушкина числом побед над женщинами на 50 единиц.

Но как всё-таки объяснить сей факт в жизни человека, названного Анной Ахматовой «великим моралистом»? А так и объяснить, как есть. Необъятные силы вложила природа в этого человека, столь могучие, что не могли их избыть ни воловьёя работа, ни враги, ни жена. Он и растрчивал их на женщин. А взамен получал лучшие женские чувства, отливавшиеся затем в чеканные стихи и в прозу. Ведь самое лучшее, что может получить мужчина на этом свете, даёт ему Бог, во-вторых, женщина. Кроме того, в любовных историях Пушкина нет и грамма жеребьячества, скажем, Казановы. Для этого достаточно сравнить однообразно тусклые описания походов и побед в дневниках итальянского авантюриста с теплом и светом пушкинской лирики. Впрочем, «гений чистой красоты» совсем не лишён у Пушкина земной тени: «Намедни с Божьей помощью... А. П. Керн». Но какие побеги пошли по белу свету от подобных пушкинских многоточий! Сотни потомков от Гополулу до Флоренции...

Родившийся с «солнцем в крови», он передал потомкам часть своей духовной мощи даже чисто физиологически. Когда появился первенец — Маша, Пушкин писал В. Ф. Вяземской: «...представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы». Вдобавок бабка Надежда Осиповна, мать поэта, боялась, что внучка не выживет, очень уж слабенькой росла. И что же! Болезненная дурнушка выровнялась в экзотическую красавицу, сохранившую отменное здоровье и эффектную внешность до глубокой старости. Родившаяся в 1832 году, она в 1918 году была пожалована пенсией «самого» Луначарского, которую, правда, получить не успела.

Среди потомков Пушкина — генералы, графы, герцоги, красноармейцы, преуспевающие бизнесмены и особы королевской крови. Внучка поэта Софья Николаевна стала женой великого князя Михаила Михайловича Романова, а её потомки породнились едва ли не со всеми дворами Европы. Если посмотреть на ветви пушкинской родословной с национальной точки зрения, то русско-арапская кровь смешалась с английской, немецкой, шведской, итальянской, французской... Поэт как бы вобрал в себя весь мир, хотя этот прочий нерусский мир считает поэта, по преимуществу, нашим национальным явлением, не больше.

Мне приходилось говорить о Пушкине с просвещенными иностранцами. Они его знают и ценят больше понаслышке от нас, в глубине души предпочитая Гоголя, Толстого, Достоевского. Это понятно. Пушкин непередадим. В переводе он теряет ритм, мелодию и то нечто, что ведет диалог с тончайшими,

неизученными структурами нашей психосферы. Мне случалось также читать стихи Пушкина детям, которые почти не говорили. И они, мгновенно отвлекавшиеся от Маршпака, Чуковского, Барто, слушали Пушкина. Я сделал вывод, что слово поэта, помимо даже гениального человеческого смысла, содержит отзвуки того Слова, которое гностики обозначили термином «Логос», а индустры называют Шабда-Брахман — Бог звучащий.

В своём посмертье он пережил не только обожание, но и медногорлую хулу Дмитрия Писарева, пощечины футуристов, разграбление Михайловского, надругательство толпы пьяных красноармейцев над одной из своих праправнучек. Пуще всего он опасался русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Эти его пророческие слова чаще всего относят к братоубийственной смуте 1917 — 1920 годов. Но главное остережение Пушкина направлено не против самого бунта, а против тех, кто его разжигает, кому собственная головушка — полушка и чужая шейка — копейка. Этим людям поэт дал точное и ёмкое определение «чернь». Конечно, в истории они назывались по-другому: революционные, конституционные, социал- и просто демократы — нетерпеливые безумцы, обуянные жаждой всё разрушить до основания, а затем... Пушкин был слишком умён, чтобы клеймить этих «лучших» представителей отечественной интеллигенции, он пытался чувства добрые в них лирой пробудить, впрочем, не предаваясь иллюзиям насчёт воспитательной роли поэтических сентенций. Задачу приобщения черни к здравомыслию и послушанию лучше, по его мнению, выполняют иные предметы.

*Подите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас.
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.*

Это и о нас сегодняшних. О каждом из нас. Ведь слепое распятие России не закончилось. А воскресение и вознесение начинается лишь тогда, когда человек идёт на крест сознательно. Мы всё ещё колеблем треножки не только святынь, но и треножник государственности. Для нас перетасовка одной и той же колоды карт стала прообразом человеческого взаимодействия — «тусовкой»,

но шестерки не становятся королями, в какой бы парик они не нарядились. И вновь и вновь поднимается бич страданий, гонит ряженных в темницу или на плаху. И вертится без остановки знаменитое колесо Будды — колесо сансары, в каждой спице которого — истина страдания. Но время от времени рождаются люди, осознающие, что жить — значит мыслить и страдать. Страдание не является для них целью, о нет! Осмысление страдания — вот единственный выход из-под власти этого проклятья. Среди них христианин Пушкин.

*Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал...*

Переводил с английского и немецкого, поклонялся Байрону, обожал Моцарта, но оставался при этом русским человеком. Глубоко и сильно присутствовало в нём русское, я бы даже сказал, мужицкое начало при всем внешнем европейском лоске и при всей духовной отзывчивости поэта ко всему миру.

*Свят Иван, как пить мы станем,
Неприменно уж помянем
Трёх Матрён, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.*

Или:

*Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желания — покой,
Да щей горшок, да сам большой.*

Радуга пушкинской музыки одним плечом опирается непосредственно на народную почву, а другим уходит в заоблачные высоты, минуя всё промежуточное, а пуще всего полукультурные слои, уже оторвавшиеся от крестьянского чернозёма, но ещё не прибившиеся к белым облакам подлинной интеллигентности, — ядовитая пена, отравляющая оба берега реки жизни. Этой пены в наши дни куда больше, чем в пушкинские, из-за резко ускорившегося течения реки. Вечным напоминанием о глубинной чистоте жизненного потока склонилась над нами кудрявая голова ясноглазого патриарха русской словесности, которой выше всех достоинств почитал в человеке чувство чести (слова, однокоренного с чистотой). И сам обладал этим чувством в высочайшей степени. Добавим — чести русского человека. Сегодня многим из нас, теряющим честь

с катастрофическим ускорением, нелишне вспомнить гордые слова поэта, обращённые к тем, кто раньше времени хоронил Россию, к её клеветникам.

*Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завивать свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?*

И вот я думаю, неужели эти надежды нашего великого поэта закончились в 1985 году? Или зашедшие в тупик перестройка вместе с нынешними реформами — очередное помрачение, которое случалось с Россией не однажды?

Помнится, нам в школе трактовали стихотворения «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России» как шовинистическую слабость поэта, который по природе, дескать, был интернационалистом. Каких только политических ужимок не претерпел поэт. Но, обозревая русскую историю с его времен до наших, я не помню времени, когда бы русская литература, да и вообще русское общество, болели шовинизмом. И сегодня можно встретить американский, латышский, эстонский, литовский, украинский, еврейский шовинизм, а русского что-то не слышно. Наоборот, русских теснят, оскорбляют, учат уму-разуму и бросают подачки, а они смиренно терпят. Обретём ли национальное достоинство, хотя бы в чуть приближенном к пушкинскому виде?

Временами Пушкин возникает на сцене театров чуть ли не в роли первого русского диссидента. Это он-то, с восторгом встретивший весть о взятии мятежной Варшавы войсками Паскевича? Неглубоко вникли мы в природу пушкинских противоречий, ибо над всеми ними, а их у Пушкина действительно немало, возвышается мудрое начало гармонии, вмещающей и хвалу свободную царю, и мечту о России, которая поднимется на обломках самовластья.

Противоречивость такого рода есть противоречивость самой Истины. Пушкинский гений, замкнув круг из множества упорно отработанных жизней, приходит к величавой, всевмещающей простоте и чистоте, которые подобны водам Байкала — вот оно дно, рядом, а на самом деле глубина — 30 метров.

Сегодня все соглашаются: Пушкин — поэт-пророк. Кто же такой этот пророк? Предсказатель будущего, наподобие Нострадамуса? Но разве мы любим Нострадамуса так, как Пушкина?

В своих поступках Пушкин часто был равен любому из нас. И сам признавался, что до тех пор, «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», он может быть ничтожней любого смертного. Но не соблазнимся лирическими уверениями Александра Сергеевича. Когда Николай I вёл дознание по поводу причастности тех или иных своих подданных к восстанию декабристов, был вызван на ковёр и Пушкин.

— Где бы ты оказался, если бы был 14 декабря в Санкт-Петербурге? — спросил царь, глядя своими немигающими глазами на Поэта.

— На Сенатской площади, Ваше Величество, — был ответ.

А теперь представьте себе иного разоблачителя культа Сталина на ковре в аду. Те же немигающие холодные глаза и вопрос:

— Сначала ты мне пел «аллилуйя», а потом «проклинаю». Как тебя понять?

Конечно, и в поступках своих Пушкин не ровня нам. Но не случайны, не игривы слова о своей ничтожности, мучителен вопрос: «дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?», неподдельной тоской наполнены строки: «и с отвращением читаю жизнь свою».

Быть самым прекрасным человеком своего времени и писать о себе такое! Это значит — писать из вечности, где наше развитие беспредельно. Где даже Иисус Христос — не последняя граница совершенства. Представим, что закончатся временные пророчества, обозначенные в катренах Нострадамуса, станем ли перечитывать их снова? А Пушкин останется «пока в подлунном мире жив будет хоть один пиит». Он останется не только потому, что писал прекрасные стихи, но ещё и потому, что всем обликом, каждым поступком излучал Свет непрерывно ускользящего, непрерывно перетекающего в вечность Божества. Божества, ни на секунду не пребывающего в самодовольстве.

Понять Пушкина — значит почувствовать Того, кто стоял за ним, кто вдохновлял Будду, Иисуса Христа, Магомета. Вот из какого Неба наш гений. И когда он говорит о своей ничтожности, то тем самым открывает возможность и нашему ничтожеству подняться к стопам Отца Небесного. Иначе, зачем явление пророка? Неужели для того, чтобы воздыхать о недостижимости гениально-пророческого дара?

*Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.*

Я не ропщу о том, что отказали боги
 Мне в сладкой участи оспаривать налоги
 Или мешать царям друг с другом воевать:
 И мало горя мне, свободна ли печать
 Морочит олуха, иль чуткая цензура
 В журнальных замыслах стесняет балагура.
 Всё это, видите ль слова, слова, слова,
 Иные, лучшие мне дороги права,
 Иная лучшая потребна мне свобода,
 Зависеть о царя, зависеть от народа,
 Бог с ними, никому
 Отчёта не давать, себе лишь самому
 Служить и угождать; для власти, для ливреи
 Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
 По прихоти своей скитаться здесь и там,
 Дивясь божественным природы красотам,
 И пред твореньями искусств и вдохновенья
 Трепеща радостно в восторгах умиленья. —
 Вот счастье, вот права...

Это стихотворение обнаружили в ящике письменного стола Пушкина после его смерти вместе с «Памятником» и целым рядом других шедевров. Рукопись обозначена как перевод стихотворения итальянского поэта Пиндемонти. В действительности ничего подобного в наследии Пиндемонти (таково настоящее имя итальянца) нет. Этой заграничной «заплаткой» Пушкин прикрыл собственные сокровеннейшие мысли о «тайной свободе», идеал которой жил в его душе с юношеских лет.

Да, это стихи о свободе, той свободе, к пониманию которой мы еле-еле подбираемся спустя два века после рождения Поэта. С насмешливой непринуждённостью он признавался «и мало горя мне, свободно ли печать морочит олухов иль чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет балагура», причём признавался во времена когда идеал неподцензурной будоражил лучшие умы России. После Пушкина целые поколения русских революционеров, дворянских, разночинских и пролетарских, а потом диссидентов с отчаянным упорством боролись за «вольное» русское слово. И вот мы, наконец, получили его. И увенчали апофеозом нецензурной брани в печати и на телевидении.

«Тайная» пушкинская свобода — это нечто совершенно иное. Это может быть внешняя уступчивость и законопослушность, «к чему бесплодно спорить с веком, обычай — деспот меж людей», соединённые с полной внутренней свободой. И одновременно строжайшая внутренняя дисциплина. Долог и тяжёлый путь к такой свободе. Но когда она завоёвана, её не могут ограничить никакие формы правления и ни один диктатор.

Как обрести такую свободу?

В наш рыночный век, когда покупается и продаётся всё, к нашим услугам тысячи духовных «учителей», «гуру», «риши» и прочих «посвящённых», которые за несходную, а иногда и за сходную цену берутся пробудить в нас спящие духовные силы и выпустить на свободу наших «духовных» джиннов. Но упаси нас Бог от таких «учителей». Также да охрани нас, Творец, от любых духовных лидеров, которые поучают, какую книгу читать, а какую нет, или какому священному изображению поклоняться.

Есть евангельское определение: «Бог есть любовь». Есть другая формулировка: «Бог — это дух и свобода». По существу, оба определения выражают одну и ту же мысль: любовь не существует без свободы. Её нельзя приобрести за деньги, навязать через каналы информации. Она, как и дух, «дышит, где хочет». Также никогда не знает инфляции, какие бы словесные прививки ей ни делали.

Пушкин редко устраивал публичные читки в компаниях, даже когда его просили об этом. Смеялся: мы собрались пить, вот и займемся пуншем. Говорю об этом совсем не затем, чтобы упрекнуть современников и кивнуть лишний раз на классика. Глухарина болезнь проникла в каждого из нас, мы все любим говорить, но вполуха слушаем или совсем не слушаем других. Чужие мысли нам неинтересны.

А представим себе, что Пушкина всё же уговорили почитать стихи и он в кругу нынешних его почитателей продекламирует пресловутое: «шипенье пенных бокалов и пунша пламень голубой». Найдутся, конечно, среди слушателей рьяные апологеты трезвого образа жизни, кто-то заговорит о программе спаивания русского народа...

Но бедный наш народ всё равно пьёт — хоть запрещай, хоть пропагандируй спиртное. Потому что, как говорил Шукшин, праздник нужен душе, светлый праздник. Никакими лекциями о пользе трезвости эту жажду Света не заглушить. Вот и приходится за отсутствием настоящего душевного праздника довольствоваться суррогатом. Когда же человек, томимый духовной жаждой духа, хотя бы однажды удостаивается на своём пути встречи с Серафимом,

вечный праздник обретён, и власть алкоголя заканчивается. Ты можешь продолжать употреблять напиток «вдовы Клико», как это делал Поэт, или зелие попроще, но оно будет по-рабски плескаться у ног твоих, словно придорожная лужа.

Встретить Серафима — значит выйти на срединный, золотой путь гармонии, вмещающей всех и всё. Это не путь посредственности, где добро и зло принимаются с одинаковым равнодушием. О нет! Золотой путь заповедует лишь равнодушное отношение к любым атакам низости, хвалебным или клеветническим. И «не оспаривает глупца», поступающего наоборот.

А возможно ли нам, рядовым русским людям, вступить на пушкинскую стезю гармонии, на стезю гения?

Но что же ещё остается нам, вываренным в кипятке нашей истории? В страшном котле крайностей. Неужели не надоело вариться!? В своё время прозвучали пророческие слова Гоголя, что Пушкин явил собой тип русского человека, который развернёт свой потенциал в полной мере через двести лет. Эти двести с лишком лет со времени пушкинского рождения прошли. Путь гармонии открыт. Всем и каждому!

Жизнь Поэта изучена до дня, порой даже до часа. Мы вглядываемся в личность его, стараемся разгадать его манящую тайну. Но он и не скрывал её. «Встань, пророк, и виждь и внемли, исполнись волею моею». Стоя перед пушкинским памятником на Тверском бульваре, другой русский поэт-пророк воскликнул: «Я умер бы сейчас от счастья, сподобленный такой судьбе». Но, будучи сподобленным и тоже став «Божьей лудкой», умер совсем по-иному. Крест пророка — страшный крест, особенно если личность слабо согласована с Божественными заповедями.

Внешне довольно благополучная жизнь Пушкина наполнена постоянным страданием. Понять суть Поэта — значит, хоть однажды почувствовать Высший Луч на себе. Сегодня это доступно каждому. Мы сейчас все находимся в излучениях Божественной радиации, страдаем от неё, но в подавляющем большинстве не хотим осознать причину страданий. Потому так кидает Россию из стороны в сторону, мы же без конца спрашиваем: «За что?!». И Пушкин в минуту отчаянья спросил как-то: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?..». Но, получив разъяснения Серафима, больше таких вопросов не задавал.

Одну пророчицу наших дней спросили: «Отчего Россия веками мучается, в то время, как современный Запад благоденствует?». Пророчица ответила: «Потому что в русском котле Бог надеется сварить ещё что-то пригодное

для будущего, тогда как на Запад Он махнул рукой». Впрочем, и за Запад Бог крепко взялся. Однако наши оппоненты продолжают туго держаться за свою рыночную экономику, за права человека, навязывают эти две священные коровы нам, совершенно не чувствуя новых императивов времени. У многих потеряны совесть и ранимость сердца — вечные спутники человеческой жизни, отсутствие которых — смерть.

Сегодня каждое живое сознание напряжённо ищет выход из губительной рутины, куда забрёл «цивилизованный мир». Нам предлагают целый набор спасательных кругов от нанотехнологий до оккультных практик. Но самое главное, пушкинское — «исполнись волею моею» — сплошь да рядом в небрежении. А ведь это тот же завет Иисуса Христа: «Да будет воля Твоя яко на небеси и на земли». Пусть кто-то считает, что истинный Свет Христа брезжит только через церковное окошечко, но вот два века назад прошёл по земле вовсе не святой, грешный человек, который дышал тем же Божественным Светом, что сам Христос.

Каждая пушкинская строчка — комментарий к молитве «Отче наш». Уже в ту пору «Небеса» его духа излучали свет на «землю» души, и она корчилась, убегала от Бога, ныряла в «долги наша», в искупения «лукавого», снова возвращалась к Отцу Небесному, в блаженство творчества... В итоге пушкинское небо восторжествовало и два века проливает свои лучи на нас.

Досконально изучены все подробности ухода Пушкина из земной жизни.

Наряду с гармонией он носил в себе и страстное начало, очень страстное. Накануне дуэли кипел бешенством от обиды, от желания отомстить обидчику. Смертный исход считал единственной достойной развязкой конфликта: «чем кровавее, тем лучше». Раненый в живот собрал волю для ответного выстрела и сделал его ещё удачнее, чем Дантес — в грудь противника. Закричал радостно: «Попал!» Но попал в медную пуговицу или, как утверждают некоторые поклонники поэта, в бронезилет француза-масона. Не станем оспаривать и подобное предположение, главное — не запятнал свой уход убийством. И во многих предыдущих дуэлях тоже никого не убил, хотя стрелком слыл классным. Последующие события свидетельствуют кончину истинного христианина, по существу, святого человека. Как могло в считанные часы произойти такое преобразование? Конечно, в одночасье оно невозможно.

Позволю предположить себе, что Пушкину, как и любому другому святому человеку, прошедшему долгий путь во многих веках и в различных странах, перед очередным воплощением, Высшие Силы, возможно, разворачивали варианты следующей его земной жизни. Он мог бы стать религиозным

реформатором, положить начало новому духовному движению. Поэт выбрал путь реформатора культурного, а для этого пришлось надеть на себя фрак и подчиниться правилам светского общества, чтобы выполнить свою неординарную творческую миссию. Иначе в России не было бы Пушкина, но появился бы ещё один Серафим Саровский.

Они не встретились лично, хотя и находились порой недалеко друг от друга. В церковной литературе этот факт объясняется внутренней неготовностью поэта к встрече с прославленным уже в ту пору старцем. Но произойди она, что прибавилось бы в творческом багаже Поэта? Больше стихов типа «Отцы пустынноики и девы непорочны»? Конечно, это были чудесные творения поэта! Но разве менее святы и дороги для человеческого сердца «Я помню чудное мгновенье» или «Я вас любил, любовь ещё, быть может...»?

В удивительное время мы живём! Небо открыло нам многие свои тайны. Тайны, которые раньше хранились за семью печатями. Мы можем побеседовать с ушедшими святыми, даже с самим Господом. Мы способны также проникнуть в тайну Пушкина. Но упаси нас Бог возгордиться, что мы действительно глубоко в неё проникли. Только пробуем... Вспомним смиренность перед Господом Пушкина.

В чём суть здоровой пушкинской защитной реакции на тщеславие?

В том, что наша замечательная эпоха одновременно и страшная. Да, можно побеседовать с Пушкиным, даже с самим Господом. Но есть риск вступить в контакт с бесами высшей квалификации, умеющими надеть на себя любую маску, в том числе поэта и Бога.

Эти бесы атаковали и Пушкина, об этом он писал сам. Но живший сразу в трех мирах: плотном, тонком и Божественном, поэт, хотя и уступал временами первым двум, умел подняться при падениях и неизменно выходил на Третий.

Тот факт, что творчество Пушкина не было «автоматическим письмом», конечно, не нуждается в доказательствах, достаточно бегло познакомиться с черновиками Поэта. Но тогда как осуществляется контакт гения? На Западе с давних времён существует теория так называемой бессознательной природы творчества. Можно принять такой термин, если заменить «бессознательность» на сверхсознательность. Пушкин своеобразно выразил это в письме к Вяземскому: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповатой». В том смысле, что рассудок умолкает, когда в человеке начинает говорить Серафим. Но если так, то откуда правка в черновиках?

Античность, откуда собственно и пошло понятие гения, понимала гениальность по-иному, чем мы. Для Сократа, например, гений (даймоний) был как бы сверхчувственным спутником жизни, который руководит человеком. В метафизике Востока гений есть Высшее Эго человека, которое находится обычно в спящем состоянии, но путем напряженной внутренней работы может быть разбужено. Строго говоря, Высшее Эго и есть присутствие Бога в человеке («царство Божие внутри нас есть»). Только через него мы можем общаться с Миром Божественным. Всякая же попытка выйти к Богу через астральное тело приводит в мир астральный, или Тонкий, где возможны встречи с сущностями очень сомнительными. Встречи эти неизбежны, особенно теперь, когда, прежде отделенный от плотного, астральный мир начинает вновь срастаться с ним. Требуется большая зоркость и распознавание, чтобы не заблудиться в лабиринтах этого мира. Недаром православные старцы называли свою внутреннюю духовную работу трезвением.

Какие реальные примеры «автоматического письма» из самых Высоких Источников мы знаем? Это Коран, который, согласно традиции Ислама, писался под пространственную диктовку архангела Джебраила (Гавриила), это прославленная во всём мире «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Случаи Божественной диктовки крайне редки. Трансляциями же из Астрального мира переполнен современный книжный рынок. Не все они плохи. Иногда информация в них перемешана со знаниями, переданными через Высшее Эго, или частично услышан Голос Учителя, ведь в наше тревожное время Голос этот звучит для всех. Но не всем по силам отделить зерна от плевел — и преемнику и читателю. Оттого так много опасной мешанины в современных книгах, претендующих на Божественность.

Пушкина же сопровождал Божественный Луч, как чистейшая энергия, а не диктовка. Трансляция прошла блистательно, почти на уровне священных текстов. Может быть, это удалось поэту потому, что он вовсе не стремился стать транслятором, оставался смиренным добрым малым, избегавшим широковещательного «Граждане, послушайте меня».

Он заповедал: «Да здравствуют музы, да здравствует разум! ... Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Но славу свою ограничил временем «пока в подлунном мире жив будет хоть один пиит». По некоторым пророчествам, подлунный мир в его сегодняшнем состоянии заканчивается, мы вступаем в эпоху сплошного света, когда тьма скроется. Погаснет ли пушкинское солнце? Так и хочется сказать — никогда. Но будет ли превзойдено? Кто отважится на сомнение? И в самом деле, вечно ли должен сиять гений, одетый в чёрную крылатку с дырами от пуль на ней?

Пушкин, конечно, воплотится снова, но как другой человек. Новый гений будет чище, ярче, гениальнее. У индивидуальностей, подобных Пушкину, нет иного бессмертия, как только вечный путь наверх через бесконечное совершенствование.

Пушкин и власть — ещё одна жгучая для нашего времени тема. Его называли другом декабристов, певцом свободы, понимая его тайную духовную свободу как борьбу за свободу политическую. Охранители самодержавия, наоборот, не без основания считали его монархистом. Сам он, как известно, говаривал «Зависеть от царя, зависеть от народа — не всё ли нам равно!». Отсюда порой его называли родоначальником идеи чистого искусства, башни из слоновой кости, куда удалялись от земных страстей русские и нерусские декаденты. Между тем его старались сделать своим почти все от графа Бенкендорфа до декабристов. Он и был таковым, оставаясь при этом чуждым всем. По существу, ему не нужна была никакая форма власти. Самодержавие он терпел, как единственно приемлемую для своего времени форму правления.

Глубоко заглянул в проблему власти в «Борисе Годунове», указав на типично русское: «народ безмолвствует», и одновременно на страшное в своём безмолвии народное мнение, как единственную опору власти. Из русских писателей он, пожалуй, самый «политический», политичнее Маяковского, уже хотя бы потому что основательнее всех (до сих пор) вник в тайну свободы.

В чем эта тайна?

Ну, во-первых, в умении не ставить себя в полную зависимость ни от властей, ни от народа. До нас теперь только начинает доходить, чем кончаются призывы к топору, к демократии или «спасибо товарищу Сталину за нашу счастливую жизнь». Не было в нём также скрытого раздражения: «а пошли вы все к...». Он умел терпеть. Терпеть же — значит зависеть. «Милостивый государь граф Александр Христофорович, покорнейше прошу Ваше сиятельство...», — так начинал он без всякого кукиша в кармане письма Бенкендорфу, которому Николай I поручил следить за «нравственностью» поэта. Предложение самого государя стать цензором его стихов встретил спокойно: «считаю за честь, Ваше Величество...». Но в вопросах чести не уступал никому, даже царю. Император понимал и ценил в Пушкине эти качества.

В холуйском или, наоборот, наплевательском отношении к власти нет свободы, нет тайны. Тайна именно в зависимо-независимой позиции, определяющей степень внешней несвободы и свободы внутренней. Но до такого понимания свободы Пушкин дошёл не сразу. В молодости подумал достаточно. Мы же продолжаем дурить до сих пор.

Когда у Ивана Бунина крестьяне сожгли родовой дом во время революции 1905 года, а потом казаки выпороли мужиков за бесчинство, писатель спросил одного: «Зачем жёг?» Мужик, застегивая штаны, хмуро ответил: «Нам, барин, свободу давать нельзя, а то мы такое натворим...»

Нынешние «властители дум» любят цитировать пушкинские слова о русском бунте, бессмысленном и беспощадном, при этом обычно кивают на Октябрьскую революцию, забывая, что хотя она была беспощадной, но не бессмысленной. Она честно декларировала чёткие цели, народ их принял, и они были успешно осуществлены. А наш «демократический бунт» был и бессмысленным, потому что попытался повернуть развитие пути вспять, и беспощадным, потому что, разломав такими трудами и такой кровью созданную систему, сам не создал ничего.

Пушкинские оценки демократии актуальны и поныне.

*Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год.
Что не живём семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Стараясь близь могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда завел.*

Дух нашего века завёл нас ещё дальше. В нынешней тотальной войне всех против всех случалось, когда и «демократическое копыто» пыталось задеть личность Пушкина (вспомним того же Абрама Терца) и «патриотическое» тоже порой пыталось лягнуть поэта. Поэта обвиняют в апологии распутства, в насаждении безбожия, в прозападном «легионерстве», т. е. по существу объявляют представителем европейской пятой колонны на Руси и т. д. и т. п. (см. С. Рябцева. «Правда о русском слове». М.: «Парнас», 1998). Конечно, Пушкина от таких наскоков не убудет, но нам...

*Не дай нам Бог сойти с ума,
Уж, лучше посох да сума...*

В известном письме Чаадаеву (1836 г.) целая россыпь замечательных мыслей о судьбах России. Своему другу, убеждённому западнику, который видел в русской истории одну лишь ничтожность, Пушкин возражает так: «Решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, что отличает юность всех народов?» Далее, похвалив обоих Иванов — Третьего и Четвёртого, Петра I, «который один есть целая всемирная история», Екатерину II, Александра I, «который привёл нас в Париж», Пушкин восклицает: «И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?»

«Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы, и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые её потрясали, но у нас было своё особое предназначение. Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли в свои пустыни, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех».

Можно даже спорить, было или не было само татаро-монгольское нашествие, или утверждать, что славяне с татарами составляли общую Орду, державшую в страхе Запад. Но невозможно сегодня не согласиться с логикой Пушкина об особом назначении России в том смысле, что она дважды спасала «католическую цивилизацию» — от Наполеона в XIX и от Гитлера в XX веке. И в то же время разгромом этих завоевателей утверждала свою некую отделённость от Европы, хотя и стала принимать участие в «великих событиях, которые её потрясали». Даже железный занавес Сталина сыграл ту же роль.

При этом до недавнего времени сохраняли внимание к Востоку: к бахчисарайским фонтанам, к снежным вершинам Кавказа, даже к стенам «недвижного Китая». Чем не тезисы для евразийской доктрины нынешним политикам!

И ключевые слова: «наше мученичество». Зачем оно? Пушкин не ответил. Чаадаев, поставив этот вопрос, сам пострадал, зато для нынешних реформато-

ров-западников наше мученичество — предмет зубоскальства, дескать, всё у русских не как у людей! Так в своё время зубоскалили фарисеи над распятым Христом: «Других спасал, а себя спасти не можешь!»

Прозорлив Пушкин и в оценке православия. С точки зрения Чаадаева, оно погрязло в мелочном доктринёрстве в отличие от католичества, которое, по его мнению, благоприятно влияло на рациональное жизнеустройство Запада. Пушкин, обозначив смысл разделения церквей, отдал преимущество православию. «Наше духовенство до Феофана было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда бы не вызвало реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё».

Кто оказался прав в этом споре, показало время, чётко обозначив закат католической церкви и основанной на ней западной цивилизации.-

Но как понять пушкинское замечание, что наше «особое существование... сделало нас совершенно чуждыми христианскому миру». Что это, оговорка? Но Пушкин всегда точно выбирал слова. В черновиках письма к Чаадаеву о духовенстве сказано ещё резче: «Оно не хочет быть народом... У него одна только страсть к власти...», далее следуют такие слова: «Религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам, к счастью, но не следовало об этом говорить». То есть Пушкин по существу соглашается с мнением Чаадаева и даже даёт этой религиозной «чуждости» оценку — «к счастью», но рекомендует осторожность: «не следовало об этом говорить». Конечно, он не забыл, что и куда меньшие дерзости в таком же частном письме стоили ему ссылки. Впрочем, с годами Поэт сделался не только осторожнее, он далеко ушёл в своём духовном развитии, от прежнего «афея» осталось лишь врожденное свободомыслие.

Что же, как говорится, в сухом остатке?

Поэт не кривил душой, он носил в себе и чаадаевское западничество, и почвенничество Достоевского, уравновешивая оба начала гениальным равновесием. Гармония плюса и минуса не давала ему наклониться ни к бунту, ни к холопству. А его зоркое замечание, что духовенство вне народа, подтвердил Октябрь семнадцатого года, когда не только большевики, но, в первую очередь, народные массы развязали антицерковные погромы.

Несколько лет назад вышел прекрасный видеофильм «Спасенья тесные врата», где свой взгляд на нашего великого поэта изложили высокообразованные священники РПЦ, кандидаты богословских наук. Уже сам факт, что эти люди, сняв шоры конфессиональной ортодоксии, говорят о светском человеке

как о христианском пророке, заставляет задуматься о многом. Конечно, как люди церкви, они хотят видеть в Пушкине только человека своей веры и не приемлют возражение профессора Московского университета: «Не делайте из Пушкина церковного христианина». Но, с другой стороны, один из них роняет глубокое замечание, что не каждый из пророков являет образец святости, иные рассматривали своё избранничество как тяжкий крест именно в силу осознания собственной неготовности и греховности.

В какой мере Пушкин христианин, а в какой язычник? Даже беглый взгляд на его творчество, в том числе и на поздние стихи, где евангельские мотивы особенно сильны, убеждает, что все эти «киприды», «нимфы», «дриады», «цирцеи» и прочие персоналии языческого пантеона мелькают куда чаще, чем библейские. Так что можно понять возражение московского профессора. Даже принимая во внимание христианскую кончину поэта: прощение Дантеса, принятие святых даров, глубокое раскаяние, смирение, отпечатавшееся на посмертной маске, всё же не уйти от вопроса: как мог Божественный Луч сопровождать афея (атеиста), масона, «гуляку праздного»? Не слишком ли велик греховный хвост для пророка?

От Пушкина сделаем ещё один вековой шаг в нашу историю. До Петра I русская культура развивалась главным образом в лоне церковной ортодоксии. В эпоху царя-реформатора она решительно повернула на светский путь. Далее со времен Пушкина этот путь для нашей культуры стал преобладающим, а в советское время единственным. Европейские страны проделали такую эволюцию раньше. Шла она мучительно, с куда большими потерями нравственного порядка, чем у нас, с «низостями папизма», с провалами в лицемерную религиозность. Мог ли Бог ограничиться задачей создания церкви или ролью инициатора Первопричины, какую отвели ему западные деисты? Или же Он отдал все земные человеческие дела на откуп Князю мира сего, что вытекает из немудрящей логики некоторых теоретиков христианства?

Тяжёлые вопросы, жгучие, современные! Самый твердокаменный ортодокс не сможет от них уйти. Здравая точка зрения подсказывает, что Божественные лучи в темную эпоху особенно напряженно бороздят взбаламученное человеческое море в поисках пассионарных личностей, и «горячих» и «холодных», лишь бы не были «тёплыми».

Благодать проливается на всех. Но Луч, как концентрированный благодатный Свет, утверждается на Божьих избранниках. Что значит быть таким избранником, свидетельствуют многие святые и далеко не святые люди, выдержавшие титаническую борьбу со стихиями Тонкого мира, или, как гово-

рит церковь, невидимую брань с бесовскими силами. Монах ведёт эту брань в условиях затвора, наедине с собой. А каково Божьему избраннику в миру, когда бесы достают его через семью, близких, встречаемых! Конечно, эти силы разносили и Пушкина, и Достоевского, и Есенина. А что говорить о великих политиках, действующих в условиях массового лицемерия, предательства, двойных стандартов! И если монах изнемогает в мыслях и чувствах, мирской человек может допустить тяжёлые падения в поступках. Главное — встать и продолжать дело!

Пушкин свою пророческую миссию выполнил блистательно. Как сказано в Евангелие, судите пророков по делам их. Дело Пушкина — благодатный Свет, который он щедро пролил на русскую культуру. Отлетела ржавчина вспыльчивости и язвительности, осыпалась шелуха многочисленных неразборчивых связей с женщинами, короткое масонское увлечение и многое другое, что ставят порой в зачёт нашему гению. Это именно та тьма внешняя, которая хотела его поработить. Но она почти не затронула его творчество, и лишилась почвы, когда дух поэта покинул тело. Поэт выиграл своё земное сражение.

Таинственно звучат уже цитированные слова Н. В. Гоголя: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Почему не Сергей Радонежский, не Серафим Саровский, а именно Пушкин? Потому что в жизни он — мы со всеми нашими слабостями, а в духовном полёте — наше русское небо. Святой человек иногда воспринимается как недостижимый образец, а в Пушкине всё кажется достижимым. Словно Бог спустился на землю в теле грешного человека и говорит нам: дерзайте в свободе, творчестве, в любви к женщине, к родине, к людям...

Пушкин прошёл свой Апокалипсис на два века раньше нас, обозначив борьбу Света и тьмы внутри человека, покаяние и победу Божественного начала. Очередь за нами. Так понимаю я слова Гоголя.

А мы, когда громы Апокалипсиса загремели для всего мира, мы судорожно ищем опору не в себе, не в своей тайной свободе, уповаем на власть, которая твёрдой рукой наведет порядок. И в ответ встречаем улыбку Пушкина: хватит быть олухами, которых может заморочить пресса, царь или очередной кандидат в президенты. И вовсе уж гробовым гвоздем звучит позднее пушкинское: «на свете счастья нет». Зачем же тогда жить? Нет, Пушкин не мог оборвать свою мысль на подобной пошлости. Наслаждавшийся великолепным праздником жизни и заповедавший его нам, разве мог он хоть на минуту поверить, что счастье — химера? Счастье есть, но не в поработённости теми миражами,

которые мельтешат перед нашими глазами, оно внутри нас, в покое и воле, в «усовершенствовании любимых дум», в независимости от «наград за подвиг благородный». Что ж, и от денег отказаться? Ну зачем снова кидаться в крайности! «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать...»

Будь сам себе царём, осуществляй единственно реальные реформы — внутри самого себя и не жди ничего от реформ внешних. Даже, когда эти реформы осуществляются в виде революций и природных катаклизмов, они ничего не изменят в твоей жизни, пока не переменишься сам. Понимаешь это, жизнь — праздник, нет, она — тюрьма, «конец света».

— Но это правила для гениев.

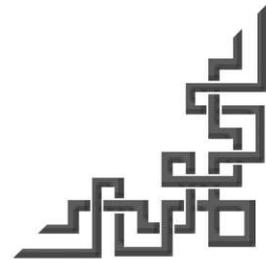
— Это правила для каждого из нас, иных правил сегодня не дано.

*В тягостном душевном запустенье
Только прикоснусь к его строке —
И потонут все ночные тени
В этой вечно утренней реке.
Перед тем, как кануть в океане,
Величав реки прощальный бег.
Тайной никакой не затуманен
Ясноглазый рыжий человек.
Что гаданья? Все гаданья — мимо.
Он ведь сам успел нам дать понять:
Быть поэтом — значит Серафима
Огненную волю исполнять.
И свечой горя в тумане тусклом,
Пробиваясь ландышем в пыли,
Каждой жилкой биться вместе с пульсом,
Русским пульсом Матери-Земли.
И арапской кровью не погребав,
У святош и хамов не в чести,
Вечный зов, чужого черни, Неба,
Как завет Отцовский пронести.*

1989-2009

**Константин Эдуардович
ЦИОЛКОВСКИЙ
(1857 — 1935)**

Цель эволюции

*Мы были углем обжигающим,
Золой кострица неживой,
И динозавром, всем мешающим,
И всем помощницей-травой.
Громадным тигром саблезубым,
Святым отшельником в скиту,
Свирелью нежной,
Гунном грубым,
Поднявшим меч на красоту.
Смиранным сеятелем хлеба,
Душою вросшим в свой посев,
Певцом, чье сердце жаждет неба...
И мы рождались этим всем,
Чтоб всё вместив
И всё изведав
Вблизи, вдали, вверху, в глуби,
Всё увенчать в себе победой
Всепоглощающей любви.*

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦИОЛКОВСКИЙ (К 150-летию со дня рождения)

Редко чьё имя в истории отечественной науки вызывало и вызывает до сих пор столь разнообразные толки, как имя Константина Эдуардовича Циолковского (1857 — 1935). Они начались ещё в XIX веке, когда Циолковский свои первые научные работы по воздухоплаванию отправлял отцу русского самолётостроения Н. Е. Жуковскому, а тот регулярно то «терял» их, то «забывал» ответить автору. Они продолжаются и сегодня в многочисленных публикациях некоего кандидата наук Г. М. Салахутдинова, упорно доказывающего нулевую значимость наследия гениального калужанина. Как же! В отличие от остепенённого критика, Циолковский (Салахутдинов это неустанно подчёркивает) не имел даже высшего образования!

Но нельзя также не отметить, что мало у кого из великих людей науки было столько поклонников, защитников и помощников, как у КЭЦ (этой аббревиатурой Циолковского часто величали в советские времена. Воспользуемся ею и мы). И вот ведь парадокс: среди недоброжелателей Константина Эдуардовича нередко встречались не какие-нибудь Сальери, но люди весьма значительные, например, упомянутые выше Н. Е. Жуковский и Ф. А. Цандер. Среди же покровителей такие неожиданные сочетания, как Менделеев и Сталин. Враги К. Э. объясняют покровительство последнего тем, что учёный был типичным «совком». Но горячим поклонником Циолковского был отец Александр Мень, которого в «совковости» уж никак не упрекнёшь, а в недостатке учёности и религиозности — тем более. Его статья «Циолковский и атеизм», опубликованная в 90-е годы XX века в семитомнике «Истории религии», — настоящий панегирик пророческой глубине и бесстрашию калужского отшельника от науки.

Ещё один парадокс. Одна из первых работ Циолковского, заявившая, а потом закрепившая приоритет учёного в области ракетостроения, «Освоение

межпланетных пространств с помощью реактивных приборов», подверглась жёсткой цензуре именно в дореволюционные времена (1903 г.). Цензор попросту запретил её печатать в журнале «Научное обозрение» по причинам явного несоответствия идей автора тогдашним научным представлениям и догмам церкви. Потребовалась поддержка Д. И. Менделеева, который, ознакомившись с работой Константина Эдуардовича и выслушав жалобы редактора журнала на цензурный произвол, сказал: «Ну, конечно, цензор есть цензор. Он ведь получает жалованье не за разрешения, а за запрещения. Но я вам дам совет не как химик, а как дипломат. Сведите все ваши доводы в защиту полёта на реактивных приборах к пиротехнике. Докажите им, что, поскольку речь идёт о ракетах, это очень важно для торжественных праздников в честь тезоименитства государя и “высочайших особ”. Вот пусть тогда вам запретят печатать статью!» Редактор воспользовался этим советом и, стараясь быть серьёзным, изложил эти «соображения» цензору. Разрешение было получено.

Что же касается работ Циолковского, опубликованных в советское время, то их в четыре раза больше, чем в царское. И каких работ! Труды по ракетной технике занимают среди них весьма скромное место, главным же образом — это философские эссе ярко выраженного идеалистического направления с характерными названиями: «Воля Вселенной», «Нирвана», «Причина Космоса» и др. Причём Константин Эдуардович все их, по установленной им традиции до революции и после неё, издавал только за свой счёт. Поскольку не терпел малейшего постороннего вмешательства в рукописи, никакой редакторской правки и цензуры.

Как же могли в сталинскую пору появиться в нашей стране книжки, где без обиняков декларирован пансихизм материи, а причиной Космоса объявлен Непознаваемый Разум? Тогда и более скромные уступки идеализму безжалостно карались как антимарксистская ересь. Но брошюры — налицо, автор умер в 78 лет своей смертью, не только обласканный советской властью, но и названный ею отцом космонавтики, хотя сам свои ракетные проекты ценил не высоко и не скрывал, что они лишь второстепенный инструмент к полётам в иные миры в телах из лучистой материи.

Вот уж действительно — чудны дела твои, Господи! И как не подумаешь, что в наши дни всеобщего возвращения в лоно религии или модного спроса на НЛЮ, философская мысль Циолковского остаётся в тени. Не потому, что мало публикаций. Интернетский сайт отца русской космонавтики перенасыщен текстами диссертаций на темы его философии. Но в лучшем случае, это

добросовестное изложение идей великого калужанина. Циолковского же раздражала околонуучная возня вокруг его имени. Не разговоры его интересовали — действие. Он мечтал своей философией обогреть человечество, подарить ему вечное чувство счастья. «Я хочу привести вас в восторг от созерцания Вселенной, от ожидающей всех вас судьбы, от чудесной истории прошедшего и будущего каждого атома. Это увеличит ваше здоровье, удлинит жизнь и даст силу терпеть превратности судьбы. Вы будете умирать с радостью в убеждении, что вас ожидает счастье, совершенство, беспредельность и субъективная непрерывность богатой органической жизни. Мои выводы более утешительны, чем обещания самых жизнерадостных религий. Ни один позитивист не может быть трезвее меня. Даже Спиноза в сравнении со мной мистик. Если и опьяняет моё вино, то всё же оно натурально».

Старая история! Люди не спешат принимать подарки пророков. А если принимают, то обычно лишь те, что сулят немедленную выгоду, которую можно пощупать руками. Обещание же Циолковского подарить человеку радостную идею вечного путешествия по Вселенной в форме живущего в каждом из нас духовного атома висит до сих пор загадкой в умах мужей науки, так же как слова Иисуса Христа, сказавшего, что Царство Небесное внутри человека меньше горчичного зерна. Не о том ли атоме речь?

Однажды в беседе со своим другом и соратником А. Л. Чижевским Константин Эдуардович сказал: «Неужели вы думаете, что я, допуская эволюцию человечества, оставляю её в таком виде, в каком человек прибывает теперь: с двумя руками, с двумя ногами и т. д. Нет, это было бы глупо. Эволюция есть движение вперёд. Человечество, как единый объект эволюции, тоже изменяется, и, наконец, через миллиарды лет превратится в вид лучистой энергии». По истине слова, достойные апостола Павла: «Не все умрём, но все изменимся».

Сейчас многие говорят о том, что Циолковский слишком опередил своё время. Но в чём и как? Об этом лучше всего рассказывает он сам.

Грани жизненного пути

«Я всю жизнь жаловался на судьбу, на несчастья, на препятствия к плодотворной деятельности. Случайны ли они, или имеют какой-либо смысл? Не вели ли они меня по определенному пути с определенной высокой целью?»

Я родился в 1857 году. В 1867-1868 году, когда я был приблизительно 10-11 лет, последовал первый удар судьбы. У меня была скар-

латина, результатом чего были: некоторое (умственное) отупение и глухота. До этого же я был счастливым и способным ребенком, меня очень любили, вечно целовали, дарили игрушки, сладкое, деньги.

Что же было бы со мной, если бы я не оглох? Предвидеть этого точно, конечно, невозможно, но приблизительно было бы следующее: по моим природным способностям, здоровью, счастливой наружности, талантливости я пошёл бы по проторённой дорожке. Кончал бы разные курсы, служил, делал карьеру, женился, имел много детей, приобрёл бы состояние и умер в счастье ограниченный, довольный и окружённый многочисленным потомством и преданными людьми. Ум бы мой почти спал, успокоенный счастьем, удовлетворённый природой.

Я, может быть, сделал что-нибудь маленькое, написал какую-нибудь книжку, развил какую-нибудь философию, может быть, изобрёл бы что-нибудь и осуществил, но всё это было бы очень ничтожно и сомнительно, так как счастье и удовлетворённость погашают высшую деятельность. Но что же сделала со мной глухота? Она заставляла страдать меня каждую минуту моей жизни, проведённой с людьми. Я чувствовал себя с ними всегда изолированным, обиженным, изгоем. Это углубляло меня в самого себя, заставляло искать великих дел, чтобы заслужить одобрение людей и не быть столь презираемым. Мне всегда казалось, что за глухоту меня презирают. Да оно так и было, хотя принято скрывать презрение к больным и уродам.

Но глухота одна не могла бы сделать из меня то, что вышло. Помимо благоприятной наследственности, последовал ещё ряд толчков и жестоких ударов, которые довершили дело глухоты».

Прежде всего, таким толчком было, по словам Циолковского, увлечение Евангелием, «придание огромного значения» личности Иисуса Христа, хотя калужский затворник признавался, что «никогда не причислял его к сонму богов по причине материалистического взгляда на мир». «Вместе с тем материализм во мне уживался с верой в какие-то непостижимые силы, связанные с Христом и Первопричиной. Я жаждал этого таинственного. Я пожелал в доказательство видеть... Часто сиживал на крыльце... думал и смотрел на облака. Вдруг вижу, в южной стороне, не очень высоко над горизонтом, облако в виде очень правильного четырёхконечного креста. Долго я следил за облаком, и форма его сохранялась. Затем это мне надоело, и я стал смотреть по сторонам или задумался, не помню. Только по-

годя немного опять взглянул в ту же сторону. Теперь был не менее удивлен, так как видел облако в форме человека. Фигура была отдаленная, не крупная, ясно были видны руки, ноги, туловище и голова. Фигура тоже правильная, безукоризненная, как бы вырезанная грубо из бумаги».

Как относится материалист к подобным видениям? В лучшем случае, как к случайному сочетанию облачных паров или к галлюцинации. А — верующий? Как к знаку Божию, зовущему к покаянию и молитве. Циолковского его видения и другие «толчки» позвали к научному осмыслению религиозного опыта. «Мы должны, — писал он, — признать за ней (религией) право на существование, ибо нельзя миллионы людей признавать полоумными или просто глухими. Над этими общепринятыми во всех религиях символами (“душа”, “потусторонний мир”, “рай”, “ад”) надо глубоко поработать, расшифровать их с космической точки зрения».

«Я всегда помнил, что есть что-то неразгаданное, что Галилейский учитель и сейчас живёт, и имеет значение, и оказывает влияние до сих пор. Это придавало интерес тяжёлой жизни, бодрило. Несмотря на то, что я был проникнут современными мне взглядами, чисто научным духом, материализмом, во мне одновременно уживалось и смутно шевелилось что-то непонятное. Это было сознание неполноты науки, возможность ошибки и человеческой ограниченности, весьма далёкой от истинного положения вещей. Оно осталось и теперь и даже растёт с годами».

Что имел в виду КЭЦ?

Циолковский сообщает о случае, происшедшем с ним 31 мая 1928 года. Наблюдая закат, он почти у самого горизонта увидел будто бы напечатанные в облаках, чётко прорисованные буквы «RAY» и долго размышлял, что они означают. Пока его не осенило — буквы-то латинские. И тут же выстроилось чёткое — РАЙ. «Слово было довольно пошлым, — пишет он, — но что делать? Бери, что дают. Я понял всё это так: после смерти конец всем нашим мукам, то есть то, что я и доказывал. Таким образом, само небо подтвердило мои предположения», — заключает он.

Вся жизнь Константина Эдуардовича была подчинена задаче разгадки «истинного положения вещей» на земле и за её пределами. И упорство его расшифровать научно истины религии с годами возрастало. «Потусторонним

миром» для КЭЦ стал огромный, населённый иными цивилизациями Космос, в существование которых он непреложно верил. Бессмертной душой, точнее, ядром человеческой индивидуальности, калужский мудрец полагал «дух-атом», который не только может — обязан завоевать космическое пространство и заселить его. «Раем» для Циолковского было постоянное чувство радости, связанное с выполнением такой задачи; «адам» — обыденность нашей скорбной планеты, уникального в Мироздании питомника для выращивания наиболее сильных духом, способных покорять космическое пространство.

Циолковский понимал, что решить такие грандиозные научные задачи можно, лишь сосредоточив все мысли, чувства и действия на поставленной задаче. Точно так же, как религиозный подвижник сводит все мысли к молитве или к мантре, подвижник от науки, отрекаясь от любых мирских соблазнов, забывает себя ради проникновения в истину научную. Калужский затворник сформулировал свой метод достижения истины в брошюре «Нирвана», как полное обуздание психосферы на пути к Истине и Свободе. Одним из первых он возвратил буддизму научные первоосновы, завещанные Готамой-Буддой и превращённые последующими поколениями монахов в религию. Обывательский же подход к буддизму трактует Нирвану, как отрицание жизни и уход в небытие.

Циолковский не только вернул понятию Нирваны его первоначальный смысл, но и всей жизнью с молодых лет жил полным сосредоточением на Истине. Отец посылал ему на содержание во время учёбы 7-8 рублей ежемесячно. По ценам XIX века этого хватало на сносное существование. КЭЦ же обходился 90 копейками в месяц, тратя остальные деньги на книги и на материалы для научных опытов. Уже потом, женившись и «настрогав» полдюжины детишек, он основную часть зарплаты школьного учителя расходовал на те же цели. К счастью, женой учёного оказалась дочь священника, которая безропотно терпела полуголодное существование и самоотверженно помогала мужу, сняв с него по существу все бытовые заботы.

С воцарением советские власти житейская ситуация учёного изменилась к лучшему. Декретом В. И. Ленина в 1919 г. Циолковскому как выдающемуся деятелю науки была назначена неплохая по тем временам пенсия. Поэтому с ним вынуждены были считаться все специалисты по воздухоплаванию. Усилил авторитет КЭЦ И. В. Сталин, приславший в канун 75-летия поздравительную телеграмму. Реверансы Константину Эдуардовичу вынуждены были отвечать самые злобные недоброжелатели. Но, как поётся в романсе, «и тайно и страстно оружия ищет рука». Интриги вокруг Циолковского плелись всю жизнь, кровь ему портили до самой смерти. Увы, се — человек...

В 1932 году к Циолковскому приезжал писатель Л. Кассиль. Любопытен эпизод из его статьи, опубликованной в газете «Известия»:

— Ну, Константин Эдуардович, как вы думаете, скоро я отправлюсь специальным корреспондентом «Известий» на Луну?

Циолковский хохочет. Он смеется удивительно вкусно, легко, заразительно...

— Ишь, пряткий... Не-ет, Это не так скоро. Сначала ещё пусть стратосферу завоюют... Вот дирижабль мой — тот может хоть сейчас полететь, он вполне осуществим. А всё тянут... Обещали начать давно, да всё комитеты, инстанции. Очень уж много... Ибсен вот зло сказал как-то... только вы не передавайте, а то ещё обидятся: «Когда чёрт захочет, чтоб ничего не вышло, он внушает мысль учредить новый комитет». Иногда и решишь в сердцах, что Ибсен-то прав... Я человек смиренный, но как же тут не сердиться... Ведь это нужно СССР... И человечеству нужно, значит...

Чем ещё можно объяснить не только чиновничью мышиную возню «комитетов», но и завистливо-крысиную возню вокруг имени учёного, кроме процитированного выше библейского вздоха? Ответ очевиден.

Для академиков и докторов наук КЭЦ был странным школьным учителем из провинциального захолустья, который каким-то непонятным боком прикоснулся к величайшим проблемам науки и в то же время просто, здраво, убедительно стыковал их с древними постулатами религий. Да так, что ни священник, ни учёный ничего не могли возразить. Можно понять Н. Е. Жуковского, когда бы он увидел в присланном Циолковским письме только подтверждение своим летательным проектам. Но ведь там были проекты освоения Космоса в телах из света!

«Что путного может происходить из Назарета?» — спрашивали две тысячи лет назад в Иерусалиме законодатели мудрости того времени. Вот и тянул с ответом калужскому мечтателю столичный профессор, не зная, что сказать о мало понятных ему проектах. К чести Н. Е. Жуковского, он не только «молчал», однажды всё-таки обронил похвалу идеям Циолковского. Потом спохватился, отозвал свои хвалебные слова.

«Грустно и больно думать о том, что даже крупнейшие люди обладают такими жалкими слабостями, которые обычно присущи людям мелким и ничемным», — философски заметил Циолковский своему другу Чижевскому. А мелких специалистов в области техники провинциальные штудии КЭЦ только бесили. Он отвечал своим врагам не по-христиански, скорее, по-конфуциански:

за добро — добром, за зло — по справедливости. Любил повторять изречение Козьмы Пруткова: «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». В своих письмах отзывался о специалистах ещё жестче: «Слепые и глухонемые дурни, вам бы в звериных шкурах ходить...».

Парефразируя Есенина, можно задать вопрос, откуда вообще «закатился» в научную среду этот её «встревоживший мятежник»? Циолковский, вверивший в восточную концепцию реинкарнаций, мог бы с полным правом заявить, что «закатился» из Древней Греции, как воплощение одного из великих греков-атомистов. Тем более, иные из них были аскетами и верили в переселение душ.

КЭЦ за всю жизнь не выпил ни рюмки вина или водки, был страстным поклонником женщин, но никогда не знал ни одной до женитьбы, а женившись, ни разу не изменил жене. С простодушной откровенностью признался в этом сам. Также называл половой акт постыдным способом продолжения человеческого рода, однако сам «презренным» способом увеличил род сей на семь единиц. Притом назвать себя хорошим семьянином отнюдь не спешил.

«Характер у меня вообще с самого детства скверный, горячий, несдержанный. А тут глухота, бедность, унижения, сердечная неудовлетворенность и вместе с тем пылкое, страстное до безумия стремление к истине, к науке, к благу человечества, стремление быть полезным, выбраться из застенка с тою же целью, полное ради этого пренебрежение средними человеческими обязанностями.

На последний план я ставил благо семьи и близких. Всё для высокого. Я не пил, не курил, не тратил ни одной лишней копейки на себя, например, на одежду. Я был всегда почти впроголодь, плохо одет. Умерял себя во всём до последней степени. Терпела со мною и семья. Мы были, правда, довольно сыты, тепло одеты, имели теплую квартиру, не нуждались в простой пище, дровах и одежде. Но я часто раздражался и, может быть, делал жизнь окружающих тяжёлой, нервной. Не было сердечной привязанности к семье, а было напускное, ненатуральное, теоретическое. И едва ли это было легко окружающим меня людям. Была жалость и правда, но не было простой, страстной человеческой любви».

Эти суровые самооценки дали повод недоброжелателям КЭЦ нарисовать образ угрюмого эгоиста и гордеца, хотя близко знавший и долго друживший с Циолковским А. Л. Чижевский признавался, что редко встречал человека более скромного и доброжелательного. Он был соткан из противоречий, но не такова ли природа каждого гения?

Циолковский в оценках друзей и врагов

Ничего не характеризует человека ярче, чем ярость его врагов. Уже упомянутый нами Г. М. Салахутдинов написал и опубликовал в либерально-перестроечное время кучу «исследований», компрометирующих отца космонавтики. Однако добился результата совершенно противоположного. Всякого рода паговоры, «чернуха» лишь чётче оттеняют космический свет звезды КЭЦ. Цитируем несколько отрывков из «трудов» Салахутдинова.

«Неужели кого-то могли убедить его (Циолковского) работы по астрономии, биологии, физике, сплошь основанные на “догадках” и фантазиях, или его философия-религия, сияющая фейерверком неправдоподобности, представляющая собой какую-то разновидность религиозного сектантства и откровенного мракобесия?

Ответить на все эти вопросы чрезвычайно трудно, поскольку сам К. Э. Циолковский был человеком не очень простым.

Итак, в бытовом отношении крайне скромный человек. Он никогда и никого ни о чём не просил для себя. Исключения составляли крайне скромные и вполне резонные просьбы о выделении средств на проведение опытов и на публикацию работ».

«И в то же время существует и другой К. Э. Циолковский: жёсткий, нетерпимый, высокомерный, поставивший сам себя выше не только любого из окружавших его людей, крупнейших учёных, но и выше самого Бога, которого он решил потеснить своей атомистической философией-религией. Он не только не сделал правильных выводов из отрицательных отзывов на его работы специалистов: Федорова, Рыкачева, Жуковского, Ветчинкина и др. (Запомним последнюю фамилию, мы к ней ещё вернёмся. — Ю. К.), но и, более того, обозначив их всех словом «профессионалы», стал представлять их недалёкими, завистливыми, косными. Он писал: “Мне бы только хотелось избежать предварительного суда специалистов, которые забракут мои работы, так как они опередили время; также и по общечеловеческой слабости: не признавать ничего оригинального, что так несогласно с воспринятыми и окаменевшими уже мыслями”. А вот ещё одно признание: “Отсылать рукописи на суд средних людей я никогда не соглашусь. Мне нужен суд народа. Труды мои попадут к профессионалам и будут отвергнуты или просто затеряются. За-

урядные люди, хотя бы и ученые, как показывает история, не могут быть судьями творческих работ»».

«Практические работы по ракетной технике в СССР, — продолжает свои рассуждения Г. М. Салахутдинов, — начались под влиянием не столько непосредственных идей К. Э. Циолковского, сколько в результате воздействия информации, поступавшей по этому вопросу с Запада. Роль К. Э. Циолковского здесь представляется только пропагандистской.

Он был настолько неизвестен за рубежом, что А. Л. Чижевскому пришла мысль издать специальную книгу для зарубежных учёных. Сам А. Л. Чижевский сделал к этой книге, названной, как и у Г. Оберта, «Ракета в космическое пространство», предисловие на немецком языке, и около 250 экземпляров были отправлены почти в 10 стран и по 10 экз. Г. Оберту и Р. Годдарду. Были посланы различные материалы Ф. Оппелю, А. Форрейгеру, А. И. Шершевскому, в ряд магазинов, издательств, редакций, а также в Прусскую Академию наук».

После этого Г. Оберт, крупнейший западный авторитет в области ракетостроения 18 сентября 1929 года написал К. Э. Циолковскому известное ответное письмо, в котором, в частности, писал: «Я только сожалею, что не раньше 1925 года услышал о Вас. Я был бы, наверное, в моих собственных работах сегодня гораздо дальше и обошёл бы без тех многих напрасных трудов, зная Ваши превосходные работы... Надеюсь, что Вы дождетесь исполнения Ваших высоких целей. Вы зажгли огонь, и мы не дадим ему погаснуть, но приложим все усилия, чтобы исполнилась величайшая мечта человечества»».

«Г. Оберт прислал К. Э. Циолковскому свою книгу и остается только сожалеть, что наш соотечественник, не зная немецкого языка, с ней не познакомился поближе, поскольку в ней содержались идеи и двухступенчатой ракеты, и внутреннего охлаждения ЖРД, самостоятельная разработка которых была ему не по силам».

Конец цитатам из сочинений Салахутдинова. Согласимся, в них больше вынужденной хвалы, нежели хулы.

А вот оценки друзей и людей сочувствующих.

А. Космодемьянский: «Полёты ракет наблюдали многие и до Циолковского. Первые фейерверочные ракеты были построены в Китае более 3000

лет назад. И, однако, никто из строителей ракет, никто из многих миллионов людей, наблюдавших фейерверки и иллюминации, не пришёл к созданию новой науки — теории полёта ракет... Всё величие таланта Циолковского, вся его творческая самобытность и оригинальность, проявились во всём блеске, именно в теории движения ракет, где многие и многие из учёных не видели ничего достойного внимания... Расширить границы познания объективных законов природы, проложить новые пути исследований в неизвестной области и дать результаты классической ясности и простоты мог только человек выдающегося дарования и гениальной проницательности».

А. Мень: «В своих сочинениях философского характера учёный развивал учение “панпсихизма” (“монизма”), согласно которому космос представляет собой живое и одушевленное существо. Атомы образуют во Вселенной бесконечное разнообразие форм жизни, в том числе человека (об этом шла речь в работах 1898 — 1914 гг.): “Научные основания религии”, “Этика или Естественные основы нравственности”, “Нирвана” и др). В позднем творчестве Циолковского центральное место занимает грандиозная планетарная и космическая утопия. В создании идеального общества Циолковский решающую роль отводил науке, её новым, поистине фантастическим возможностям (социальному проектированию посвящены его работы: “Горе и гений”, 1916; “Идеальный строй жизни”, 1917; “Общественный строй”, 1917; “Социология (фантазия)”, 1918; “Приключения атома”, 1918). С разочарованием учёного в цивилизации и возможностях научного познания связаны его религиозно-мистические искания последнего периода жизни и опыт построения новой этической системы (“Живая Вселенная”, 1923; “Воля Вселенной”, 1928; “Будущее земли и человечества”, 1928; “Научная этика”, 1930; “Космическая философия”, 1935)».

С. Королёв: «Он не воспользовался своим избранием членом Русского физико-химического общества для установления связей с научным миром. Когда в Боровск приехал известный электротехник П. М. Голубицкий, чтобы взять Циолковского для знакомства с русским математиком, профессором Стокгольмского университета Софьей Ковалевской, то Константин Эдуардович не поехал, как он сам объясняет, из-за своей дикости и застенчивости. Вот как Голубицкий описывает это посещение: “Я познакомился с Циолковским в Боровске, где крайне заинтересовался рассказами о сумасшедшем изобретателе, который утверждает, что наступит время, когда корабли понесутся по воздушному океану со страшной скоростью, куда захотят. Беседы с Циолковским поразили меня. С одной стороны, поражала крайняя простота его приёмов,

простое и дешёвое устройство его моделей, а с другой стороны, важность выводов. Невольно припомнилось, что великие учёные Ньютон и многие другие часто из ничего не стоящего опыта приходили к научным выводам неопределимой важности. Поражало и то, что сам изобретатель, отец многочисленного семейства, отдавал все силы и последние свои средства науке, в то время как из каждой щели этого дома видна ужасающая нищета”.

А вот как отвечал Константин Эдуардович не только своим критикам, но и поклонникам: “Многие думают, что я хлопочу о ракете и беспокоюсь о её судьбе из-за самой ракеты. Это было бы глубочайшей ошибкой. Ракеты для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но отнюдь не самоцель. Не доросшие до такого понимания вещей люди говорят о том, чего не существует, что делает меня каким-то односторонним техником, а не мыслителем. Так думают, к сожалению, многие, кто говорит или пишет о ракетном корабле. Не спорю, очень важно иметь ракетные корабли, ибо они помогут человечеству расселиться по мировому пространству. И ради этого расселения я-то и хлопочу. Будет иной способ передвижения в космосе — при-му и его. Вся суть — в переселении с Земли и в заселении Космоса. Надо идти навстречу, так сказать, космической философии! К сожалению, наши философы об этом совсем не думают. А уж кому-кому как не философам следовало бы заниматься этим вопросом. Но они либо не хотят, либо не понимают великого значения вопроса, либо просто боятся... Представьте себе философа, который боится! Демокрита, который трусит! Невозможно!”.

Сказано так, словно КЭЦ убеждён в поведении Демокрита, в какую бы эпоху тот ни жил.

Новосибирский апокриф

Так назвал главу своей книги «На берегу Вселенной» А. Л. Чижевский, ближайший, даже, может быть, единственный великий прижизненный друг Циолковского. Одна из глав его книги посвящена человеку, сыгравшему странную роль в судьбе Циолковского. Его нельзя считать врагом КЭЦ, поскольку он относился к Константину Эдуардовичу с искренним пиететом, соратником — тоже, потому что ни о каком соратничестве речь идти не может. Речь идёт о Юрии Кондратюке, которого средства массовой информации в 60-х годах прошлого века вначале как бы заново открыли, а потом сделали фигурой, равновеликой КЭЦ. Писать о Ю. В. Кондратюке (настоящее его имя А. М. Шаргей) нелегко, тем более мне, новосибирцу. Ибо, что бы ни говорили об этом человеке, он был,

несомненно, талантлив, честен, прожил нелёгкую жизнь, но принёс Циолковскому немало огорчений. Из песни, как говорится, слов не выкинешь.

Сегодня принято считать, что Кондратюк независимо от Циолковского пришёл к тем же космическим идеям, расчётам и формулам, которые впервые обнаружил Константин Эдуардович. Американские учёные, поверившие на слово нашим СМИ, заявили, что их проект высадки человека на Луну основан на вычислениях Кондратюка. На этом основании имя Кондратюка носит один из лунных кратеров, а также открытая в 1977 году малая планета-астероид. В Новосибирске есть площадь имени Кондратюка, его именем назван Аэрокосмический лицей и Научно-мемориальный центр, расположенный в здании-памятнике, где работал некогда Юрий Васильевич. Основанием для всех этих почестей, а также для вывода о самостоятельном приходе Кондратюка к космическим идеям и расчётам служит его книга «Завоевание межпланетных пространств». Главную же роль в пропаганде «автономности» ракетных расчётов Кондратюка сыграл известный советский учёный В. П. Ветчинкин. Резко отрицательную оценку обоим дал А. Л. Чижевский, считая Кондратюка фигурой, полностью «надутой» Ветчинкиным, а потом средствами массовой информации специально для того, чтобы дискредитировать Циолковского. Вот отрывки из книги «На берегу Вселенной»: «Познакомившись с содержанием книжки Кондратюка, Циолковский сказал: “Ветчинкин силен своим нахальством, своей наглостью, умением сухим выходить из воды... С ним не так просто будет справиться... Я не хочу сейчас поднимать скандал из-за неосторожных, необдуманных и злых поступков проф. Ветчинкина. У меня нет времени и сил поднимать борьбу с ним или подавать на него в суд за явное оскорбление меня, будто я украл мысли Цандера и так далее. Не могу я поехать в Новосибирск и надрать уши новоявленному звездоплывателю. Я сейчас занят более важным делом (в этот период времени он разрабатывал систему многоступенчатых ракет. — Прим. А. Л. Чижевского). Но пройдут годы, улягутся страсти, и тогда Вы, дорогой Александр Леонидович, — обратился он ко мне, — очевидец всех этих дел, — должны будете восстановить мой приоритет, если это понадобится, или рассказать об этих делах в назидание будущим поколениям... Пусть эта просьба будет моим завещанием”».

Дело будущих учёных выполнить завещание Циолковского, разобраться во всех перипетиях и профессиональных тонкостях спора вокруг его имени, также имени Кондратюка и напумевшей книги последнего. Речь идёт не о научном споре, не о выяснении истины, а об отсутствии таковой, когда дело

касается «приоритетов» Ю. В. Кондратюка. Ограничимся некоторыми фактами, которые проверены, хорошо известны сегодня и не отрицаются ни одним серьёзным исследователем.

Согласно опубликованным датам биографии Ю. В. Кондратюка, его взаимодействие с работами Циолковского выглядит в хронологическом порядке следующим образом:

Май — июнь 1919 г. — пребывание А. И. Шаргея (Кондратюка) в Полтаве. Первое знакомство со статьёй о ракете К. Э. Циолковского. Первые наброски будущей книги.

Июнь 1919 г. — ноябрь 1919 г. — А. И. Шаргей живёт и работает в Киеве. Работает над вторым вариантом рукописи о межпланетных путешествиях, которую назвал: «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Меняет фамилию «Шаргей» на «Кондратюк».

Ноябрь 1922 г. — август 1925 г. — Юрий Кондратюк работает в местечке Малая Виска на сахарном заводе на разных технических должностях. В этот период он продолжал трудиться над третьим вариантом своей рукописи «О межпланетных путешествиях». В июне 1925 г. пишет первое предисловие к этой работе и после этого направляет рукопись в Москву, в Главнауку, на предмет рецензирования и издания. Там она попадает в руки Л. Троцкого.

12 апреля 1926 г. — Ю. В. Кондратюк получает высокий отзыв о своей работе «О межпланетных путешествиях» (рукопись-вариант № 3) от инженера-механика В. П. Ветчинкина.

Апрель 1926 г. — апрель 1927 г. — Ю. В. Кондратюк трудится над четвёртым вариантом своей рукописи по межпланетным путешествиям с учётом пожеланий и замечаний инженера-механика В. П. Ветчинкина, предложившего назвать работу — «Завоевание межпланетных пространств».

4 декабря 1927 г. — профессор В. П. Ветчинкин пишет предисловие к этой книге.

14 июня 1928 г. — отказ ГИЗа и Главнауки издать книгу Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств».

Октябрь 1928 г. — Ю. В. Кондратюк пишет второе предисловие к своей книге.

Январь 1929 г. — выход в свет книги Ю. В. Кондратюка «Завоевание межпланетных пространств» под редакцией и с предисловием профессора В. П. Ветчинкина и с двумя предисловиями автора (Новосибирск, издание автора, тираж 2000 экземпляров).

Выписка из Большой Советской Энциклопедии о Ветчинкине.

«Ветчинкин Владимир Петрович (1888 — 1950), советский учёный в области аэродинамики, самолётостроения и ветроэнергетики, доктор технических наук, профессор (1927), засл. деятель науки и техники (1946). Ближайший ученик Н. Е. Жуковского. Один из организаторов Центр. аэрогидродинамич. ин-та (ЦАГИ). Вёл многолетнюю науч. (в ЦАГИ) и пед. (в МВТУ и др. ин-тах) работу по теории и расчёту гребных винтов, динамике полёта и прочности самолётов, использования ветра и конструированию ветроэлектростанций и др. В. опубликовал ок. 150 научных работ. Гос. пр. СССР (1943). Награждён 3 орденами».

Таким образом, не может быть и речи о том, что Кондратюк, а тем более Ветчинкин, не были знакомы с работами Циолковского и вышли не его космические идеи самостоятельно.

А. Л. Чижевский о характере взаимоотношений между Циолковским и Ветчинкиным в уже цитируемой книге «На берегу Вселенной» вспоминает, как о крайне напряжённых. При этом инициатором напряженности был именно Ветчинкин. На лекциях в МВТУ, где преподавал, он бросал упреки Циолковскому, обвиняя его в плагиате, утверждая, что он якобы воспользовался идеями Кибальчича, который разработал и описал реактивный снаряд для межпланетных путешествий задолго до опубликования работы Циолковского и что заслуга этого изобретения должна быть присвоена Кибальчичу, а не Циолковскому. Обвинение, брошенное В. П. Ветчинкиным в адрес К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевский считал несправедливым. Это побудило его встретиться с Ветчинкиным и выяснить причину публичной компрометации Циолковского, а также передать его письмо молодому учёному и потребовать ответа на него. В ходе беседы, по описанию Чижевского («На Берегу Вселенной», М., 1995), Ветчинкин вёл себя крайне невежливо, позволял резкие выпады в адрес Циолковского, оправдывался, выкручивался, отказывался от слов, произнесенных им на лекциях. Чижевский понял, что перед ним стоит ярый враг Циолковского, способный на любые противоправные действия, и что свою научную карьеру он сделает, основываясь на идеях Циолковского. Так оно и вышло в дальнейшем. Письменного ответа на письмо КЭЦ не последовало.

В печати же и на собраниях Ветчинкин стал осторожнее, учитывал сложившийся уже в 1920-е годы авторитет Циолковского. Так Константин Эдуардович пишет в «Монизме Вселенной»: «...известный профес. Ветчинкин на московском диспуте 3 мая 1925 года в присутствии представителей многих

учреждений заявил о том, что все мои вычисления относительно дирижабля и реактивных приборов верны, и если приняты были ранее холодно, то только потому, что опередили время». Втайне же В. П. Ветчинкин принялся за Циолковского весьма расчётливо и основательно, действуя против КЭЦ руками Ю. В. Кондратюка, человека столь же простодушного, как и сам Циолковский. С рукописью Кондратюка, по словам Чижевского, Ветчинкин возился четыре года, написав несколько отзывов на неё, предисловие и рекомендаций по исправлению. В них говорилось: «Работу тов. Кондратюка можно напечатать и в том виде, какой она имеет сейчас. В дальнейшем можно было бы соединить его работу с работой других авторов по тому же вопросу (К.Э.Циолковский, Ф.А.Цандер, и, вероятно, ещё и другие), с тем, чтобы издать хороший коллективный труд; но такая книга не может быть написана быстро, и ради сохранения приоритета СССР не следует откладывать печатания готового труда из-за возможности написания нового, более хорошего.

Для этого совершенно необходимо достать экземпляр, писанный самим автором, так как присланная мне на отзыв копия в смысле переписки не выдерживает никакой критики, а также не снабжена чертежами, хотя ссылки на них имеются в тексте. (Допущены большие ошибки при вписывании формул.)

Кроме напечатания работы тов. Кондратюка, самого его (в случае его согласия) следует перевести на службу в Москву, ближе к научным центрам; здесь его таланты могут быть использованы во много раз лучше, чем на хлебном элеваторе, здесь и сам Кондратюк мог бы продолжить своё самообразование и работать плодотворно в избранной области. Такие крупные таланты-самородки чрезвычайно редки и оставление их без внимания с точки зрения Государства было бы проявлением высшей расточительности».

По совету В. П. Ветчинкина Ю. В. Кондратюк несколько изменил систему обозначений и терминологию, включил в свою работу не приводившийся ранее вывод основной формулы полёта ракеты, принадлежавшей Циолковскому, и дополнительно написал четвертую главу «Процесс сгорания, конструкция камеры сгорания и извергающей трубы», которой ранее не было в рукописи.

Весьма примечательно отношение самого Циолковского к Кондратюку. Несмотря на желание «надрать уши новоявленному звездоплавателю» (а в научной и человеческой честности процитировавшего эти слова А. Л. Чижевского сомневаться не приходится) КЭЦ относился к новосибирскому инженеру не только корректно, но и весьма дружелюбно. Архивы сохранили обмен книгами и личными фотографиями между двумя исследователями.

Сразу же по выходе своей книги Ю. В. Кондратюк посылает экземпляр К. Э. Циолковскому с дарственной надписью: «С почтением, пионеру ис-

следований межпланетных сообщений. От автора. Юр. Кондратюк». Этот экземпляр сейчас хранится в архиве Академии наук СССР.

В свою очередь, посланную Кондратюку книгу «Исследование мировых пространств реактивными приборами» Циолковский снабдил надписью на титульном листе: «Многоуважаемому Юрию Кондратюку от автора. 1929 г., 15 февраля». Книга с надписью сохранилась и сейчас находится в фондах Государственного музея истории космонавтики им. К. Э. Циолковского в Калуге. В 1929 г. К. Э. Циолковский издаёт свою новую работу «Космические ракетные поезда». В предисловии к этой брошюре он в числе активных работников ракетного дела упоминает и имя Ю. В. Кондратюка.

Большой интерес для оценки трудов Ю. В. Кондратюка представляет переписка К. Э. Циолковского с Р. Ладеманом. В апреле 1930 г. Р. Ладеман писал К. Э. Циолковскому: «Я убеждён, что Кондратюк знал Ваши книги, прежде чем написать свою». На что Циолковский в письме от 24 апреля 1930 г. ответил ему: «Вероятно, что Кондратюк работал, *не зная всех моих трудов* (выделено мною. — Ю. К.). Это очень энергичный молодой человек». КЭЦ правдив и здесь. Действительно, всех трудов его (имея в виду философские) Кондратюк не знал, но с работами по освоению космоса был, несомненно, знаком, и в этом Ладеман прав.

Познакомившийся с книгой Кондратюка и с предисловием к ней Ветчинкина А. Л. Чижевский не мог удержаться от возмущённого возгласа: «На кого рассчитана книжка Кондратюка!? На профана?! Всё, что в ней написано в 1929 г., было уже ранее известно и опубликовано К. Э. Циолковским, Э. Пельтри, Р. Годдардом, Г. Обертом, М. Валле, Р. Ладеманом и другими исследователями». Чижевский назвал книгу Кондратюка плагиатом. Но сам Юрий Васильевич в «обработке» своего труда Ветчинкиным не виноват. Ни его характер, ни вся его предыдущая до опубликования книги жизнь, ни последующие житейские передрыги не дают оснований упрекнуть этого человека в сознательном искажении истины. 18-летним мальчишкой в 1916 г. был призван в царскую армию, прошёл учёбу в школе прапорщиков, воевал на турецком фронте. В годы Гражданской войны был мобилизован в армию Деникина, бежал из неё. В годы Советской власти с 1919 по 1927 г. работал смазчиком железнодорожных вагонов, мельником, кочегаром на сахарном заводе, механиком на ряде элеваторов Кавказа. Позднее с элеваторами связана его работа в Сибири, где он зарегистрировал четыре изобретательских патента по элеваторному делу, получил также авторский патент на изобретённый им башенный ковш. В 1932-1933 гг. ему были вручены три авторских свидетельства в области ветроэнергетики.

В мае 1932 г. Ю. В. Кондратюк приглашается Главэнерго НКТП СССР на конкурс по разработке проекта мощной ветроэлектростанции в Крыму, принимает участие в нём и занимает по конкурсу первое место. По рекомендации Г. К. Орджоникидзе его направляют на проектирование и строительство Крымской ВЭС.

В апреле-мае 1933 г. Кондратюк, будучи в Москве, в ГИРДе (группе изучения реактивного движения), встречается с С. П. Королёвым и получает от него приглашение работать в этом учреждении. Приглашение отклоняет, по мнению одних исследователей, считая себя недостаточно компетентным в области ракетостроения, по мнению других — из-за опасения, что первый отдел ГИРДа может раскопать офицерское прошлое Кондратюка и его настоящую фамилию. Полагаю, что этот последний мотив неубедителен. В последующие годы Юрий Васильевич всё-таки работал в Москве в Главэнерго. Что же касается опасения обнаружить прошлое, то оно было хорошо знакомо чекистам ещё в 1930 г., когда он был арестован и приговорен к трем годам лишения свободы. Приговор позже по протесту прокурора Верховного Суда СССР П. А. Красикова заменили ссылкой в Западную Сибирь. А 28 апреля 1932 г. по представлению наркома Г. К. Орджоникидзе Ю. В. Кондратюк был досрочно освобожден. Так что причиной отказа Юрия Васильевича от работы в ГИРДе было, скорее всего, честное осознание своей недостаточной компетентности в области ракетостроения. Космические проекты были лишь эпизодом его жизни. Ни до опубликования книги «Завоевание межпланетных пространств» ни после он никогда практически не занимался ракетными делами, а с 1929 г. прекращает и теоретическую работу в этой области.

Справедливости ради укажем также, что и Циолковский не считал себя практиком ракетостроения. Он не однажды тоже получал приглашение переехать в Москву, чтобы работать там в любом качестве — как практик или как теоретик. Но отказывался от приглашения по причинам, которые объяснил так: «Как только мне удавалось кое-что сделать в области ракетного движения, так начиналась травля моих работ — травля исподтишка, скрытая, завуалированная и в то же время явная. Во-первых, те, кто меня травил, старались доказать, что все мои работы ровно ничего не стоят, во-вторых, не могут быть поэтому опубликованы в научной печати, а в-третьих, мне возвращали рукописи, но мои идеи уже оказывались в обработанном виде — либо в Германии, либо в Америке... Так было не раз. Кто-то волком бродит вокруг моих работ о ракетах и буквально рвет их у меня из рук. Как хорошо, что я живу в Калуге и ни за что не перееду в Москву, хоть золотом меня осыпь! В Калуге ни трамваев, ни

автобусов нет, а автомобиль можно переждать на тротуаре. Иначе меня уже давно бы подтолкнули...»

По существу он всю жизнь прожил в Калуге по той же причине, что Шолохов — в Вёшенской.

Подведём итоги вышесказанному.

Ю. В. Кондратюк никогда не претендовал ни на какие «приоритеты» в космических проектах, единственным пионером ракетостроения сам он считал Циолковского. Ракетное увлечение было одним из эпизодов в судьбе талантливого самоучки-изобретателя, можно сказать, по духу младшего брата КЭЦ. Всё остальное дело рук специалиста не только в области техники, но и интриг — Ветчинкина, а также жаждавших сенсаций журналистов. Ветчинкин убедил молодого новосибирского инженера «осовременить» его работу новейшими техническими расчётами учёных и техников. Главным аргументом был тот, что без расчётов инженеру незачем соваться в печать с одними фантазиями. Известные же науке формулы пристойно цитировать, это распространено в научном мире — так, вероятно, объяснил Ветчинкин необходимость соответствующих вставок провинциалу из Сибири. Ветчинкину было нетрудно убедить Ю. В. Кондратюка ещё по одной причине: Кондратюк обладал наследственной неустойчивой психикой, легко поддавался внушению, благоговел не только перед Циолковским, но и перед своим новым опекуном. В книге Кондратюка есть абзацы, словно написанные рукой Ветчинкина, по крайней мере, некоторые места в завуалированной форме содержат обвинения, брошенные Ветчинкиным ранее Циолковскому (речь идёт о неактуальности покорения Космоса, если нет конкретных прагматических целей). В связи с этим Ветчинкин предложил также в духе нового времени прежнее «романтическое» название работы Ю. В. Кондратюка «О межпланетных путешествиях» заменить на более уверенное «Завоевание межпланетных пространств». В своём предисловии к книжке Кондратюка Ветчинкин писал: «Предлагаемая книжка будет служить настольным справочником для всех, занимающихся вопросами ракетного дела». В общем, стал крёстным отцом последующих событий. Дальнейшую молву о «равновеликом приоритете» Кондратюка довершили журналисты.

6 июля 1941 г. — Ю. В. Кондратюк уходит добровольцем в дивизию народного ополчения Киевского района г. Москвы и зачисляется красноармейцем роты связи стрелкового полка. Эта дивизия сразу же уходит на фронт.

1 сентября 1941 г. — Ю. В. Кондратюк пишет последнее письмо с фронта, которое сохранилось.

30 сентября 1941 г. — очевидцы последний раз видели Ю. В. Кондратюка у блиндажа штаба стрелкового полка в лесу, что юго-западнее деревни Барсуки Кировского района Калужской области.

3 октября 1941 г. — Юрий Васильевич Кондратюк погиб в бою с немецко-фашистскими захватчиками на территории Кировского района Калужской области.

Таковы документальные данные. А фантастические легенды о Ю. В. Кондратюке продолжают кочевать в СМИ до сей поры, как возвеличивающие, так и унижающие этого человека, всю свою жизнь и техническое творчество отдавшего советской России. Талантливым изобретателем он был, поклонником КЭЦ — тоже, но и близко не подходил к философскому осмыслению великим калужанином космических проблем.

К ним и обратимся.

Космическая философия Циолковского

Хотя никто никогда не сомневался (во всяком случае, печатно) в приоритете философских построений Циолковского, они вполне укладываются в библейские размышления Экклезиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: «смотри вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас». Мысли, близкие идеям Циолковского, высказывали в зачаточной форме древние атомисты Греции, а в куда более развёрнутом, чем у Константина Эдуардовича виде, — древние ведантисты Индии и теософы XIX века.

В основу своей философии Циолковский положил «три основы суждений». Он пишет: «Для своих рассуждений мы имеем три начала, или три элемента: время, пространство и силу, всё остальное вытекает из них — даже чувствительность. Эти три понятия свойственны только Высшему Разуму и есть его результаты (т. е. устройство мозга)». На языке марксизма-ленинизма подобный пассаж можно было бы назвать «субъективным идеализмом». Однако в дальнейшем калужский философ уточняет, что разум человека есть слабое подобие Вселенского Разума — Причины Космоса. А это уже идеализм объективный, типа гегелевского. Для «аналитиков», подобных Г. Салахутдинову, такой субъективно-объективный идеалистический коктейль — это средневековье, мракобесие. Тут современный критик КЭЦ всех марксистов превзошёл по части навешивания ярлыков.

Когда непредвзято знакомишься с философскими работами Циолковского, подкупает их простота, свежесть, а кроме того, несокрушимая логика, ставившая в тупик мэтров марксистской идеологии и увлекавшая многих корреспондентов калужского мыслителя 20-х и 30-х годов XX века. Среди тех, кто находился в переписке с КЭЦ, были материалисты, верующие, даже теософы. Сам же себя Циолковский называл материалистом. Но каким! Марксистский материализм он называл младенческим, «вещественным» в узком смысле слова. Для Циолковского материально и «вещественно» всё — мысль, время, пространство, поскольку они существуют в Космосе. Однако за проявленным Космосом стоит непостижимая Причина его.

«Напротив, — пишет Циолковский, — трудно считать Причину Вселенной тождественной с ней самой. В самом деле, человек в своей деятельности не может создать ни одой крохи вещества, ни одной капли работы (по закону сохранения вещества и энергии). Причина же дала их целую бесконечность в виде безбрежного космоса.

Значит, первое, что мы можем сказать о Причине, это то, что она не только выше Вселенной, но и то, что она не имеет ничего общего с веществом».

Итак, безграничный Космос, как неоспоримая данность и загадочная Причина его, как гипотеза, превосходящая любые рассуждения. Это первый кит, на котором стоит философия Циолковского. А второй кит — атом, как кирпичик, из которого выстроен Космос. При этом атом включает в себя также Причину, поскольку порождён ею. Комбинации атомов по степени их сложности представляют звёзды, планеты, камни, растения, животные, люди. Комбинации возникают, живут, распадаются; думают, когда становятся человеком; чувствуют в любом, даже простейшем состоянии. «Я не только материалист, но и панпсихист, — пишет Циолковский в «Монизме Вселенной», — признающий чувствительность всей вселенной. Это свойство я считаю неотделимым от материи. Всё живо, но условно мы считаем живым только то, что достаточно сильно чувствует».

Бесконечен Космос, бесконечны сочетания атомов, а значит то и другое бессмертно. Бессмертен, в сущности, и человек, не где-то в отдалённом будущем, но здесь и теперь. Такое суждение может показаться софистикой, но уж в чём — в чём, а в пустых умозрения Циолковского не упрекнёшь.

«Люди склонны думать, что всё умирает, как умирают они сами. Это одна из иллюзий ума, называемая антропоморфизмом, или уподоблением окружающих явлений жизни человека. Антропоморфист думает, что какая-нибудь палка, гора, травка, насекомое думает и делает, как он сам. Напр[имер], камень рождается, растёт, умирает, гора размышляет, бактерия соображает, амёба — хитрит и т. д.

Но нельзя не верить в обратный процесс — восстановления. Разве мы видим только одно разрушение организма? В равной мере царствует созидание — явление обратное, оно даже сильнее умирания, так как число организмов на Земле непрерывно возрастает... Можно ли после этой картины сомневаться в жизненности материи! Мозг и душа смертны. Они разрушаются при конце. Но атомы, или части их, бессмертны, и потому сгнившая материя опять восстанавливается и опять даёт жизнь, по закону прогресса, ещё более совершенную».

Эти рассуждения могут показаться наивными, даже примитивными. Кого утешит перспектива бессмертия атома при утрате человеческой личности?! Но Циолковский не так прост в своих философских построениях, недаром он говорил, что даже Спиноза в сравнении с ним только мистик. Атом КЭЦ приобретает свойства того тела, в котором находится: в камне у него зачатки чувствительности, в животном уже присутствуют начала рассудочной деятельности, в человеке каждый атом вибрирует в соответствии с уровнем развитости мозга. Поэтому после смерти человеческие атомы «по закону прогресса» и совершенствования примутся искать воссоединения в существах более продвинутых, чем объединявший их прежде человек, и в этих поисках могут перемещаться на другие планеты Солнечной системы, даже в иные звёздные системы. При этом Циолковский был убеждён, что длина жизни «космического человека» прямо пропорциональна его развитию. В мирах более совершенных в сравнении с Землёй люди живут неизмеримо дольше. Но всё равно, каждой жизни приходит конец, и атомы человека неизменно переключаются в иную человеческую оболочку, при нормальном развитии в более совершенную.

«Когда говоришь об этом людям, — продолжает рассуждения Циолковский, — они оказываются недовольны. Они непременно хотят, чтобы вторая жизнь была продолжением предыдущей. Они хотят видеться с родственниками, друзьями, они хотят и пережитого. “Неужели я никогда не увижу жены, сына, матери, отца, — горестно восклицают они, — тогда лучше не жить совсем. Одним словом, ваша теория меня не утешает”.

Но как вы можете видеть своих друзей, когда представление о них — создание вашего мозга, который будет обязательно разрушен... Умиравший прощается навсегда со своей обстановкой. Ведь она у него в мозгу, а он расстраивается. Она возникает, когда атом снова попадает в иной мозг. Он даст и обстановку, но другую, не имеющую связи с первой».

На эту тему существуют гипотезы иного порядка. Впрочем, Константин Эдуардович не настаивал на своей: «Когда появятся новые научные данные, убедительно опровергающие мои, я с ними соглашусь». Эти «новые данные»

известны людям с древних времён в виде загробного существования, утверждаемого всеми религиями мира. Теперь и наблюдения некоторых учёных (Моуди, например) говорят, что со смертью физического тела распад атомов, его составляющих, не тотален. Конгломерат «тонких атомов», то есть душа выделяется из физического тела, проходит через его «чёрный коридор» в околоземное пространство, встречается там с сияющими существами, даже с умершими родственниками и друзьями. При этом окружающая обстановка в новом мире часто напоминает земную. «Новые данные» о посмертном существовании души ещё не утвердились в науке, их также оспаривает церковь, хотя оспаривает по-своему: не сам факт посмертной жизни, но её трактовку. Одно ясно — Космос устроен гораздо мудрее, чем предполагают самые большие умы Земли. Как тут не вспомнить слова Шекспира: «Есть многое, Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам».

И если всё-таки принять космические построения Циолковского за рабочую гипотезу, то у сторонников существования Причины Космоса (иными словами, Бога) есть все основания предполагать, что приспособление атомов к новым, более высоким вибрациям Высших Миров — процесс долгий, и перевоплощение на иных планетах возможно лишь после долгих кочевий из тела в тело на Земле. К таким выводам приходят некоторые современные последователи Циолковского.

Что же касается общения с ушедшими родственниками, то оно в принципе всегда было возможно для живущих на Земле. За рубежом и у нас такие попытки делались неоднократно и продолжают до сих пор. Наука эта, если можно её назвать наукой, древняя, известна как спиритизм, магия, другое дело полезна ли такая наука. Циолковский на этот вопрос отвечал резко отрицательно, он и слышать не хотел о спиритизме. И был абсолютно прав. В наши дни спиритизм и магия в лучшем случае уводят человека от реальной жизни, в худшем — превращают в колдуна или в сумасшедшего.

Радостная, здоровая философия КЭЦ если и зовёт нас в иные миры, то лишь через совершенствование в обычной земной жизни.

В переписке с корреспондентами Циолковский разъяснил некоторые детали своей «космической доктрины» и опубликовал свою переписку.

«ВОПРОС. Какая разница между учёными материалистами и вами?»

ОТВЕТ. Есть песенка. Начало её грустно, но в её продолжении печаль превращается в неомрачимую радость. Первую, меньшую часть песни знают материалисты. Я же знаю не только её начало,

но и счастливое продолжение. Вот какова между нами разница! За материалистами большинство не идёт, потому что их печальное начало повергает человека в отчаяние. Идут за спиритуалистами (верующими. — Ю. К.), потому что они дают надежду на вечность. Большинство не имеет достаточных знаний, чтобы видеть свои заблуждения. Вера их слаба, но отрадна.

Спиритуализм (религия), помимо своей научной необоснованности, обещает что-то смутное, неопределённое, возмездие за ошибки. Я же ясен, как день. Вы часть — космоса. В “Монизме” же доказывається, что жизнь в нём, в общем, совершенна и разумна. Значит, и вы, живя жизнью Вселенной, должны быть счастливы. *Земная жизнь — исключение* (выделено мною. — Ю. К.). Покончив с нею, вы неизбежно погрузитесь в нескончаемую и блаженную жизнь космоса.

Величайший разум господствует в космосе, и ничто совершенного в ней не допускается.

ВОПРОС. Значит, всё слабое, недоросшее, преступное, глупое — “под нготь”. Не нравится мне это...

ОТВЕТ. Ничего подобного. О несовершенном, больном, уродливом, безумном (в космосе) ещё больше самых нежных забот, чем о разумном, добром, красивом и здоровом. Им не дают только возможность иметь детей, что не исключает брака. Чувство же материнства и отцовства они могут удовлетворить и на чужих детях.

Высший эгоизм, т. е. истинная выгода каждого “я”, или атома, требует величайшего милосердия ко всему живому, но в то же время строгого искусственного подбора. Размножается только наиболее, в данный момент, совершенное.

ВОПРОС. Кто же будет различать совершенное от несовершенного? Не вышло бы тут ошибки и не попасть бы из огня в полымя?

ОТВЕТ. При настоящем устройстве общества искусственный подбор может быть применён очень ограниченно, в зачаточном виде, каково и теперешнее устройство общества. Но по мере приближения его к идеалу (он будет указан гениями и будет непрерывно развиваться) как милосердие, так и искусственный подбор будут усиливаться...».

Если заменить в этой цитате слова «Величайший разум», «Космос», «атом» соответственно — на «Бог», «Царство Небесное», «бессмертная душа», мысли Циолковского читаются почти как религиозный текст, если же употребить

слова «Логос», «Нирвана», «Монада», получится извлечение из теософского трактата. Поражает, как подобная научная «расшифровка религиозных понятий», в которой, ничего не утаивая, признавался Циолковский, ускользнула от бдительного ока НКВД? Ответ может быть единственным, разумеется, неудовлетворительным для «младенческих» материалистов: «Неизвестные Разумные Силы», о которых тоже открытым текстом писал Константин Эдуардович, охраняли его от карательных санкций советской охраны.

Циолковский, как подчёркнуто выше, называл страдальческую земную жизнь исключением в блаженно-счастливом бытии Космоса. Почему для нашей Земли сделано такое печальное исключение?

Согласно представлениям КЭЦ, во всей Вселенной господствует принцип искусственного заселения планет представителями высоких цивилизаций, которые в течение сравнительно коротких промежутков времени совершенно безболезненно поднимают низшие состояния материи на высший уровень. На земле же жизнь появилась, по мнению Циолковского, «самозарождением».

«В космосе самозарождение допускается, хотя и чрезвычайно редко, в силу необходимости обновления или пополнения совершенных. Кое-где они вырождаются и ликвидируются ввиду встречающегося местами регресса. Необходим свежий приток, иначе может погаснуть и совершенная жизнь, или же она вытеснится уродливой.

Роль Земли и немногих подобных планет, хотя и страдальческая, но почётная. Земному усовершенствованному потоку жизни предназначено пополнять убыль регрессирующих пород космоса.

На долю земного населения выпал тяжёлый жребий, высокий подвиг. Немногие планеты его получают. Едва ли одна на миллиард. В противном случае это бы противоречило разуму совершенных, т. е. высшему эгоизму. Не могут же они работать во вред себе.

Некоторая доля страданий в космосе есть горькая необходимость...».

Циолковский полагал, что в XX веке болезненная страница истории Земли завершится, и она перейдёт на новый виток своего развития — радостного заселения иных миров «свежим притоком» земных представителей. Свою миссию, как известно, он видел в создании ракетных караванов на первых порах, а дальше, как Богу, или Причине Космоса, будет угодно... Воистину, причудливое сочетание естественного и сверхъестественного, отчего такие крупные фигуры, как Жуковский, Цандер, даже порой Королёв, приходили в недоумение, а ма-

ленькие Ветчинкин и Салахутдинов — в тихую ярость. Очень распространённая черта человеческой психики, к исследованию которой прикасались Пушкин в «Моцарте и Сальери» и сам Циолковский — в работе «Горе и гений».

На эту тему ещё одно место из переписки КЭЦ.

«ВОПРОС. Вы предлагаете замену одной веры другой. Мне это ненавистно. Довольно прежних заблуждений. Право, вы проповедуете что-то вроде веры, только под другим соусом.

ОТВЕТ. Вопрос не о вере, а о том, говорю я истину или ложь. Если ложь, то покажите, где она. Покажите мои ошибки, мои заблуждения. Я сам их страстно хочу видеть! Если же я говорю правду, то она должна быть принята, как вы её ни называйте.

Поймите то, что я хочу сказать. Выводы заслуживают внимания и даже отчаянной работы».

Циолковский в контексте иных философских систем и конфессий

Мы достаточно цитировали людей техники, снисходительно или неприязненно отзывавшихся о «наивном» Циолковском. Но так ли уж наивен и начитан был Константин Эдуардович? Был ли он гениальным самоучкой или его естественнонаучные и философские построения покоились всё-таки на солидном научном и религиозном багаже? Ответить на этот вопрос не просто, поскольку сам Циолковский почти нигде не ссылается на предшественников и объясняет это следующим образом:

«Почему я часто не упоминаю об источниках и не угощаю читателей мудростью энциклопедических словарей? Да потому, что это страшно увеличит размер работ, запутает и утомит читателя, заставит бросить книгу...

...Множество имен, мнений и дат мешает главному — усвоению истины. Дело специалистов и исторических наук давать эти даты, имена и их противоречивые мнения».

В другом месте, в ответ на обвинения в недостаточной математической обоснованности своих идей, КЭЦ высказывается ещё более откровенно и задиристо, задевая, понятное дело, крупные авторитеты:

«Математика есть, главным образом, точное суждение. Но это суждение может выражаться и без обычных математических формул. Гениальный человек и при незнании математики есть математик в высшем смысле этого слова».

«Я сильно отстал в тонкостях математических и других наук, но я имею то, что надо: творческую силу и способность быстрой оценки всяких новых выводов».

«Не надо забывать, что один двигатель прогресса... стоит больше, чем 10 академиков и 1000 профессоров. Невежливо же тыкать Райтам, что они велосипедные мастера, или Фарадею, что он не знает порядочно арифметики».

К именам Райтов и Фарадея можно присоединить Ползунова, Кили, Теслу... Да и кто был в конце концов создатель теории относительности, которого до сих пор обвиняют в заимствовании идей у Лоренца и Пуанкаре? С точки зрения критиков Циолковского его следует считать всего лишь заурядным инженером патентного бюро.

Тем не менее, невзирая на «отставание в тонкостях математических и иных наук», КЭЦ был вполне на уровне времени, чтобы спорить по некоторым аспектам теории относительности даже с её создателем, а по религиозным проблемам — с отцами церкви. По данным предметам у него всегда было «своё мнение», о чём вспоминает дочь Циолковского Любовь Константиновна:

«К обрядовой, внешней стороне (религии) отношение было отрицательным. Сам он шёл в церковь, когда его начальство напоминало об этом. Но, признавая за человеком свободу взглядов, включая и религиозных, он никогда не мешал ни матери посещать церковь, ни нам, детям, находя, что это для нас “развлечение”. Действительно, тогда ни кино, ни доступных театров, ни юношеских, а тем более, детских клубов не было. И мы находили в церкви отдых от томлящего живую детскую душу однообразия жизни.

Кроме того, церкви он считал украшением городов и памятниками старины. Колокольный звон отец слушал как музыку и любил гулять по городу во время всенощной.

К Христу относился как к великому гуманисту и гениальной личности, провидевшей интуитивно истины, к которым внос-

ледствии учёные подошли посредством науки. Таково, например, изречение Христа "...в доме отца моего обителей много". Циолковский видел в этом изречении Христа мысль о многочисленных обитаемых мирах.

Недосягаемо высоко ставил Циолковский Христа в отношении этики. Его гибель за идею, его скорбь за человечество, его способность «всё понять, всё простить» приводили его в экстаз. Но с таким же восторгом он относился и к самоотверженным деятелям науки, спасавшим человечество от смертей, болезней, к изобретателям, облегчавшим человеческий труд. Он верил в высшие совершенные существа, живущие на более древних, чем наша Земля, планетах, но он их мыслил как существ, состоящих из той же материи, что и весь космос, который, по его понятию, управлялся законами, общими для всей Вселенной. Он считал, что наши научные знания слишком незначительны в сравнении с тем, чего мы не знаем. Но он твёрдо верил в будущее всеобщее счастье и хотел утешить и подбодрить всех, "кто забит и подавлен нуждой, кто устал от борьбы и ненастья". И применяя слово "Бог", как понятное и доступное большинству людей своего времени, сам он подразумевал космос, управляющийся неизбежными, но благодетельными для всего живущего законами Разума».

С пиететом говоря об Иисусе Христе, Циолковский, тем не менее, подобно древнегреческому Цельсу и своему современнику Льву Толстому, оспаривал идею непорочного зачатия Христа, называя её антинаучной. Но, противореча себе, утверждал, что Высшие Разумные Силы размножаются всё-таки иными, чем на Земле способами.

Отношение КЭЦ к обрядам, молитве и другой атрибутике церкви также противоречит постулатам великого калужанина о движении телесного человечества к состоянию «лучистой материи». Именно лучшие представители всех религий: православные исихасты, выдающиеся монахи-католики, суфии ислама, многие адепты индуизма и буддизма умели входить в сознательные энергетические контакты с Силой, которую Константин Эдуардович называл Причиной Космоса, и напитывали себя с помощью молитв «лучистой энергией». Атеизм Циолковского, несмотря на все его заявления, условен. Отрицая в религиях устаревшие и омертвевшие догмы, ко всему живому в них КЭЦ был крайне почтителен и восприимчив. Причём интересовался не только христи-

анством, но и восточными религиями, особенно индуизмом и буддизмом. В этом он походил на Толстого, о котором он отзывался так: «Великий мудрец в книгах и великий глупец в жизни». Непонятно, похвалил или осудил. О себе ведь говорил примерно то же самое.

Калуга дореволюционных лет была своеобразной Меккой для увлекавшихся восточной метафизикой, а также штаб-квартирой русских теософов. В этом городе в 1909 г. основано одно из первых теософских обществ России, которое просуществовало до 1929 г., затем было разгромлено. Здесь издавались сочинения Е. Ф. Писаревой, самого крупного теософского авторитета дореволюционной России, книги Анни Безант, сменившей на посту президента всемирного теософского общества Е. П. Блаватскую, публиковались переводы с английского и с санскрита памятников индуизма и буддизма. В Калуге, в здании дворянского собрания, проводили публичные лекции на темы восточной метафизики, которые, судя по дореволюционной прессе, привлекали широкую публику. Есть все основания предполагать, что КЭЦ бывал на лекциях, был знаком с теософской литературой, так же нет никакого сомнения, что она оказала на него сильное влияние, хотя он говорил о себе: «Я — чистейший материалист. Не признаю ничего, кроме материи». Однако печатно от теософии открепивался, как от всех других духовных направлений и религий.

Но одно дело заявления, другое — факты. Они убеждают, что в философских трудах КЭЦ просматриваются ряд идей Вед и Упанишад, например, идеи атомические, реинкарнационные, энергетические, этические, хотя все указанные идеи переосмыслены калужским затворником на свой лад и не всегда в сторону улучшения. Возьмём такой главный постулат философии Циолковского, как представление о кочевье атома по Мирозданию. Само слово «атом», греч. «неделимый», ведёт происхождение из санскритского «атма» или «Атман» — «не тьма», т. е. Абсолютный Свет, частица которого составляет ядро человеческой индивидуальности. Метафизика Индии признаёт бессмертие атмы-атома в виде бесконечных перевоплощений её на разных глобусах Вселенной, постепенное совершенствование её, а также объединение многих атма-атомов в различные существа, в том числе человеческие. Наверное, этого достаточно, чтобы генезис идей КЭЦ вывести из Индии. Чей тут приоритет?

Вопрос о смерти, перевоплощениях, рае (девачане), страдальческой участи Земли индуизм и теософия рассматривают гораздо богаче, чем Циолковский. Для Циолковского смерть — это беспмятный распад атомов и затем свободный полёт их в течение тысяч и миллионов лет в космическом пространстве.

Перевоплощения в космосе, согласно взглядам КЭЦ, совершаются через громадные промежутки времени, а сознание (не память) возвращается на другой планете или на той же Земле после многовековой «комы». Для восточной метафизики смерть означает лишь уничтожение физического тела. Тонкое тело (душа), которая тоже материальна и тоже представляет собой конгломерат атомов, выделяется из мёртвого плотного, поступает в камалоку — место низких желаний (христианский ад), где проходит болезненную очистку, и только потом отправляется в то счастливое путешествие, о котором с восторгом писал Циолковский. Но путешествие это ограничено светлыми сферами, прилегающими к Земле. Там, в дэвачане — обители богов, согласно индуизму, или рае, по христианским воззрениям, в условиях напоминающих лучшие земные санатории, происходит отдых человеческой монады-духа и накопление сил для последующего воплощения в плотном теле на Земле. При этом накануне воплощения полностью умирает и душа, а в новую инкарнацию входит лишь атма-атом, при этом входит не «голый», но со всеми лучшими тонкими накоплениями прежних жизней. Душа, таким образом, является не вечным, но лишь временным инструментом для бесконечной эволюции атмы-атома. По такой схеме, согласно мнению «восточников», совершается кругооборот душ на Земле и в Космосе.

Как мы видим, восточная метафизика более убедительна и в сравнении с философскими воззрениями Циолковского на посмертную жизнь человека, и с расхожими нынешними представлениями в духе Раймонда Моуди о вечном кочевье души. Душа в буддизме возникает, растёт и умирает, подобно физическому телу.

По-иному, чем КЭЦ, рассматривает философский Восток страдальческую участь Земли. Для Циолковского такая участь — результат самозарождения жизни на нашей планете, восточные доктрины в этом смысле ближе к христианству, в особенности к гностическому. Философы Востока вообще отрицают самозарождение жизни, тем более человека, — в Космосе. Житейский афоризм: «Такого никогда не было и не будет, потому что такого не может быть никогда» в данном случае совершенно справедлив. Заселение разумными существами всего мирового пространства, проблема, над которой билась мысль Циолковского, для восточной метафизики — всеобщий принцип Мироздания. Современная наука также пришла к выводу, что феномен человека, как самовозникшего существа равен нулю. Согласно восточным доктринам, на нашей земле человек был порождён пришельцами с иных планет. Их было восемь, они составили наш планетный Логос и затем создали «по образу и подобию своему» человеческие расы. В Третьей — один из восьмёрки — «пал»,

став «Князем тьмы» и увлѣк за собой несовершенное человечество, что сделало процесс земной эволюции вне мировых законов очень болезненным. Для остального Космоса страдальческий процесс эволюции не характерен, в этом взгляды КЭЦ совпадают с метафизикой Востока.

Примерно так же трактует процесс падения человечества раннее христианство, например, один из отцов церкви Ориген в своей книге «О началах». Современная наука при всех её реверансах в сторону церкви подобные рассуждения о страдальческой доле Земли выслушивает с улыбкой, ничего, впрочем, не предложив взамен. Полностью совпадают с философией Востока мысли Циолковского об уникальности нашей планеты в Мироздании, как рассадника «свежих духов», способных заполнить регрессирующие «дыры» Разумных Сил. Эту идею великого калужанина подтверждает Агни Йога, подчёркивая, что из-за великого значения нашей Земли для Вселенной на её спасение брошены сейчас все духовные Силы Космоса. Адепты Люцифера, по существу, обречены, но, пользуясь невежеством многих землян, не хотят уходить с нашей планеты и доставляют пока ещё много страданий всем живущим

Говоря о существовании в Космосе благих Разумных Сил, Циолковский заявлял со свойственной ему категоричностью об их присутствии на каждом небесном теле, в том числе и на Земле, в виде «президентов» планет, солнц и т.д. Тоже чрезвычайно плодотворная, хотя и не новая мысль. В четвёртом Евангелие от Иоанна говорится о Логосе, возглавляемом Отцом Небесным, о сотрудничестве с Логосом планеты? Готовы ли люди на такое взаимодействие?

Однажды Циолковскому задали вопрос: «Почему обитатели иных миров не дадут нам о себе знать?». Он ответил: «Потому что человечество к этому ещё не подготовлено. Масса находится на очень низкой ступени развития. Заявление иных миров произведёт невообразимый переполох на Земле. Явление не будет понято, и фанатизм поднимет голову. Начнутся войны, погромы и чёрт знает что. Когда же распространится просвещение, возвысится культурный уровень, тогда мы узнаем многое о жителях иных планет».

Опять же мы видим, что Циолковский как в воду глядел, предвидя, к чему может привести нездоровый интерес, например, Гитлера, к мудрости Востока. Попытка использовать Шамбалу в националистических целях закончилась контактом фюрера с восточными колдунами. И сейчас такой интерес, кроме сенсаций в прессе, малопродуктивен. С. Н. Рерих рассказывал, что к его имени в окрестностях Бангалора нередко подкатывали американцы на джипах и спрашивали через забор: «Мистер Рерих, как проехать в Шамбалу?». Вообще следует заметить, что эзотерика Востока до сих пор весьма часто трактуется

либо, как развесистая клюква, либо в магическом аспекте и, соответственно, демонизируется церковью. Серьёзных работ на эту тему пока не много.

Циолковский, сколько мог, разъяснял своё здоровое отношение к экзотической метафизике Востока, которая уже в 20-е годы XX века весьма занимала читателей. Вот фрагмент из «Монизма Вселенной» на тему метампсихоза.

«ЧИТАТЕЛЬ. По-вашему, всё же выходит, что я могу попасть в лягушку или корову, мудрец после смерти может попасть в осла, а высоко нравственный человек в свинью или волка. Ведь это прямо ужасно! Самые суеверные религии утешительнее! Там обещают геенну огненную только дурным! Там всё же справедливость, хотя и жестокая!

КЭЦ. Справедливости мало в том, что преступника наказывают даже не вечными муками; он результат своих родителей и окружающей среды. Он — машина, которая сама не понимает, что делает. Преступника нужно только пожалеть, изолировать и лишить потомства. Так учит монизм.

Воплощение в животных возможно, хотя маловероятно. Но человек и заслуживает это за своё невнимание к ним и жестокости, и в этом виноваты все мы, кроме вегетарианцев... Шансы воплощения в животных не велики. Во множество раз легче выиграть 200 000, чем попасть в животное. Но если бы это случилось, всё же это не геенна огненная.

ЧИТАТЕЛЬ. Мне непонятно, почему наши мудрецы приходят обыкновенно к обратным, крайне пессимистическим выводам, приводящим к желанию прекратить всякую жизнь, как несомненное зло. По их мнению, даже весь прогресс должен иметь в виду ту же цель (т. е. самоуничтожение).

КЭЦ. Потому что они ослеплены Землёю и не составили себе общей картины жизни бесконечной Вселенной. Мы живём более жизнью Космоса, чем жизнью Земли, так как Космос бесконечно значительнее Земли по своему объёму, массе и времени».

Рассуждения Циолковского в данном случае полностью совпадают с мыслями самых глубоких мыслителей Востока. Древнегреческие и отчасти современные представления о метампсихозе, как о беспорядочном переселении душ, — это профанированный индуизм, заимствованный из Индии. С точки

зрения восточной мысли Космос слишком рационален и экономен, чтобы, тратя многие тысячелетия на совершенствование человека, затем превратить его в животное.

Очень интересны диалоги Циолковского с читателями по вопросам материального и духовного начал Вселенной, о сущности эволюции и перевоплощений.

«ЧИТАТЕЛЬ. Я тоже монист, но я отрицаю существование материи. Вначале был Разум, кроме него ничего и нет. Воплощение разума в материю — чисто умозрительный процесс. Внешний мир, как формулируют индусы, есть сон Браммы.

В любом атоме объём его частей так же мал, как объём звёзд по отношению к пространству Млечного пути... Плотный и неделимый атом Лукреция и Лавуазье оказался мифом. Наверно, и элемент атома — электрон окажется таким же мифом.

КЭЦ. Вы только заменяете слово «материя» словом «мысль»... Мы не видим мысли без материи. Мозг воспринимает свойства материи, как зеркало, отражающее предметы. Форма одного и того же предмета зависит от формы зеркала, но предмет-то один и тот же.

ЧИТАТЕЛЬ. Ваше сравнение ряда последовательных существований с рядом снов — прекрасно, мысль об отсутствии промежутков времени, по причине неощутимости его в неорганической материи, конечно, безмерна. Многожды мы рождаемся, но стараемся не внукам и правнукам подготовить лучшие условия жизни, а сами себе...

КЭЦ. Наши интересы и интересы правнуков сливаются. Если правнукам будет плохо, то Космос будет несовершенен. А если он будет таков, то и нам будет неладно. Заботясь о внуках, мы заботимся и о самих себе...

ЧИТАТЕЛЬ. Вы рисуете картину безграничного прогресса, другие же представители материального мировоззрения говорят: «Цели нет, прогресс сменяется регрессом — бесцельная и бессмысленная игра атомов ("пляска Шивы"). Отсюда бесконечный пессимизм буддистов и самоуничтожение, как желаемый идеал.

КЭЦ. Я даже не о прогрессе говорю, а о том, что Вселенная, в общем, всегда была и будет в совершенном виде. Мученический момент самозарождения и последующего прогресса краток, исключителен и не заметен в Космосе, как серая пылинка, упавшая на белоснежное поле...

У нас нет привычки созерцать Млечный путь, совокупность миллиардов планет, мы видим только то, что перед нашим носом, и потому приходим к печальному и неверному выводу.

Жизнь на планете уничтожить нельзя. Она снова возникнет самозарождением. Надо её заменить лучшей, как земледелец плохие овощи и фрукты заменяет лучшими породами. Если же автогония (самозарождение) обещает дать хорошие плоды, то надо терпеливо дожидаться их созревания и терпеть муки прогресса (как мы видим на Земле)... Если мы теперь уничтожим жизнь, то терпеть придётся ещё больше, потому что придётся начинать с азав самозарождения.

...Уничтожая сознательную жизнь, мы лишаемся надежды на лучшее. Только знание может открыть нам глаза, правильно оценить Вселенную, указать её прошедшее и будущее. Вселенная и жизнь — одно и то же».

Циолковский, конечно не нов и в своих мудрых советах, и в упованиях на то, что человеческий разум когда-нибудь восторжествует над неразумием. Когда? Даты не сообщали ни Будда, ни Христос, ни Магомет. Хотя некоторые отважные пророки нашего времени рискуют озвучить эти сроки: после 2012 года.

Ещё страницы жизни КЭЦ

Был в его жизни один эпизод, который поясняет, почему следует весьма пристально присмотреться к особенностям его личности. Однажды, ещё задолго до революции, он прочёл заметку в одном из номеров «Иллюстрированных биржевых ведомостей» за 1905 год. Заметка сообщала, что якобы в Америке сделано страшное военное изобретение — боевая ракета. Корреспондент не поспешил на её описание. «Вчера в течение ряда опытов, — писал он, словно видел это собственными глазами, — тысячи вновь изобретенных мин летали по воздуху, разбрасывая на большое расстояние снаряды, начиненные пулями».

Типичная газетная утка! Но Циолковский поверил. Теория полётов ракет, разработанная им, говорила — такое возможно, а значит — чем чёрт не шутит, может быть, он виноват, что дал научную основу для бесчеловечных экспериментов!

«Эта телеграмма навела меня на горестные размышления, — писал Циолковский редактору газеты. — Ровно два года тому назад — в мае 1903 года — в № 5 “Научного обозрения” появилась моя мате-

матическая работа (в два печатных листа) «Исследование мировых пространств реактивными приборами». В ней, в сущности, изложена теория гигантской ракеты, поднимающей людей и даже доносящей их, при известных условиях, до Луны и других небесных тел. И вот всесветные акулы (как называет Эдисон похитителей чужих мыслей) уже успели отчасти подтвердить мои идеи и, увы, уже применить их к разрушительным целям. Я не работал никогда над тем, чтобы усовершенствовать способы ведения войны. Это противно моему христианскому духу. Работая над реактивными приборами, я имел мирные и высокие цели: *завоевать Вселенную для блага человечества* (выделено мною. — Ю. К.)... Но что же вы, мудрецы, любители истины и блага, не поддержали меня? Почему не разобраны, не проверены мои работы, почему не обратили, наконец, на них даже внимания? Орудия разрушения вас занимают, а орудия блага — нет.

Когда это кончится, пренебрежение мыслью, пренебрежение великим? Если я не прав в этом великом, докажите мне, а если я прав, то почему не слушаете меня?.. Общество от этого теряет бездну... Акулы распоряжаются и преподносят, что и как хотят: вместо исследования неба — боевые снаряды, вместо истины — убийство...».

Какая высота, какая ответственность за всё сказанное, за содеянное и, вместе с тем, какое наивное прекраснотворение! Цитата, особенно выделенные слова, дают ключ к пониманию гениального феномена Циолковского, как слитности слова, мысли, дела и личности. Истинный Донкихот от науки он был и велик, и смешон. Без этой слитности нет гения, в лучшем случае — талант, в худшем — завистливая посредственность или негодяй. Пушкинское «гений и злодейство есть вещь несовместная» в данном случае очень разъясняет суть дела. Высшие Разумные Силы (сократовский гений) могут обогреть своим вниманием даже «гуляку праздного», но только в случае глубокой внутренней гармонии, как бы странно в глазах людей она ни выглядела.

Отец Циолковского Эдуард Игнатьевич, родом из Вольни (фамилия предков, польских дворян — Тялковские), служил лесничим, всерьёз интересовался естественными науками, был склонен к изобретательству и, хотя всегда считал себя атеистом, к концу жизни сделался весьма набожным. Обладая тяжёлым характером, при всём том был, как отмечал впоследствии Константин Эдуардович, «очень честный, за что и терпел всю жизнь бедность». В роду у матери были искусные мастера, но о ней самой Циолковский вспоминает очень скупно и указывает только, что она была «с искрой». Кроме КЭЦ, в семье росло десять

его старших братьев и ещё две младшие сестры... Видимо, отношения между детьми складывались непростые, поскольку в воспоминаниях Циолковский своих братьев не касался совершенно и писал только о сёстрах. Известно, однако, что братья его проявляли склонность к художественным ремеслам, один из них стал, как и отец, лесничим, другой — капитаном «с дурными замашками».

Сам Циолковский впоследствии имел трёх дочерей и четырёх сыновей. Говорил, что «жену выбрал неудачно, и от этого дети вышли печальные». Два сына — Александр и Игнатий имели суицидные наклонности, которые, увы, реализовали. Тем не менее, среди детей были и способные к литературе, технике, математике, музыке, рисованию. Рос Константин Эдуардович, как он пишет о себе, «очень смышлёным и забавным ребенком». Его в семье любили и дали прозвище — Птица. Возможно потому, что, играя с детьми, любил залезать на крыши, заборы, деревья и частенько прыгал с высоты, чтобы испытать ощущение полёта. С детства читал запоем всё, что только мог достать. Но уже тогда простым чтением не удовлетворялся, сочинял и придумывал что-то сам. Платил младшему брату за то, что тот терпеливо выслушивал его рассказы.

Ранняя глухота резко переменяла жизнь — высказывания КЭЦ на этот счёт мы уже приводили. Здесь дадим ещё одно: «...моя глухота... лишив общения с людьми, оставила меня с младенческим знанием практической жизни, с которым я пребываю до сих пор. Я поневоле чуждался её и находил удовлетворение только в книгах и размышлениях. Вся моя жизнь состояла из работ, остальное было недоступно».

Склонность к труду проявил рано. Делал из бумаги, картона, сургуча игрушечных коньков, домики, санки, часы с гирями, очень увлекался демонстрацией разных фокусов. С 14-16 лет начал конструировать игрушки: мастерил бегающие игрушечные локомотивы, построил модель экипажа с ветряной мельницей — эта модель легко ходила по доске против ветра, изготовил коляску, приводившуюся в движение паровой машиной. Все эти игрушки изобретал самостоятельно, ещё практически не зная физики и не читая каких-либо технических книг. Лишь в 14 лет он сам изучил школьную арифметику, но уже в 17 лет, без чьей бы то ни было помощи, прошёл курс дифференциального и интегрального исчисления и свободно решал задачи по аналитической механике.

С 15 лет им овладевает увлечение, ставшее одним из главных на протяжении всей долгой жизни. «Я... имел уже достаточно данных, чтобы решить вопрос: каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься на воздух с людьми, будучи сделан из металлической оболочки определённой

толщины. Мне было ясно, что толщина оболочки может возрастать беспредельно при увеличении аэростата. С этих пор мысль о металлическом аэростате засела у меня в мозгу».

Когда К. Э. минуло шестнадцать, отец отправил его в Москву. Однако сын не поступил в техническое училище, как предполагал отец, а занимался только дома и в библиотеках. В одной из них он познакомился с библиотекарем Николаем Фёдоровым, другом Л. Толстого, оказавшим огромное влияние и на немолодого Льва Николаевича и на юного Константина Эдуардовича разработанной им философией «общего дела» и «всеобщего воскресения из мёртвых». Евангельские намёки о грядущей Новой Земле и Новом Небе, о воскрешении праведников для вечной жизни этот мыслитель превратил в стройную философскую систему, предполагающую строительство Царствия Небесного на земле общинным, коммунистическим путём. Всеобщее же воскресение из мёртвых Фёдоров видел примерно так же, как это видели теософы: грядущая Сатья-юга — век Истины — произведёт ревизию всех живущих в плотном и тонком мирах людей, соединит оба мира и подарит людям бесконечно долгую счастливую жизнь. Надо ли напоминать, что эти идеи полностью захватили воображение молодого К. Э. Впоследствии, как известно, они прошли через всю его жизнь. И что симптоматично, мы встречаем те же идеи в разнообразной трактовке у Е. Блаватской, Р. Штайнера, Г. Гурджиева, Е. Рерих, А. Чижевского, Т. де Шардена, В. Вернадского, А. Сент-Экзюпери, М. Айванхова. Поистине, наступившая космическая эпоха постучала во многие двери.

По возвращении К. Э. из Москвы, материальное положение семьи резко ухудшилось. Нужно было думать о заработке. Положение усугубили размолвка с отцом и решение уйти из родительского дома. Циолковский выдержал экзамен на городского учителя и получил назначение в Боровское уездное училище, где стал преподавателем арифметики и геометрии.

В Боровске Константин Эдуардович снял комнату в семье священника и через восемь месяцев женился на его дочери Варваре Евграфовне. Какого-либо увлечения КЭЦ при жениховстве не испытал и романтических чувств не проявлял. Родные Варвары Евграфовны были против брака, поскольку семья невесты была глубоко религиозной, тогда как Циолковский считал себя убеждённым атеистом. К тому же его поведение в глазах окружающих представлялось непонятным, а занятия казались смешными и странными; он не пил, не курил, не играл в карты, чуждался местной интеллигенции. «Безбожник, неряха, ненормальный», — злословили родственники. Но один факт перевесил все остальные. За Варварой Евграфовной не давали никакого

приданого, а Константин Эдуардович приданным вовсе не интересовался, и это решило вопрос.

Еще до женитьбы Циолковский поставил Варваре Евграфовне условия, исполнения которых, невзирая ни на что, требовал твёрдо в течение всей жизни: у жены не бывают гости; к ней не заходят родственники; в доме не должно быть ни малейшей «суеты», способной помешать занятиям мужа. Через год после свадьбы родилась старшая дочь Любовь, которая, как уже сообщалось, стала впоследствии личным секретарём КЭЦ; потом дети пошли один за другим... В семье Константин Эдуардович чувствовал себя чужим, жена относилась к его занятиям с постоянным недоверием и «уверовала в его дело», лишь много лет спустя. Работать, несмотря на глухоту, Циолковский мог только при абсолютной тишине. В семье постоянно возникали неурядицы из-за шума, который затевали дети. Со всеми вежливый и деликатный, Константин Эдуардович дома часто несправедливо раздражался, кричал, не терпел оправданий. К тому же в маленькой квартире было невероятно тесно... Жалованья Циолковский получал 27 рублей в месяц. По словам Варвары Евграфовны, на эту сумму можно было бы существовать сравнительно безбедно, но и тут Константин Эдуардович настоял на своём: большую часть денег тратил на свои опыты.

Вот как описывает свои впечатления один из очевидцев, в 1897 году навестивший Циолковского: «Маленькая квартира... бедность, бедность из всех щелей помещения; посреди — разные модели, доказывающие, что изобретатель немножко тронут: помилуйте, в такой обстановке отец семейства занимается изобретениями!».

Учителем Константин Эдуардович был, по его собственному выражению, «страстным», тратил на преподавание много энергии, и потому за свои работы мог приниматься только вечером. Одно время он решил заниматься исследованиями с рассвета до уроков в школе. Таким манером проработал в течение двух лет (1885 — 1887 гг.) и сильно переутомился. Появилась тяжесть в голове. Кроме того, обозначились признаки явного нервного расстройства: неожиданно появлялись страхи, он не мог оставаться один, находился в депрессии. Это продолжалось без малого целый год.

В ту, семейную пору внешность Циолковского производила на окружающих странное впечатление. Очки в металлической оправе, крылатка с капюшоном, высокий котелок, из-под которого чёрные волосы спускались до плеч, мятые брюки, выпущенные поверх густо смазанных ваксой сапог... Константин Эдуардович обычно ходил с опущенной головой, медленно постукивая зонтом, углублённый в свои мысли, отрешённый от всего.

В Калуге, куда его перевели, до 1898 года Циолковский преподавал математику и физику в реальном училище, а впоследствии — те же дисциплины — в женском епархиальном. Уроки вёл очень живо, был строг, но плохих отметок не ставил. Глухота не особенно мешала преподаванию. Учеников он спрашивал, поставив рядом с собой. Часто, однако, случалось, что в классе во время занятий он вдруг уходил в себя, замолкал, куда-то уносился мыслями, совершенно забывая об окружающих. Особых конфликтов с начальством не было. Разве что случались регулярные стычки с начальницей школы из-за форточки. (Константин Эдуардович настаивал, чтобы форточки в классе всегда были открыты, а начальница их упорно закрывала.) Вне школы в 1890-е годы Циолковский общался с одним дьячком, видя в нём родственную душу, — тот постоянно носился с мыслью построить искусственную птицу. Однажды Константин Эдуардович приобрёл мотоцикл и иногда по воскресеньям на целый день уезжал в соседнюю деревню. В 1912 году мотоцикл продал, но взамен купил велосипед, и с этого момента велосипедные прогулки сделались систематическими. Гулял Циолковский и пешком, как правило, один. Сам мастерил лодку и изредка катал в ней семью.

С годами Константин Эдуардович стал мягче к детям. Трагическая смерть старшего сына его сильно потрясла и во многом перевернула направление мыслей. В сочинении этой поры «Горе и гений» Циолковский предлагает правительству организовать нечто вроде питомников гениев. «Пусть путём печати или другим способом будут всем известны высказанные здесь идеи и пусть, после этого, каждый посёлок с разрешения и одобрения правительства порекомендует несколько человек» (для поселения будущих гениев); причём «каждое правительство в виде опыта будет делать это на свой или общественный счёт». Писалось это в годы первой мировой войны!..

Идеи мессианства прогрессировали вплоть до 1928 года, когда Циолковский увидел обращенное к нему знамение на небе. С этого момента он словно пробудился, по его выражению, от «идеалистического сна». Пробуждению способствовала также перемена обстановки в стране и отношения власти к нему, к Циолковскому.

К Октябрьской революции отнёсся поначалу прохладно, никакого участия в политической жизни не принимал, даже позволял себе какие-то неосторожные высказывания, за что, по словам одной из дочерей, был препровождён в Москву, но через две недели вернулся. По всей вероятности, КЭЦ по простоте души произнес вслух нечто вроде: «Какая революция,

наукой нужно заниматься, учёным помогать!». Недоразумение благополучно уладилось, советское правительство приняло ряд мер, направленных на улучшение условий жизни КЭЦ и на широкую пропаганду его летательных проектов.

С приходом известности и достатка мало что изменилось в личной жизни КЭЦ, преобладали простота и экономия. Рабочий кабинет размещался, как и ранее, в мансарде. Обстановка сохранялась почти спартанская: письменный стол, два кресла, два простых шкафа с книгами и журналами, узкая постель. Циолковский избегал всяких лишних трат, уверяя, что пенсию, как государственные деньги, надобно беречь; не ел, например, масла, считая его дорогим. Лишь на издательские дела он не скупился и продолжал печатать брошюры за свой счёт, которые, однако, не продавал, а раздавал и рассылал бесплатно.

Вёл чрезвычайно размеренный образ жизни. Вставал в семь утра. До двух работал в кабинете. На столе у него, под рукой, всегда лежали материалы на различные темы. В зависимости от настроения он занимался или механикой, или астрономией, или философскими сочинениями. С двух часов — прогулка пешком или на велосипеде. После обеда часовой или полуторачасовой отдых. В пять часов — корреспонденция и приём посетителей, в восемь вечера — ужин. После ужина — чтение газеты и беллетристика. В двенадцать часов ночи, не позже, он ложился спать.

Последние дни жизни

В 1932 году в торжественной обстановке в Калуге и в Москве был отпразднован семидесятипятилетний юбилей учёного. За выдающиеся заслуги перед Советским государством Циолковского наградили орденом Трудового Красного Знамени. Правительство увеличило пенсию учёному, а калужский горсовет предоставил новый просторный дом на улице, названной его именем. Впервые и калужане оценили значение работ Циолковского. «Мы и не знали, что рядом с нами живёт великий человек», — писали калужские газеты.

С 1932 года к Циолковскому был прикреплён для наблюдения врач Калужского филиала лечебной комиссии ЦК. До конца марта 1935 года никаких серьёзных заболеваний, кроме лёгкого кратковременного кишечного недомогания, не обнаруживалось. И тут внезапно грянул гром. Когда Циолковский (а он этого делать не любил) пожаловался на плохое самочувствие, врач внимательно осмотрел его и распознал раковую опухоль в брюшной полости.

Вызванные из Москвы профессора долго убеждали Константина Эдуардовича лечь в Кремлёвскую больницу. Однако он отказался, уверяя, что для завершения научных работ ему нужно ещё 15 лет, из которых ни дня он не намерен тратить на больничную койку. Пытались уговорить Константина Эдуардовича сделать дополнительные исследования на месте, в калужской больнице, но он и это предложение категорически отклонил. До августа болезнь неуклонно прогрессировала. Циолковский заметно похудел, побледнел. Усиливалась слабость. В июле состоялся второй консилиум. И на сей раз Константин Эдуардович не захотел лечь в больницу.

До конца июля он ещё ездил на велосипеде, но, возвращаясь с прогулки, был уже не в силах поднять велосипед на две ступеньки крыльца. В последних числах июля пожаловался, что быстро утомляется от умственной работы...

В самом конце августа наступила частичная непроходимость кишечника, однако и тут не удалось убедить Циолковского лечь в больницу. Лишь через неделю Константин Эдуардович согласился на операцию, которую и произвели 8 сентября 1935 года в калужской железнодорожной больнице.

Операция шла под новокаином и длилась полчаса. Циолковский всё это время был бодр, вполне владел собой, следил за движениями хирургов и живо реагировал на обстановку. Когда ему сказали, что операция закончена, он очень удивился: «Я думал, что вы ещё не начинали, я же ничего почти не чувствовал; оказывается, у меня было превратное понятие о современной операции». В палате он был очень оживлён, шутил и смеялся, предполагая, вероятно, что перенёс радикальную операцию, устранившую «причину» болезни. Но со второго дня после операции замолчал, лежал, почти всё время не открывая глаз, отвернувшись к стене, и больше никто уже не слышал ни шуток его, ни смеха.

Страдания Циолковского, судя по всему, усиливались, но он переносил их без малейших жалоб. Всех поразила одна необычная деталь. Никогда в жизни не употреблявший спиртного, он, за несколько дней до смерти, не принимая уже никакой пищи, всё время требовал коньяку, рому, вообще любых крепких напитков. Зачем лишние мучения? КЭЦ при всех своих чудачествах человеком был трезвым, не «упёртым».

13 сентября Константин Эдуардович обратился в ЦК ВКП (б) с письмом, в котором завещал свои труды партии и правительству. Известно, что Сталин ответил Циолковскому телеграммой. Константин Эдуардович получил её 17 сентября и тотчас же стал диктовать ответ: «МОСКВА. ТОВ. СТАЛИНУ. Тронут Вашей тёплой телеграммой. Чувствую, что сегодня не умру. Уверен,

знаю — советские дирижабли будут лучшими в мире. Благодарю, товарищ Сталин, нет меры благодарности». Последнюю фразу Циолковский дописал сам. За полчаса до смерти, вдыхая кислород, больной оцупью нашёл руку фельдшерицы, державшую кислородную подушку, и крепко пожал эту руку в безмолвной благодарности. В 22 часа 34 минуты 19 сентября 1935 года Константин Эдуардович Циолковский скончался или, как он говорил, отбыл в дальнейшее путешествие своего атома-духа к Причине Космоса.

Двести с лишним лет назад вопрос о жизни в Космосе, об обитателях иных планет уже вставал перед философами и учёными. И первый русский философ-космист Михаил Васильевич Ломоносов, соглашаясь с тем, что на Венере могут быть люди, заключил своё рассуждение выводом: «При всём том вера Христова стоит непреложно». Вся жизнь КЭЦ с молодых лет прошла под знаком благоговения перед тем же Ликом.

2007

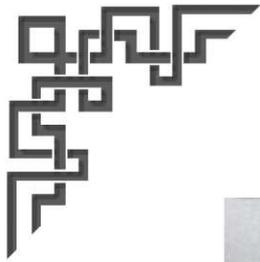
* * *

*Чем привлекают истины Христа?
Созвучьем простоты и мудрой веры.
А также тем, что эта простота —
Свидетельство высокого примера*

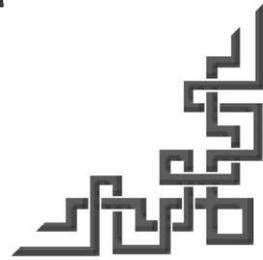
*Любой из нас, как атом Божества,
какую бы ни выбирал дорогу,
себя не понимая, рвётся к Богу
незрячими глазами естества.*

*И что ещё нам остаётся делать,
как в темноте ни напрягать Его —
завёрнутое в плащаницу тела
и ждущее свободы Божество.*

1991

**Александр Александрович
БЛОК
(1880 — 1921)**

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Блок начал свой литературный путь со стихов о Прекрасной Даме, в которой воплотил реальные черты любимой им Л. Д. Менделеевой и тоску по своему идеалу. Поначалу обе прекрасных женщины уживались друг с другом, но после женитьбы на Любови Дмитриевне мечта и действительность разъехались. История тривиальная, однако, у тонкого Блока она переросла в тяжкую душевную драму. То, на что жаловался Тютчев, — мучительная жизнь на границе двойного бытия, сделалась для Блока поистине наваждением. Венцом этого периода его творчества стало стихотворение «Незнакомка» — одно из самых красивых в русской поэзии.

*И веют древними поверьями
Её упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

Стихотворение заморозило читающую публику России, сделало поэта знаменитым. Но предельно искренний в духовных исканиях Блок расправился со своим поэтическим шедевром, как и с другими туманно-мистическими грезами, беспощадно. В статье «О современном состоянии русского символизма» он пишет: «Незнакомка. Это не просто дама в чёрном платье со страусовыми перьями на шляпе. Это — дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового... Если бы я писал картину, я бы изобразил переживания этого момента так: в лиловом сумраке необъятного мира качается огромный белый катафалк, а на нём лежит мёртвая кукла с лицом, смутно напоминающим то, которое сквозило среди небесных роз».

В поэме «Соловьиный сад», продолжая тему искусства Тонким миром, поэт рисует печальный финал художника, покинувшего тяготы земного мира ради химерических красот небесного.

Но сам Александр Блок, пройдя сильнейшие обольщения инобытия, удержался в границах гармонии. Удержался не по-пушкински, с гораздо большей долей трагизма и нездоровья, но всё-таки удержался. Несколько месяцев спустя, в том же 1910 году он продолжает размышления о поисках реального предмета обожания.

«Чем больше чувствуешь связь с родиной, тем реальнее и охотнее представляешь её себе как живой организм... Родина — это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек... Родина — древнее, бесконечно древнее существо, большое, потому неповоротливое, и самому ему не счастье никогда своих сил, своих мышц, своих возможностей, так они рассеяны на матушке-земле. Родине суждено быть некогда покинутой, как матери, когда сын её вырастает до звёзд и найдёт себе невесту. Эту обречённость на покинутость мы всегда видим в глазах родины, всегда печальных, даже тогда, когда она отдыхает и тихо радуется. Не родина оставит человека, а человек родину. Мы ещё дети и не знаем сроков, только читаем их по звёздам; но, однако, читаем уже, что близко время, когда границы сотрутся и родиной станет вся земля, а потом и не одна земля, а бесконечная вселенная, только мало крыльев из полотна и стали, некогда крылья Духа понесут нас в объятия Вечности. Время близко, потому что мы читаем о нём в звёздах, но оно бесконечно далеко от нашего младенческого духа, так далеко, как звёзды от авиатора, берущего мировой рекорд высоты. И земная родина ещё поит нас и кормит у груди, мы ей обязаны нашими силами, и вдохновением и радостями».

Так глубоко в сердце Родины не заглядывал, пожалуй, ни один из поэтов серебряного века.

Да, Родина — живое существо, одновременно и наша мать, и наш ребёнок, нуждающийся в любви. Мы очень хорошо помним первое, но как часто забываем о втором. Во времена Блока, как и в наше время, человеческие стоны громки и бесконечны — плохо мне, помогите мне. Голос же Родины, что плохо ей, слышат и помогают ей немногие. Хотя, в сущности, ей плохо по одной причине — по недостатку любви к ней её детей.

Родина, как земля, «когда границы сотрутся», а они уже стираются сегодня, — существо не беспомощное, в этом трудно согласиться с Александром Александровичем. Её долготерпение по отношению к нашим над ней чудовищным экспериментам, её молчаливость — отнюдь не свидетельство слабости и обречённости. Наше воображение в состоянии одеть каменные геологические и палеонтологические свидетельства минувших катастроф в живые картины, чтобы представить разбушевавшуюся землю, смывающую со своего лица целые классы растений и животных, а иногда также целые генерации людей.

Мы попали сейчас именно в такое перекрестье её снайперской винтовки. Те, кто это чувствует, жадно ищут возможность выйти из перекрестья. Тоскливые стоны смешиваются со стонами «Господи, помоги!». Идёт напряженный поиск выхода из тупика. Он на путях повышения нашей ответственности перед Богом, перед родиной, перед людьми. Мы молимся: «Господи, помилуй нас!» Но за что миловать тех, кто бездумно терзает грудь родной матери, кто несмотря на все грозные предупреждения упрямо подталкивает землю к очередной катастрофе? И потом разве Бог — царь или президент, к которому обращаются с кассационной жалобой?

Родина, как подлинная Прекрасная Дама, становится отныне главным предметом любви и поклонения Александра Блока.

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви.*

*Тебя любить я не умею,
Но крест свой бережно несу.
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу,*

*Пуškai заманит и обманет,
Не пропадёшь, не сгинешь Ты
И лишь забота отуманит
Твои прекрасные черты.*

Талантливый мистик превратился в мистика гениального, а служение истинной Прекрасной Даме — России поставило Блока в один ряд с самыми великими сынами нашего Отечества. И ещё одно качество вознесло поэта

— бесстрашное умение трезво наблюдать за обоими мирами — Плотным и Тонким. Отсюда глубочайшие прозрения Блока, когда больной, погибающий от голода и холода революции, он видит надвьюжную поступь Иисуса Христа, возглавившего русскую Смуту. Обладавший абсолютным слухом в восприятии музыки времени, он записывает в дневнике накануне революции: «Одним из главных моих вдохновений была честность, т. е. желание не провратиться «мистически». И чуть позже: «Всё будет хорошо, Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожидаться».

Изнеженный барчук, любимец женщин, взлелеянный ими с малых лет, он с годами обретал стойкость, мужество и трезвость мудреца. Мало того, что приветствовал революцию как Прекрасную Даму в грозном облике, предъявившую платежи народа интеллигенции за её хамство по отношению к нему. Он не пал и себя. «Какое право имеем мы (мозг страны) нашим дрянным буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и многознающий революционный народ. Нет, я не удивлюсь ещё раз, если нас пережгут во имя порядка».

В этих словах ещё слышатся отголоски толстовского смирения и барского преклонения перед народом, Позднее страшная правда революция с такими чувствами покончила. В Блоке просыпаются те же чувства, которые охватили «народ-богоносец».

«Я живу в квартире; за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живёт буржуа с семейством...

Он обстрижен ёжиком, расторопен пробыв всю жизнь важным чиновником, под глазами — мешки, под брюшком тоже, от него пахнет чистым мужским бельём, его дочь играет на рояли, его голос — теноришка — раздаётся за стеной, на лестнице, во дворе, у отхожего места, где он распоряжается, и пр. Везде он. Господи Боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивая мысли. Он такое же плотоядное двуногое, как я. Он лично мне ещё не делал зла, но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить. Отойди от меня, Сатана!».

Не тут-то было. Сатана от любой формы ненависти только распаляется. За первой волной визионерства пришли сомнения. Поэта упрекали, что он поставил во главе красновардейцев Иисуса Христа, тем самым как бы освятил и восхвалил революцию. А вот его собственное суждение по этому поводу: «Разве я «восхвалял?» Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы

метели на этом пути, то увидишь «Иисуса Христа». Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак».

Вон, оказывается, в чём дело — Христос-то у Блока в кавычках, во главе революции оказалась та же мёртвая кукла, сине-лиловая дьяволица-Незнакомка, которая терзала Блока всю жизнь. Так был ли Христос впереди красногвардейцев?! На какое-то время Блок запутался в своих чувствах, в своих видениях и провалился в бездну Тонкого мира.

Тело поэта погубила не его беспутная жизнь, не «отсутствие воздуха», как он сам писал о Пушкине и не голодные революционные годы. Телесный Блок был буквально растерзан собственной психосферой, противоборством в ней любви и ненависти, недопустимым на тех мистических высотах, куда он попал. В таких случаях спасает смирение, но он его, как уже говорилось ранее, утерял.

Его спасла от безумия совесть. О нет, не совесть художника, о которой так любят рассуждать профессора-литературоведы, — обыкновенная, человеческая. «Человеческая совесть побуждает человека искать лучшего и помогает ему порой отказываться от старого, уютного, милого, но умирающего и разлагающегося — в пользу нового, сначала неуютного и немилого, но обещающего свежую жизнь». Запись 1920 г. Он вернулся к Истине.

Он поднялся над противниками и апологетами новой власти, над самим собой, признавая правоту любого обновления жизни! Как же жалки рассуждения сегодняшних «демократов» от литературоведения, приписывающих Блоку сначала увлечение революцией, а потом отречение от неё. Свой пиджак-маломерок западного покроя они пытаются натянуть на могучие плечи великана. Да, он отрёкся от мёртвой иллюзии, но никогда не отрекался от живой жизни, слишком хорошо всё видя и всё понимая. От прекрасной дамы мечты, он пришёл к Прекрасной Даме России, а от них к Прекрасной и Страшной Даме — Божественной Истине во всей её полноте.

Впрочем, все три всегда жили в нём.

*О, весна без конца и без краю,
Без конца и без края мечта!
Узнаю тебя, жизнь, принимаю
И приветствую звоном щита.*

Советская поэзия во многом утратила мистическую чуткость Серебряного века, который был в то же время веком беспомощной, больной, заблудившейся в своих духовных поисках интеллигенции. Тонкий мир был вычеркнут из поля

зрения нового поколения литераторов не только декретами Советской власти, но и приземленным мироощущением самих литераторов. Эта грубость в восприятии жизни в чём-то оздоровила поэзию, спасла саму русскую культуру (вопреки общему мнению), правда, за счёт миллионных жертв и огрубления жизни. Сатанизм, убранный из литературы, переместился в ведомство Ежова и Берии, потому что как свято, так и чёртово место пусто не бывает.

*Праздничный, весёлый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.*

(Н. Тихонов)

Блок мучительно рвался к земной «бесноватости» из декадентских её форм, непосильно тяжких для его ищущей Истины души. Он тянулся к «этим русским людям, лошадям, попойкам, пышной осени, жестокой зиме, бала-лайкам, девкам, спирту, бабам с капустой... Хорошо!» (Запись в дневнике от сентября 1917 г.).

4 июня 1921 года он пишет матери: «Спасибо за хлеб и яйца. Хлеб настоящий русский, почти без примеси, я очень давно не ел такого». А через две недели последняя запись в дневнике: «Мне трудно дышать, сердце заняло полгруди».

Мистическое дыхание сегодня вновь возвратилось в Россию. Множество «духовных искателей» слышат голоса, видят ангелов, «Иисуса Христа», «Божью Матерь», пишут под их диктовку не только стихи, но и новейшие провозвестия. И, увы, у очень немногих хватает трезвости расстаться с «куклами» Тонкого мира, как это сделал в своё время Александр Блок. Всё впереди. Нынешняя русская интеллигенция не доросла до утонченности Серебряного века, тем более до блоковской ясности. Зато стала закалённее. Она уже не винится, не сюсюкает перед простым народом за то, что он её кормит. Потому что научилась кормить себя сама и способна выполнить любую физическую работу человека из народа. Этим мы обязаны Великой Революции и кровавой сталинской мясорубке. Сверхчеловек, то есть человек, подобный задуманному Божьему подобию, вызревает в горниле страданий. Напрасно Александр Александрович стал сомневаться в подлинности увиденного им Иисуса Христа. Тот, кто Сам пошёл на распятие, имел право повести на него за собой целый народ и его интеллигенцию.

Россию называют Домом Богородицы. Она же — коллективный Христос, распинаемый во все века своего существования. Упрекнем ли Блока, что,

мучаясь, забираясь в дьявольские дебри, он иногда путал кукол с настоящей Прекрасной Дамой? Главное, выбрался из путаницы. Выбрался через веру в Россию, через любовь к ней. Этот великий завет русской литературы, идущий от автора «Слова о полку Игореве» к Ломоносову и Державину, достигший наивысшей творческой реализации в Пушкине, светит всё ещё синими глазами великой Незнакомки-родины в будущем. Мы до конца не постигаем духовных глубин своей страны. Мы всё ещё в плену Иллюзии, но без снятия её покрывал не прийти к Реальности.

Дьявол хотел известить Александра Блока, дескать, слишком высоко забрался. Но не смог. Как и не сумел уничтожить хранимого Богом Йова многострадального — Россию. Россия не только живёт, но и таит на губах своих, несмотря на все ужасы своей истории, загадочную улыбку. Улыбку ребёнка и мудреца.

*Простим угрюмость, разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь дитя любви и света,
Он весь свободы торжество.*

2000

Россия — Сфинкс

*Солнце в Гизе закатное шает,
тишина опускается вниз.
Две фигуры судьбу вопрошают —
русский путник и каменный Сфинкс.*

*Путник где-то услышал случайно,
что как только загадочный зверь
рухнет наземь, откроется тайна —
обнажится заветная дверь.*

*Под пластами гранита и глины
уведёт она в залы дворца,
где хранится папирус старинный,
а в папирусе — планы Творца.*

*Сверху сумрак прохладный сочится,
снизу тянется тень пирамид.*

— Что со мною в грядущем случится? —
русский путник Творцу говорит.

— Человек, ты подобие сфинкса. —
тишина отвечает ему. —
Ты с обликом собственным свыкся
и боишься его. Почему?

Я не знаю, что будет с тобою
и со Мной, потому что люблю
Тайну жизни и с общей судьбою
Я, конечно, свою разделю.

Я всего лишь твой временный зодчий,
охраняю тебя до Суда.
Ты меняешь мои оболочки,
Я же камни свои — никогда.

Я завет наш вовек не нарушу,
Я поклялся святым Небесам
дать свой образ тебе, чтобы душу
ты в страданиях выстроил сам.

Ты же в присных трудах и вчерашних,
как дитя, миражи тербя,
воздвигаешь песочные башни,
убегая всю жизнь от себя.

Я твой вечный слуга, человеке,
а не ты мой. Себя оцени,
чтобы вместе расправили плечи
мы с тобой в наши Судные дни.

Солнце в Гизе закатное шает,
светлый день опускается вспять.
Ничего на земле не мешает
русским путникам Сфинкса понять.

**Сергей Васильевич
РАХМАНИНОВ
(1873 — 1943)**

Слушая Рахманинова

*Страна в сраженьях напрягала нервы
за общую судьбу и за мою...
А я, мальчишка, в страшном сорок первом,
блаженствовал в саратовском раю.*

*Такое в жизни приключилось сальто —
забросила война в степной простор.
Дитя каре кирпичных и асфальта,
что знал я о России до тех пор?*

*...Над головой распахнутое небо,
у ног босых звенящий коростель.
Осенними цветами пела немо
в душе моей невспаханная степь.*

*Впервые сердце ощутило эту
щемящую,
до слёз родную дрожь,
совсем как у Рахманинова флейту
в раскатах труб, когда её не ждёшь.*

*Второй концерт. Овраги и пригорки,
цветочные костры, войны пожар...
А он в ту пору в каменном Нью-Йорке
за фортепьяно родиной дышал.*

РУКИ РАХМАНИНОВА

Они умели не только без усталости расписывать многочисленные партитуры музыкальных опусов и виртуозно играть на рояле. Они могли твёрдо держать узду верховой лошади, позже — руль автомобиля или моторной лодки, когда Рахманинову хотелось разрядить свои пальцы и душу от неизменно востребованного всем миром творческого напряжения. Разрядить сначала на тамбовских полях близь Ивановки — имения жены, потом на гудроне американского шоссе, на волнах Фирвальдштетского озера в Европе. Здесь, в Швейцарии, в поместье Сенар, которое Сергей Васильевич лично обустроивал по типу милой его сердцу Ивановки, руки великого музыканта неплохо держали топор и лопату. Он любил садить цветы и деревья.

Из русских писателей-эмигрантов и артистов, прославившихся за рубежом, он был самым материально обеспеченным, отчего называл себя буржуем. Своим богатством был обязан только своим рукам. Наконец, руками Рахманинова были написаны тысячи писем друзьям и недрузьям. Где находили эти руки время и силы для столь тяжкой, разнообразной и успешной самореализации?

И откуда странный, совсем не согласующийся с вышесказанным горестный возглас в одном из писем от 29 апреля 1935 года: «Несчастливая эта нация — русская! Ничего не умеем и ничего не можем! К этой категории и себя включаю». Загадочным строкам предшествовало несколько распоряжений в том же письме послать денежную помощь родственникам.

Руки Рахманинова подписали сотни чеков, поддержавших не только родственников, но и обширную русскую диаспору за рубежом, оказавшуюся после революции без средств существования. Среди бедствовавших адреса-

тов композитора — Куприн, Бальмонт, Северянин, Глазунов. Родоначальник вертолетостроения Сикорский, начинавший конструкторский путь в России и бежавший после революции за границу, долго и безрезультатно обивал пороги американских ведомств, ища поддержки своим летательным проектам. Пока рука Мастера не выписала изобретателю чек на пять тысяч долларов.

Когда немцы в 1941 году напали на Советский Союз, он примирился с большевиками. Приглашал представителей советского посольства в Америке домой для переговоров об оказании помощи сражающейся коммунистической России. И оказывал такую помощь не однажды, выписывая новые и новые чеки.

Почему же «ничего не умеем и ничего не можем?!»

В томе его переписки, через несколько страниц после процитированного письма своему секретарю Сомову, я встретил жалобу Сергея Васильевича кому-то, что во время работы над Третьей симфонией он прожёт корпус паркеровской авторучки, подаренной ему поклонником. Только русский человек мог в минуту творческого вдохновения поместить дорогую по тем временам вещь с настоящим золотым пером на пепельницу рядом с дымящейся сигаретой. А дымил Рахманинов в часы творчества, как зимняя сибирская изба. И расплатился за это раком лёгких.

Гениальные безалаберные руки, никогда не умевшие грести под себя! Только от себя!

...Америка поклонялась рукам Рахманинова. Десятки, как теперь говорят, папарацци дежурили у ворот его дома, следовали по пятам за Сергеем Васильевичем, чтобы передать в газету или в журнал очередной снимок прославленного маэстро. Больше всего повезло фотографу, который настиг Рахманинова в ресторане. Не выносивший газетной шумихи и репортёров композитор закрылся от назойливого фотографа руками. Тот крупным планом напечатал эту неожиданную композицию на первой полосе газеты со словами: «Вот руки, которые стоят миллионы долларов».

Юноша из Бруклина У. Л. Пиготт обратился к Рахманинову с письмом. «Дорогой сэр, я один из многих почитателей Вашей музыки. Думаю, что вы гений. Полагаю, что Вы настоящий человек, который может мне дать соответствующий и правильный ответ на мой вопрос. Я мальчик четырнадцати лет, занимающийся музыкой с тем, чтобы сделать с её помощью мою карьеру в жизни. Вопрос, на который я хотел бы получить от Вас ответ, следующий: можно ли заниматься великим искусством музыки как профессией, зарабатывая себе на жизнь? Этот вопрос возник у меня, когда в классе мы должны были высказаться о наиболее выгодных пяти областях образования. Мне было

сказано, что музыка не профессия, которая может стать доходной статьёй. Тогда я решил обратиться к Вам. Меня к этому вынудили. Надеюсь, что я не доставил Вам ненужного беспокойства. Ваш почитатель Леруа Пиготт».

А вот факсимиле ответа Рахманинова на снимке в томе документов композитора.

«17 февраля 1934 г. Нью-Йорк.

Дорогой сэръ!

Я получил Ваше письмо от 14 февраля. Конечно, существует немало людей, которые музыку превращают в средство существования. Но уже было замечено, что те, кто подходит к музыкальному искусству только с единственным намерением заработать деньги, — всегда терпят крах.

Очень искренне Ваш С. Рахманинов».

Хорошо описала руки Рахманинова его родственница З. А. Прибыткова.

«Руки Рахманинова — это прекрасная скульптура. Большие, цвета слоновой кости, линии строгие, чистые, не изуродованные работой. Я видела вблизи руки многих пианистов, и почти у всех многочасовая, ежедневная работа накладывала свой отпечаток, разрушала цельность линий и форму их. У Иосифа Гофмана, например, маленькая короткопалая рука с сильно выступающим мускулом от мизинца к кисти; всегда красная, пальцы узловатые.

Перед выходом в артистической Гофман двадцать-тридцать минут держал руки в очень горячей воде, чтобы размягнуть мускулы. У Александра Ильича Зилотти руки были красивой формы, но с довольно сильно выступающими венами и красноватые. Перед концертом, после нескольких часов разыгрывания он надевал тугие лайковые перчатки, каждый раз обязательно новые, и снимал их перед самым выходом на эстраду.

Рахманинов ничего этого не делал, пальцы у него были длинные, красивой формы, немного туповатые на концах...

Пауза, пока Рахманинов соберётся и сосредоточится. И начинается волшебство. Он играет свой Второй концерт».

Мне приходилось слушать магнитофонную запись Второго концерта в исполнении автора и сопровождающего его Филадельфийского симфоничес-

кого оркестра под управлением Л. Стоковского. Запись почти съела богатое звучание знаменитого оркестра, но великолепную игру Рахманинова всё-таки донесла. Что он выделял своими руками!

Рояль звучал как целый оркестр от труб до нежной свирели.

Но не только виртуозным мастерством покоряли руки Мастера и, прежде всего, не мастерством. Пианистов, которые играли не хуже Сергея Васильевича, было при его жизни не так уж мало. Есть они и теперь. Его игра покоряла уникальным соединением нездешней души и божественных пальцев.

Кто-то сказал о Моцарте: его мелодии сердцем порхают в раю, а босыми ногами ступают по раскаленным углям ада. То же можно сказать о руках Рахманинова. Хотя З. А. Прибыткова описала их ухоженный внешний вид, они внезапно и часто опухали на подушечках пальцев, отказывали служить из-за непонятной и невыносимой боли. Иногда же хозяин обжигал их сигаретой. Но летали они над клавишами рояля всегда подобно крыльям ангела.

Когда я увидел руки Рахманинова на фотографии, меня охватило чувство, что я где-то с ними уже встречался. Но где? Руки Пушкина на портрете Кипренского? Нет, там длинные пальцы с заостренными ногтями. Вспомнил! Третьяковская галерея, зал икон. Я забрёл туда утомлённый, после долгих хождений по залам Васнецова, Сурикова, Репина и многих других. И вдруг всю мою усталость как рукой сняло свето-цветовым ударом с икон кисти Рублева. Образы Христа, Божьей Матери, архангелов ... Припухлые, как у Рахманинова, подглазья. И такие же пальцы, округлые, длинные, нежные... Руки не от мира сего... А в ушах звенела «Всенощная» Сергея Васильевича, его молитвенные распевы.

Как сохранили эти руки свой аристократический, «нетрудовой» рисунок при титанической концертной работе хозяина? За свою жизнь они написали около 300 сочинений, дали более полутора тысяч концертов. Даже в сезоне 1941-42 годов, накануне ухода из жизни, Рахманинов не изменил обычному графику (в среднем 50 концертов в год), сыграл 49 концертов. Жена умоляла Сергея Васильевича дать рукам передышку.

—Ты меня возить в кресле не будешь. Кормить голубей с рук, сидя в кресле, тоже не стану. Лучше умереть, — повторял он свою любимую фразу.

В начале 1943 года глубоко больной, но не знавший о характере своей болезни Рахманинов, составил расписание предстоящей ежегодной концертной поездки: Луисвилль, Орландо, Хьюстон, Сан-Франциско, Лос-Анджелес и другие американские города — так называемый рахманиновский Хронограф.

Но успел дать концерт только в городе Луисвилле штата Флорида. Острые боли в боку сделали дальнейшую концертную деятельность невозможной... Он попросил отправить его в Калифорнию, на другой конец Америки, где хотел отдохнуть в только что отстроенном им новом загородном доме. Но до дома не доехал. В Лос-Анджелесе его сняли с поезда друзья и увезли в госпиталь. Там он, как и прежде в случае заболеваний, потребовал русского врача и русскую сиделку. Этот врач, а потом консилиум их не смогли поставить диагноза. Наконец, когда появились небольшие опухоли на лбу, на боку и в других частях тела, врачи потребовали сделать срез с одной из опухолей для анализа. Рахманинов категорически отказался. Когда доктора ушли, он поднял руки, поднёс их к лицу и сказал: «Прощайте, мои руки».

26 марта начались перебои в сердце. Дежурившая у постели жена послала за священником и услышала шёпот Сергея Васильевича в полубытьи:

— Кто это играет?

— Бог с тобой, Серёжа, здесь никто не играет.

— Я слышу музыку.

Потом поднял свои исхудалые, но по-прежнему прекрасные руки над головой, внятно вымолвил:

— Странно, я чувствую, точно моя аура отделяется от головы.

Это были его последние слова. Вскоре он потерял сознание, началась агония, и 28 марта 1943 года в час ночи аура отделилась от его головы окончательно. По свидетельству жены, у него после кончины «было замечательно спокойное выражение лица».

Судя по предсмертным словам, он был знаком с теософской литературой, которой увлекалась в ту пору Россия «серебряного века» и просвещённая Америка. Но имел ли Рахманинов видения, слышал ли голоса Свыше, предвидел ли будущее? Скорее всего, не в большей степени, чем любой другой очень тонкий человек. Однако его святые руки чуяли божественный Свет и несли его в мир не в меньшей мере, чем слово Франциска Ассизского или Серафима Саровского.

А как насчёт другой жизни? Сберегла ли аура Рахманинова информацию об уникальных руках? Сумеет ли она по этой астральной матрице воссоздать их ещё раз? Иными словами, возможно ли воскрешение, новое воплощение этих удивительных рук? Или же они навсегда истлели в цинковом гробу? Великий Мастер завещал запаять своё тело в нержавеющей гроб, чтобы в будущем можно было совершить перезахоронение на родине в Новгородской области.

Пока же цинковый гроб с прахом С. В. Рахманинова покоится на кладбище Кенсико под Нью-Йорком.

2003

* * *

*Он поднял руки, сидя за роялем,
преодолев удушье метастаз.
Да будет мир!
И тот, что нам проявлен,
и что за гробом ожидает нас.*

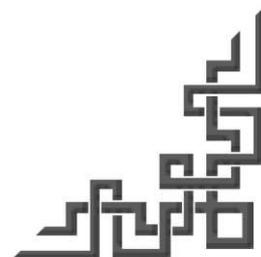
*Волшебный тот, вдвойне волшебный этот
нам не даёт покоя на миг.
Задержит бег усталая планета –
бросают ей под ноги динамит.*

*И плоть, теряя творческое право
на помощь духу, рвёт святую нить.
Спешат болезни, выстрелы, отравы
недолгий их союз разъединить.*

*Умолк рояль, слабеют сердца стуки,
едва слышна Рахманинова речь:
— Спасибо, жизнь, благодарю вас, руки.
Будь вечной красота!
До новых встреч!*

Михаил Афанасьевич
БУЛГАКОВ
(1891 — 1940)

* * *

*В каждом веке одно и то же:
бьёт нас жизнь по рукам, по ногам.
Мы взываем:*

*— Дай крылья, о Боже,
воспарить к безмятежным богам!*

*Невдомёк нам, что бродят веками
по ковру низкорослой травы
между нами они, великаны,
среди них отдышавшийся вы.*

*Да, мы верим: вы с нами снова,
вновь звенит ваш немеркнущий щит,
защищая то самое Слово,
что не тонет и не горит.*

*Как живого вас вижу и чувствую —
ваш насмешливо-строгий монокль,
тёмных карликов злое присутствие,
суету их у ваших ног.*

*— Добрый день, Михаил Афанасьевич!
Как живётся вам в звёздный час?
Время вас не свалило навзничь,
значит, ждёте того же от нас.*

СНЫ МИХАИЛА БУЛГАКОВА

«Мне снился родной город, снег, зима, гражданская война... Во сне передо мной прошла беззвучная вьюга, а затем появился старинный рояль и возле него люди, которых уже нет на свете».

Сны были его мукой и блаженством, дорогой в ад и спасением. Он пронёс их через жестокую явь с редким мужеством и смирением. Всматриваясь в собственную душу, он снял Иисуса Христа с позолоченного креста, вернув на деревянный. Он смог сделать это, потому что слишком мучительной была боль его личного распятия.

Я посетил квартиру писателя в Киеве в доме 13 на Андреевском спуске. Сейчас там мемориальный музей. Рядом Андреевский храм, построенный по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны на легендарном холме, где по пути в Новгород якобы останавливался апостол Андрей Первозванный. Так вот откуда сны о Христе! Считается, что врождённая религиозность Михаила Афанасьевича объясняется его генеалогическим древом, где было много священников. Но она (религиозность) ещё и от древних, чисто земных корней места рождения будущего писателя. Через первого апостола Русь впервые соприкоснулась с Иисусом Христом. А много веков спустя писатель, волей судьбы проживший тринадцать лет у подножья священного холма, сам крестил безбожную Советскую Русь на страницах «Мастера и Маргариты».

Он начал роман в 20-е годы XX века. Работа шла трудно, порой мучительно. В такие глубины до него не заглядывал ещё никто. В 1931 году писатель записывает в дневнике: «Помоги, Господи, кончить роман». В 1940 году смерть ставит точку почти готовой рукописи романа. Он успел сказать несколько слов о том мире, куда ушёл Мастер и где Воланд и Иешуа каждый по-своему

делают одно дело. А в нашем — через год с небольшим после ухода писателя началась Великая Война. В ней усатый кремлевский Воланд сражался вместе со святыми, с Иисусом Христом и с Божьей Матерью на залитой невиданными потопами крови русской земле. Мастер не смог принять участия в битвах, как он делал это в своё время, воюя за Россию в армии Деникина. Не смог, потому что исчерпал все силы в борьбе за свои сны. И заслужил покой.

Побывал я также в Москве в подъезде дома № 50 на улице Большой Садовой

Почему так прославилась его квартира № 10? Почему Михаил Афанасьевич столь живо описал её в своём гениальном романе? Ведь прожил там всего три года и без «Маргариты» — Елены Сергеевны, с которой познакомился гораздо позже. Кроме того, за свою жизнь в Москве сменил ряд квартир и в иных из них жил гораздо дольше. Почему же номер пятидесятый оказался эпицентром разыгранной дьяволиады?

В каменном мешке двора по Садовой, сразу слева, когда заходишь, только что созданный музей писателя. Это случайная квартира на первом этаже первого подъезда. А та самая — в другом подъезде на пятом этаже. Лестничные стены, потолок и даже каменные марши исписаны, размалёваны всевозможными изображениями и надписями. «Тихо, тихо. Шаги или это часы? Это слёзы мои или капли росы? Руки тянутся вверх к одиноким глазам. Никому я тебя не отдам». «Всё, что мне нужно, это несколько слов и место для шага вперёд». «У каждого есть свой трамвай, главное, чтобы он переехал тебя своевременно». «Склоняю перед вами голову, Мессир». «Воланд вернётся. Скорее бы!» Тоска по Воланду кое-где сопровождается изображением фашистской свастики.

Рисунки, увы, большей частью сатанинской тематики. Высоченная дверь квартиры номер 50 закована в современную стальную броню. На ней висит большой амбарный замок. Звонок вырван вместе с проводами, оголенные концы их строго наставлены на посетителей: «Просьба не тревожить!»

Озловещей атмосфере булгаковского дома написано много. Я не почувствовал ничего особенного. Может быть, экран чужих впечатлений заслонил мои собственные, а может, бесы ушли в места потише. Шумная оголтелость современной Москвы достанет хоть кого, даже рогатых и хвостатых. Живо представляется коммуналка 20-х годов XX века. Семь пеналов с одной кухней, одним туалетом и ванной. Расписание на помывку, сходки на кухне... — коммунальный рай, который одни вспоминают с тоской, другие проклинают. Булгаков описывал его с горькой улыбкой.

Итак, квартира 50 на Большой Садовой, 10. Булгаков занимал в ней только одну комнату. Тем не менее, поместил именно в этой квартире сибарита Воланда да ещё со свитой. Устроил здесь знаменитый сатанинский бал. Каким образом это позволяли скудные квартирные метры? Тесноту можно расширить с помощью «пятого измерения», иначе говоря, творческого воображения. Что и сделал писатель, рассредоточив и расселив себя по всем персонажам романа. Ибо и Иешуа, и Воланд, и Понтий Пилат, и Мастер — это грани личности самого Булгакова. В героях романа писатель выразил всё то, что любил и ненавидел в себе, в людях, в жизни.

Многие исследователи указывают на то, что в Воланде воплощены черты Сталина. Несомненно. И черты Понтия Пилата Булгаков заимствовал из того же прототипа. Пилат отправил Иешуа на распятие, потому что тот, по мнению игемона, сеял смуту в управляемой им провинции, но одновременно отдал распоряжение зарезать Иуду — непосредственного виновника гибели Иешуа. Сталин не давал ходу сочинениям Михаила Афанасьевича, поскольку они не вписывались в идеологию коммунистической империи, а для писателя замалчивание его произведений было равносильно распятию. В то же время диктатор жестоко расправился почти со всеми критиками Булгакова.

О взаимоотношениях писателя с кремлёвским вождём лучше всего рассказала Елена Сергеевна. Писатель ненавидел большевиков, но очень уважал их вождя. Он написал пьесу о его молодости, о том, как рождалась революция. Более того, в подходах к религии у Булгакова и Сталина было своеобразное сходство. Оба воспитывались в религиозных семьях, обоих родители готовили к духовному поприщу. Но юноша Булгаков увлёкся Дарвином, медициной, наркотиками, резко порвал с верой. С дурной легендой о происхождении человека от обезьяны, а также с пристрастием к кокаину он постепенно справился. И к вере вернулся, но не к церковной. Похожий путь прошёл Иосиф Джугашвили. Бывший духовный семинарист, крушивший в 1920-30 годы храмы, в 1943 прекратил церковные репрессии, призвал в Кремль патриарха Сергия и вышел ему навстречу со словами: «Не получилось», имея в виду, что не вышло обойтись без Иисуса Христа. Этому событию предшествовала целая череда знамений Высших Сил, потребовавших от кремлёвского диктатора с началом Великой Войны опоры на религиозные основы во имя спасения России и мира. Тема особого разговора. Точно так же, как исследователям ещё предстоит осмыслить те глубокие религиозные изменения, которые произошли после Октябрьской революции в умах таких выдающихся и разных

деятелей русской культуры, как Блок, Есенин, Вернадский, Павлов, Рерих, а до революции — в душе Толстого. Порвав с церковной ортодоксией, они лишь углубили свои подходы к истинной вере.

Октябрь 1917 с разных позиций приветствовали Блок, Маяковский, Есенин, Клюев, также ряд литераторов помельче из так называемого «серебряного века» русской литературы. Булгаков не славословил революцию, принадлежал скорее, к числу смирившихся. Но в творчестве его душа принадлежала снам о прошлом.

Сталин хорошо понимал эту противоречивую позицию писателя и очень хотел качнуть его талант в сторону утверждения новой действительности, как удалось это сделать с Горьким и А. Толстым. Однако Булгаков прошёл свою Голгофу до конца, не уступив ни пяди творческого пространства.

Хозяин Кремля играл с ним, как кошка играет с полузадушенной мышкой. На жалобу писателя в известном телефонном разговоре, что ему не дают жить и работать, усатый батюшка спросил: «Вы где хотите работать? В Художественном театре? — Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, мне отказали, — ответил Булгаков. — А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся». Конечно, то, что показалось диктатору, было немедленно реализовано, ибо его фантазии в отличие от булгаковских исполнялись немедленно. Михаила Афанасьевича встретили во МХАТе с распростёртыми объятиями. И не только потому, что выполнили указания вождя. Его там, действительно, любили.

Подобные театральные и литературные объятия сопровождали Булгакова всю жизнь с первых его творческих шагов, но заканчивались за редким исключением ничем. Народный артист СССР В. Топорков, близко знавший Михаила Афанасьевича, так вспоминает его рассказ о начале литературного пути..

«Голодный, иззябший, без гроша в карманах рваной солдатской шинели, принес Булгаков редактору какого-то журнала свой первый литературный опус — последний шанс на спасение. Принят был сухо, редактор через губу бросил:

— Через неделю.

А неделю-то надо прожить.

Через неделю с прыгающим сердцем и поющим желудком, еле держась на ногах, входит начинающий автор в кабинет, и...о чудо! — приём совсем другой. Редактор выскакивает из кресла, хватая его за руки, восклицает:

- Амфитеатров! Амфитеатрова знаете?
— Н-н-нет, — запинаясь, произнес автор.
— Непременно прочтите. Вы же пишете почти как он. Дорогой мой! Талантище!
— Значит, фельетон понравился?
— Что за вопрос! Гениально!
— Значит, напечатаете?
— Ни в коем случае! У меня семья! — так же жизнерадостно восклицает редактор. — Но непременно заходите! Приносите ещё что-нибудь. Позабористее! До скорого! Амфитеатрова прочтите непременно!».

В этом эпизоде прижизненная судьба почти всех булгаковских сочинений.

Зачем Булгаков взялся за написание «Батума»? Споры вокруг пьесы не утихают. Одни видят в ней проявление человеческой слабости писателя, другие — тактическую уступку режиму, третьи (и среди них Елена Сергеевна) — проявление искреннего уважения и даже почитания советского вождя.

Как бы то ни было, «Батум» — самая слабая из булгаковских пьес. Но это взгляд из сегодняшнего дня. А в ту пору коллектив МХАТа воспринял «Батум» как большую творческую удачу драматурга. Это понятно, за дело взялся Мастер, при любом раскладе сил он не мог сделать своё дело плохо. И мотив написания пьесы не мог быть одним, сработал комплекс мотивов. В конце двадцатых — начале тридцатых годов писателя загнали в угол — его пьесы не шли, книги не печатали. И, конечно, среди причин, побудивших взяться за пьесу о молодости Сталина, было естественное желание поправить творческое и материальное положение ценой уступки режиму. Но «продуман распорядок действий и неотвратим конец пути. Я один, всё тонет в фарисействе...». Он не смог стать фарисеем.

В уста молодого Сталина драматург вложил речи, обличающие самодержавие, а в уста его противников охранительные сентенции. «Народные развратители и лжепророки, стремясь подорвать мощь государства, распространяют повсюду ядовитые мнимо-научные социал-демократические идеи, которые, подобно мельчайшим струям злого духа, проникают во все поры нашей жизни», — резонирует один из противников молодого Сталина-Джугашвили. Роли поменялись. Теперь такие слова мог произнести победитель

царского самодержавия, и утвердитель своего собственного, заменив слова «социал-демократические идеи» на «буржуазные». Сталин, прочитав пьесу, всё понял и ограничился замечанием: «Все дети и все молодые люди похожи. Не нужно ставить пьесу о молодом Сталине». Вопрос о постановке «Батума» на сцене был, таким образом, решён отрицательно, за пьесу не берутся и поныне. Хотя в наши дни Булгаков сыгран почти весь.

Свою горечь по поводу творческого унижения, связанного с пьесой «Батум», Булгаков вложил в следующую пьесу «Кабала святош». Его Мольер — главный герой сочинения, временами унижается перед своим патроном Людовиком XIV, восхваляет его, но делает всё это лишь затем, чтобы дать волю своей сатирической ярости по адресу окружения короля-солнца. Это не пылкая ярость мальчишки, это спокойная, доброжелательная ярость мудреца, понимающего, что дело не во власти, дело в подданных. Власть может называться, как угодно: коммунистической, монархической, демократической, но пока человечество находится в полуфабрикатном состоянии, воланды будут всегда заявлять о себе, они необходимы.

Этих человеческих полуфабрикатов, вертлявых пошляков, доносчиков, эту слякоть, готовую продать за деньги всё: родину, честь, друга, Булгаков ненавидел всем существом своей страстной природы. И писал об этом открытым текстом.

СПРАВЕДЛИВЫЙ САПОЖНИК. Великий монарх, видно, королевство-то без доносов существовать не может?

КОРОЛЬ. Помалкивай, шут, чини башмаки. А ты не любишь доносчиков?

СПРАВЕДЛИВЫЙ САПОЖНИК. Ну, чего же в них любить? Такая сволочь, ваше величество!

За подобные шутки можно было угодить в лагерь, но Сталину бесстрашный шут нравился. Диктатор прощал ему выходки и более серьёзные. В середине 1920-х годов в квартире писателя сотрудники НКВД провели обыск, изъяв рукопись «Собачьего сердца», а также личный дневник, содержащий целый ряд антисоветских признаний. В ответ на эту акцию чекистов Булгаков написал возмущённое донкихотское письмо руководству НКВД, где потребовал вернуть рукописи, пригрозив, что в противном случае выйдет (!) из членов Союза писателей. И случилось невероятное — рукописи писателю возвратили. И в

этот раз и в последующем на стол Сталина не однажды ложились документы с предложением арестовать смутьяна, не скрывавшего своих убеждений. Однако санкцию на арест писателя генсек не давал. Ходу его пьесам — тоже.

Людовик XIV и Сталин были при жизни объявлены солнцеподобными. Трезвый Булгаков, больше всего любивший в жизни творчество и порядок, тоже ценил в Сталине государственника, оседлавшего русскую смуту и усмирившего бунтарей. Его отношение к кровавым русским царям было подобно отношению к ним Пушкина, который, оценивая царствование Ивана Грозного, высказался примерно так: «Рубить головы — обычное дело государей». Но дело художника совсем иное — никогда не уклоняться от истины, не терять творческой свободы, даже если рискуешь потерять голову. Мало кто из современников Булгакова, как, впрочем, и Пушкина, поднимался до осознания этого простого, но тяжкого правила. Правила гениев.

*— Ну, зачем ты язвительным словом
веку-танку щекочешь броню?
С ним ведь не навоюешься — сломит,
уничтожит тебя на корню.*

*— Это верно. Но дело писателя —
вечно в омут какой-нибудь лезть,
полагаясь на пояс спасательный —
на упрямство, работу и честь.*

Некоторые исследователи-булгаковеды отказывают роману «Мастер и Маргарита» в правдоподобном изображении Иисуса Христа, дескать, писатель дал образ некоего Иешуа Га-Ноцри, наполнив его собственным автобиографическим дыханием. Конечно, в образе Иешуа проявилась судьба самого Булгакова. Но не таковы ли все литературные герои больших мастеров, даже списанные с исторической натуры?

Булгаков, естественно, не смог увидеть всего Христа, эта задача не по силам ни одному из представителей современного человечества. Но также несомненно, что булгаковское изображение родоначальника христианства расширяет рамки нашего понимания Иисуса Христа, как богочеловека. Та верность истине, которую проявили Иешуа и Мастер и есть основа божественной составляющей человека.

— Я не церковник и не теософ, — однажды сказал о себе Михаил Афанасьевич. Что не церковник — это ясно. Но почему не теософ, ведь его взгляд на Христа близок теософским воззрениям?

В 1922 году в журнале «Рупор» Булгаков публикует рассказ «Спиритический сеанс». Его герои — «бывшие» хозяева жизни, ненавидящие «нынешних», устраивают на своей квартире спиритическую сходку, чтобы узнать, как потусторонний мир относится к большевикам и сколько времени отводит их власти. В это время любопытная горничная Ксюша, которую выпроводили из комнаты, подглядывает в замочную скважину, чем же занимаются её хозяева. И рассказывает подружке:

«Заперлись они, девонька... Записывают про императора и про большевиков... Темно в квартире, страсти!.. Жилец, барин, барыня, хахаль ейный, учительша... Ланны потушили, чтобы я, значит, не видела... Хи-хи! И записывают... большевикам, говорят, крышка».

Далее комментарий рассказчика:

«В дымной тьме Сократ, сменивший Наполеона, творил чудеса. Он плясал как сумасшедший, предрекая большевикам гибель... Когда же нервы напряглись до предела, стол с сидящим на нём мудрым греком колыхнулся и поплыл вверх... Спириты потребовали, чтобы дух стукнул. И стук раздался.

— Дух, кто ты? — дрожащим голосом крикнул Павел Петрович.

— Чрезвычайная комиссия, — ответил из-за двери гробовой голос.

Когда дверь открыли, дух окинул глазами хаос спиритической комнаты и, зловеще ухмыльнувшись, сказал:

— Ваши документы, товарищи...»

Понятно, как мог относиться Михаил Афанасьевич к «теософам» подобного рода.

Известная фотография с моноклем в глазу и бабочкой на шее хорошо передаёт многоликий образ писателя. Он вставлял в глаз монокль и надевал бабочку, намеренно эпатируя новую интеллигенцию в косоворотках и сапогах. Но любил также всякие передевания, розыгрыши, как теперь говорят, «балдёж». Вот фотография «Булгаков на отдыхе. 1927 год»: белоснежный костюм,

та же чёрная бабочка. А рядом снимок Булгакова-актёра в спектакле МХАТа «Пиквикский клуб», загримированного под английского джентльмена в парике — не узнать! Хорошую одежду обожал смолоду, одежду из той России, России его спов. Но с гардеробом имел большие проблемы. Вернувшись из эмиграции в Советскую Россию Любовь Белозерская, позже ставшая его второй женой, так описывает первую встречу с Булгаковым: «Передо мной стоял человек лет тридцати-тридцати двух, волосы светлые, гладко причёсанные на косой пробор. Глаза голубые, черты лица неправильные, ноздри глубоко вырезаны, когда говорит, морщит лоб. Но лицо, в общем, привлекательное, лицо больших возможностей. Я долго мучилась, прежде чем сообразила, на кого же он походил. И вдруг осенило меня — на Шалапина! А вот одет он был далеко не по-шалапински... Какая-то глухая чёрная толстовка без пояса этакой «распапонкой» была на нём. Я не привыкла к такому мужскому силуэту. Он показался мне комичным слегка, так же как и лакированные ботинки с ярко-жёлтым верхом, которые я сразу же окрестила «цыплячьими». Только потом, когда мы познакомились поближе, он сказал мне не без горечи: “Если бы нарядная и надушенная дама знала, с каким трудом мне достались эти ботинки, она бы не смеялась...”. Тогда я поняла, что он обидчив и легкораним».

Был в жизни большой любитель каламбуров. Известную библейскую заповедь Моисея переиначил на «Не при Любе сотвори», имея в виду Л. Белозёрскую. И «сотворил» ведь, при ней привёл в дом третью жену — Елену Шиловскую.

Он предложил в одной из своих книг шутивную загадку: «В украинском языке “кот” это “кит”. А как по-украински звучит русское “кит”?» В Киеве я предложил этот булгаковский коан своим украинским друзьям. Мне ответили: «кит» произносится как «кыт». В литературе двадцатых и тридцатых годов Булгаков был именно таким «кытом», которого хотели превратить в домашнего кота. Или, как он сам выразился в своём письме Правительству СССР от 28 марта 1930 года: «На широком поле словесности российской в СССР я... один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крапёный ли волк, стриженный ли волк, он всё равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с волком... Злобы я не имею, но я очень устал... Ведь и зверь может уставать».

Зафлаженный толпами критиков-охотников Булгаков в изнеможении отлёживался дома, именно как загнанный волк. Но на себя наговаривал лишнее, волком не был. Он мог бы сказать о себе вместе с Осипом Мандельштамом.

*Мне на шею кидается век-волкодав,
но не волк я по сути своей.*

Мандельштам же, по-мальчишески безрассудный, сам кинулся в пасть волкодаву, написав стихотворение «Горец». Адресат, усмехнувшись в усы, не стал сразу покаутировать тщедушного противника, отправил его для начала в лёгкий нокдаун, то есть выслал в Воронеж. Перепуганный поэт стал писать в Воронеже заздравные стихи режиму и его главе. Когда усатого батьку познакомили с новыми страницами творчества Мандельштама, он ухмыльнулся уже зловеще: «Ничего не понял. Отправьте его куда-нибудь дальше...».

«Кыт» был мудрее, он никогда не ввязывался в прямую схватку с режимом и самодержцем, уходил в намёки, в иносказания, в фантастику. Но сны не спасали. Век-волкодав доставал писателя всюду.

Почему Булгаков не уехал из России? Внешне всё объяснимо — не пускали. Но у него был период между 1917 и 1919, когда такая возможность предоставлялась не однажды, он в ту пору жил в Киеве, в Пятигорске, во Владикавказе, ещё не занятых окончательно большевиками. Ушли вместе с армией Деникина за рубеж два его брата Иван и Николай, ушли многие друзья. Булгаков же остался, активно включившись в культурную работу молодой советской республики. И с первых шагов такой работы заявил о себе если не как «контрик», то, по крайней мере, как активный «бывший», защищая культурное наследие прошлого. Тогда же начались его нелады с новой властью. Он никак не желал поступаться своими «снами», со своей тоской по прошлому, одновременно не держал кукиша в кармане против новой власти. Его рыцарское сердце и мудрая голова сдерживали личное неприятие режима, хотя ум подсказывал — ходу его перу не дадут.

Позже, в конце 1920-х гг., писатель не однажды просился за границу для соединения с родственниками, особенно мечтал побывать в Париже — Мекке литературной эмиграции. Но ему уже откровенно перекрыли дорогу на Запад. Одно время его преследовали мысли о самоубийстве, свидетельство — метания Максудова в «Театральном романе». Случались также периоды, когда он был близок к помешательству. Не только в Мастере, но и в Иване Бездомном прослеживаются автобиографические грани создателя «Мастера и Маргариты».

С сарказмом, но и с большим внутренним теплом он описал в некоторых героях «Театрального романа» черты тех, кто пошёл на компромисс с совет-

ской властью: Станиславского, Немировича-Данченко, Алексея Толстого. Бонвиванскую натуру последнего Булгаков рисует даже с некоторой долей зависти, потому что сам любил хорошо пожить. Но то, что разрешено быку, Юпитеру делать возбраняется его божественным статусом. Таланту компромиссы позволены, но у гения «продуман распорядок действий и неотвратим конец пути».

Здесь я рискну заглянуть в запредельные области метафизики, прикрывшись авторитетом Даниила Андреева. Этот писатель ввёл понятие метаистории, которая сопровождает обычную земную историю и очень часто предшествует ей. Рождение гения начинается на небесах, когда человеческий дух заключает с Богом контракт на выполнение определённой исторической задачи. Для того, чтобы «нижеподписавшийся» не забыл о своём контракте, его сопровождает по жизни гений, в своё время хорошо описанный Сократом. Жизнь такого человека никогда не бывает лёгкой, хотя он знает минуты блаженства, недоступные рядовому человеку. Но если отмеченный Богом человек изменит контракту, гений отступит от него. Чем это заканчивается, могут объяснить глаза врубелевских демонов.

Булгаков не отступил и не сдался. Он не изменил контракту, и гений не покинул его. Если бы писатель в 1919 году уехал за границу, а не в Москву в пасть дьяволу, не было бы гениального автора «Мастера и Маргариты», зато мог бы состояться какой-нибудь дублёр Алексея Толстого.

Вот метафизические корни вырвавшейся у Булгакова в разговоре со Сталиным фразы: «Русский писатель не может жить вне родины». Только не нужно цепляться за слова, Рахманинов жил вторую половину жизни за границей и оставался гением, потому что родина никогда не покидала его душу. Булгаков говорил о своём случае. Сколько же он пережил в советской России от прямых попаданий в крылья!

*Первый взлёт. Как часто спозаранок
попадает дробь в крыло души.
Кровью истекающий подранок
молча уползает в камыши.*

*Отлежится, снова рвётся в тучи.
Так всю жизнь. И никакой резон
раненую птицу не отучит
из гнезда лететь за горизонт.*

*Так и этот, до костей израненный,
не желает выучить урок,
тянется в последнее изгнание
крыльями трепещущий чирок.*

Исследователь творчества Булгакова Виктор Петелин в своей прекрасной, хотя и страдающей длиннотами и повторениями, книге «Жизнь Булгакова» отделяет писателя от так называемых сюрреалистов, творцов кошмаров и т. д., подчеркивая сугубо реальную основу всех булгаковских снов. Это верно. Но лишь отчасти. Что значит реальность или нереальность человеческих фантазий? Сюрреализм, абстракционизм — тоже реальность, но реальность низшая. Геометрические фигуры Малевича и Пикассо существуют в Тонком мире, как разорванные фрагменты земной жизни. Прекрасное там отражается как прекрасное здесь. Тамошние кошмары и деформации в одном случае следствие, в другом — причина посюсторонних.

Вся русская классическая литература развивалась под импульсом «пятого», божественного и высших слоёв «четвёртого» — тонкого измерений. Павел Флоренский называет искусство «оплотневшими снами». Душа во сне поднимается из мира дольного в мир горний, чтобы напитавшись божественными красотами запечатлеть их потом кистью или пером. Мир горний полон несказанной красоты, лишь отблески её может принять мир дольный

Но даже эти осколки красоты небесной часто встречают ожесточенное сопротивление. Мир дольный очень часто не хочет принимать дары мира горнего. Однако непонимание и непризнание, как правило, только усиливает творческие порывы художника. В истории искусства немало тому свидетельств, французский импрессионизм, например. Советская идеология, отрезавшая тонкие миры от плотной действительности, своими железными тисками буквально выдавила Булгакова вверх, к Христу. Сегодняшние «демократические» СМИ стараются выдавить искусство вниз, в адские области. И та и эта власти, в сущности, делают одно дело, объединяя мир плотный с миром тонким. Но сколько же на этом пути обломков! Число жертв сталинских репрессий исчисляется миллионами. Десятки миллионов мы потеряли в годы «либерального» владычества. Считается, что при «светопреставлении» погибнут миллиарды.

Где же ты, милосердный Бог?!

Подобные вопросы возникали не однажды в девятнадцатом веке. А двадцатый весь прошёл под знаком ницшеанского приговора «Бог умер».

Булгаковские сны пришлись на самое начало века, попали в самую гущу безбожных кошмаров, их выдержали и ушли в бессмертие.

Булгаков, как и герой его романа, во время одного из своих ночных кошмаров сжёг часть «Мастера и Маргариты». «Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен, мне страшно». Могучий дух справился с унынием, восстановил утраченную часть романа, подтвердив своим гением справедливость слов: «Рукописи не горят!». Но сколько же страшной усталости принесли эти несгораемые рукописи Мастеру!

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летал над этой землёй, неся на себе непосильный груз, тот знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, её болотца и реки, он отдаётся с лёгким сердцем в руки смерти, что только она одна успокоит его».

Изнemoгший победитель, он умер с лёгким сердцем, после мучительного припадка, погрузившего его в долгий сон. Ритмичное спокойное дыхание Мастера постепенно слабело. Наконец, лёгкая судорога проплыла по его лицу, и вырвавшаяся на волю душа отправилась в последний полёт над землёй.

«Он не заслужил света, он заслужил покой».

*О, прошлое, в твоём кровавом хрусте
одни разборки времени и нас.
«Душа полна невыразимой грусти».
Забиться бы,
ничьих не видеть глаз...*

*Но из глубин нескошенного поля
приходят предков тихие слова:
— Мы живы до тех пор, пока нас помнят,
и живы те, в ком грусть о нас жива.*

Он умер 10 марта 1940 года. Сталин воспринял смерть писателя весьма своеобразно, можно даже сказать, как личную потерю человека, за деятельность которого пристально следил (на спектаклях «Белой гвардии» побывал, по ряду свидетельств, много раз). В квартире покойного раздался телефонный звонок: «Звонят из секретариата товарища Сталина, это правда, что умер

Булгаков?». «Правда», — ответила Е. С. Шиловская. Спустя пять дней Елена Сергеевна получила от Александра Фадеева, встречавшегося с больным Булгаковым накануне смерти, письмо.

«Мне сразу стало ясно, что передо мной человек поразительного таланта, внутренне честный и принципиальный, очень умный, с ним, даже тяжело больным, было интересно разговаривать, как редко бывает с кем. И люди политики (читай Сталин. — Ю. К.) , и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью, что путь его был искренен, органичен, а если в начале своего пути (а иногда и потом) он не всё видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного, хуже было бы, если бы он фальшивил».

Эти слова принадлежат одному из самых больших литературных «генералов» советской словесности. Всё понимал, но ничем не помог. И не мог помочь он, видевший в сороковом «всё так, как надо». А когда позже увидел тоже всё «не так как надо», не смог удержать себя в жизни.

О, блаженство, даже самому страшному времени говорить в глаза только правду! И никогда не изменять ей.

Пустота, шуньята, покой, нирвана — это в буддийской метафизике гавань всех человеческих устремлений. Гавань блаженства. Оттого истинные творцы выше всех наслаждений жизни ценят наслаждение творчества. Но им мало одной такой гавани, они, мятежные, ищут покой в буре. Почему? Потому что нирвана (безветрие) предполагает вторую свою грань — бурю. Без неё человек слабеет. Лучше всего это понимал и выразил Пушкин; «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Булгаков наглотался страданий слишком много и запросил покоя.

Но покой для творца — тоже работа. Другая форма работы. Без дела творец жить не может.

Когда все пути для творческой самореализации были ему перекрыты, Художественный театр предложил инсценировать «Мёртвые души». Прочитав роман, Булгаков сказал, что инсценировать Гоголя невозможно, нужна самостоятельная пьеса. Пьеса, так пьеса, — согласились в театре. Он написал её, ввёл главное действующее лицо — самого Гоголя, вложил в его уста слова из других гоголевских сочинений и, конечно, вдохнул в пьесу самого себя весёлого, страдающего, грустно смеющегося Булгакова. Но как это сделал? Исследователи булгаковской пьесы не обнаружили в ней ни одной не то, что

собственной фразы, ни одного негоголевского слова. Всё только Гоголь. Уни-сон, достойный двух гениев.

Она и теперь идёт, эта пьеса, — булгаковский завет театру, как нужно работать с классикой.

Сегодня на Гоголе кто только ни самовыражается. Какой-нибудь режиссёр-шибздик непременно введёт в сцену ухаживаний Хлестакова за Марьей Андреевной и Марьей Антоновной сексуальные эпизоды. Иначе, какой он сокрушитель ветхозаветной морали! А главное, ведь не предоставит нынешний театр свои подмостки, не заплатит денег без подобного сокрушительства.

Михаил Афанасьевич никогда ни в чём не потакал не только вкусам властей, но и вкусам толпы. Творчество для него было священнодействием, говоря словами его современника Бориса Пастернака, чудотворством. Анна Ахматова, написавшая в 1940 году стихотворение на его смерть, определила его творческую бескомпромиссность словами «великолепное презренье». Но стоило ему это качество великих страданий.

Тем не менее нет ничего пошлее, чем изображать Михаила Булгакова мучеником и страдальцем. Как несовместимы гений и злодейство, так же невозможен гений, испытывающий непрерывные фрустрации. Жизнь Булгакова многоцветна. Всё, чем только может одарить она человека, он получил за свои неполные пятьдесят лет пребывания на земле. Была слава и замалчивание, деньги и безденежье, много друзей, ещё больше врагов, сладость творчества и травля критиков, ненависть властей и любовь женщин. И божественная кульминация, апофеоз его жизни, его предсмертный экстаз, — прежде, чем умереть, он сумел поставить точку в бессмертном романе.

В начале двадцатых годов он сотрудничал с эмигрантским, сменовеховским журналом «Накануне», издающимся в Берлине. Редактировал журнал Алексей Толстой, любивший корреспонденции Булгакова и хорошо плативший за них. Однажды журнал заказал Михаилу Афанасьевичу очерк о только что открывшейся в Москве сельскохозяйственной выставке. Блестящее, по-рембрандтовски сочное описание изобилия выставки редакция высоко оценила, статья была напечатана с ходу. Но когда Булгаков представил счёт на производственные расходы, бухгалтерия журнала пришла в ужас. «Что это был за счёт! — писал очевидец. — Расходы на ознакомление с национальными блюдами и напитками различных республик!.. Всего ошеломительней было то, что весь этот гомерический счёт на шашлык, шурпу, люля-кебаб, на фрукты и вина был на двоих.

—Почему же на двоих? — спросил пораженный заведующий финансами редакции.

Булгаков невозмутимо отвечал:

— Во-первых, без дамы я в ресторан не хожу. Во-вторых, в фельетоне у меня отмечено, какие блюда даме пришлось по вкусу. Как вам угодно-с, а произведённые мною производственные расходы покорнейше прошу возместить».

И возместили полностью.

«Никогда ни о чём не просите, принесут сами...», — говорил он. Это не совет моралиста, это его жизнь. В самые тяжкие дни творческого простоя и безденежья появлялся некто из Москвы, Ленинграда, Средней Азии, просил написать пьесу или инсценировку.

—Без аванса не возьмусь за работу.

—Выплатим аванс. Немедленно.

—Вам могут запретить ставить мою пьесу, — продолжал Мастер, — и я не смогу вернуть полученные деньги, потому что они будут истрачены.

—Мы согласны на такое условие в договоре — не потребуем возвращения денег, если пьеса не пойдёт.

Были ли случайные некто посланцами Сталина или самого Главного Некто, который давал писателю счастливые передышки? И чего Главный Некто добивался от своего подопечного, пропустив его через столь безжалостные жернова жизни? Ницше сказал: «Человек — это то, что необходимо преодолеть». Зачем? Чтобы человек смог когда-нибудь стать Иешуа или в далёком будущем самим Некто?

Он был далёк от того, чтобы считать себя святым, но была в его снах и святость. Великое счастье Булгаков обрёл в любви к Елене Сергеевне Шиловой, ставшей его женой в 1927 году. Она была ангелом-хранителем писателя при жизни, а после смерти — хранителем великого романа, который довела до публикации почти через тридцать лет со времени написания. В русской литературе XX века два примера столь мастерски описанной высокой любви: булгаковский, в его великом романе, и шолоховский, в «Тихом Доне». Но автор «Мастера и Маргариты» не только опоэтизировал большую любовь, он прожил её.

Три замечательных женщины прошли через его жизнь: Т. Н. Лаппа, Л. Е. Белозерская и Е. С. Шилова. Все три спасали, вытаскивали его из

котлов с горячей и холодной водой, куда попеременно окунала писателя советская действительность. С Есениным и Маяковским она расправилась быстрее, как мне кажется, потому, что рядом с ними не было достойных подруг.

Боги, боги, неужели и вам снятся только сны!? Как увидеть реальность?

Если реальностью называть неизменяемую действительность, то, наверное, таковой не существует даже для богов. Буддисты говорят что за Нирваной следует Паранирвана, потом Метанирвана... Но если всем нам, смертным и бессмертным, суждены вечные сны, то пусть они, по крайней мере, будут прекрасными. А как оценишь красоту, не сравнив её с безобразием? Как узнаешь радость, не испытав страдания?

Полёты из одного мира в другой, участие в рождении миров, высекание искр гармонии из каменного хаоса, страдальческое изнеможение и восторг создания новой прекрасной формы, оставление её ради сотворения новой... — не это ли единственно возможное счастье? Тогда все беды мира превращаются в препятствия, которые ждут своего одоления. Ради чего? Ради великой, нескончаемой, прекрасной и страшной Неизвестности.

Он ушёл в Неё, как уже говорилось, 66 лет назад в полном изнеможении сил на руках у Елены Сергеевны и её сестры Ольги Бокшанской. Процесс ухода был мучительным, почки совершенно отказали, и ядовитые отходы организма проникли всюду, вплоть до мозга. Но момент ухода был тихим и благостным. Боги, принимая своего любимца, освободили его в последние минуты от страданий. Также до последнего вдоха, как сообщила в письме своей матери Ольга Бокшанская, «юмор не покидал его».

2006

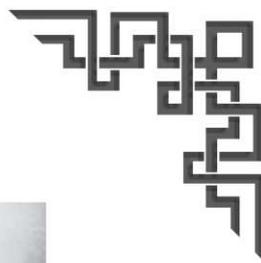
* * *

*Упрёки эпохе смешны и грешны,
как жалобы музе на то, что не пишется.
Вот тёплые дни, наконец-то, пришли
в коротком и пышном растительном пиришестве.*

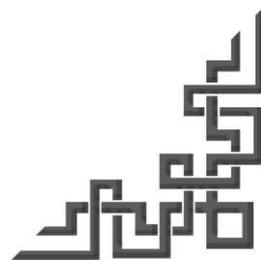
*Скрижаль изумрудную пишет трава,
ничуть не печалась, когда по ней топчутся.
И ты, отправляя в пространство слова,
не слишком заботься, как примет их общество.*

*Живая чеканка легла бы на лист,
надежда свила бы гнездо на печали.
А в смуте сегодняшней сам Трисмегист
замечен и выслушан будет едва ли.*

*Бесчинствует всюду разбойничий век,
в крови не сгубил, так берёт нас измором.
Прими его вызов, как сталинский зэк,
оставивший в памяти дым «Беломора».*

Борис Леонидович
ПАСТЕРНАК
(1890 — 1960)

НЕПОНЯТЫЙ ДОКТОР

Страсти по Пастернаку

*Чем громче о тебе галдёж,
Тем умолкай надменной.
Не доверяй чужую ложь
Позором объяснений*

Б. Пастернак

Минуло больше пятидесяти лет со времени опубликования скандально знаменитого романа Пастернака, присуждения ему Нобелевской премии и страстей, развернувшихся вокруг этих двух событий. Приближаются также 110-летие со дня рождения и 50-летие со дня ухода автора романа. Поутихли страсти вокруг имени писателя, забываться стала книга. Точнее сказать, «Доктор Живаго» ушёл в память одних, как клевета на Октябрьскую революцию и на советскую власть, в сознание же других остался, как первая попытка либерального прорыва в советской литературе. Исповедальный, глубоко философский смысл произведения оказался не то, что за бортом исследований — его попросту грубо затмила политика. Повторилась, правда, с точностью наоборот история «Выбранных мест из переписки с друзьями», когда западники обвинили Гоголя в отступничестве от либеральных ценностей, а славянофилы приветствовали религиозно-патриотические и самодержавно-охранительные мотивы гоголевского сборника. Сам же Николай Васильевич с его поисками истины остался в стороне. Но если непонятый при жизни Гоголь, благодаря двухсотлетнему юбилейному вниманию, получил более или менее равновесную оценку, то с «Доктором Живаго» такого пока не произошло.

Почему? Мало времени на раздумья или проблемы, поставленные Пастернаком в романе, потеряли актуальность?

Вот как сформулировал эти проблемы сам автор в письме двоюродной сестре О. Фрейденберг от 13 октября 1946 года: «Я уже говорил тебе, что начал писать большой роман в прозе. Собственно, это первая настоящая моя работа. Я в ней хочу дать исторический образ России за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжёлого, печального, подробно разработанного, как, в идеале, у Диккенса или Достоевского, — эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. Я в ней свожу счёты с еврейством, со всеми видами национализма (и в интернационализме), со всеми оттенками антихристианства и его допущениями, будто существуют ещё после падения Римской империи какие-то народы и есть возможность строить культуру на их сырой национальной сущности. Атмосфера вещи — мое христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское или толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным».

Оставим пока вне рассмотрения пастернаковскую художественную самооценку «это первая моя настоящая работа». Напомним, как встретили роман авторитетные современники в момент присуждения ему Нобелевской премии.

Владимир Набоков: «Это произведение Пастернака я считаю болезненным, бездарным, фальшивым».

Грэм Грин: «Мне роман показался нескладным, рассыпающимся, как колода карт».

Густав Герлинг, критик из западногерманского «Меркуре»: «Роман Пастернака ни в коем случае нельзя считать полностью удавшимся произведением: он населён фигурами с очень слабо очерченной психологией, хаотичен в построении».

Андре Руссо: «Мне кажется, что реализм Пастернака... весьма недалёк от банальности и даже вульгарного натурализма. Как бы то ни было, в данном случае не ощущаешь той неодолимой силы, с какой обычно захватывают нас великие произведения...».

А. Эфрон (дочь М. Цветаевой): «Теснота страшная, столько судеб, эпох, городов, лет, событий, страстей, совершенно лишённых необходимой кубатуры, воздуха. Герои буквально лбами сталкиваются в этой тесноте».

Л. Баткин (Израиль): «Доктор Живаго» — вещь провальная, если не на сто процентов, то по крайней мере с девятой главы второй книги... В книге нет ничего, что бы стоило любить, кроме пейзажей и стихов — или описания поэтической работы. Все остальное — ложноклассицистические монологи

героев, поставленные как диалоги во время глажения белья (излюбленная автором мизансцена). Это поистине роман без героя, без героев».

Михаил Шолохов: «Это бесформенное произведение, аморфная масса, не заслуживающая названия романа».

Можно понять упрек Набокова в болезненности, видимо, автор «Лолиты» перепутал склонность к сексуальным перверсиям героя своего романа со здоровой чувственностью Юрия Живаго. Можно понять и оценку «Доктора» Шолоховым, исповедовавшим совсем иные творческие принципы. Не принимал же Толстой Шекспира, а Ахматова — Есенина. Но как быть с остальными, кто относился к Пастернаку дружески, с почитанием или во всяком случае сочувственно?

Многолетний друг Пастернака Варлам Шаламов писал в 1971 году: «Доктор Живаго» писался по писательским рецептам Толстого, а вышел роман-монолог, без «характеров» и прочих атрибутов романа XIX века... Художественный крах «Доктора Живаго» — это крах жанра. Жанр просто умер».

Ознакомившись с рукописью до публикации, Шаламов утверждал нечто совершенно иное: «Я давно уже не читал на русском языке чего-либо русского, соответствующего адекватно литературе Толстого, Чехова и Достоевского. «Доктор Живаго» лежит, безусловно, в этом большом плане... ещё два таких романа, и русская литература — спасена» (письмо Пастернаку, январь 1954 г.).

Обе оценки не противоречат самооценке своего детища Пастернаком, который, отвечая критикам, подчёркивал, что его интересуют не стиль, не жанровая законченность нового произведения, а «доходчивость». Автору «Доктора Живаго» хотелось, чтобы его роман читался «взахлёб» массовым читателем во всём мире. Но такого читателя книга тоже не обрела.

Разброс цитируемых выше авторитетов, как мы видим, весьма велик, мнение же одно: ни «Диккенс», ни «Достоевский», ни «исторический образ России за последнее сорокапятилетие», согласно «протоколу намерений» Бориса Пастернака, не получились. Что же получилось? Неужели «Доктор Живаго» стал обладателем самой престижной в мире литературной премии исключительно по конъюнктурным соображениям, как очень насоливший СССР и его истории?

Какая великолепная хирургия!

Думаю, что соли, так раздражавшей в «Докторе Живаго» советских ортодоксов, было ничуть не больше, чем в «Тихом Доне». Оба романа подаются

революцию «голографически», объёмно, без крема, но и без дёгтя. Но взгляд Шолохова художнический, Пастернака исповеднический. Роман Шолохова — яркий, цветастый ковёр, читать его — наслаждение; книга Пастернака похожа на старый гобелен, краски тусклые, фактуру могут оценить лишь знатоки. Да и тем требуется немалое терпение, чтобы дочитать «Доктора» до конца.

Тем не менее сопоставление двух выдающихся книг XX века вполне правомерно. Их герои Григорий Мелехов и Юрий Живаго — братья по духу, хотя воспитаны в разной среде. Мелехов — Гамлет из народа, Живаго — из интеллигенции. Мелехов проще и круче в поступках, Живаго утончённей в размышлениях и переживаниях. Но богатство души, глубокая человечность, страстность в желании через все противоречия эпохи «дойти до сути», даже ценой собственной гибели слишком очевидно связывает обоих русских гамлетов, попавших в водоворот революционной мясорубки. В этом смысле, мне думается, по «Тихому Дону» и «Доктору Живаго» грядущие историки будут, в первую очередь, изучать эпоху, а уж потом по «красным колёсам» и другим сочинениям Солженицына. Там слишком много желчи.

Кстати, и линии жизни обоих художников, Пастернака и Шолохова в тридцатые годы похожи, оба вели себя независимо, не кривили душой, не участвовали в режимных кампаниях, наоборот умели постоять за ближних, за собственное достоинство, а главное, за истину, рискуя собственным бытием. Гамлетовское «быть или не быть» в советское время трактовали, как рефлексию малосильных интеллигентов, неспособных на решительные поступки. Пастернак восстановил облик подлинного Гамлета в своём великолепном переводе знаменитой пьесы Шекспира. И собственным поведением оправдал в русском интеллигенте то, что принимается за слабость.

«Доктор Живаго» был для Пастернака не художественной задачей, исполнение которой оценивается по эстетическим критериям, но персональным достижением, личным подвигом, самопреодолением, трансфигурацией, преображением. Это был религиозный, а не художественный опыт, экзистенциальный прорыв». (Л. Баткин.)

Роман также невозможно понять и оценить вне контекста жизни и поэзии Пастернака. Оторванный от них, он действительно порой выглядит, как философская тягомотина с массой художественных просчётов и житейских нелепиц. Худшей услуги Борису Леонидовичу, чем вставить это его произведение в школьную программу, представить трудно. Навязанная школьникам «Война и мир» тоже в своё время надолго отбила у них вкус к Толстому именно из-за

длинных философских пассажей. У Пастернака их больше. И это понятно, в его время вопрос «быть или не быть» стоял, как никогда, остро. А большая литература — это всегда опыт жизни, играющей со смертью и преодолевающей её. Для Пушкина такой опыт выразился в его двенадцати дуэлях, для Толстого — в пребывании под ядрами на Малаховом кургане, в результате чего двадцатидвухлетний молодой человек написал «Севастопольские рассказы». Хемингуэй в восемнадцать лет получил множественные осколочные ранения на первой мировой от снаряда, едва выжил и родился, как автор «Прощай, оружие». Пастернак всю жизнь ходил на острие сталинского ножа, противостоя времени и воспевая его. Не будь такого противостояния-гимна, свались Борис Леонидович в ту или иную крайность, остался бы он в истории литературы в лучшем случае писателем второго разряда, как, например Зинаида Гиппиус или Алексей Толстой. Но сумел подняться на русское литературное небо как звезда первой величины, блеснув в нём и «романом-поступком», и поставив ослепительную точку циклом стихов о Христе.

Хотя Пастернак в упоминавшемся письме О. Фрейденберг, объясняя замысел романа, называл своё христианство не квакерским и не толстовским, с религиозностью Толстого его роднит слишком многое. Прежде всего «впадение» в «ересь неслыханной простоты», тяготение к народному мировоззрению, уход от искусства в проповедь, стремление возложить на собственные плечи страдальческий крест родной страны. Последнее у Толстого не получилось, а Пастернаку удалось. Известно, что Лев Николаевич в своих дневниковых записях не однажды выражал желание пострадать. Его резкие антиправительственные статьи имели кроме всего прочего тайную цель — сменить сытую и спокойную графскую жизнь на отсидку в тюрьме. Замысел Толстого разгадал Александр III, записавший в дневнике: «Напрасно он старается, мученика я из него не сделаю». Пастернака тоже угнетало относительное личное благополучие, на фоне сталинских чисток и арестов, так что одним из импульсов для опубликования «Доктора Живаго» был и этот — желание хотя бы в конце жизни оказаться в ряду страдальцев за правду. Надо знать настроения этой великопешной советской пары — Пастернака и Ахматовой, по поводу которых в мемуарах и исследованиях пролито столько сочувственных слёз, чтобы не добавлять лишних. Если Пастернак считал своё страшное время благословенной небывальщиной, то Ахматова на вопрос какой она считает трагическую судьбу Мандельштама, ответила: «для поэта — идеальной». Когда в уже более спокойные советские времена Иосифа Бродского, которому она покровительствовала, сослали в деревню за «тунеядство», Ахматова заметила:

«Рыжему очень повезло». Правда, у «Рыжего» обида взяла верх, он не сумел по достоинству оценить «подарок» власти, не воспользовался своим «везением», чтобы навсегда остаться в истории русской литературы. Разругался с режимом, потом с родиной, уехал за границу, объявил публично, что Россия «кончилась» в XIX веке», отрёкся от неё, стал писать стихи на английском. И, в конце концов, кончился сам, как человек и как русский поэт.

Для Ахматовой, как и для Пастернака, антирусские декларации были невозможны. Пастернак, всю сознательную жизнь комплексовавший по поводу своего еврейского происхождения, в одном из писем признался, что в возрасте двух лет был тайно от родителей крещён русской няней. Факт этот опровергли родственники поэта, но как бы то ни было, две святыни для Пастернака были неприкосновенны смолоду на всю жизнь — Иисус Христос и Россия. «Доктор Живаго» как раз и стал для автора наполовину исповедью, наполовину проповедью, где он на склоне лет, перед смертью захотел полностью растворить себя, свои религиозные и патриотические чувства, с одной стороны в России, с другой — в Христе.

*Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колёс
Не читки требует с актёра,
А полной гибели всерьёз.*

Эти две «наполовину» объясняют и противоречивость романа, и его недостатки, как они виделись большинству его критиков. Не обращая внимания на декларативность стиля, на однообразие языка героев, на несуразницы в датах и в деталях жизни, художник торопится (успеть — был один из главных жизненных принципов Пастернака) высказаться и оправдаться перед читателем за годы «безвременщины», когда в них царил чекистский скальпель. И убедить читателя, что жизнь меньше всего нуждается в искусственном хирургическом вмешательстве, ибо о своём выздоровлении она сама заботится. Таких парадоксов в «Докторе Живаго» полно, «христианство» Пастернака словно забывает настоящую историю этого вероучения, построенного в Европе и в России великой кровью.

Но нет, не забывает. Балладу «Смерть сапёра», написанную в декабре 1943 года завершают такие программные для Б. Л. христианские строки:

*Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь бессмертишь,*

*Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.*

Сам поэт в войнах участия не принимал из-за хромоты (в юности сломал ногу), выезжал на фронт лишь один раз в составе писательской бригады, но пишет о сапёре, как о товарище по оружию. А за сказанное Пастернак привык отвечать.

Его лирика 1941-1945 годов мало оценена. Обычно этот период помянут в критике именами Твардовского, Симонова, Гудзенко, ещё несколькими именами тех, кто провёл войну на фронте. Между тем в годы войны поэтом создан целый ряд лирических шедевров. Кроме упомянутой «Смерти сапёра», это «Преследование», «Ожившая фреска», «Победитель», не говоря уже о «Бобыле» или «Памяти Марины Цветаевой».

Большому художнику всегда недостаточно слов, ему нужны поступки, свои война и мир. Вечными врагами Пастернака были фарисейство, низость, пошлость. Он не мог по понятным причинам решиться на крутые оппозиционные шаги в 20-е, 30-е, 40-е годы. Борьба, загнанная внутрь души, пошла на пользу творчеству. Странный парадокс советского времени состоял в том, что суровые ограничения режима необычайно подняли русскую духовность. Чего стоил один поэтический букет: Есенин, Маяковский, Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Заболоцкий, Твардовский, не говоря уже о втором эшелоне поэтов, каждый из которых мог бы стать первоклассным явлением, скажем в Соединённых Штатах Америки. А музыка, кино, балет?.. Советское время стало культурным апофеозом Русской империи, чего не мог не видеть и не понимать такой зоркий художник, как Борис Пастернак. Он и включил себя в этот апофеоз, никогда, впрочем, не впадая в сервильность, не подменяя службу прислужничеством.

Во второй половине 50-х годов XX века солнце империи пошло на закат. В первую очередь сами власти устали от непомерного числа Вольф, излучаемого «сталинским солнцем». Культ «гения ограничения» заменило поклонение ограниченности. Чуткий Пастернак сразу отреагировал на этот факт стихами.

*Культ личности забрызган грязью,
Но на сороковом году
Культ зла и культ однообразья
Ещё по-прежнему в ходу.*

*И каждый день приносит тупо,
Так что и вправду невтерпёж,*

*Фотографические группы
Одних свиноподобных рож.*

*И культ злоречья и мещанства
Ещё по-прежнему в чести,
Так что стреляются от пьянства,
Не в силах этого снести.*

А потом была публикация романа, где автор свёл счёты опять-таки не с советской властью, а с вечными врагами всякого великого художника, перечисленными выше.

Свои взгляды Пастернак вложил в уста Юрия Живаго, Лары, Гордона, Евграфа, Веденяпина. И, уходя от «жанра», не скрывал этого. «Такого направления, которое представляет Веденяпин, в ту пору в философии не было. Я передал ему собственные взгляды». Даже в уста своего антипода Антипова-Стрельникова, которого за его свирепые расправы над белыми называли Расстрельниковым, Пастернак вложил личные раздумья о причинах, почему Бог допустил большевистский террор: «Так вот, видите ли, весь этот девятнадцатый век со всеми его революциями в Париже, несколько поколений русской эмиграции, начиная с Герцена, все задуманные царубийства, неисполненные и приведённые в исполнение, всё рабочее движение мира, весь марксизм в парламентах и университетах Европы, всю новую систему идей, новизну и быстроту умозаключений, насмешливость, всю во имя жалости выработанную вспомогательную безжалостность, всё это впитал в себя и обобщенно выразил собою Ленин, чтобы олицетворенным возмездием за всё содеянное обрушиться на старое».

Существует мнение, что Пастернак до поры до времени скрывал свои взгляды на революцию и её вождей, а при первой представившейся возможности объявил себя решительным противником всех кровавых эксцессов, смотрящим на революцию «глазами гуманиста-интеллекта». Где смогли усмотреть в романе такой вывод?

Вот первая реакция героя на «правительственное сообщение из Петербурга об образовании Совета народных комиссаров, установлении в России советской власти и введении в ней диктатуры пролетариата». «Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы! Простой, без обиняков, приговор вековой несправедливости, привыкшей, чтобы ей кланялись, распаркивались перед ней и приседали».

И далее: «Вы подумайте, какое сейчас время! И мы с вами живём в эти дни! Ведь только раз в вечность случается такая небывальщина. Подумайте: со всей России сорвало крышу, и мы всем народом очутились под открытым небом. И некому за нами подглядывать. Свобода! Настоящая, не на словах и в требованиях, а с неба свалившаяся, сверх ожидания. Свобода по нечаянности, по недоразумению, — исповедуется Живаго Ларе. — Вчера я ночной митинг наблюдал. Поразительное зрелище. Сдвинулась Русь-матушка, не стоит ей на месте, ходит не находится, говорит не наговорится. И не то чтоб говорили одни только люди. Сошлись и беседуют звёзды и деревья, философствуют ночные цветы и митингуют каменные здания. Что-то евангельское, не правда ли? Как во времена апостолов. Помните, у Павла: “Говорите языками и пророчествуйте. Молитесь о даре истолкования”?».

Спустя некоторое время восторги Юрия Андреевича охлаждает его тесть: «Помнишь ночь, когда ты принес листок с первыми декретами... это было неслыханно безоговорочно. Эта прямолинейность покоряла. Но такие вещи живут в первоначальной чистоте только в головах создателей, и то только в первый день провозглашения. Иезуитство политики на другой же день выворачивает их наизнанку. Эта философия чужда мне. Эта власть против нас. У меня не спрашивали согласия на эту ломку».

Тесть говорит языком зятя, потому что в оценках обоих героев сам автор романа. Но цитированные выше оценки касались только внешних событий, внутренняя «профессия» самого Б. Л. Пастернака, как и Юрия Живаго, остаётся неизменной. Он — «доктор», его задача лечить время, при этом не хирургическими методами, но терапевтическими. В таком осознании «профессионального» долга автора — ключ к пониманию не только «Доктора Живаго», но и всего творчества Пастернака, а также выстроенной и выстраданной им жизненной линии. Исследователи нередко рассматривают эту линию, как вынужденное сокрытие писателем своего истинного лица в эпоху Сталина, а в «Докторе Живаго» автор якобы снял маску. Но в том-то и дело, что Пастернак не носил маски, иначе не уцелел бы. Под хирургический нож Сталина попадали ловкачи самые виртуозные. Очень проницательным психологом был отец всех народов, видел людей насквозь и очень не любил, когда скрытую ненависть к нему и страх выдавали за любовь и преданность. Куда ближе была прямота маршала Жукова. И Пастернак в сталинскую эпоху обезоруживал врагов своей откровенностью.

*Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,*

*Оставлена вакансия поэта,
Она опасна, если не пуста.*

Это не из поэтического приложения к «Доктору Живаго», это опубликовано в четвёртом номере «Нового Мира» за 1931 год. В том же стихотворении чуть выше Пастернак признаётся:

*Иль я не знаю, что, в потёмках тычась,
Вовек не вышла б к свету темнота,
И я — урод, и счастье сотен тысяч
Не ближе мне пустого счастья ста?
И разве я не мерюсь пятилеткой,
Не падаю, не поднимаюсь с ней?
Но как мне быть с моей грудною клеткой
И с тем, что всякой косностью косней?*

Так что, обещая Ольге Фрейденберг выразить в будущем романе свои взгляды «на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое», Борис Пастернак начал сердечную исповедь гораздо раньше. Да, иногда он рисовал себя в образе затворника, который «в кашне, ладонью заслоняясь» спрашивает у детворы «какое у нас тысячелетье на дворе», однако переделкинским анахоретом никогда не был. Всей своей жизнью и творчеством Пастернак вёл напряжённый, опасный диалог с эпохой, не будучи ни противником её, ни судьёй, скорее, как уже говорилось, — всё понимающим костооправом. «Доктор Живаго» подвёл итог многолетней «врачебной практике», в которую, по собственному признанию, Пастернак включал не только духовный опыт А. П. Чехова, не успевшего соприкоснуться с русскими революциями, но и опыт авторов «Двенадцати», «Хорошо», «Анны Снегиной», досыта испивших горькой революционной браги.

В письме М. П. Громову (6 апреля 1948 г.), в очередной раз говоря о тематике, хронологии, структуре задуманного романа, Пастернак затрагивает и вопрос о прототипах: «Там описывается жизнь одного московского круга (но захватывается также и Урал). Первая книга обнимет время от 1903 до конца войны 1914 года. Во второй, которую я надеюсь довести до Отечественной войны, примерно так в году 1929 должен умереть главный герой, врач по профессии, но с очень сильным вторым творческим планом, как у доктора А. П. Чехова... Этот герой должен будет представлять нечто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским, и когда я теперь пишу стихи, я их

всегда пишу в тетрадь этому человеку Юрию Живаго». Уже было сказано, что в современном пастернаковедении очень часто проглядывает желание свести позицию автора романа до уровня высоколобого интеллигента, которого ужасы революции и сталинизма загнали на дачу в Переделкине, где он свято охранял свою творческую независимость. То есть видеть в Б.Л. пусть гениального, но пугливого мещанина, осторожного дипломата, прячущего от власти своё нутро в ответ на всякого рода «неинтеллигентность». «В «Докторе Живаго» Пастернак взглянул на события гражданской войны с позиции «неприсоединившегося» интеллигента, — пишет один такой критик. — Живаго не принимает законы этой схватки, обрекающей народ на несчастья и лишения».

Казалось бы, Пастернак даёт основание для подобных плоских характеристик. «Когда я слышу о переделке жизни, я теряю власть над собой и впадаю в отчаяние, жизнь сама вечно себя переделывает и претворяет, она сама куда выше наших с вами тупоумных теорий», — говорит автор романа устами Юрия Живаго. И далее: «Истории никто не делает, её не видно, как нельзя увидеть, как трава растёт». Но у истории есть иная грань: «Войны, революции, цари, Робеспьеры, — продолжает свои размышления Юрий Андреевич, — это её органические возбудители, её бродильные дрожжи. Революции производят люди действенные, односторонние фанатики, гении самоограничения. Они в несколько часов или дней опрокидывают старый порядок. Перевороты длятся недели, много — годы, а потом десятилетиями, веками люди поклоняются духу ограниченности, приведшей к перевороту, как святыне». В этом пассаже Пастернак не мог, конечно, назвать имя Сталина, поставил вместо него Робеспьера, но вполне понятно, кого он имел в виду под определением «гений ограничения». Которому, кстати, поклонялся в отличие от тех, кто поклоняется сегодня «духу ограниченности», накликавая новый переворот. Впрочем, о взаимоотношениях Б.Л. и Сталина ниже. Другому «гению самоограничения» — Ленину посвящены такие строки в «Высокой болезни».

*Он был как выпад на рапире.
Гонясь за высказанным вслед,
Он гнул своё, пиджак топья
И пня передки штиблет.
Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб
Дышал полётом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лузги.*

*И эта голая картавость
Отчитывалась вслух во всём,
Что кровью былей начерталась:
Он был их звуковым лицом,
Когда он обращался к фактам,
То знал, что полоща им рот,
Его голосовым экстрактом
Сама история орёт.*

Каков портрет! А ведь писался не под минутным приливом вдохновения. Появился при жизни первого советского вождя в 1923 году и был подтверждён авторской правкой в 1928-м.

Гении «ограничения», согласно мировоззрению Пастернака, не только естественная, но и необходимая функция природы; другая её функция — гений «всевмещения», идеалом которого был для Б. Л. Иисус Христос. Здесь ключ к пониманию тех слов в письме к О. Фрейденберг, где Б. Л. декларирует своё желание выразить место художника в истории. Не мальчишеская самоубийственная выходка Осипа Мандельштама, бросившего перчатку «горцу», и не попытка спрятаться от жизни, но вмещение всех её страшных реалий, а также тихий, непреклонный вызов насилию, жестокости, диким грозам истории. Христос в этом случае не просто далёкий недоступный её эталон, но живой Свидетель времени в душе каждого без исключения человека. Но до внутреннего Христа нужно, во-первых, достучаться, во-вторых, слиться с Ним. Здесь эстетика Пастернака соединяется с практикой православного исихазма, идея которого настойчиво звучит в стихотворной главе романа.

*Ты значил всё в моей судьбе,
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.*

*И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил,
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.*

*Мне к людям хочется в толпу,
В их утреннее оживленье.*

*Я всё готов разнести в щепу
И всех поставить на колени.*

*...Я чувствую за них за всех,
Как будто побывал в их шкуре,
Я таю сам, как тает снег,
Я сам, как утро, брови хмурю.*

Какая же это позиция неприсоединившегося интеллигента!

Пастернака не однажды упрекали в гордыне, в самообожании, в необоснованном отождествлении себя с Христом, что прослеживается не только в цитированном выше стихотворении, но и во многих других, в особенности тех, что приложены к «Доктору Живаго». Но ведь обожение себя путём открытия сердца и низведения в него Святого духа — это главный принцип исихазма, который порой невежественно принимается за самообожание. Даже интонация в словах Иисусовой молитвы меняет весь её смысл. «Господи, помилуй!» в устах молящегося прихожанина и в молитве монаха-исихаста — разные, порой противоположные вещи. В первом случае речь идёт об обращении к Христу внешнему, тогда как во втором — к Внутреннему. Прихожанин просит о пощаде за грехи, монах — о слиянии Христа внутреннего с Христом внешним. Мольба у одного: Господи, дай! Самоотдача у другого: Господи, возьми! Возьми моё сердце, соедини его со Своим, будь ко мне милым, как бесконечно люб мне Ты.

*Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Завоевать любовь Пространства,
Услышать будущего зов.*

Пространство-Христос, а также природа со всеми её грозными и революциями сливаются в одно целое, «чтоб тайная струя страдания согрела холод бытия». Иными словами, «холод бытия» — сцена, на которой разыгрывается драма человеческой жизни. Для подавляющего большинства актёров жизненной драмы — боль, страдание, гибель — проделки дьявола, от которых следует спрятаться, во всяком случае, не лезть на рожон. Даже человеческая природа Иисуса Христа не лишена этой слабости: Гамлет Пастернака ведь говорит словами Христа: «Если только можешь, Авва Отче, чашу эту мимо пронеси». Дальнейшие слова Спасителя: «впрочем, не как Я хочу, но как Ты хочешь» Пастернак зарифмовал на свой лад.

*Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один всё тонет в фарисействе...*

Стихотворение «Гамлет» открывает семнадцатую главу, «Гефсиманский сад» её завершает. Здесь уже на примере Христа Пастернак конкретизирует и свою судьбу.

*Но книга жизни подошла к странице,
Которая дороже всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.*

*Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного её величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.*

*Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.*

Поставлена точка в романе. Гамлет, Пастернак и Христос слились в одну индивидуальность, а значит, и суд над «Доктором Живаго» следует вершить по меркам, где «кончается искусство и дышит почва и судьба». Нет в такой постановке вопроса ни преувеличения значения романа, ни возвеличения гордыни автора. С точки зрения истинной религии подобная постановка вопроса — норма.

Пастернак остро чувствовал голос судьбы в связи с окончанием, а потом с изданием «Доктора Живаго». «Чувство чего-то нависающего, какой-то предопределённой неожиданности не покидает меня, без вреда для меня, то есть не волнуя и не производя во мне опустошающего смятения, но всё же потопрашивая меня и держа всё время начеку» (из письма Фрейденберг. Осень 1954 г.) «Мне предстоит страшно серьёзная зима, полная, вероятно, испытаний и ударов... Я не знаю, что меня ждёт, — вероятно, время от времени какие-то друг за другом следующие неожиданности будут в том или другом виде отзываться на мне, но сколько бы их ни было и как бы они ни были тяжелы или

даже может быть ужасны, они никогда не перевесят радости, которой никакая вынужденная моя двойственность не скроет, что по слепой игре случая мне посчастливилось высказаться полностью и что... художник оказался в моём случае незатоптанным». (Из письма С. Чиковани от 6 октября 1957 г.)

Как отличаются эти слова от потока тех слезливых, что пролиты после и проливаются до сих пор.

Первым, кто оценил независимую художническую позицию Пастернака, обозначившуюся задолго до «Доктора Живаго», а также позволил поэту такую позицию выразить, оказался сам экспериментатор небывалого советского эксперимента. Понятно, границы доступного самовыражения при жизни вождя осторожный Б. Л. никогда не переходил.

Пастернак и Сталин

Об особых взаимоотношениях вождя и поэта написано довольно много, но далеко не всё строго документировано. В пастернаковедении кочуют легенды, основанные якобы на устных рассказах Бориса Леонидовича. Например, сюжет о том, что Сталину было интересно знать мнение маститого поэта о собственных пробах поэтического пера, и он якобы посылал свои ранние стихи на экспертизу мастеру. Или сообщают о том, что в 1925 году Маяковский, Есенин и Пастернак были приглашены на беседу к тогда ещё не слишком «укоренённому» в Кремле генсеку. Никакими архивными свидетельствами эти сообщения не подкреплены. Да они противоречат и логике. Зачем Сталину нужно было одобрение его первых поэтических опытов, которые сам он давно прекратил? Что добавляли эти грехи юности к его облику? Кремлёвский вождь даже булгаковскому «Батуму» не дал ходу, потому что «все молодые люди похожи друг на друга. Не нужно ставить пьесу о молодом Сталине», — написал он резолюцию на рукописи М. А. Булгакова. Также маловероятен вызов в Кремль трёх прославленных поэтов потому, что в то время генсек не был ещё столь могуществен. Он вёл острую борьбу за власть, ему было не до поэзии. Но реальные, подкреплённые документами взаимоотношения вождя и поэта в 1930-е годы представляют большой интерес для характеристики обоих. Прежде всего, почему суровый диктатор не позволил своим подручным расправиться с независимым художником, явно не вписывающимся в рамки сконструированной двумя вождями эпохи? На этот счёт предположений множество: от боязни Сталина нежелательной для него реакции мирового общественного мнения до обычной человеческой слабости, которую проявил

несостоявшийся поэт к состоявшемуся. Может быть, в голове вождя мелькали подобные мысли и чувства. Ничто человеческое не было ему чуждо. Но дело не в Сталине и не в особой везучести Пастернака или его врожденном беззлобии, под обаяние которого подпал даже жестокий коммунистический самодержец. Мне думается, Сталин инстинктивно чувствовал границы своей власти, а также хорошо понимал, что управа есть на всех. Он умел, как, может быть, никто из предшественников-самодержцев, вовремя остановиться. Именно поэтому он, несмотря на подстрекательства своего репрессивного аппарата не трогал тех деятелей искусства и культуры, которые идеологически явно не вписывались в контекст сурового времени, но которые с его точки зрения обладали большим талантом и мастерством (вот почему он в первую очередь спросил Пастернака, просившего за Мандельштама, угодившего в лагерь: «Он мастер?»). Это свойство Сталина, напряженно слушающего зовы времени и умеющего предвидеть образы будущего, в полной мере проявилось в большой политике. Оттого споры вокруг советского диктатора разгораются с каждым годом. В 1944 году он не последовал призывам своих генералов повернуть фронт на лояльную к Германии Турцию, хотя с точки зрения военной стратегии был близок к тому, чтобы осуществить вековую мечту российских самодержцев и вернуть Царьград, ставший Стамбулом. Советский вождь хорошо понимал, что при таком обороте событий многочисленные недруги СССР очень скоро превратят СССР из жертвы в агрессора. Взяв Берлин в сорок пятом, Сталин имел все шансы продолжить победный марш до Лондона и Лиссабона, на что толкали генералиссимуса некоторые горячие головы. Появление атомной бомбы поставило крест и на войнах и на культуре тоталитарной эпохи. Это понял кремлевский диктатор, заговоривший о необходимости «поднять знамя демократии, затоптанное империалистами» и форсировавший одновременно ядерный противовес США.

Свои границы, таким образом, в пределах Божественного соизволения остро чувствовали оба: и недоучившийся семинарист, вознесенный на вершину земной власти, и образованный христианин-художник, попавший волею судьбы под суровую руку харизматичного семинариста.

Слово «харизма» сегодня вошло в моду. Чуть ли не каждому удачливому политику, предпринимателю, даже поп-звезде навешивают ярлык харизматика, как некую милость, якобы дарованную «высшими силами» непонятно зачем и за что. Возвращаются времена вульгарного язычества. Все теперь знают, что инобытие есть, что оно влияет на земную жизнь хорошо или дурно. Со Сталиным современные СМИ разобрались быстро: он действовал по наущению дьявола. Тем более что сам Пастернак называл кремлевского вождя «дохристи-

анским титаном». Ну, а истинный поэт руководим если не Иисусом Христом, то, по меньшей мере, его ангелами.

Между тем подлинная религиозность предполагает не только ведóмость человека Высшими Силами, но и прежде всего пробуждение в нём таковых собственных, чем всю жизнь занимался Пастернак. Человек есть подобие Божье, говорит Ветхий Завет, и Новый подтверждает эту истину устами Иисуса Христа: «Вы — боги». Боги потенциальные, пока человек этого не знает, пребывающие в дремлющем религиозном состоянии, и реальные — когда не спит. В этом разница между личностью заурядной и Сократом. Сократ прислушивался к своему внутреннему «даймонию», строго следовал его указаниям, тогда как мы сплошь да рядом не обращаем внимания на Голос Бога в нас.

Внутренний бог каждого человека есть совесть, понимаемая не только как привычка поступать хорошо или дурно, но в точном этимологическом смысле слова, как со-весть, то есть со-знание. Рядовой человек начинает сознание информацией, полученной извне, из книг или от других людей. Для него Голос Бога — мистика, интуиция, нечто завлекательное, но не вписанное в обиход. Для гения Знание и Бог одно и то же, собственное причастие к Богу, со-Знание, или со-Божие, являющееся главной частью жизненного обихода.

Сталин на глазах Пастернака тридцать лет успешно правил страной, совершал невиданные в истории опыты, и всё ему сходило с рук. В том числе справился с высоколобой, изошрённой оппозицией руками самих оппозиционеров. Откуда такая удачливость? Помощь дьявола? Но кто тогда помогал Троцкому, Гитлеру? Или же дьявол безнадёжный идиот, веками занимающийся самоедством. Но, может быть, Господь Бог вовсе не милосердный правитель мира, как его трактует обиходная традиция, но мир и меч одновременно? Разве может Хозяин Вселенной иметь равноценную оппозицию в лице другого Хозяина? Как вверху, так и внизу. Подобные мысли невольно приходят в голову, когда оцениваешь некоторые творческие и житейские поступки Пастернака в сталинское время. 20 июня 1949 года Пастернак пишет руководителю СП СССР А. А. Фадееву: «Страх быть слопанным никогда не заменял мне логики и не управлял моими мозгами. Народу слопано так неисчислимо много, что готовность быть слопанным, как допущение, никогда меня не оставляет». Виртуальной, как теперь принято говорить, готовности Пастернака пойти на смерть было для пространства достаточно, чтобы не превращать её в действительную. Пастернак был первым, кто воспел советского вождя в стихах. 1 января 1936 года в газете «Известия» на первой полосе красной краской было напечатано знаменитое обращение вождя: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее», а на пятой полосе

опубликованы два стихотворения Бориса Пастернака «Я понял: всё живо...» и «Мне по душе строптивый норв...». В них замысловато, но искренно «гений слова» выражает свою признательность «гению поступка».

*А в те же дни на расстояньи
За древней каменной стеной
Живёт не человек — деянье:
Поступок ростом с шар земной...*

*В собраньи сказок и реликвий,
Кремлём плывущих над Москвой
Столетия так к нему привыкли,
Как к бою башни часовой.*

*И этим гением поступка
Так поглощён другой, поэт,
Что тяжелеет, словно губка,
Любою из его примет.*

*Как в этой двухголосной фуге
Он сам ни бесконечно мал,
Он верит в знание друг о друге
Пределно крайних двух начал.*

Во втором известинском стихотворении апология кремлёвского вождя достигает ещё больших размеров.

*Он свесился с трибуны, как с горы,
В бугры голов. Должник сильнее иска.
Могучие глаза решительно добры,
Густая бровь кому-то светит близко...
Глазами Сталина раздвинута гора,
И вдаль прищурилась равнина.
Как море без морицын, как завтра из вчера
До солнца борозды от плуга исполина.*

Мало того, что Пастернак был пионером поэтической сталинианы, подбных апологетических строк о кремлёвском вожде не писал потом никто,

от Исаковского до Ахматовой и перетрухнувшего после первой ссылки Мандельштама. Здесь нужно основательно войти в евангельский дух романа Пастернака, чтобы оценить такую, например, строчку, как «должник сильнее иска». Ведь это же отзвук «Отче наш» — «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Так обращается рядовой христианин к Господу. А Сталин в глазах Пастернака оказывается сильнее Господнего «иска», предъявленного «буграм голов». Дважды имя вождя ассоциируется с «горой». В первом случае «с трибуны, как с горы» комментарии не нужны, но к строчке «глазами Сталина раздвинута гора» явно напрашивается евангельская параллель об огромной мощи веры, которая способна передвигать горы. Нет никакого сомнения, что Пастернак относился к Сталину, как Божьему помазаннику, благоговейно. Б. Л. был, конечно, осторожен, часто шёл на компромиссы, но никогда не терял при этом достоинства и не переходил черту, отделяющую осторожность от приспособленчества. Приписывать писателю политическую мимикрию, как это делают некоторые литературоведы, значит свидетельствовать лишь об одном — об их желании подогнать великого писателя «под себя».

Сказанное, мне кажется, объясняет поведение Пастернака во время известного телефонного разговора с кремлёвским диктатором. Поведение, за которое поэт не однажды себя потом казнил. Разговор в своё время не был никем застенографирован, поэтому известны его различные варианты, вольно транслируемые литературоведами. Но ключевые моменты краткой телефонной беседы повторяют все исследователи. Мы их и напомним.

Как известно, Пастернак вступился в 1934 году за арестованного Осипа Мандельштама, написал ходатайство в Кремль Бухарину, а тот попросил Сталина, присоединив к своей просьбе ходатайство Пастернака, смягчить участь Мандельштама, арестованного за резко критические стихи о вожде. Вот они.

*Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.*

*Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.*

*А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,*

*Как подкову, дарит за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина,
И широкая грудь осетина.*

Мандельштам за свой стихотворный памфлет поплатился ссылкой в небольшой городок на севере Урала. Там запаниковал, покушался на самоубийство. Ходатайство Бухарина-Пастернака о помиловании пришло вовремя. Сталин позвонил Пастернаку, сообщил, что судьба Мандельштама будет смягчена, а затем неожиданно спросил: «Кто он вам, личный друг?». Пастернак пробормотал нечто вроде: нет, не друг. «Мастер?» Пастернак снова уклонился в сторону: «Дело не в мастерстве». В ответ последовало решительное недоумение: «Почему же просите за него, если не мастер и не друг? Мы своих друзей защищаем до конца». Почувствовав, что дал промашку, Б. Л. решил исправить положение: «По телефону всего не скажешь, я бы хотел встретиться с вами лично и поговорить». Последовал вопрос: «О чём?». И тут Пастернак допустил вторую оплошность, сказав: «О жизни и смерти». Сталин положил трубку. Б. Л. пробовал возобновить прерванную телефонную беседу, вновь звонил в Кремль, но дважды нарывался на холодный ответ Поскрёбышева: «Товарищ Сталин занят». Вокруг этого разговора в исследованиях о Пастернаке существует множество пересудов от похвал за мужество до упреков в малодушии. Не было ни того, ни другого. Пастернак вёл себя в разговоре со Сталиным вполне искренне, чистосердечно полагая, что проблемы жизни и смерти, которые так занимали его самого, могут быть интересны генсеку, и не лгал, говоря, что Мандельштам не принадлежит к числу его друзей. Слишком уж разными были они и как поэты и как люди.

Пастернак тяготел к семье, к социуму, к налаженному быту, к тому, что Пушкин определил строками: «Мой идеал теперь хозяйка, мои желания покой, да шей горшок, да сам большой». Вечно бунтующего, хаотичного, вздорного Мандельштама влекли то «Гомер» с «тугими парусами», то на худой конец «шерри-бренди» — этот непонятный вишнёвый суррогат коньяка. Он мог публично влестить пощёчину преуспевающему Алексею Толстому, который

и за границей попивал коньяки натуральные, и в СССР — лучшие. Пастернак упрямо шёл от «Марбурга» к России, от хаоса к гармонии, от сложности к «неслышанной простоте», добавим, к простоте евангельской. Мандельштам весь в прошлом, сначала в европейском, затем в ветхозаветном и, наконец, в хаотических первых днях творения по Ламарку.

*Если всё живое лишь помарка,
За короткий вымороченный день
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.*

*К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как протей.*

*Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.*

Некоторые критики рассматривают стихотворение «Ламарк», как общее движение советской России вниз, как «хронику» сталинского «расчеловечивания государства» (Ю. Карякин). Но дело, очевидно, не в политике. Стихотворение «Ламарк», скорее, переключается по ощущению жизни с «Превращением» Кафки. Это трагедия Агасфера, отсутствие «почвы и судьбы», которые спасают «раба», когда «кончается искусство». Пастернака выручала безоговорочная преданность России и внутренняя твердыня его христианства. Мандельштам же в жестокие сталинские времена завис на полной безрелигиозности, он не мог опереться даже на иудаизм. Хотя допускал порой весьма экстравагантные и маловразумительные эскапады, вроде этой: «Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе и в особенности в России, несовместимо с почётным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского племени».

Переведённый по распоряжению Сталина из уральской Чердыни на поселение в Воронеж, опальный поэт стал писать восторженные оды вождю и даже упрекал Пастернака в недостаточной любви к Сталину. Хозяин Кремля,

по одним сведениям, потерял интерес к автору од, по другим, — ознакомившись с ними, усмотрел в новых поэтических опытах Мандельштама заурядное лицедейство и презрительно усмехнулся:

—Ничего не понял, отправьте его дальше.

Дальше была пересыльная тюрьма на Дальнем Востоке и гибель в ней. Дмитрий Быков в своей многословной, хорошо документированной биографии Бориса Пастернака, сравнивая судьбы обоих поэтов, говорит, касаясь стихотворения «Ламарк»: «Этот страшный финальный образ — “зелёная могила” болотной ряски, миллионы зыблущихся, колеблющихся микроорганизмов, лишённых речи и мысли, — оказались пророческими, и, увы, в биографическом смысле. Весь воронежский период Мандельштама, с редкими островками чудесной гармонии, — именно логическое продолжение спуска в себя, к атому, к последней недробимой частице, мучительный провал в хаос, в зыбь». И далее: «Пастернаковский вектор противоположен. Если у Мандельштама под классической ясностью шевелится хаос, то у Пастернака даже и в самой бурной лирике, в отчаянии... слышится редкостная гармония и абсолютное здоровье». Здесь всё верно за исключением мандельштамовской атомической безнадёги. Мандельштам шёл к тому же, в чём раньше определился Пастернак. Потому что атом души, последняя «недробимая» (по Быкову) частица человека — это царство Божие внутри нас, «горчичное зерно» Иисуса Христа, к которому Мандельштам тоже инстинктивно пробивался через все свои житейские зигзаги. Он страдал в обыкновенной жизни не меньше, чем в лагере. А искренние поиски истины и страдания никогда не бывают бесплодными, не заводят в тупик и хаос, но вознаграждаются тем, что христианин называет спасением. Как большой художник, Мандельштам был по-детски искренен, даже когда писал благодарственные стихи Сталину. В поэте не было лицедейства. Все мучения его именно в безрелигиозности, а также от задержки в инфантильном эгоизме, в претензиях на избранность, чего совершенно лишён Пастернак.

Оба они, и Пастернак, и Мандельштам гениально чуяли первозданную основу жизни — хаос. Это свойство всех гениев. Но для Мандельштама такое зрение — полёт ласточки, «забывшей слова», по его собственному выражению, — мучительно. Хаос довлел над поэтом, безрелигиозность загоняла в тупик. Для Пастернака хаос — материал для художника — сотрудника и сотворца Бога. Отсюда радостное ощущение жизни у одного поэта и крайне болезненное у другого. При общем понимании её трагизма обоими.

Приходится так подробно останавливаться на сопоставлении двух поэтов, потому что без этого не вполне понятны искренняя заинтересованность Пастернака в судьбе Мандельштама и его призывы к еврейской ассимиляции.

Пастернака травили не меньше, чем Мандельштама, Булгакова или Шолохова. Судьба больших художников очень редко складывается благополучно, даже если они вполне лояльны к существующему режиму, а режим мягок. Пастернак жил и творил в беспрецедентно жестокую эпоху, эксцессы которой, как правило, относят лишь на счёт Сталина. Прозорливость художника не позволила Пастернаку вписаться в хор критиков кремлёвского вождя после его смерти, он слишком хорошо понимал особенности времени и не присоединился к крикунам. Феномен Сталина возник на волне обуздания нашей революции, как явления Кромвеля и Наполеона вынырнули на волнах английской и французской. Русская революция оказалась по масштабам не сравнимой с европейскими, отсюда численная несопоставимость наших жертв с теми, что принесли на революционный алтарь западные диктаторы. Энергию взбунтовавшейся черни французский император направил на внешние завоевания, где она заплатила за развязанный террор миллионом голов. Сталин сводил кармические счёты нашей революции расстрелами и трудом узников концлагерей на грандиозных советских стройках. «Какой мерой вы мерили людям, такой и вам отмерялось». Эти евангельские слова вполне можно отнести к организаторам русского революционного террора, в том числе казачьего холокоста. В 37-м году у нас и в гитлеровской Германии они сами попали под каток исторического возмездия.

Земной суд не столь точен, как Божеский. В ужасных сталинских мясорубках 1930-х годов погибли не только те, кто завязал кровавые узлы русской истории в революцию и в двадцатые годы, но и великое множество невинных людей. Но несмотря на это Пастернак видел в Сталине не заурядного тирана, а крупную историческую фигуру, которую Провидение выбрало собственным орудием. Поэт называл этой «тайной». В одном из своих писем вождю он писал: «Пишу Вам, повинуюсь чему-то тайному, что помимо всем понятного и всеми разделяемого, привязывает меня к Вам... Именем этой таинственности горячо Вас любящий и преданный Вам Б. Пастернак». Комментируя письмо, Д. Быков замечает: «Письмо даёт наглядное представление не только о состоянии Пастернака, но и о тяжелейшем психическом мороке, овладевшем страной. Если Булгаков в предсмертном бреду беседовал со Сталиным, стоящим среди каких-то “белых камней”, если сотни репрессированных или замерших в ожидании ареста писателей и неписателей отправляли в Кремль слёзные, умоляющие влюблённые письма, — чего было ждать от Пастернака, человека с выдающимися способностями чувствовать воздух эпохи?». Ну ладно, Пастернак писал под давлением «воздуха эпохи», а под каким давлением давал

Черчилль свою характеристику советскому вождю в Лондоне на заседании английского парламента, посвящённого(!) восьмидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина? Почему весьма далёкий от симпатий к советской власти Владимир Набоков пропел настоящий гимн кремлёвскому вождю, разделив панегирик английского премьера. «Не зря старая лиса Черчилль, кремль-бритт, вознамерившийся встретить императора (Сталина) сидя, вскочил и вытянулся, словно юный кадет, под воздействием “неведомой силы”, ударившей из жёлтых тигриных глаз» (цитирую по: А. Бушков «Россия, которой не было». Красноярск, 1999, с. 451-453).

Вот ещё одна малоизвестная оценка Сталина, принадлежащая отнюдь не поклоннику СССР и человеку несопоставимому по калибру ни с Черчиллем, ни тем более со Сталиным. Речь идёт об А. Ф. Керенском, жившем после революции в Соединённых Штатах. «Великий человек. Двое таких было: Пётр Первый и он. Оба сделали Россию державою. Только деспотизм способен из хаоса и нищеты сделать нечто великое. Добром в политике ничего не добьешься. Я слишком поздно это понял. Насилие, железная дисциплина, но ради высокой цели можно и пострадать. Россия пребывала в спячке, он пробудил её... Индустриальный гигант, военный колосс. Это его заслуга. Провёл народ сквозь ад и вернул ему чувство собственного достоинства. Ныне каждый вынужден считаться с Россией».

Пастернак, как человек не просто верующий, но глубоко религиозный, солидарен в оценке Сталина также и с выдающимися деятелями православия. Оказывается, и наша церковь в лице её лучших представителей имеет о советском вожде представление, отличное от «либерального». Вот одно из них: «Теперь я хочу припомнить, что наши Патриархи, особенно Сергей и Алексей, называли Сталина богоданным вождем. К ним присоединялись и другие, к примеру, такие, как крупный учёный и богослов архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Кстати, сидевший при Сталине, но это не помешало ему назвать Сталина богоданным. Да, Сталин нам был дан Богом, он создал такую державу, которую сколько ни разваливают, а не могут до конца развалить по сию пору. И поверженной её боятся хваленые капиталистические страны. И то, над чем смеялись постоянно: Мол, царь Пётр прорубил окно в Европу, а Сталин закрыл её. Значит, правильно делал (мы далеки от мысли — чтоб не сообщаться с Западом), при нём мы не видели такого морального разложения, такой преступности, которую видим сейчас, когда сняли эту решетку». Это слова священника Дмитрия Дудко, прошедшего в своё время через сталинские репрессии.

Если бы Пастернак был из числа тех, кто реагировал на эпоху в соответствии с очередным «морозом», он вряд ли посвятил теме смерти диктатора, когда «мороз» прошёл, такие строки: «Это тело в гробу с такими исполненными мысли и впервые отдыхающими руками вдруг покинуло рамки отдельного явления и заняло место какого-то как бы олицетворённого начала, широчайшей общности, рядом с могуществом смерти и музыки, могуществом подытожившего себя века и могуществом пришедшего ко гробу народа». Потом, когда Хрущёв в известном докладе в соответствии с новым «морозом» грубо развенчал покойного вождя, Пастернак не поддался соблазну прогнаться вместе с новым колебанием «генеральной линии», сумел сохранить благородство по отношению к тому, кто вооружил его «охранной грамотой» против атак чекистов, сделал великим поэтом и выразителем эпохи.

Примерно также вёл себя в это время Шолохов. И верующий, и атеист — две выдающиеся личности своего беспрецедентного времени — поклонились предтече ещё более невиданной эпохи, которую нам только предстоит пережить. «Спасибо предтечам, спасибо вождям, не тем же, так нечем оплачивать нам». Смысл этих строк Бориса Леонидовича, обычно цитируемых с иронией, нам ещё предстоит оценить, когда будет разыгран последний акт драмы перехода к Новой Земле под Новым Небом.

Христианство поэта

Толстовских созвучий Пастернака мы коснулись выше, теперь об отличиях. Пастернаку при всём преклонении перед жизненным и творческим подвигом графа-мужика был чужд его антицерковный, обличительный пафос. Поэт не критиковал церковь ни в своих сочинениях, ни в устных разговорах, хотя, судя по некоторым свидетельствам, относился к ней довольно прохладно, бывал в храмах редко, обряды соблюдал не слишком ревностно.

Как же выглядит это «моё христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское или толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным»? «Немного иное, чем квакерское» — значит в основе всё-таки квакерское, то есть путь к Богу напрямую, минуя церковь, без её поводырей и посредников, через постижение внутреннего Света, внутреннего Христа. Такого постижения квакеры достигали, вводя себя в особое молитвенное состояние молчания, вызывающего священный «трепет». В то же время квакеры без особого трепета относились к Священному Писанию именно потому, что оно, по их мнению, лишь свидетельство, книжная регистрация прямых кон-

тактов с Богом, а не сами контакты. Не было священного трепета к Писанию и у Толстого, он написал, как известно, собственное Евангелие, выстраивая свои отношения с Богом на «равноапостольских» основаниях». Ничего подобного Пастернак себе не позволял. То есть Пастернак мог в чём-то не соглашаться с церковной догматикой, с Толстым или с Джорджем Фоксом, основателем квакерского движения, но авторитет Евангелия и христианская традиция были для него незыблемы.

Теперь о христианстве поэта, «идущем от других сторон Евангелия в придачу к нравственным». У биографа поэта Д.Быкова есть тонкое замечание, что Пастернак не считал ум самым сильным своим качеством. Не вызывает сомнения, что это от желания слить свою душу с народом, чей любимый герой — Иван-дурак. Но ум ещё и главный враг православного подвижника, назойливая помеха на пути к Богу. В монашеско-православной практике исихазма искателю Бога рекомендуется погашение блужданий ума путём «сведения» его в сердце. Возможно, Пастернак пришёл к христианской практике безмолвного просветления интуитивно, через молчаливое общение с природой (исихия — тишина, безмолвие). Ведь мотив такого общения проходит сквозь всю лирику Б. Л. Может быть, к исихазму подтолкнули книги «Добротолубия». Почти безвылазное сидение поэта в переделкинской келье, в «норе, засыпанной крупой», даёт основание для такого предположения. Как бы там ни было, Пастернака упрекали именно в сознательном затворничестве, в том, что он плохо знает жизнь, не участвует в писательских бригадах, которые ездили на коммунистические стройки и т. д. Но Шолохов тоже предпочитал не участвовать в общественных кампаниях советских литераторов, отсиживаясь в Вёшенской. Да и сам хозяин страны руководил ею преимущественно из Кунцева.

Как уже говорилось, самая сильная глава «Доктора Живаго» — семнадцатая, стихотворная. Здесь лучшего всего изложена суть христианских воззрений поэта. Это гимны жизни, Богу-природе, женщине, Иисусу Христу, сливающиеся в одну общую чудную песню о России. В этой главе Пастернак поднимается до пушкинско-есенинских высот русской и мировой поэзии. Вслед за часто цитируемым «Гамлетом» идёт не менее великолепный «Март».

*Солнце греет до седьмого пота,
И бушует, одурев, овраг.
Как у дюжей скотницы работа,
Дело у весны кипит в руках.*

*Чахнет снег и болен малокровьем
В веточках бессильно синих жил.
Но дымится жизнь в хлеву коровьем,
И здоровьем пьшут зубья вил.*

*Эти ночи, эти дни и ночи!
Дробь капель в середине дня,
Кровельных сосулк худосочье,
Ручейков бессонных болтовня!*

*Настежь все, конюшня и коровник,
Голуби в снегу клюют овёс,
И всего живитель и виновник, —
Пахнет свежим воздухом навоз.*

Мы жалуемся: как не хватает сегодня русской поэзии, да и всей нашей жизни, пушкинского здорового мироощущения. К этому пожеланию можно добавить: также здоровья пастернаковского.

Назвать христианство поэта пантеизмом язык не повернётся, оно поверх всяческих -измов и философских категорий, оно суть души Пастернака. Можно понять, почему он, смолоду глубокий мыслитель, не остался в Марбурге у Когена, хотя вполне смог бы сделать там карьеру профессионального философа и даже основать собственную философскую школу. Поскольку умел полемизировать с марбургским мэтром и удостоился за оригинальность взглядов его похвалы. Но поэзия потеряла бы в этом случае великого христианского лирика.

Порвав с Марбургом, с философией Б. Л. тем не менее не простился. Наоборот она в его творчестве расцвела, работа ума согрелась могучим трудом чувств. Здесь уместно остановиться на одной из граней, отличающей русское православие от западного католичества. Богословы сводят всё к разночтению в толковании догмата о нисхождении Святого духа — кто источник, только Отец Небесный или также и Сын? Такая постановка вопроса таит в себе некое глубокое различие в религиозных исканиях Запада и Востока. Православные исихасты низводили Святой Дух в сердце именем Иисуса Христа, оживляя таким образом безличное христианское доктринёрство, которое в конце концов и убило католичество. На Западе философия с XIX века полностью заменила религию.

Доктринёрства было немало и в нашей церкви. Но Россия никогда не порывала с Иисусом Христом. Весь XIX и начало XX века в истории русской мысли шёл под знаком более глубокого осмысления Его Заповедей. И сегодня всё

чаще можно встретить мнение, что советская власть, как это ни парадоксально, несмотря на все свои атеистические эксцессы, была своеобразной попыткой утвердить христианский нравственный кодекс тоталитарным путём. В этом особенность русского православия — оно не только в церкви, оно в русской культуре, в нашей крови. Отсюда же особенности развития русской мысли. Россия не создала никаких самостоятельных философских школ и систем, философские искания включены, как правило, в ткань художественных произведений великих русских художников. Но как философы, Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, М. А. Булгаков нисколько не уступают, скажем, Гегелю и Канту, даже превосходят их глубиной интуитивных прорывов.

В данном выше великом ряду можно с полным правом поставить имя Пастернака. И как писателя, и как религиозного подвижника. Прав был Варлам Шаламов, заявивший, как уже упоминалось: ещё два-три романа, подобных «Доктору Живаго», и русская литература будет спасена. Эти три спасительных кита были созданы именно в сталинскую эпоху: «Тихий Дон», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго».

В системе христианских ценностей Пастернака наряду с природой и Иисусом Христом стоит женщина. У некоторых критиков «Доктора Живаго» этот факт вызывает недоумение, порой усмешку. На каком основании? Ведь согласно церковной традиции, женщина — орудие греха. А христианин Пастернак назвал революцию 1917 г. мщением за поругание женщины. Вообще факт обожения Пастернаком женщины, даже падшей, иногда называют юродством.

Пастернак-христианин решительно порывает с представлением рассматривать интимные отношения мужчины и женщины как грех. Для него акт продолжения жизни, наоборот, — высшая святость, разумеется, если интимные отношения согреты любовью и лишены пошлости. Поэт не вступает в полемику с церковью на тему первородного греха, нет. Для него постулат святости половых отношений — непреложный, интуитивно прочувствованный факт, так же, как опошление и унижение женщины не просто грех, но преступление против Бога и природы. И разве сегодня мы не убеждаемся в христианской, именно христианской правоте поэта?

Стихи, посвящённые Христу, Магдалине и всему связанному с евангельскими реалиями, поражают воображение силой чувств, точностью живописных деталей. Они словно написаны рукой евангелиста. Поневоле приходится согласиться с восточной теорией перевоплощений: Пастернак словно присутствовал и участвовал в одной из прошлых жизней в мистерии Христа.

*В конце был чей-то сад, надел земельный.
Учеников оставив за стеной
Он им сказал: «душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со мной».*

*...Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь как смертные, как мы.*

*Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.*

*И, глядя в эти чёрные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом он просил Отца.*

Обратим внимание на строки: «Он отказался от противоборства...». Явная переключка с «Августом», где сам поэт прощается «с творчеством и чудотворством», и — с «Гамлетом», где «продуман распорядок действий». Христос для Пастернака не далёкий Бог, но живая суть каждого человека, суть, спрятанная в его сердце. Дойти же до сути можно лишь через жертву.

Здесь ключ к пониманию «Доктора Живаго», к сведению в нём счётов с «антихристианством», «еврейством» и всеми видами «интернационализма», под которыми Пастернак подразумевал «интернациональное» приспособленчество. Кстати, Пастернаку при жизни многие его современники не очень-то верили, считая его именно талантливым приспособленцем, вроде Алексея Толстого. Не вполне доверяла Б. Л. Анна Ахматова, совсем не верил Сергей Есенин. С последним случались драки, о чём Пастернак сообщил в опубликованном варианте «Охранной грамоты», причины же драк раскрыл в черновиках этой автобиографической повести «...Не верил мне Есенин, он вообще отрицал меня, и для его антипатий имелось много врождённых оснований... Я не об антипатии, которую я принимал, как принимаю до крайности неудачную, совершенно мне не нужную и чуждую по духу частность моего рожденья, но о том, что когда в беседе я говорил то, что думал, Есенин считал это с моей стороны кокетством».

Так что «Доктор Живаго» был сведением жизненных счётов Пастернака во всех смыслах, в том числе и с молвой о гениальном дипломате, находившемся в особых отношениях с советским режимом. Пастернак глубже писателей-современников, глубже даже, чем М. А. Булгаков, оценил противоречивую «богоданность» советского режима и личности И. В. Сталина, именно с христианских позиций. Он принял «великолепную хирургию» Советов, по-христиански терпел главного Хирурга. Ведь истинный христианин принимает оба Завета, карающий Ветхий и проникнутый любовью Новый. Принимает один, но исполняет другой.

Семнадцатая глава

Она венчает роман и оправдывает все его недостатки. В ней голос Б. Л. обретает небывалую поэтическую мощь, а стихи становятся в один ряд с вершинами мировой лирики. Именно здесь в наиболее полной форме воплотилась «ересь неслыханной простоты», к которой всю жизнь шёл поэт. Справедливости ради отметим, что и в ранних стихах, и в пору поэтической зрелости усложнённая лирика Пастернака нередко являла прорывы прекрасной простоты. Сама усложнённость Б. Л. тоже чарует неожиданными образами, ибо сложность языка шла не от желания игры в мудрёность, но была выражением искреннего, мучительного, сладкого желания дойти до сути. Суть всегда величаво проста, простота «всего необходимей людям, но сложное понятней им». Очарование поэзии Пастернака именно в этом движении от мастерской красоты к безыскусной красоте.

Маяковский писал: «Теперь для меня равнодушная честь, что чудные рифмы рожу я, мне важно как можно почище уесть, уесть покрупнее буржуя». Пастернак двигался в том же направлении, что и его поэтический (не политический) кумир, минуя именно политические мели.

Его лирика развивалась этапами. Начиная новую поэтическую полосу, признавался, что какое-то время будет писать плохо. Действительно, в шедеврах мастера порой проскальзывает явная безвкусица.

*Любить иных — тяжёлый крест,
А ты прекрасна, без извилин.
И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносилен.*

Здесь вторая строка — пластмассовый «перл» в драгоценной оправе. Или уже цитированные строки: «Напрасно в дни Великого Совета... оставлена

вакансия поэта, она опасна, если не пуста». С трудом понимаешь, что опасно, — присутствие или отсутствие в эпохе поэта. Свои многие стихи Пастернак безжалостно чистил в последующих публикациях, освобождая от вычурности и мудрёности.

Поэтический итог «Доктора Живаго» лишён всего этого начисто. Форма стихов по-пушкински чеканна, содержание торжественно. А главное, чётко обозначен жизненный вектор Живаго-Пастернака — Христос.

Чем он был для автора стихов?

Трагические мотивы «Гамлета» о неотвратимости конца пути сменяют второе стихотворение цикла — «Март».

*Солнце греет до седьмого пота,
И бушует, одурев, овраг.
Как у дюжей скотницы работа,
Дело у весны кипит в руках.*

*Чахнет снег и болен малокровьем
В веточках бессильно синих жил.
Но дымится жизнь в хлеву коровьем,
И здоровьем пьшут зубья вил.*

Есть фотография Пастернака в кирзовых сапогах, копающего лопатой землю в дачном саду. По этому поводу Андрей Вознесенский, считающийся учеником Б. Л., недоумевал: «Я видел его в обуви, которую постыдился бы надеть простой работяга». То, что для Вознесенского предмет стыда, для Пастернака — объект поклонения и обожания. «Дюжие скотницы», «ремесленники», «слесаря» именно объект обожания, даже не столько в смысле восхищения ими, сколько более тесного через них сближения с Богом. Ведь Сын плотника и сам отличный столяр тоже предпочитал работать с простонародьем, а не с интеллектуалами-фарисеями. Думаю, именно по этой причине сын художника и сам художник считал одной из главных задач преодолеть личный «избыточный» интеллектуализм.

Стихотворение «На Страстной» продолжает ту же тему весеннего торжества жизни, но здесь уже весна подаётся, как живой символ Пасхи, как символ служения природы тому, кто в человеческом теле утвердил идею вечного Воскресения.

*Ещё земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.*

*И со страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И вьёт водовороты..*

*И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.*

Далее через «Белую ночь», «Весеннюю распутицу», «Лето в городе», «Хмель», «Бабье лето» выходит на свадебное торжество в одиннадцатом стихотворении цикла, где вновь возникает тема Христа.

*Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других
Как бы им в даренье.*

Даже в трагическом «Августе», где возвращаются мотивы «Гамлета», «казённой землемерше-смерти» неподвластен провидческий голос поэта. Вновь возникает идея отождествления поэта с Христом, когда во всём окружающем поэт видит его бессмертный Лик. Это не безликий пантеизм, это Вселенная, пронизанная личным Божеством. Как такое достигается?

Семнадцатая глава романа как раз и вводит в религиозную лабораторию Пастернака. Она сродни православно-исихастской, но дополнена творческим опытом поэта. Когда монах-исихаст годами погружает ум в сердце с помощью семисловия «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя», он добивается того, что видит лик Спасителя всюду. Исихаст пропитывается энергиями Христа, начинает сослужить Ему и вместе с Ним безмолвно служить миру. В случае Б. Л. такая служба дополнена поэтическим «творчеством и чудотворством».

Редко можно встретить в мировой литературе опыт, подобный Опыту Пастернака. Хвалу Богу и богам пели и до него. Но переключка Христа внутреннего с Христом внешним, взгляд на природу, на женщину, наконец, на себя самого глазами внутреннего Христа — это делает творческий и религиозный опыт Б. Л. чрезвычайно созвучным нашей эпохе. Эпохе, когда нет задачи важнее, чем открыть глаза сердца, прорваться через множественный, но однообразный шум мира к Единому внутри и вне нас.

Были до Пастернака гении, начинавшие творческий путь с гениальной простоты. Были такие, кто, начиная с бледного подражания, заканчивал гениальной простотой. Наконец, были те, кто подобно Рильке, творили всю жизнь в гениальной усложнённости. Борис Пастернак сумел переплавить гениальную религиозную усложнённость в такую же простоту! Без опыта многолетней молитвы это, конечно, невозможно. Думаю, что многолетнее сидение в Переделкине сослужило поэту хорошую службу. Как строгое затворничество помогает монаху-столпнику войти в непосредственный контакт с Богом. Впрочем, это мои предположения. Сам Пастернак говорил, что на даче курил с Байроном, шил с Эдгаром По, а также «жизнь, как Лермонтова дрожь, как губы в вермут окунал». Причина скрытности понятна: Иисус Христос рекомендовал молитву творить тайно.

Последние восемь стихотворений семнадцатой главы целиком посвящены Его мистерии. Здесь художественное зрение Пастернака достигает точности дежавю. «Рождественская звезда», «Дурные дни», «Магдалина», «Гефсиманский сад» написаны, словно очевидцем.

Он не оставил свидетельств о своих мистических встречах с Великим Образом. О такой встрече я услышал десять лет назад от Бабы Вирса Сингха, современного святого Индии.

— Я видел Иисуса, Он разговаривал со мной больше часа. Он говорил: «Посмотри на меня, разве я похож на того скорбного Христа, которого часто изображают на иконах и картинах. Я давно забыл жестокую казнь, которой подвергли меня неразумные люди. Я люблю жизнь, люблю радость в глазах людей, песни на их устах, полноту жизни во всём и несу эту полноту миру».

Таков и Христос семнадцатой главы «Доктора Живаго». Возможно, с точки зрения церкви Он не каноничен, но поэту позволено впадать в «неслыханную ересь». Впрочем, в неё с точки зрения ортодоксов церкви, впадали и те, кто потом ею же были канонизированы, например Франциск Ассизский или Серафим Саровский. Искания Бога далеко не всегда совместимы с догматами. Дух дышит, где хочет.

Пастернак об ассимиляции евреев

Открытое неприятие своего национального происхождения, то, что Есенин принимал в Пастернаке за кокетство, будущий автор «Доктора Живаго» демонстрировал смолodu. В одном из ранних писем отцу прямо заявил, что рождение в семье евреев считает биологической ошибкой. Неизвестно, как реагировал на подобные откровения Леонид Пастернак. Отец поэта, хотя и не считал себя примерным приверженцем Талмуда, но от крещения, к которому его порой вынуждали обстоятельства, отказывался решительно.

Сын же однажды проговорился о тайном крещении няней. Так это или не так — факт спорный. Но о своём неприятии еврейства Борис Пастернак высказывался столь часто и в «Докторе Живаго», и в письмах, что обойти эту болезненную тему совершенно невозможно. Хотя обходят. Как это сделал, например, Д. С. Лихачёв в своём предисловии к пятитомнику Пастернака, изданном в 1990 г. Впрочем, предоставим слово самим евреям.

«В отличие от отца, который всегда считал себя причастным еврейству, Пастернак свою национальную принадлежность с молодых лет расценивал как биологическую случайность, осложняющую его нравственные позиции и творческую судьбу. По собственному признанию, в 1910 — 1912 гг., когда “вырабатывались корни... своеобразия... видения вещей, мира, жизни”, он жил больше, чем когда-либо, “в христианском умонастроении” (письмо к Жаклин де Пруайар от 2 мая 1959 г.). Служа в 1916 г. на Урале заводским конторщиком, Пастернак по поводу опекавшего его инженера химического завода (впоследствии биохимика и профессора) Б. Збарского недоуменно писал отцу: «...настоящий, ультра настоящий еврей и не думающий никогда перестать быть им...» (Е. Пастернак. «Борис Пастернак. Материалы для биографии», М., 1989). На неудобства, которые ему причиняет его еврейство, Пастернак сетовал в письме М. Горькому от 7 января 1927 г., малознакомому М. Фроману (письмо от 17 июня 1927 г.), особенно часто в исповедальной переписке с двоюродной сестрой Ольгой Фрейденберг («Борис Пастернак. Переписка с Ольгой Фрейденберг», Н.-Й. — Лондон, 1981), а также в беседах (например, с драматургом А. Гладковым в Чистополе). Поэту мешало ощущение социальной и национальной отделенности от основной массы носителей родного ему языка, он завидовал тем, кто «Без тени чужеродья // Всем сердцем — с бедняком, // Всей кровию — в народе» («Путевые записки», 1936), признавал, что «В родню чужую втерся» (там же) и мечтал: «Родным войду в родной язык» («Любимая, молвы слащавой...», 1931). Это пространное извлечение сделано из «Еврейской электронной энциклопедии».

«Пастернак был русским патриотом. Он очень глубоко чувствовал свою историческую связь с родиной... страстное, почти всепоглощающее желание считаться русским писателем, чьи корни ушли глубоко в русскую почву, было особенно заметно в его отрицательном отношении к своему еврейскому происхождению. Он не желал обсуждать этот вопрос — не то, что он смущался, нет, он просто этого не любил, ему хотелось, чтобы евреи ассимилировались и как народ исчезли бы. За исключением ближайших членов семьи, никакие родственники его не интересовали — ни в прошлом, ни в настоящем. Он говорил со мной как верующий (хоть и на свой лад) христианин. Всякое упоминание о евреях или Палестине, как я заметил, причиняло ему боль...» (Исайя Берлин, английский дипломат, встречавшийся с Пастернаком в 1945 г.).

В «Докторе Живаго» тему ассимиляции евреев Борис Пастернак провёл обоснованно и последовательно, главным образом устами товарища Юрия Живаго Михаила Гордона. Нет сомнения, что в монологах Гордона автор вложил собственные размышления о судьбах «избранного народа». Во-первых, потому что другой точки зрения на еврейский вопрос в романе не дано, во-вторых, в том же исповедальном письме О. Фрейденберг » по поводу будущего романа Пастернак недвусмысленно отвергает право и возможность «каких-то народов... после падения Римской империи... строить культуру на их сырой национальной сущности». О тех же «народах», а также их «сырой сущности» ещё резче высказывается Гордон: «С тех пор, как он себя помнил, он не переставал удивляться, как это при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что все, и притом чем-то таким, что нравится немногим, и чего не любят? Он не мог понять положения, при котором, если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя?» Вопросы задаёт сам себе мальчик Миша Гордон. А став взрослым, формулирует их уже по-иному: «Как могли они (евреи) дать уйти от себя душе такой поглощающей красоты и силы (речь идёт о Христе), как могли думать, что рядом с её торжеством и воцарением они останутся в виде пустой оболочки этого чуда, им однажды сброшенной?».

Бен-Гурион обвинил Пастернака в культурном антисемитизме. Первого израильского президента раздражало открытое нежелание поэта, еврея по крови, но русского по духу, участвовать в национальных конгрессах избранного народа, а также высказаться по поводу холокоста и возникшего на его волне государства Израиль. На то были свои причины, но антисемитом писатель ни-

когда не был. Он вообще предпочитал неучастие в любых группировках, будь то клановых, литературных или партийных. Хотя к Пастернаку притягивались главным образом соплеменники-евреи, которые поднимали поэта на щит и лучше других знали ему цену. Но это как раз и угнетало Бориса Пастернака — неужели пишу только для них? В подобной ситуации находился в своё время и Есенин, с недоумением признававшийся, что лучшие поклонники и пропагандисты его поэзии — еврейские девушки.

Цену своим друзьям Б. Л. знал хорошо: в тяжкую минуту предадут, и сам в шуточных строках как бы предупредил такое предательство:

*Друзья, родные, милый хлам,
Вы времени пришли по вкусу!
О, как я вас ещё предам,
Глупцы, ничтожества и трусы.*

*Быть может, в этом Божий перст,
Что в жизни нет для вас дороги,
Как у преддверья министерств
Покорно обивать пороги.*

«Милый хлам» всё же опередил поэта. Это подтвердило поведение целого ряда друзей Пастернака, когда случилась нобелевская драма.

Что же касается темы холокоста, то Пастернак не мог не припомнить резни казачества в годы гражданской войны по приказу «комиссаров в пыльных шлемах». В результате только на Дону было уничтожено два миллиона человек. Как христианин автор «Доктора Живаго» знал мистическую цену «кровавой колошматины»: за всё приходится платить иногда двойной и тройной ценой. Наверное, здесь истоки молчания Б. Л. на тему холокоста, а также призыва к ассимиляции, которая по его убеждению в будущем неизбежна.

Неважно, на чём базируются предвидения Пастернака — на собственном прогностическом даре или же на Библии, но они совпадают также с пророчествами Серафима Саровского: «Евреи и славяне суть два народа судеб Божьих, сосуды и свидетели его, ковчеги нерушимые... За то, что евреи не приняли и не признали Господа Иисуса Христа, они рассеяны по лицу Земли. Но во времена Антихриста множество евреев обратится ко Христу, так как они признают, что ошибочно ожидаемый ими мессия не кто иной, как Тот, про которого Господь Иисус Христос сказал: «Я пришёл во имя Отца моего, и не приняли меня, иной

придёт во имя Моё и примут Его». Итак, несмотря на великое их пред Богом преступление, евреи были и есть возлюбленный пред Богом народ, Славяне же любимы Богом за то, что до конца сохраняют истинную веру в Господа Иисуса Христа. Во времена Антихриста они совершенно отвергнут и не признают его мессией и за то удостоятся великого благодеяния Божия: будет всемогущественный язык на земле, и другого царства, более всемогущественного Русско-Славянского, не будет на земле».

Конечно, авторитет «своего» Пастернака, тем более «чужого» Серафима Саровского не указ для «избранного народа» слиться с русскими. Ассимиляция целого народа может произойти лишь по Воле Всевышнего и свободной воле большинства, составляющего нацию. Пока же христианские ценности в полной мере и по существу принимают лишь отдельные еврей-одиночки, выбираясь из-под власти племенного эгрегора, возникшего под знаком Золотого Тельца. Таких одиночек прошло по земле немало с тех пор, когда Моисей сошёл с горы Синай, чтобы дать скрижаль Закона, а увидел избранный народ, беснующийся вокруг золотого идола. Соответственно развернулась дальнейшая драматическая история евреев: с одной стороны, в ней участвуют мелкие лавочники и крупные денежные воротилы, стремящиеся на основе денег к мировому господству. С другой — этот народ дал миру пророков Ветхого Завета, обличающие беззаконников, и апостолов Завета Нового, Нострадамуса, Спинозу, Модильяни, Шостаковича, словом, всех тех, кто вошёл в пантеон мировой духовной и том числе христианской культуры, как её светочи. Этим вторым оба Завета сулят законное почётное место на новой Земле под Новым Небом, тогда как первым обещан крутой облом. Так рисует картину будущего мира Книга Книг, исповедником которой был Пастернак. Антисемитизм, приписываемый ему, в данном случае полностью исключается, поскольку судьбы людей и народов, как сказано в Библии, определены Всевышним. «Мне — отмщение, и Аз воздам». Также и назначение каждого народа в мировом человеческом концерте не может быть понято до конца индивидуальным сознанием человека, как бы такое сознание ни было велико.

Нам остаётся верить тому, чему верил Борис Пастернак — Новому Завету и его исполнителю Иисусу Христу, показавшему своим примером, что подлинная избранность не в высокомерном господстве над людьми, но в смиренном служении им; в самопожертвовании, а не в самооблажении. В русских Б. Л. увидел именно такой народ, готовый служить интересам других народов даже ценой личных потерь и материального ущерба. Ассимиляция евреев по Пастернаку таким образом имеет в виду вовсе не кровное раство-

рение, но уход от застарелого национального эгоизма, чего лишены русские, уход и освобождение от чрезмерного погружения в материальность.

Проблема ассимиляции, поставленная Пастернаком в «Докторе Живаго», конечно, касается некоторых незаживших ран избранного народа и поэтому болезненна для евреев. Не зря критики романа либо обходят её, либо упоминают вскользь, как причуду великого писателя. Между тем, Библия, Ветхий Завет которой, во всяком случае, Пятикнижие, — предмет поклонения верующих евреев, обронила фразу о том, что в будущем нынешнего разделения народов не будет, но будет «едино стадо и один Пастух». Так что Б. Л. в своём призыве опирался также на авторитет Писания.

Здесь уместно привлечь к пояснению проблемы некоторые моменты восточной метафизики. Позволю себе в данной связи личное отступление. Будучи в Индии, я задавал вопрос высоким учителям этой страны, как они видят будущую ассимиляцию народов в «едино стадо». Они ответили, что, по утверждению Вед, это не будет означать лишение людей национальной идентичности, но устранение в их характерах тех национальных перегородок, которые ведут к конфликтам и агрессии, ибо грядущая эпоха вручит людям овладение духовными силами, несовместимыми с любыми видами насилия.

Согласно представлениям восточной космологии, еврейский народ рождён под знаком Сатурна — планеты, символизирующей высокую разумность и одновременно грубую материальность. Недаром праздник евреев — суббота, день Сатурна. Моисей пришёл к одному из семитских племён не только затем, чтобы привить ему крайне необходимую идею единобожия, но также для преодоления тяги этого племени к грубой материальности, выраженной в поклонении Идолу золота. Что получилось — известно. Задачу Моисея продолжил Христос, «исполнивший» закон Первоучителя и дополнивший его новыми заповедями. Учение Христа, отвергнутое фарисеями, понесли в мир еврей-апостолы. Однако тяга к «низкой материи», свойственная всем народам, но соединённая в этом с виртуозной изворотливостью никуда не делась. И воюя в истории с различными видами тоталитаризма, оставаясь, по словам Христа, бродильными дрожжами человеческой эволюции, многие евреи небезуспешно навязывают человечеству бесперспективную тотальную власть золотого Тельца.

Русский народ, сообщили мне индийские мудрецы, зародился под знаком Урана. Наступающий век Водолея, согласно пророчествам Вед, будет проходить под господством данной планеты, утверждающей в человеческих сердцах более высокую степень духовности. Это совсем не означает господство русских над

другими народами или насильственное привитие миру русской ментальности. Речь идёт о том, что русский эгрегор жертвенности, бескорыстия, братства, продемонстрированный ими в истории, будет положен в основу грядущего «едина стада» — новой человеческой общности.

Какое отношение имеют данные космологические рассуждения к Книге книг, сурово осуждающей астрологов, звездочётов и всяких предсказателей судьбы? Такой вопрос задал я своим наставникам из Индии. Они ответили, что Веды тоже отвергают вульгарную астрологию, более того, напомнили мне пословицу: «звёзды управляют всеми людьми, но мудрые управляют звёздами». «Ваша Библия написана такими мудрыми, — сказали мне учителя Индии, — тем не менее, ваш Учитель Христос, являющийся также и нашим Учителем, говорит: в доме Отца Моего обителей много. Христос-солнце сияет для всего мира, а вот люди в подавляющем большинстве своём управляются «обителями» — Сатурном, Венерой, Юпитером, Ураном. Задача духовного развития человека постепенно, но полностью переподчинить это планетное влияние божественным лучам Христа — солнца».

Прошу простить и объект моего исследования — великого русского писателя, и христианина-читателя за «чужеземную интервенцию» в дух православия. Этот дух исповедую и я. Хотя понятие русского православия для меня гораздо шире церковного.

Уход

Как уже говорилось выше, Анна Ахматова назвала судьбу Мандельштама идеальной для поэта. Конечно, в такой оценке отражены существенные мотивы собственного трагического мироощущения Анны Андреевны. В этом смысле между ней и Пастернаком целая стена, потому что автор «Доктора Живаго» со всеми своими затяжными депрессиями обладал несокрушимым запасом жизнелюбия и бодрости. При этом в самые тяжёлые периоды жизни для страны или для него он чувствовал лекарство от депрессии именно в тяжести креста. Даже своё жизненное кредо он сформулировал Мандельштаму очень парадоксально: «Вам нужна свобода, а мне — несвобода». То есть всякие рамки стеснения понуждали поэта к преодолению их. Это не философский стоицизм, это, скорее, мощь растения, пробивающего толщу бетона. Чисто русское качество!

Ахматову тоже спасала верность русскому началу, но в её жизненной позиции преобладал стоицизм, окрашенный, как уже говорилось, в мрачные тона.

Мандельштама судьба лишила даже этого качества. И в условиях сравнительно благополучных, не только в ссылках он вёл себя одинаково по-детски, капризно, импульсивно. Поставив свой немалый талант в центр собственной вселенной, требовал такого же внимания к себе от всех остальных. В ресторан, где трапезовало «цыганское вороватое племя» писателей, не ходил, мог дать пощёчину за недостаток почтительности А. Толстому. Зато, попав в Чердынь, быстро скис, запаниковал, пытался покончить с собой, выбросившись из окна и отделавшись переломом руки. А когда его перевели в Воронеж, где обрёл сносные жизненные условия, принялся за написание стихотворных дифирамбов Сталину. Это не было лицемерием, это было его вполне искренней, ребяческой формой благодарности вождю через стихи. Поэзия для Мандельштама была единственной религией, которую он опять же по-детски навязывал всем встречным и поперечным. Будучи в Воронеже, даже в разговоре по телефону со своим чекистским опекуном читал ему стихи, а когда тот пытался перевести разговор на другую тему, сердито горячился: «Вы слушайте, слушайте...».

Пастернак, как и всякий большой художник, нередко проявлял просто-душие. Но был куда взрослее не только Мандельштама, но и подавляющего числа своих современников. А ещё — ответственной. Для него целью искусства, да и всей жизни была самоотдача. Музе? Но Б. Л. редко пользовался этим словом. Для него, глубокого христианина, поэзия, на мой взгляд, была всё-таки вторична, первичен Христос. С помощью искусства художнику надлежит не спуститься, а подняться по «лестнице Ламарка», чью вершину венчает тот, кто смертью смерть поправ.

Уход Бориса Леонидовича описан подробно, и вряд ли можно добавить какие-то новые детали. А вот основной пафос «гибели всерьёз», на котором столь основательно настаивал автор «Доктора Живаго», почему-то до сих пор упрямо игнорируется. Много написано о том, что травля Пастернака в конце пятидесятых прикончила его, была причиной скоротечного ракового заболевания. Возможно причины болезни в травле, но ведь поэт предвидел такой свой конец и сознательно спровоцировал его.

Также пишут, что Пастернака вынудило отказаться от Нобелевской премии правительственное давление. Но какая цена стояла на кону. Поедешь за премией — не рассчитывай на возвращение домой — вопрос властями был поставлен именно так. А Россия для Пастернака — коллективный Христос. Пишут, что Б. Л. долго колебался, советовался с семьёй, с Ивинской, ехать в Стокгольм или нет. Несомненно, такие сомнения и раздумья были, человек же! Однако письменные авторские свидетельства той драмы, которая развернулась

вокруг «Доктора Живаго», полны спокойствия и надличной взвешенности решений, которую некоторые современники, даже благожелательно относящиеся к поэту, принимали за сатанинскую гордыню. Вот как оценил пафос романа и поведения его автора Василий Ливанов, длительное время ходивший в близких друзьях Б. Л.: «Талант понимался Пастернаком не как дар Божий, а как существующее вне Божьих промыслов особое, исключительное качество личности, уравнивающее человека с Богом, дающее особые, исключительные нравственные права среди людей-толпы.

В таком понимании Христос — сын человеческий — является чем-то вроде старшего по талантливости и завидного по жертвенной судьбе и славе.

Пастернаковское христианство сродни лермонтовскому: «Я или Бог, или — никто».

«Моё христианство» Пастернак пытался воплотить в образе Юрия Живаго. Понятно, что краеугольным камнем такой веры является непомерная гордыня. И герой пастернаковского романа не что иное, как последовательное утверждение авторского эгоизма».

Примерно так же отозвался о «Докторе Живаго» другой «поклонник» Пастернака Константин Федин: «Роман гениальный, чрезвычайно эгоцентричный, гордый, сатанински надменный, изысканно простой и в то же время насквозь книжный». Биограф Пастернака Д. Быков замечает: «Как ни относишься к Федину, а в прозе он понимал; характеристика верная». Что ж, Федин не однажды бывал в гостях у Б. Л., пил его вино, восхвалял его гений, но в решительную минуту с «большевистской прямотой», а также «не потупивши глаза и медный голос выковав, его подал он всё же за тот самый строгий выговор, что хоть и не положен и всё тому подобное, но раз уже предложен, то против неудобно». Вспомнились эти строки из стихотворения К. Симонова «Друг-приятель», опубликованные примерно в те же годы, что и роман. Константин Михайлович не числился в друзьях у Бориса Леонидовича, но вместе с Фединым и подавляющим большинством Союза писателей наказал «сатанинскую надменность» коллеги по всем стандартам эпохи.

Даже горячо преданная поэту без кавычек Ариадна Эфрон характеризует христианство Б. Л. следующими словами: «Необычайно добр и отзывчив был Пастернак — однако его доброта была лишь высшей формой эгоцентризма».

Иисус Христос сказал: «Возьми свой крест и иди за Мной». Поэт, последовавший рекомендации Спасителя, услышал окрики: «Как посмел, на чей пример замахнулся!».

Теперь, когда безбожная полоса в литературе и в обществе формально закончилась, мало что изменилось в оценке пастернаковской «гордыни», до-

статочно заглянуть на сайты, связанные с именем автора «Доктора Живаго». Не зря он заметил:

*Мы Бога знаем только в переводе,
А подлинник немногим достигим.*

Осенью 1952 года, за шесть лет до нобелевских мытарств, Б. Л. внезапно дома потерял сознание, и его увезли на скорой в Боткинскую больницу. По дороге случилась кровавая рвота. Свободных мест в кардиологическом отделении не оказалось, писателя поместили в больничном коридоре. По лицам обслуги Пастернак почувствовал, что надвигается смерть. И тут он испытал мгновенья экстаза, о которых потом писал Нине Табидзе, вдове его друга, репрессированного грузинского поэта Николая Табидзе: «Господи, — шептал я, — благодарю тебя за то, что ты кладёшь краски так густо и сделал жизнь и смерть такими, что твой язык — величественность и музыка, что ты сделал меня художником, что творчество — твоя школа, что всю жизнь ты готовил меня к этой ночи». И я ликовал и плакал от счастья».

Позднее эти эпистолярные признания поэт закрепил в стихах.

*Как вдруг из расспросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живой*

*...О, Господи, как совершенны
Дела твои, — думал больной,
Постели и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.*

*Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О Боже волнения слёзы
Мешают мне видеть тебя.*

*Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознавать.*

*Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень в футляр.*

Если поэт чувствует себя драгоценным изделием в руках Бога, то это ли гордыня? И не вправе ли каждый из нас стремиться стать подобным изделием?

Тогда, в 1952 году, смерть отступила так же внезапно, как навалилась. Когда жена пришла на следующее утро в Боткинскую больницу, она нашла Бориса Леонидовича вполне здоровым. Во всяком случае, он ни на что не жаловался, даже попросил не переводить его из коридора в палату, помня, что именно в коридоре испытал «пароксизм счастья», который некоторые биографы отнесли отчасти к «физиологической природе» поэта, отчасти к действию пантопона, инъекцию которого ему сделали.

В палату его всё-таки перевели. Там он пролежал почти полтора месяца, а конечную реабилитацию проходил в «кремлёвке». Ещё один знак судьбы: соседом по палате в кремлёвской больнице был крупный партийный чиновник, умиравший от рака лёгких — болезни, которая в 1960 свела в могилу самого Пастернака. Чиновника мучили боли в спине, ему говорили, что это от радикулита. Впоследствии те же боли ощущал поэт, ему объясняли это последствиями перенесенного в 1952 году инфаркта. Томимый скукой, страхом, одиночеством сосед постоянно включал радио. Склонный к тишине и одиночеству поэт страдал от звуков, но терпел. Как терпеливо сносил любой крест: критиков, собственные депрессии, политические кампании, в которые его пытались втянуть. Раздражался редко. Однажды вышел из себя, когда ему грубо навязывали подписать писательскую петицию о расстреле группы военных: Тухачевского, Якира, Эйдемана, Корка и других. Решительно отказался это сделать, но его подпись поставили против воли в газетном варианте петиции, опубликованном в «Известиях». Вне себя от возмущения Пастернак пишет письмо Сталину, где в частности заявляет, что власти вправе распорядиться его судьбой, но не вправе заставить распоряжаться чужими жизнями.

И сошло с рук, никто поэта за такую неслыханную дерзость не наказал. Как не наказали Шолохова, когда он по существу поставил ультиматум Сталину: если будет продолжаться голодомор его вёшенских земляков, не станет продолжать «Поднятую целину». И ведь принял кремлёвский хозяин требование автора «Тихого Дона», послал-таки в Вёшенскую эшелон зерна. Воистину, сталинский «тяжкий млат» дробил стекло, но «ковал булат», говоря стихами Пушкина, или по иному — фразой Христа из Евангелия: «не бойтесь

убивающих тело, но бойтесь убивающих и душу, и тело». Кстати, лучшим подтверждением подлинности авторства «Тихого Дона» может быть именно это — взаимоотношения Шолохова со Сталиным. Кто из современников мог позволить себе шолоховские дерзости?

Во внешне уступчивом, не любящем спорить, дипломатичном, воспитанном Пастернаке тоже таился геройский дух, отформованный и откованный советской действительностью. Дух, лишённый малейшей тени мимикрии.

Истории с Нобелевской премией и поведением автора «Живаго» до сих пор неправомерно живописуют в каком-то либерально-мученическом колорите. При этом упор делается на частные разговоры писателя, а не на то, что вышло из-под его пера, а ко всему написанному Б. Л. в последние годы жизни проявлял особую щепетильность. Не был ни диссидентом, ни носителем кукиша в кармане на советскую власть по очень простой причине. Эту власть со всеми её триумфами и эксцессами принял народ, частью которого он себя считал.

*В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врождённой
И всосанному с молоком.*

*Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.*

*Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.*

*В них не было следов холопства,
Которые кладёт нужда,
И новости и неудобства
Они несли как господа.*

Из письма Н. С. Хрущёву: «Уважаемый Никита Сергеевич. Из доклада т. Семичастного (в ту пору секретаря ЦК ВЛКСМ, сделавшего заявление по

поводу Пастернака от имени руководства СССР) мне стало известно, что правительство «не чинило бы никаких препятствий моему выезду из СССР. Для меня это невозможно. Я связан с Россией рождением, жизнью, работой.

Я не мыслю своей судьбы отдельно и вне её. Какие бы ни были мои ошибки и заблуждения, я не мог себе представить, что окажусь в центре такой политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе.

Выезд за пределы моей Родины для меня равносителен смерти, и поэтому я прошу не принимать по отношению ко мне этой крайней меры».

Это и другие «покаянные» письма Пастернака двух последних лет его жизни, направленные в ЦК КПСС и руководству Союза писателей, дышат неподдельной искренностью, лишённой малейшей тени игры, даже игры в мученика — роль, которую ему до сих пор пытаются навязать. Не роль — «почва и судьба».

Умирал он недолго. В апреле 1960-го почувствовал первые признаки болезни. А в мае уже догорал от рака лёгких и желудка. Ему говорили об осложнениях после перенесённого инфаркта, а он всё понимал и говорил о том, как хорошо умирать. 27 мая в четыре утра исчез пульс. Сделали уколы — пульс восстановился. Пастернак пришёл в себя, с горечью произнёс:

— Мне было так хорошо. Я ничего не чувствовал, а вы своими уколами вернули мне беспокойство.

На следующий день после повторения процедуры вновь подтвердил это своё настроение:

— Зачем же на таких гужах тянете меня в жизнь? Жизнь была хороша, очень хороша, но и умирать когда-нибудь надо.

Ещё одна тема настойчиво сопровождала предсмертный шёпот поэта — тяготившая его всю жизнь пошлость.

— Жизнь была хороша, — сказал он 27 мая дежурившей около него сиделке. — Если она продлится, я посвящу её борьбе с пошлостью. В мировой литературе и у нас очень много пошлости. Пишут обо всём не теми словами.

Старшему сыну, дежурившему у постели:

— Кругом в дерьме. И не только у нас, но повсюду, во всём мире. Вся жизнь была только единоборством с пошлостью за свободный, играющий человеческий талант. На это ушла вся жизнь.

И, наконец, 30 мая, в день ухода, — жене:

— Я очень любил жизнь и тебя, но расстаюсь безо всякой жалости: кругом много пошлости, не только у нас, но и во всём мире. С этим я всё равно не примирюсь.

Что бы он сказал о пошлости нынешней!

Последние слова, им сказанные в одиннадцать вечера 30 мая, были:

— Рад.

В 23 часа 20 минут того же числа дух Пастернака покинул тело.

А пошлость не успокаивается, мстит поэту до сих пор. Как посмел радоваться, что не уступил ей ни пяди при жизни! Попробуем свести счёты после ухода, втоптать гения в нашу грязь, может, пристанет. Некий потомок знаменитого рода или искусственно притянутый к великой фамилии, — И. Н. Толстой напечатал пухлое исследование «Отмытый роман Пастернака “Доктор Живаго” между КГБ и ЦРУ» (М.: Время, 2009. 496 с.). Суть своего опуса автор изложил в следующем резюме: «История, рассказанная в этой книге, предлагает вместо благостной сказки о выходе 600-страничного тома то ли стараниями милых западных друзей, то ли по щучьему веленью — другое изложение событий. Говоря коротко, проблема проста: слишком многие не хотят признать, что “Доктора Живаго” по-русски выпустило ЦРУ — американская разведка». И далее на протяжении всего своего «антиромана» И. Толстой пытается скроить из Пастернака воображаемый портрет (или автопортрет) заурядного интригана, любителя пожить на доллары, которые якобы получал большими суммами из-за границы за свой антисоветский демарш. «Часто говорят, что зарубежные приключения рукописи, политическая возня вокруг Нобелевской премии, поднятые воротнички секретных агентов и чемоданы недеklarированных денег — что всё это не имеет к Борису Леонидовичу никакого отношения. Увы, имеет. Самое прямое отношение. Перед нами история, закрученная именно Пастернаком и никем иным, причём до поры до времени руководимая им из Переделкина, пока она не стала выскальзывать из его рук и подчиняться обстоятельствам, над которыми властным в одиночку не мог быть уже никто — ни автор, ни Кремль, ни Нобелевский комитет, ни ЦРУ».

Мёртвые сраму не имут. И дурно пахнувшие домыслы И. Н. Толстого можно было бы не поминать, тем более что они получили справедливую отповедь на страницах «Литературной газеты» (ЛГ от 27 мая 2009 г). К сожалению, роман «Доктор Живаго», как и всё творчество великого сына России недооценивались современниками, куда более крупными, чем автор «Отмытого романа». И теперь творчество великого русского писателя очень часто предмет забот людей далёких от России. Три четверти айсберга по имени «Пастернак» ещё под водой.

Когда я с честью пронесу

Несчастий время.

*Означится, как свет в лесу.
Иное время.*

*Я вспомню, как когда-то встарь
Здесь путь был начат
К той цели, где теперь фонарь
Вдали маячит.*

*И я по множеству примет
Свой дом узнаю.
Вот верх и дверь в мой кабинет
Вторая с краю.*

*Вот спуск, вот лестничный настил,
Подъём, перила,
Где я так много мыслей скрыл
В тот век бескрылый.*

Спуски и подьёмы

Позволю себе закончить разговор о Б. Л. Пастернаке несогласием с последней строфой процитированного выше стихотворения. Спуски и подьёмы по лестнице сталинского века не были бескрылыми. Наоборот, век был необычайно продуктивен в творческом смысле: «тяжкий млат» уникального деспотизма выковал булат целой генерации замечательных деятелей культуры, не говоря о других благотворных аспектах эпохи, а также подготовил условия для яркого расцвета культуры в будущую послеапокалиптическую эпоху. Такое предположение смею высказать на основе исторической аналогии и религиозных пророчеств: циклы упадков и возрождений всегда сменяли друг друга. Нынешнее наше погружение в рыночное болото должно смениться столь же невиданным духовным расцветом. Кроме того, сталинская эпоха была репетицией грядущего Апокалипсиса, она закалила Россию и населяющие её народы, дала в грядущем возможность всем нам: и русским, и евреям, и татарам, и остальным стать ядром будущей цивилизации, где на Новой Земле под Новым Небом «пройдёт вражда племён, исчезнут ложь и грусть». Вера в такое будущее свойственна всем русским гениям от Сергия Радонежского до Иоанна Кронштадтского, от Ломоносова до Пастернака.

Позволю себе также небольшое личное отступление на тему первой встречи с творчеством Б. Л. Она произошла в 1945 году в шахтёрском городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. В ту пору я посещал литературный кружок при городской библиотеке, складывал первые стихи, даже напечатал один из опусов в городской газете «Ленинский шахтёр», что естественно тешило самолюбие четырнадцатилетнего самолюбивого недоросля. И вот в хранилищах библиотеки мне попались стихи неизвестного автора.

*Всё, что ночи так важно сыскать
На глубоких купаленных доньях,
И звезду донести до садка
На трепещущих мокрых ладонях.*

*Площе досок в воде духота.
Небосвод завалился ольхою.
Этим звёздам к лицу б хохотать,
Ан вселенная — место глухое.*

Стихи назывались «Определение поэзии», они зачаровывали лирической музыкой, о которой, как оказалось, я понятия не имел. Конечно, перечитал все сборники незнакомого поэта, имевшиеся в библиотеке захолустного городка. Их оказалось, к моему удивлению немало (как это раньше прошли мимо?), правда, библиотечные формуляры свидетельствовали, что книги неизвестного автора мало востребовались читателями. Понял в стихах далеко не всё, но то, что понял, навсегда легло в душу.

Случилось также, что Б. Л. надолго отбил тягу к сочинительству стихов. «Сестра моя жизнь» до 70-х годов почти полностью затмила поэзию. К ней меня вернули жестокие переделки конца этого десятилетия, случившиеся со мной, кстати, заставившие глубже вникнуть в творческую судьбу моего кумира. А «Доктора Живаго» прочёл в ксероксе в то же время вместе с «Архипелагом Гулагом». Прочёл с интересом, но без особого энтузиазма. Восторг вызвала лишь 17-я глава. Что касается сочинения Солженицына, то оно и вовсе не вдохновило душу мою, как пусть нестандартная, но чересчур тенденциозная литература. К тому же встретил в «Архипелаге» явную натяжку. Там сказано, что в сороковые годы в Ленинске-Кузнецком действовала подпольная группа школьников, выпустивших несколько антисталинских листовок. Что группу арестовали, и все юноши сгинули в лагерях. Но я учился с этими ребятами в школе № 10 Ленинска-Кузнецкого, знал, что их после ареста вскоре выпустили,

посчитав вольнодумную выходку незрелой шалостью. Им дали возможность закончить учёбу в школе, получить дальнейшее образование... Словом, режим был всё же не таким оголтелым и бесчеловечным, как его заклеил автор знаменитой книги. И теперь полагаю, что разного рода натяжек по части репрессий в «Архипелаге» довольно много. Установленный Сталиным режим Солженицын рубил по сталинскому же принципу: «лес рубят, щепки летят».

С годами, конечно, кое-что в этих «горячих» впечатлениях от чтения обоих романов поменялось. Перечитываю «Доктора» теперь, когда глобальное расчеловечение идёт гораздо успешнее, чем прежде, другими глазами. Сохранить себя нынче куда как труднее, чем тогда. И светлое христианство Пастернака сделалось насущнее, так как в России чуть ли не все представители политической элиты надели крестики, а фарисейство возрастает в геометрической прогрессии.

Призыв Б. Л. к ассимиляции евреев тоже звучит в двадцать первом веке по-иному. Не как апелляция к уничтожению избранного народа, наоборот, как укрупнению его национальных задач, нацеленности на выполнение более высокой мировой миссии. Ибо обслуживание низких национальных интересов в эпоху Апокалипсиса самоубийственно. Не те времена, не те энергии. Собственно, ассимиляция по Пастернаку есть повторение древнего христианского призыва к *с-мирению*, соединению с Новым Миром, время которого пришло. Этот призыв адресован не только евреям, но всем людям Земли, слишком погружённым в большинстве своём в грубую материю.

По-другому перечитывается и Солженицын. Да, боевой офицер в годы Великой войны, мужественный борец с большевизмом, с жестокими издержками чекистского произвола, один из главных разрушителей советской власти, но после Хрущёва. Непримиимый враг первых коммунистических вождей. Однако оба они, особенно Сталин, были не только разрушителями старого мира, но и строителями нового, во многом более справедливого, чем прежний. Да, фигура крупная и не в одной литературе. Но всё-таки как писатель не чета Шолохову, с которым пробовал бороться чуть ли не с той же страстью, что «телёнок с дубом». А какова строительная программа Солженицына? Демократическое земство? Но «земство» привело Россию к краху в феврале 1917-го, и модифицированное сегодня ведёт туда же. Не будь Октября, не окажись у власти Ленин и Сталин, размазали бы Россию по демократической стенке, как это делается теперь. К счастью, Запад, а также наши внутренние его прислужники уже не успевают. Апокалипсис завершает цикл технократической цивилизации. Другими словами, ставит крест на эгоизме, самовольной и самодовольной эксплуатации Земли. Может быть, далеко не все из нас пришли к такому выводу, но то, что терпению планеты пришёл конец, это сегодня видят все.

У каждого времени свои императивы, лидеры и кумиры. Необходим был в своё время Сталин (об этом сказал не кто иной, как наш геополитический противник Уинстон Черчилль!), востребованным оказался и Солженицын. Разнообразный шум вокруг этих имён пройдёт, объективная сопоставимость их весовых категорий — дело будущего. Что же касается Пастернака, то его глубокая человечность, незлобие, миролюбивость ох как востребованы грядущей эпохой. «Блаженны миротворцы, ибо они наследуют землю».

Борис Пастернак — предтеча торжества будущей православной России, учивший, как нужно терпеть испытания времени, и победивший их. Можно согласиться с уже не раз высказываемым мнением, что творчество Пастернака — феномен русской культуры, и потому его нельзя отдавать на произвольное истолкование и использование в чужие руки людям с антирусским мировоззрением. Бог не делает разницы между эллином, иудеем и язычником. Пограничная полоса Его пролегает между теми, кто служит человечеству и себялюбцами. Особенно теми, кто навязывает сегодня миру тоталитарный культ Мамоны.

Поклонник Доктора и Мастера, позволю себе завершить эту статью стихами в его честь.

* * *

*Я в нём ещё подростком полюбил
особицу лирического брасса
и то, как из взбалмученных глубин
он к простоте неслыханной добрался.*

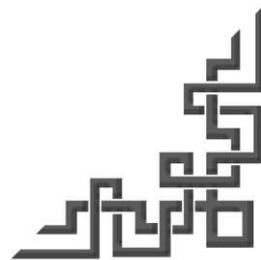
*Над странной тишиной его стола
вождя висела грамота охранная.
Потом была всеобщая хула
на них двоих — поэта и тирана,*

*Он избегал шумихи всех эпох,
всех направлений, партий и позиций...
И, наконец, ему позволил Бог
в желанное забвенье погрузиться.*

*Теперь он русской вечностью храним,
как и мечтал. Продлим его сиротство
и преклоним колени перед ним
за редкую удачу донкихотства.*

Сергей Александрович
ЕСЕНИН
(1895 — 1925)

Созвучие

*Не плачу, не жалею, не зову,
мир уходящий всё равно вернётся,
ты снова упадешь в его траву,
глотнёшь воды из милого колодца.*

*Но прав поэт, родная красота
в грядущей жизни поменяет лики.
Трава зазеленеет, да не та,
мелькнут в воде совсем иные блики.*

*Есть в каждой нашей встрече древний зов
и тонкая печаль неузнаванья.
В нас это просыпается без слов,
всю суть твою пронзив до основания,*

*когда, склоняясь к дорогим губам,
почуешь жар Божественного гнева
и то, что ты — обманутый Адам,
которого нашла в капусте Ева.*

*И приходя на землю каждый раз
из тишины, что спрятана за кадром,
соединяешь вечный праздник глаз
с есенинским прощаньем незакатным.*

ЕСЕНИН СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Сергей Александрович Есенин ушёл в том возрасте, когда многие великие только начинали дышать в полную грудь, ушёл в расцвете таланта и в полной немощи физической оболочки. Стихи последних лет его жизни становились с каждым месяцем хрустальнее и звонче, тогда как ясные глаза поэта катастрофически тускнели, мешки под ними делались больше, а знаменитые золотые кудри посерели, как осеннее жнивье. Принято считать, что он сжег себя на костре пьянства, эмоциональной распущенности, на костре несоответствия поэтических идеалов и реальной жизни.

*И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.*

Но его сожгла также огромная, всепоглощающая любовь к родине. Не было и нет до сих пор у нас поэта, в котором чувство любви к родной земле пульсировало бы так всенаполненно, как у Есенина. Эта гулкая удаль «розового коня», ограниченная почти религиозной нежностью, эта без единого пятнышка неподдельность, окольцованная безошибочным поэтическим вкусом, обеспечили молодому человеку, по нынешним меркам мальчишке, почётное место в пантеоне самых великих сынов Отечества. Но что пантеон! Души, подобные есенинской, находятся не в усыпальнице, они — живое наше небо, небесная Россия, пронизывающие каждую клетку России земной.

Есенин, как и Пушкин, — не просто поэт. Он — пророк. Он чувствовал и знал это.

*Я вам не кенар, я поэт
И не чета каким-то там Демьянам.*

*Пушай бываю иногда я пьяным,
Зато в душе моей прозрений дивных свет.*

П. И. Чагин вспоминает: «Как-то в сентябре 1925 года на даче перед отъездом в Москву я увидел его склонившим свою золотую голову над желобом, через который текла в водоем, сверкая на южном солнце, чистая прозрачная вода. “Смотри, до чего же ржавый желоб! — воскликнул он. И приблизившись ко мне, добавил: — Вот такой же проржавевший желоб и я. А ведь через меня течет вода даже почище этой родниковой. Как бы сказал Пушкин — кастальская”».

Кастальская — значит божественная. В наше время обновления земли и неба способность ощущать себя желобом, по которому течёт божественная энергия, открывается каждому. И столь же величественна, столь же неотложна задача привести в соответствие наши желоба с чистотой и красотой Кастальского родника. Внутренний разлад — источник, питавший многих гениев, уходит под землю. А она, изменившись, выносит на поверхность властную необходимость пушкинской гармонии ума и сердца. Вспомним, Гоголь видел в Пушкине человека XXI века. Есенин обладал, может быть, всеми пушкинскими качествами, кроме одного — слишком велико было несоответствие между тем, как он писал и как жил. Речь идёт, конечно, о несоответствии трагическом, не лицемерном, которым болеет чернь. Есенинская болезнь тоже была божественной. Думаю, иероглиф Есенина нами далеко не разгадан. Гораздо старательнее расшифровываются словесные ребусы Велимира Хлебникова и Бориса Пастернака. Учивший как делать стихи Маяковский писал о Есенине: «Умер звонкий забулдыга-подмастерье». Если убрать «забулдыгу», в заявлении Маяковского больше самохарактеристики «агитатора, горлана, главаря», ибо все его блестящие словесные эксперименты, в конце концов, лишь строительные леса подлинной поэзии. Тот же Пастернак стыдился многих ранних своих стихов, не однажды переделывал их для последующих публикаций и пришёл в итоге к пушкинско-есенинской простоте. Есенин тоже экспериментировал со словом, печать таких занятий лежит на стихах 1915—1918 годов. Но свою «школу» прошёл быстро. О поэтических опытах современников говорил А. К. Воронскому: «Знаем мы все эти штуки. Они думают, что... формальные приёмы и ухищрения нам неизвестны. Не меньше их понимаем и в своё время обучились достаточно всему этому. Писать надобно как можно проще. Это труднее».

Есенин двадцатых годов минимумом средств, даже тривиальных, мог создать самые свежие поэтические образы. Химию стиха заменила алхимия, где мастерства не видно, оно растворено, как соль в воде. Но это к слову. Рас-

суждать о поэтическом мастерстве сегодня не время, так же, как предаваться биографическим ретроспекциям. Мы устали от временных истин и обилия ненадёжных пророков. И возвращаемся к Есенину, потому что его истины оказались долговечнее. Позволю себе перефразировать известные стихи:

*Коль тебя страны заботит участь,
Ты о ней Есенина спроси.
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живётся на Руси.*

Пожалуй, даже нам живётся лучше, чем во времена есенинские. Но не оттого, что в лучшую сторону изменились политики. Наоборот, они стали бессовестнее и циничнее. Изменились мы сами. И начинаем понемногу вслушиваться в зовы Родины, а не в зазывания политических сирен. Этому научил нас Есенин. Его интуитивные упования на Россию становятся всеобщими чаяниями. Даже те, кто до сих пор ничего не понял, видят в необъятных сырьевых источниках нашей родины возможность дольше продержаться на волнах наступившего Апокалипсиса.

Интересно, что перспективы Сибири, на которую с таким вожделием взирает ныне Америка, Есенин разглядел ещё в 1922 году.

*Чем больше гляжу я на снежную ширь,
Тем думаю всё упорнее:
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния.
С этими запасами руды
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только трудись!
И в республике будет,
Что кому надо.
А что же Америка?
Если хочешь здесь душу вырвать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она — мировая биржа,
Вот они — подлецы всех стран.*

*От еврея и до китайца
 Проходимец и джентльмен:
 Все в единой графе считаются
 Одинаково — бизнесмен.*

Впрочем, подобные откровения не так уж неожиданны для молодой советской поэзии 20-х годов. Но рядом с ними у Есенина нечто шокирующе-опасное:

*А когда-то, когда-то...
 Весёлым парнем,
 До костей весь пропахший
 Степной травой,
 Я пришёл в этот город с пустыми руками,
 Но зато с полным сердцем
 И не пустой головой.
 Я верил... я горел...
 Я шёл с революцией,
 Я думал, что братство не мечта и не сон,
 Что всё во единое море сольются,
 Все сонмы народов,
 И рас и племен.
 Пустая забава!
 Одни разговоры!
 Ну что же?
 Ну что же мы взяли взамен?
 Пришли те же жулики, те же воры
 И вместе с революцией
 Всех взяли в плен.*

Эти монологи из «Страны негодяев» звучат в устах разных её персонажей, и в каждом отчётливо слышится голос самого Есенина. В каждом, кроме Чекистова. В такую обочину Есенина не заносило никогда.

Полифония — всегда признак большого художника. Поэтому Есенин в большей степени советский, чем знаменитые в своё время поэты «Кузницы», чем Демьян Бедный, Уткин, Багрицкий, чем даже «лучший и талантливейший» Маяковский, «сознательно поставивший своё перо в услужение советской власти». У Есенина была другая позиция:

*Приемлю все,
Как есть — всё принимаю,
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.*

Маяковский в стихотворении «Сергей Есенин» иронизировал: «Лучше уж от водки умереть, чем от скуки». Сам умер от скуки. Юрий Анненков, эмигрант-художник, описывает, как он встретился с Маяковским в 1929 году в Ницце.

«Маяковский спросил меня, когда же, наконец, я вернусь в Москву? Я ответил, что об этом больше не думаю, так как хочу остаться художником. Маяковский хлопнул меня по плечу и, сразу помрачнев, произнес охрипшим голосом:

— А я возвращаюсь... так как перестал уже быть поэтом.

Затем произошла поистине драматическая сцена:

Маяковский разрыдался и прошептал, едва слышно:

— Теперь я чиновник.

Служанка, испуганная рыданиями, подбежала:

— Что такое? Что случилось?

Маяковский обернулся к ней и, жёстко улыбнувшись, ответил по-русски:

— Ничего, ничего... Я просто подавился косточкой».

Есенин подобное состояние описал стихами:

*Ничего, я споткнулся о камень,
Это к завтраму всё заживёт...*

Зажило в посмертной есенинской судьбе действительно всё, а советская косточка в поэтическом горле Маяковского торчит до сих пор. Не примите эти мои и последующие сопоставления Есенина и Маяковского как попытку продлить земную вражду двух больших людей в истории литературы. В ней они прочно утвердились оба, если не равномошно, то, по крайней мере, по трагедийной честности самовыражения. А ещё как два ярких полюса, где плюс — Есенин, а минус — всё-таки Маяковский. Не дело художника слишком пристрастно лезть в политику, тем более служить властям, пускай и не за страх, а за совесть. Искусство — враг верноподданничества, именно неуступчивые художники всегда ближе к

Истине, чем конформисты, хотя Маяковский был конформистом особого рода. Да, наивный, мучившийся от непонимания «куда несет нас рок событий», Есенин, с его незыблемой верой в вечность Руси, оказался проницательней поверивших в вечную мудрость «скучных строк» Карла Маркса.

Он объездил добрую часть Европы и Америку, не удостоив их почти ни одной поэтической строкой. Принято считать, что ярый русофил Есенин только поносил Запад. Это верно лишь отчасти. У Есенина не было «нутряной» клоуновской ненависти к Европе и такой же влюбленности в благочестивую деревенскую Русь. В статье «Железный Миргород», наряду с оценкой американцев как народа примитивного, в котором «владычество доллара съело всё стремление к каким-либо сложным вопросам», Есенин восторгается индустриальной мощью Америки. «Когда всё это видишь и слышишь, невольно поражаешься возможностям человека, и стыдно делается, что у нас в России верят в деда с бородой и уповают на его милость». Оказавшись вместе с Айседорой Дункан в каюте океанского лайнера с его немыслимым для России комфортом, поэт восклицает: «Вспомнил про нашу деревню, где чуть ли ни у каждого мужика спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех, цепляющихся за Русь как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нашу Россию».

Конечно, Есенин был человеком настроения, и не каждое его высказывание выражало глубинные тяготения души. Тем не менее многие стихи подтверждают вполне советские корни есенинского патриотизма.

*Полевая Россия, довольно
Волочиться с сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И берёзам, и тополям.*

Нет никаких оснований представлять Есенина этаким славяно-крестьянским сладкопевцем, «в красной рубашончке хорошенький такой». От рубашоночки и сапог отсекся, кажется, в 1918 году. Умел картинно носить английский костюм и лакированные штиблеты. Даже цилиндр на голову водрузил. Хотя пояснил:

*Я хожу в цилиндре не для женщин,
С глупой страстью сердце жить не в силе. —
В нём приятней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.*

Эпатаж, демонстративная маска — распространенное явление в литературе начала века. Для большинства современников Есенина они — средство обратить на себя внимание. У него же — камуфляж прикрывал очень ранимую и любящую душу. Другу юности Григорию Панфилову семнадцатилетний Есенин писал: «Да, Гриша, люби и жалея людей, и преступников, и лжецов, и страдальцев, и праведников. Ты мог и можешь быть каждым из них. Люби и угнетателей и не клейми позором, а обезоруживай ласкою жизненные болезни людей... Все люди — одна душа». С трудом, с муками, душевным разладом поэт пронес своё кредо через всю жизнь. Нежное чувство любви ко всему живому — этот буддийско-христианский свет изливался из него в равной степени на берёзы, лошадей, собак, женщин... «Уж и берёза! Чудная... А груди... Таких грудей у женщин не найдешь». «Каждому здесь кобелю на шею я готов надеть мой лучший галстук». Признание в любви собаке Качалова не уступает по лирической силе чувствам к той, от которой «заметался пожар голубой». А в стихотворении «Сукин сын» женщина и собака слились в одном поэтическом образе. Не могу удержаться, чтобы не привести стихотворение.

*Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.
Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клён.
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.
Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.
Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком.
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за жёлтым прудом.
Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.
Та собака давно околела,*

Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
 С лаем ливисто-ошалелым
 Меня встрел молодой её сын.
 Мать честная! И как же схожи!
 Снова выплыла боль души.
 С этой болью я будто моложе,
 И хоть снова записки пиши.
 Рад послушать я песню былую.
 Но не лай ты! Не лай! Не лай!
 Хочешь, пес, я тебя поцелую
 За пробуженный в сердце май?
 Поцелую, прижмусь к тебе телом
 И как друга введу тебя в дом...
 Да, мне нравилась девушка в белом,
 А теперь я люблю в голубом.

Интересно, что А. П. Чехов в письмах называл жену «моя собака».

Стихам Есенина можно верить на 200 процентов, если разделить цифру между прошлым и будущим. Я долго сомневался в справедливости слов: «От Москвы по парижскую рвань моё имя наводит ужас как заборная громкая брань». Слова казались не более чем поэтической бравадой — кому уж так мог быть известен Есенин в Париже: и был там недолго, и находился в тени Айседоры Дункан? И что же? Недавно узнал, что по возвращении четы Есенин-Дункан из Америки в Европу их не хотели селить ни в одном парижском отеле: слишком свеж был шум от предшествующих скандалов, когда Есенин напивался и колотил свою знаменитую спутницу. Долетела до Парижа и молва о скандалах, которые закатывал Есенин в Нью-Йорке. Так что мог бы с полным правом написать: «От Москвы по нью-йоркскую рвань...».

А все воспоминания о поэте следует воспринимать с долей скепсиса, даже если слова поэта цитировали вполне добросовестно. Приводят такой разговор Есенина с друзьями.

— Сколько у тебя было женщин?

— Триста! — без запинки выпалил Есенин. Явно метил в Пушкина, к которому не скрывал ревности.

— Ну, уж и триста... — засомневался кто-то.

— Ну, тридцать, — с запинкой произнес поэт.

— Такая цифра ближе к истине, и то многовато...

Есенин, смутившись, молча махнул рукой.

О крестьянах отзывался весьма сдержанно. Бениславская вспоминает его слова: «Не люблю крестьян... В этом мире им на всё наплевать... Я их хорошо знаю — каждый только о своём кармане думает». Примерно также характеризовал всех своих родственников. Воспоминания Бениславской подтверждают строки из «Анны Снегиной».

*Фефела, родимый, касатик!
Владелец земель и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.*

Или:

*Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном картофеле и хлебе.*

Рядом нежнейшие стихи о старушке «в старомодном ветхом шушуне». Есенинские противоречия не раздражают и не смущают, они как смена ритмов в природе. Была осень, где

*Облезлый клён
Своей верхушкой чёрной
Гнусавит хрипло в небо о былом...
Какой он клён?
Он просто столб позорный,
На нём бы вешать
Иль отдать на слом.
Но приходит весна и...
Припадок кончен, грусть в опале,
Приемлю жизнь как первый сон.
Вчера прочел я в «Капитале»,
Что у поэтов свой закон.*

Где он вычитал в «Капитале» этот закон, разве что по-своему интерпретировал формулу «деньги-стихи-деньги», которых ему всегда не хватало? Впрочем, он умел посмеяться не только над скукой огромной книги, но и над собственным ужасом перед непонятым ему её смыслом. В самых отчаянных стихах Есенина присутствует улыбка, самые мрачные строки из «Москвы ка-

бацкой», из «Чёрного человека» не оставляют нас в состоянии безысходности. Цемент, связавший поэзию Есенина с его нескладной жизнью, был поистине наивысшей марки. Даже предчувствие скорого расставания с землей рождало музыкальное смирение.

*Все мы, все мы в этом мире тленны.
Тихо льётся с клёнов листьев медь.
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.*

Как такое перевести на английский или на французский? Но переводят. Переводят те, кто хорошо знает русский и кого не могут не заворожить подобные пленительные ноктюрны, все эти спонтанные «ем», «ен», «ом», «ан», «ал».

Недавно один из московских журналов напечатал переписку Максимилиана Волошина с матерью последней жены Есенина С. А. Толстой. Толстая-мать жаловалась, что покойный поэт довёл её дочь своими дикими выходками до нервного истощения. Напившись, даже... бил графиню как мужичку. Волошин, успокаивая старушку, отвечал: «Чего же ждать от человека, не отличающегося ни умом, ни тактом?».

Легенда о малокультурном и не слишком умном Есенине не первый год плавает в литературоведении. Некоторые «специалисты» вообще готовы вычеркнуть поэта из серебряного века русской поэзии — слишком «советский» и не слишком интеллектуал. Так, в своё время Уинстон Черчилль брезгливо недоумевал по поводу всеобщего пиетета перед Ганди. В глазах английского лорда Махатма был не более чем фигляр в набедренной повязке.

Конечно, Есенин не ладил с правилами хорошего тона, а если напивался, то говорить не приходится... В «Исповеди хулигана» куражился: «Мне сегодня хочется очень из окошка луну...» «обо...ть». С луной поэту справиться не удалось, зато помещения многих милицейских отделений Москвы заменили Есенину ночное светило. И вместе с тем гений, пророк... Как понимать? Как и всю послереволюционную Россию, где культура съехала из барских особняков в коммуналки. Поубавилось позолоты, но не внутренней силы. Слова «поэт милостью Божией» относятся к Есенину как, может быть, ни к кому другому. Только что приехавшая в Россию и почти не говорившая по-русски Айседора Дункан, впервые встретившись с ним, долго глядела на него и неожиданно для всех изрекла по-русски: «За-ла-тая га-ла-ва». В другой раз танцовщица, уже немного освоившая русский язык, положила руку на грудь Есенину и произнесла: «Здесь у него Христос. А здесь, — постучала по лбу поэта, — дьявол».

По моему убеждению, он и был падшим ангелом. Но не потому, что провинился перед Богом. Он пал на землю сознательно, чтобы послужить людям. Это не литературный образ, но реальность. Если хотите — суперреальность. Я принадлежу к людям, абсолютно убеждённым в космическом принципе реинкарнации, то есть я верю в идею бессмертия человека через вечные кочевья его духа из тела в тело. Восточная мудрость утверждает: «Светлые духи, воплощаясь на земле, как в аду, вынуждены завернуться иногда в грязный плащ, чтобы хоть искры долетели». Эта мысль, мне кажется, проясняет есенинский феномен.

Когда вглядываешься в фотографию юного поэта, читаешь его ранние стихи, где чётко легла печать христианства, невольно приходит мысль о предшествующем воплощении этой индивидуальности в теле православного монаха. Он собрал огромную духовную мощь, чистоту и любовь к Родине, чтобы затем щедро выплеснуть их в тёмную пену послереволюционной России. Именно тогда, когда страна больше всего нуждалась в чистоте и в любви. Известно, что монаха в келье очень донимают «воздушные» бесы. А каково монаху в миру, когда на него наваливаются толпы бесов воплощённых?

Есенин был среди немногих, может быть, в своём роде единственным, кто удержал нас от скатывания в яму безнационалия. В двадцатые годы, когда нам настойчиво примеривали интернациональный намордник, русский голос поэта чаровал даже такого свирепого адепта интернационализма, каким был Лев Троцкий. Между прочим, из «горячих» газетно-журнальных откликов на смерть Есенина самый проникновенный принадлежит Троцкому. «Он (Есенин) ушёл из жизни без крикливой обиды, без позы протеста, не хлопнув дверью, а тихо прикрыв её рукою, из которой сочилась кровь. В этом жесте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом... Он нередко кичился дерзким жестом, грубым словом. Но над всем этим трепетала совсем особая нежность негражданной, незащищённой души. Полунаносной грубостью Есенин прикрывался от сурового времени, в которое родился, прикрывался, — но не прикрывался...».

Эти слова о Есенине написал человек, который готовился всю страну загнать в трудовые армии. Что же всё это значит? Мне кажется, только одно — смиренная есенинская нежность сияла людям из будущего, того будущего, которое властно манит всех нас независимо от партий, национальности, имущественного положения. Была бы жива душа.

Сохранились воспоминания о есенинских поэтических вечерах за границей. Есенин на такие встречи порой являлся пьяным, крыл своих слушателей

матом. Бывало, его готовились побить, но когда он начинал читать стихи — это было подобно эффекту флейты в руках индийского факира: кобры теряли агрессивность и зачарованно слушали волшебную музыку.

*Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом поля и роз.
Я утих. Годы сделали дело.
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая
Прокатилась во всю страну.
Напылили кругом, накопытили
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.
Колокольчик ли, дальнее эхо ли?
Всё спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный проложенный путь.
Разберемся во всём, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По чужой и по нашей вине.
Принимаю, что было и не было.
Только жаль на тридцатом году —
Слишком мало я в юности требовал,
Забываясь в кабацком чаду.
Но ведь дуб молодой, не разжелудясь,
Так же гнется, как в поле трава...
Эх, ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!*

Покоряющая сила этих строк не может не звенеть в каждом живом сердце, даже в сердцах тех, кто «пылил» и «копытил» в есенинское время и продолжает это делать теперь.

Именно в связи с новым витком «пыли и копыт» позвольте напомнить об отношении Сергея Есенина к личности Ленина.

Известно, что поэт симпатизировал обоим вождям революции, чьи имена в ту пору были особенно на слуху — Ленину и Троцкому. С последним лично встречался, получил даже от него обещание помощи в создании литературно-художественного журнала для крестьян. Но помощью не воспользовался. Не сработало и ходатайство канцелярии Троцкого о предоставлении Есенину квартиры (об этом хлопотали друзья поэта). Так и умер он, не имея в Москве собственного угла.

Словом, ни в какой форме ни личная судьба, ни творчество Есенина не связаны с Троцким. А с Лениным связаны.

*Еще закон не отвердел,
Страна шумит как непогода,
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.
Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветъ — подснежник
Откуда закатился он,
Тебя встревоживший мятежник?
Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
И не пойму, какою силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...*

Вождю революции посвящены апологетические стихи «Капитан земли» и драчливый пассаж в одном из стихотворений: «А мне и Ленин не икона». В поэме «Анна Снегина», венчающей итоги раздумий Есенина о России и революции, есть место, где крестьяне села Криуши допытывают лирического героя о смысле происходящих революционных событий.

*И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени.
Но помню*

*Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».*

Своим безошибочным внутренним камертоном поэт резонировал на великие перемены, которые несли Советская власть и Ленин, хотя не обольщался конечным результатом перемен.

*Но эта пакость — хладная планета!
Ее и солнцем-Лениным пока не растопить!*

Встречается ли в стихах Есенина имя Сталина? Прямого упоминания я не нашёл, но косвенно поэт высказал своё отношение к курсу, который выбрал грозный наследник первого вождя революции. В том же отрывке из поэмы «Гуляй-поле» говорится:

*И вот он умер... Плач досаден.
Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
**А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.**
(Выделено мною. — Ю. К.)
Для них не скажешь:
«Ленин умер!»
Их смерть к тоске не привела.
Еще суровей и угрюмей
Они творят его дела...*

Думается, пророческий авторитет Сергея Есенина нам сегодня куда важнее, чем прогнозы всех нынешних социологических кассандр, вместе взятых. Даже гулаговские откровения Солженицына и его советы, как нам обустроить Россию, мало уже кого интересуют. А простодушная вера Есенина в святость идеалов Советской власти по-прежнему живёт в сердце народа.

Знал ли поэт, что творила в его годы ЧК? Не только знал, но и сам арестовывался этими органами. Гибли в застенках друзья поэта, линияли революционные иллюзии его самого. От злодейской России он отмежевывался.

*Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам,
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.*

Он прошёл «по московским изогнутым улицам» «лёгкой походкой», хотя нередко спотыкался на радость «чужому и хохочущему сброду», которому не причинил никакого зла. На него наезжали, а потом переехали, а он ушёл, не зная мести, «в ту страну, где тишь и благодать». Страна эта заждалась его, и сам он давно был готов для неё.

*Душа грустит о небесах,
Она нездешних мест жилища.*

Что знал Есенин о небесной стране? Начав как истовый православный христианин, он в 20-е годы чётко обозначил разрыв с религией. Матери в известном стихотворении писал: «И молиться не учи, не надо, к старому возврата больше нет». Но пуповина рвалась нелегко. «Стыдно мне, что я в Бога верил, горько мне, что не верю теперь». Умер с непреложной верой в существование инобытия.

*До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

В «Ключах Марии» засвидетельствовал знакомство с идеей реинкарнации. «Узлом слияния потустороннего мира с видимым является скрытая вера в переселение душ». Здесь же, в этой статье, цитируется Гермес Трисмегист, упоминается Будда.

Но нет нелепее занятия, чем пытаться сделать из Есенина теософа. На знакомство с «Тайной доктриной» у него терпения хватило бы, конечно, не больше, чем на «Капитал» Маркса. Есенин — гениальный проводник Высших Сфер; откровения, которые лились из него, думаю, часто были непонятны ему

самому, так же как истоки собственной плодovitости — он мог за одну ночь написать десяток первоклассных стихотворений. Свояку В. Ф. Наседкину, который поражался, как Есенин при его образе жизни ухитрялся так много писать, отвечал: «Сам удивляюсь, прёт, чёрт знает как. Не могу остановиться. Как заведенная машина».

Постижение Истины сердцем — свойство гениев, умничанье — не их стихия. Недаром Пушкин говорил, что поэзия должна быть глуповатой. В том смысле, что рассудок в человеке умолкает, когда в нём говорит Бог.

Чего стоят такие есенинские строки:

*И потому, что я постиг,
Что мир мне не монашья схи́ма,
Я ласково слагаю стих,
Что всё на свете повторило.*

Как это понять, о какой повторимости идёт речь? Выше высказывалось предположение о предыдущем монашеском воплощении поэта, с этой точки зрения, повторимость можно толковать как предощущение будущего воплощения. Но меня могут упрекнуть в умничаньи, и будут правы. Знание сердца, не до конца освоенное интеллектом, выше, чем энциклопедический интеллект без сердца или с сердцем слаборазвитым.

Урок Есенина — в его предельно распахнутом Богу сердце. Ох, если бы в России нашлось сегодня несколько десятков таких сердец, объединенных в Общину! Россия сделалась бы неуязвимой для западных экспериментов. Собственные слабости видел с беспощадной откровенностью. Сравнив в стихотворении «Метель» клён с позорным столбом, на котором бы «вешать, иль отдать на слом», он продолжает:

*И первого меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной,
За то, что песней хриплой и недужной
Мешал я спать стране родной.*

Как погиб Есенин? В 1926 году мало кто сомневался в версии самоубийства. Много знавшая (она работала в ЧК) и острее других ощущавшая всё связанное с Есениным, Бениславская приняла официальное заключение о смерти за истину и покончила с собой на могиле любимого человека. Сегодня выдвинута точка зрения, что умереть Есенину «помогли».

Профессиональный следователь, полковник милиции Эдуард Хлесталов, много лет потратил на расследование обстоятельств гибели поэта. В книге «13 уголовных дел Сергея Есенина» он доказывает, что подозрительно спешно произведенное следствие, глубокий пролом на лбу, восковой, а не синюшный, как это бывает у повесившихся, цвет лица, отсутствие тёмной полосы на шее трупа, также многие другие детали подтверждают предположение, что поэта сначала убили, а потом подвесили.

Кто убийцы? Хлесталов полагает — сотрудники ГПУ. Кому мешал поэт? На этот вопрос он ответил сам: мешал спать стране родной, точнее, тем, кто усыплял. Так это или нет, погиб Есенин по своей или чужой воле, мы этого, боюсь, не узнаем никогда. Но что известно доподлинно, так это то, что раннюю смерть свою поэт предчувствовал давно. В восемнадцать лет написал стихотворение «Исповедь самоубийцы», и потом мрачных предчувствий было очень много. «И в синий вечер под окном на рукаве своём повешусь». «Скоро, скоро часы деревянные прохрипят мой двенадцатый час». Нужно ли продолжать цитирование? Правда, есть прогнозы другого рода:

*Но, обречённый на гоненье,
Еще я долго буду петь,
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

К сожалению, Есенин делал все, чтобы сбылись предчувствия первого рода. Последний запой 1925 году был таким страшным, что обследовавший Сергея Александровича профессор Ганнушкин, светило тогдашней психиатрии, сказал: «Еще один запой, и он сойдёт с ума». Подтверждение диагноза профессора даёт поэма «Чёрный человек» — классическое описание развития алкогольной пизофрении.

Много пишут об окружении поэта, которое спаивало его. А кроме того, судьба словно сводила Есенина с людьми, над которыми был занесен топор рока. Ганин. Орешин, Клычков, Айседора, Киров, Блюмкин... На одиозной личности последнего остановимся подробнее, поскольку есть сильные подозрения, что он — один из организаторов убийства поэта. Он был моложе Есенина на пять лет, но очень рано проявил талант в своей сфере. В 18 лет Яков Блюмкин — заметный деятель Закавказской ЧК, друг Троцкого, исполнитель террористического акта против германского посла Мирбаха. Чтобы очиститься перед большевиками, которым он сорвал Брестский мир, Блюмкин бежит на

Украину, борется здесь с украинскими националистами, готовит покушение на гетмана Скоропадского. Его прощают, он становится секретарем Троцкого.

Есенин познакомился с Блюмкиным ещё в 1918 году. Отношения их развивались очень неровно. Однажды Блюмкин выручил Есенина, взяв его на поруки, когда того арестовали за связь с белогвардейским офицером. В другой раз Блюмкин приревновал поэта к своей жене и чуть не застрелил его. Были и другие угрозы, о Блюмкине слыла слава как о человеке неуравновешенном, и Есенин старался избегать встреч с ним.

Странный тип. Играл не последнюю роль в артистической жизни Москвы 1920-х годов. Был знаком со многими литераторами. Маяковский дарил ему свои книги с надписью: «Блюмочке». Блюмкин вместе с Есениным подписал Устав группы имажинистов. Периодически исчезал из поля зрения московской художественной интеллигенции. Одно время отправился в Иран, «чтоб землю в Иране крестьянам отдать». Был в числе организаторов компартии в этой стране, членом её ЦК.

После гибели Есенина, Блюмкин получает назначение в Монголию, где организывает охрану правительственного дворца, затем он — резидент советской разведки на Ближнем Востоке. Здесь встречается с высланным из СССР Троцким, устанавливает постоянную связь с автором идеи перманентной революции. В 1929 году, когда Блюмкин возвращается в СССР, его арестовывают и приговаривают к высшей мере...

Такие «фрукты» водились в окружении поэта. Но возлагать вину за преждевременную гибель поэта на его окружение — много чести для последнего. Александр Блок сказал о Пушкине: «Его погубило отсутствие воздуха». То же самое может быть сказано о самом Блоке или о Есенине. На поэтическом горле златоволосого певца России всё туже затягивалась петля диктатуры. Но гений не может в страхе бежать от копыт Медного Всадника.

Есенин понимал необходимость «страну заковывать в бетон» и принимал следствия процесса — в бетонной камере придется задохнуться ему самому. Наш сегодняшний православный ренессанс представляется во многом замешанным на дрожжах маломыслия, когда столько анафем и запоздалых проклятий льется по адресу Советской власти. В этой связи вспоминается быль об одном европейском священнике, вышедшем встречать грозного предводителя гуннов — Атиллу. «Атиллу, тебя называют бичом Господним, но поскольку я — смиренный слуга Господа, я пою тебе Осанну!» Блок и Есенин, распятые на кресте своего времени, больше христиане, чем многие из церковных идеологов и наших громкоголосых верующих сегодня.

Не следует также переоценивать значение «дантесов», «мартыновых» и ненайденных убийц Есенина. Можно ли винить могильных червей? И сами погибшие великаны разве уполномочивали кого-либо на месть?

«Я сердцем никогда не лгу». Сердце Есенина — его стихи, в них нет ни одной фальшивой строки. Даже такие верные рыцари поэзии, как Мандельштам и Пастернак, грешили лицемерными строками, заигрывали с Советской властью, со Сталиным. Есенин же — никогда.

Еще и поэтому он первый номер в русской поэзии XX века и второй номер после Пушкина во все времена. Жизненную точку Есенина рассматривают как трагедию. Но так ли он сам рассматривал свой финал?

Один из лейтмотивов его поэзии — «ничего в прошедшем мне не жаль». А в будущем? «Оттого пред сонмом уходящих я всегда испытываю дрожь». Какую дрожь? Дрожь ужаса? Ответ потрясает неожиданным откровением: «И эту гробовую дрожь как ласку новую приемлю». Сопоставим ход есенинской мысли с ощущением смерти Пушкина:

*Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит.
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обрести и ведать мог.*

Или у Владимира Высоцкого — «Чую с гибельным восторгом — пропадаю, пропадаю!». Слова «розу белую с чёрной жабой я хотел бы в стихах повенчать» — ключ к разгадке есенинской судьбы и миссии. Гармония несоединимого, свет в самых, может быть, густых за всю историю России сумерках — вот страшный, непомерный груз, который взвалил на свои плечи человек, едва достигший тридцати лет — возраста, когда Христос только вышел на Подвиг. Как поэт, Есенин груз донес, но как человек — надломился. И надлом свой принял с какой-то затаенной улыбкой: пропадаю, но дело сделано!

*И потому, что я постиг,
Всю жизнь пройдя с улыбкой мимо,
Я говорю на каждый миг,
Что всё на свете повторило.*

Стихотворение помечено 1925 годом. Такие строки мог, поистине, написать не просто гений, но посвящённый. Земная часть Есенина, проходя по

жизни, страдала, как любой человек; духовный же Есенин с улыбкой шёл мимо собственной страдальческой судьбы, ибо уже при жизни умел жить в ином измерении. Вот вывод, рождающийся из загадки как бы отстраненности поэта от собственной жизни. Небесный Есенин смотрел на земного с недоумением и отвращением.

*Чёрный человек!
Ты прескверный гость...*

Даже лиру, которую поэт никогда не доверял «в чужие руки», даже её Есенин ценил не слишком высоко: «ведь я мог дать не то, что дал, что мне давалось ради шутки». Видимо, музыка, которую поэт слышал оттуда, невыразима земными звуками.

Есенинская трагедия — больше для нас, чем для него. Уход Есенина и огромная сила предсмертных строк, дышащих мудростью и покоем, детонировали в стране цепь самоубийств. Маяковский объявил, что после этих строк смерть Есенина стала литературным фактом, и с благородными, в общем, намерениями бросил вызов покойному собрату. Но сделал это по-маяковски грубо, противопоставив усталой есенинской глубине переиначенный плоский афоризм: «В этой жизни помереть нетрудно, сделать жизнь значительно трудней». А ещё посмерть Есенина Маяковский представил в каких-то карикатурных тонах: «Пустота. Летите, в звёзды врезываясь...» И словно милиционер из вытрезвителя порекомендовал трезвость. Погибавший двенадцать лет спустя в Сибири Николай Клюев оставил записи, что видел Есенина во сне или полусне окровавленного, со страдальческим выражением лица. Что могло означать такое видение? Приходишь к выводу, что клюевский сон — проекция состояния души самого ладожского поэта в ту пору. Состояние, преломившееся через образ друга. Ведь каждый человек видит этот и тот мир через собственную ауру. Нет ни в жизненном пути, ни тем более в поэзии Есенина ничего такого, что после двенадцати лет пребывания в Тонком Мире могло бы подтвердить его присутствие в адских слоях. Божественное в Есенине слишком перевешивало земное. У нас есть все основания верить, что земная грязь, земная окалина быстро отлетела с души поэта, что она не задержалась долго в сферах, которые христиане называют посмертными мытарствами, и ушла в духовное небо. Признаться, я даже обрадовался версии убийства, ибо если Есенина убили, это значительно высветляет его посмертную судьбу. Но даже если он покончил с собой, то и тогда свиток его добрых дел для России перевешивает тяжесть противозаконного акта.

Есенин — это сама Россия. С котлом её земных страданий, в котором много веков вышлавлялось золото русской души. Она, как и лучший певец её, несмотря на «грехи свои тяжкие» «по чужой и по нашей вине», может быть, как никакая другая страна в мире заслужила Новый град Иерусалим на своей территории. Потому что всегда страдала за других.

Фамилию «Есенин», пока слава поэта не сделалась всенародной, нередко путали. В милицейских протоколах записывали «Ясенин», очевидно, выводя этимологию из «ясень». На самом деле, этимологически фамилия связана с протославянским «есень» — осень. Так что известные свои строки Есенин мог бы обыграть как «объесениная тишина». А мы в его духе назовем сегодняшнее состояние России предчувствием «обвесениной тишины», когда снова стинет в небытие «тройка коней оголтелая» и воссияет русское солнце.

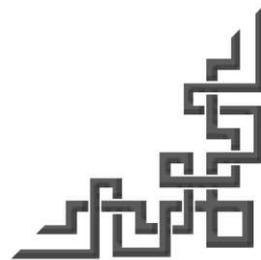
Оно больше, чем Есенин, больше, чем Пушкин. Духовный двойник нашего светила вобрал в себя огонь всех великих духов, проходивших когда-либо на земле, чтобы явить миру Новый Свет. Сама Богородица в Фатиме заявила: «Свет придет из России». Понять бы это политикам. Особенно тем, кто называет себя патриотами. Многие из этого лагеря почему-то все убеждены, что свет придет через них. Накануне вечера, посвящённого Есенину я вёл переговоры с некоторыми политическими деятелями патриотической ориентации об участии в нашей юбилейной акции. Они охотно согласились. Но когда я предупредил, чтобы вечер не превратился в предвыборное собрание, охота у моих собеседников быстро пропала. О чем же говорить? — спросили они. — О Есенине? И, как видите, ни один политический деятель не почтил нас своим присутствием. Бедняги словно начисто забыли, что в самые критические минуты земную Россию всегда выручала Россия Небесная. Всё чаще раздаются голоса, утверждающие, что в годы революции Бог помог атеистам-большевикам, а не верующим противникам. Почему? Наверное, потому, что дальние и глубинные цели большевизма больше отвечали задачам России Небесной, чем религиозная риторика и привязанность к уходящему большевистских оппонентов. Корни есенинской гениальности здесь, и наша неубывающая любовь к нему тоже здесь: он — часть России Небесной. Есенины неповторимы. Но лучше сказать его собственными словами: неповторимо-повторимы.

*Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.*

*Любимая, ну, что ж! Ну, что ж!
Я видел их, я видел землю,
И эту гробовую дрожь
Как ласку новую приемлю.
И потому, что я постиг
Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, —
Я говорю на каждый миг,
Что всё на свете повторило.
Не всё ль равно — придёт другой,
Печаль ушедшего не сгложет.
Оставленной и дорогой
Пришедший лучше песню сложит.
И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне
Как о цветке неповторимом.*

**Николай Алексеевич
ОСТРОВСКИЙ
(1904 — 1936)**

* * *

*Мы помним всех, кто горы двигал
и небо ставил на ремонт,
а также — тех, кто с вечной фигой
в кармане ждал своих времён.
Сегодня, вынудившие кукиши,
они вцепились в пятки львов.
Герой, ты лишь одним рискуешь —
проверить прочность старых швов
Всегда Россия крепла мерой
великих, благодатных гроз.
Ее ведь и с безбожной верой
к победам приводил Христос.
Теперь же в шумном хороводе,
безмолвный барабанищик наш
и семя подвига в болоте,
он ждёт, когда начнём дренаж.
Пока Россия не ослепла
и держат память тормоза,
не может он уйти бесследно,
не может потушить глаза.*

ЗАЧЕМ МИРУ НУЖНЫ ГЕРОИ?

29 сентября 2004 года исполняется сто лет со дня рождения писателя Николая Островского. Вряд ли следует ожидать, что эта дата будет отпразднована широко. В мире политики идеи, за которые сражался Островский, сегодня непопулярны. Как сказал один известный политический деятель: «Коммунизм — вагон, отцепленный от поезда цивилизации». В среде же литераторов, по крайней мере тех, кто контролирует нынешние СМИ, Островский — малоодаренный и малограмотный графоман. Между тем на книге «Как закалялась сталь» в не столь отдалённом прошлом воспитывались целые поколения молодёжи во всём мире. Как ни верти, эта книга сыграла огромную роль в жизни поколения, выигравшего Великую Отечественную войну. А уж этих-то людей и саму войну от «поезда» истории никакие политики не отцепят. «Как закалялась сталь» начинается со сцены, когда Павку Корчагина исключают из школы за то, что он насыпал махорки в тесто школьному попу. Вся дальнейшая жизнь подростка, а потом молодого революционера прошла под знаком кровавой борьбы с «богами» — охранителями старого мира. Категоричный, нерелигиозный, жёсткий и часто жестокий в своих поступках Островский-Корчагин не мог не получить от судьбы ответного удара. И получил его — болезнь, слепоту, неподвижность. Прикованный к постели, он начинает свой полёт в вечность. Ибо что может означать его дальнейшая жизнь? То же, что сказано в Евангелии: «Смертью смерть поправ». Жизнь Николая Островского — беспримерный в истории литературы подвиг. И не только в ней.

С точки зрения Достоевского, люди типа Островского, конечно, принадлежали к категории «бесов», разломавших старую христианскую Россию. Если же примерить к советскому подвижнику-писателю известную формулу апостола Иоанна, которую апостол вложил в уста Бога: «О, если бы ты был горячим или

холодным! Но поскольку ты ни холоден, ни горяч, изблюю тебя из Уст Своих», то уж кем-кем, а «тёплым» Островского никак не назовёшь. Исключают же его из большой литературы как раз они, «тёплые». Напросившийся на аудиенцию у Николая Островского французский литератор Андре Жид, весьма далёкий от коммунистической идеологии, после беседы с советским писателем вышел потрясённым: «Я видел современного святого». Можно как угодно относиться к этой оценке, но никто не оспорит факта, что по своей огромной внутренней силе, по своему сердечному горению Николай Островский не может быть отнесён и к категории «холодных». Так что любой непредвзятый человек может оценить, кем был Островский на самом деле. Он поднял планку писателя на новый уровень, полностью жил так, как писал. И, конечно, вошёл в одну литературную обойму с Маяковским, Шолоховым, Булгаковым, Ахматовой, Пастернаком, при всей разнополярности политических убеждений этих людей. По человеческим же качествам он поднялся над всем XX веком, встал рядом с такими исполинами, как Сент-Экзюпери и Че Гевара. Таких, как Николай Островский, через всё двадцатое столетие прошли считанные единицы.

Его пытаются вычеркнуть из нашей истории именно отщепенные от её главного поезда фигуры — писательская шпунера, рыбы-прилипалы, которые, с одной стороны, в силу вседозволенности мельтешат теперь повсюду, создавая иллюзию полного торжества низости, с другой, — чувствуя ненадёжность своей плавучести, мечутся в поисках, к чему и к кому прилепиться. А поскольку новой надёжной опоры они не видят, кусают старую, ту самую, которой лицемерно поклонялись прежде.

Кто помнит Анну Караваеву сегодня? Между тем нашлись «знатоки», которые объявили эту средней руки советскую писательницу настоящим автором книги «Как закалялась сталь», хотя сама Караваева на авторство никогда не претендовала. На каком же основании её так возвеличили? На том, что помогала Островскому редактировать великий роман. Это из области совершенно непредставимых фантазий, вроде той, что истинным героем Великой Отечественной и автором книги «Воспоминания и размышления» был не Георгий Жуков, а редакторы и корректоры его книги. Потому что эти последние имели высшее образование, а у автора «Воспоминаний» — три класса церковно-приходской школы. Вот так иногда рассуждают некоторые наши литературные «мэтры». Ох, уж эта «образованщина»!

Я не боюсь сравнить «Как закалялась сталь» с «Дон Кихотом» Сервантеса, ибо за обоими шедеврами мировой литературы стоят героические жизни авторов. Сервантес, прежде чем сесть за свой роман, потерял руку в сражении

при Лепанто. Возвращаясь морем на родину, попал в плен к пиратам, был продан ими в рабство алжирскому паше. Пять лет провёл в неволе, четыре раза пытался бежать. Выкупленный из рабства и устроившийся на родине в Испании агентом по закупке провианта для флота, а позже мытарем — сборщиком налогов, он трижды попадал в тюрьму, не сумев вписаться в тогдашнюю «рыночную экономику». Так что его «хитроумный идалго» — это он сам, Мигель Сервантес Сааведра. Образ, подобный Дон Кихоту, невозможно создать, не пройдя собственные бои с ветряными мельницами.

Оба писателя создали как будто бы иллюзорных героев. В каком смысле? В американском. В Америке художественная литература называется словом «fiction» — выдумка, то есть сам термин отрезает эту литературу от реальности. Но чья реальность больше, тощего и нескладного рыцаря печального образа, живущего уже несколько веков в сознании людей или его привязанного к земным реалиям упитанного слуги?

И Дон Кихот, и Корчагин сражались за идеалы, не могущие в силу их высоты быть принятыми большинством людей. Но Корчагин в отличие от испанца уже не был смешным одиночкой. И рыцарь из Ламанчи нашёл в XX веке совсем не смешного последователя — Че Гевару, идеалом которого, как известно, был герой знаменитого романа Сервантеса. Подобные идеалы и их носители — дрожжевая закваска, без которой человечество давно бы заплесневело, сгнило, как говорится, на корню.

Должен оговориться, что мое сравнение Островского с Сервантесом ограничивается схожестью их жизненных путей, высотой подвижнических натур. Я совсем не собираюсь утверждать литературную равноценность двух романов. Образ, созданный воображением великого испанца, конечно, глубже, объемнее русского героя. Корчагин-Островский — донкихот в чистом виде. Сервантес носил в себе не только черты Дон Кихота, но и начало Санчо Пансы, недаром работал торговым агентом и сборщиком налогов. В романе же автор «Дон Кихота» себя раздвоил и сумел гениально показать эту двойственность, свойственную каждому человеку, — двойственность духа и тела. Смешной рыцарь печального образа, хотя и одинок, но всегда востребован, пока ему служит его оруженосец. Оруженосец добродушно посмеивается над причудами господина, но верой и правдой служит ему. И он тоже бессмертен, пока предан своему фантазеру-хозяину. Это нормальный баланс жизнеспособного мира: низшее служит высшему. Если же главной фигурой становится слуга-тело, смех заканчивается, начинается трагедия. Мы накануне такой трагедии. Мир, в котором человек — «вечное чело» — живёт ради того, чтобы обслуживать

нужды тела, обречён на уничтожение. Как это уже бывало не однажды в истории, обречённые меньше всего думают о спасении, их волнует пир во время надвигающейся чумы...

Наша великая и страшная революция была попыткой выдернуть мир из этого чумного пира, вернуть в опустившееся до биологического уровня человечество донкихота. Он возвратился в лице Лениных, Островских, Олегов Кошевых, сестры и брата Космодемьянских и многих других. Попытка оказалась заразной для немалого числа жителей Земли, даже для ряда стран, но она оказалась непосильной для большинства людей планеты. По крайней мере, в XX веке. Поэтому баланс донкихота и санчопансы в основной массе человечества складывается пока в пользу второго. Но Санчо Панса всё равно будет искать своего хозяина, потому что без хозяина ему не выжить. Человек был задуман Творцом как «гомо сапиенс», а не «гомо» жующий и пьющий. Когда антропоид деградирует, наступают катастрофы. Недаром так пристален сегодня интерес к причинам гибели Атлантиды. Хотя можно вспомнить другие примеры, более поздние и реальные: Вавилон, Содом и Гоморру, а также поздний античный Рим.

Советские донкихоты временно проиграли. Но семена брошены. Советская власть доказала, что люди могут выжить без денег. Точнее без их тоталитарного господства. Поэтому, повторяю, когда владычество денежного мешка доведет мир до окончательного маразма и кошмара, а время это, все видят, — близко, люди вспомнят уроки своего героического прошлого. Они вернуться к Христу в той Его форме, которой потребует время. Потому что в основе Христа героизм — торжество человечности над животным началом, духа над телом.

*Изнемогая от великой жажды,
Мы ищем Твой таинственный родник.
Зовешь и Ты, зовешь нас не однажды,
Перерастая временами в крик,
В безмолвный крик:
— Зачем Меня веками
Искать, когда Я рядом, под рукой?
Я — тихий свет,
Я — нерушимый камень,
Я — ваша сила, радость и покой.
Желания заветные сбываются,
Встречая на пути Мои ручьи,*

*Все волны штормовые разбиваются
О скалы неприступные Мои.
Склонитесь же, склонитесь надо Мной!
Склоняемся, но где-то стороной...*

Народ, топчущий имена героев, не имеет будущего. К счастью, имя Островского топчут ничтожества, которые сами в будущем не могут рассчитывать ни на что. Потому они так беснуются в настоящем, пытаясь заразить своей низостью как можно больше людей. Этим антигероям совершенно непонятно, как обездвиженный и слепой человек мог чувствовать себя полноценно счастливым. Между тем Николай Островский был слишком честен, чтобы натягивать на себя маску благополучия.

«Я никогда не думал, что жизнь принесёт мне столько огромного (выделено мною. — Ю. К.) счастья. Ужасная личная трагедия уничтожена, и жизнь полна ликующей радости творчества».

«Как знать, когда я был счастливее — в юности, при цветущем здоровье, или теперь».

«Никогда не думайте, что я несчастный человек и грустный парень... Эгоист погибает раньше всего. Он живёт в себе и для себя. И если исковеркано его «я», то ему нечем жить».

Перед ним ночь эгоизма, обречённости. Но когда человек живёт не для себя, когда он растворяется в общественном, то его трудно убить, ведь надо убить окружающее, всю страну, всю жизнь...

«Вы видите мою улыбку, она радостна и искренна. Я живу огромной радостью побед нашей страны, несмотря на свои страдания. Нет радостнее вещи, как побеждать страдания. Не просто дышать (и это прекрасно), а бороться и побеждать».

Под такими словами мог бы подписаться сам Иисус Христос, так что недаром вышеупомянутый французский писатель Андре Жид сравнил Островского со святым.

А. М. Горький сказал об Островском: *«Его жизнь — яркий пример торжества духа над телом».*

Как объяснить счастье, пережитое Николаем Островским? Никак. Порасуждать о нём можно, растолковать нельзя. Но просьба Островского не считать его несчастным человеком и грустным парнем приоткрывает завесу над мироощущением каждого подвижника — растворение личности в служении миру даёт человеку ни с чем не сравнимое блаженство.

Дифирамбы власти, сотворившей феномен Островского, тоже неправомерны. Он сотворил себя сам.

Героизм всегда уникален, он удел одиночек. Но фон героя может быть разным. Островский жил и творил в эпоху, когда вся страна жила на волне героизма. Теперь волна другая. Пословица «На миру и смерть красна» сегодня не актуальна, нынешний мир равнодушно проходит мимо героев, как бы не замечая их. «На миру», то есть на виду и на слуху, маячат антигерои.

Дятел

*За окном моим дачным дятел
по соседней долбит сосне.
Семь утра. Не стучал бы, приятель,
дай мне сон досмотреть о войне.*

*Был в ту пору я слишком молод,
чтоб со мною схватился враг.
Но прошёл через голод, холод,
поножовщину детских драк.*

*Даже в шайки воров порою
заарканивал жизни канат.
Сколько же повстречал героев,
победивших себя и ад!*

*Видел женщин, не спавших сутками,
сам подростком стоял у станка.
Теми памятными рисунками
до сих пор моя дышит рука.*

*Мы в грядущее свято верили,
только сердце ему отдай.
И попали в райиник за дверью,
за обещанной дверью в рай.*

*Дятел-век продолжает без устали
червяков искать под корой.
А тебе, читатель, не грустно ли,
что ушёл из жизни герой?*

А куда делись подлинные? Никуда они не делись. Сменился лишь фон. Учёный, которому не платят, но который продолжает свои научные поиски во имя России, полуголодный учитель, обучающий ребятишек «по мандату долга», обезглавленный солдат, не принявший чуждую веру, — это всё те же вдохновенные индивидуальности из породы Островских. Ими держится сегодня Россия.

И литераторы литераторам рознь. Один из редакторов Островского Н. Чертова, встретившись с ним лично, тяжело входила потом в рутинный поток издательской жизни, так зажгёт её образ автора «закаленной стали». Вспоминая встречу с ним, она пишет: «Трудно, по-разному думалось. И когда один писатель, настойчиво расспрашивавший меня о Николае Алексеевиче, в конце сказал: “Сознайтесь, это страшно?” — я взглянула на него с изумлением и возразила: “Что вы — наоборот! Островский — лёгкий человек. Вот именно лёгкий! И по-настоящему жизнерадостный”».

Можно понять и спрашивающего писателя и ответившую редакторшу. В редакторше угадывается генерация, давшая миру Зою Космодемьянскую и Любовь Шевцову, в писателе — просматриваются будущие представители наших «демократов-диссидентов» второй волны. Потому что первая волна, выраженная, скажем, А. Д. Сахаровым, — тоже героическая, её вдохновляли все те бескорыстные идеи свободы, растоптанные потом алчными «демократами» второй волны. После сражения на поле боя приходят мародеры.

Когда я говорю о первой волне диссидентов, имею в виду тех, кто открыто бросил вызов потерявшей инициативу Советской власти. Для меня в эту волну входили люди самых разных политических убеждений, кроме упомянутого выше Сахарова, Солженицын, Зиновьев, Лимонов, Максимов. Всех этих людей объединяет одно — служение идее и стремление ради своей идеи идти против течения. Рыбы-прилипалы, кинувшиеся к должностям и разделу социалистического имущества, тоже иногда называют себя демократами первой волны. Но это не волна, это пена. Для них любая форма героизма — кость в горле. Сегодняшнее телевидение, словно заклинание, повторяет слова: «Время героев прошло».

Передаю слово Юрию Гагарину: «Простой рабочий паренёк Павка Корчагин, сражающийся за Советскую власть, за будущее Советской Родины, близок и понятен миллионам людей! Корчагинцы моего поколения, возмужавшие в послевоенные годы, осваивали целину, строили Братск, прокладывали дорогу к звёздам... Что касается меня, то в самые трудные минуты я вспоминал железное упорство и негибкую волю Павки Корчагина...».

Время Гагариных тоже прошло? На какое-то время. Но оно вернётся, как возвращаются после зимы цветы, трава, листья деревьев. А всё безжизненное, как старый мусор, весна унесёт навсегда.

Наслаждения Рокфеллера с его горой денег понятны многим. О чувствах «убогого» Серафима Саровского, как он сам себя называл, встречавшего каждого проходящего к нему словами: «Радость моя!», тоже говорят многие. Но радости старца понятны единицам. Даже из среды самых рьяных служителей церкви.

Подвижник может быть воином, монахом, учёным, поэтом, деловым человеком, политиком, кем угодно. Он выше партий, идеологий, национальностей и профессий. Две тысячи лет назад Богу было безразлично, кто ты — эллин, язычник или иудей, главное кому и чему служишь. К XX веку предпочтения Бога не изменились, и церковь накануне революции в лице подавляющего числа служителей, изменившая делу Христа, лишилась Его харизмы. Харизма перешла к безбожникам. Их подвижники оказались сильнее церковных. Хотя жили в советские времена патриарх Тихон, иеромонах Сампсон, отец Арсений и другие подлинны христиане. Они не уступали в духовной силе Чапаеву или Островскому, а наверное превосходили их. Но безбожных подвижников оказалось больше, их идеалы лучше соответствовали потребностям времени, и Бог поддерживал их.

Нам сейчас чрезвычайно важно понять, что погоду истории делают не формы идеологии, но люди-подвижники, к какой бы идеологии они ни примыкали. А Бог, задающий импульсы к переменам погоды, сам решит, кому на данном этапе отдать первенство, Ему главное — воспитать как можно больше тех, кто может смертью смерть поправить и осуществить на деле афоризм Ницше «Человек — это то, что следует преодолеть». Торжество низости в наше время ничего не меняет в подобном раскладе сил, только усиливает его. Низость допущена к власти на время, чтобы люди почувствовали необходимость героизма. Низости всегда приходит конец, тогда как нужда в героях никогда не прекращается.

Понимание движения истории, как единства исключаящих друг друга противоположностей, помогает осознать, что случилось с Россией.

Народы устают от героев, нужна передышка. «Как закалялась сталь» вкопчивалась в головы людей», поэтому перешла в отрывку. Леонид Андреев даже о «Капитанской дочке» сказал в своё время, что она надоела как барышня с Тверского бульвара. Всё, что идёт в тираж, приедаётся. Но когда в голову начинает вдалбливать то, что разворачивается сегодня на экранах телевизоров,

здоровая голова понимает, что её опускают в бездну. После такой «передышки» мир либо снова возвращается к героям, либо погибает.

Бог, руководящий человеческой эволюцией, всё это хорошо понимает и «попускает» человеческие слабости, даёт возможность «поругать» всем. Тем более, что Он не заинтересован держать людей в лапах нищеты, голода и холода, как это было во времена Николая Островского. Страдание — инструмент, но ни в коей мере не цель человеческого развития.

И сегодняшняя «демократическая» Россия — не абсурдный переход из героической эпохи в период торжества рынка и пошлости. Нет, люди должны в разумных пределах создать себе обеспеченную жизнь, хотя в этом смысле дорвавшееся до власти «демократическое» меньшинство перераспределило денежные потоки страны с чудовищными излишествами. Но с излишествами у Бога разговор короткий, и мы наблюдаем это на многих примерах.

Большевики вскоре после революции допустили большую ошибку, слишком рьяно потоптавшись по прошлому. Теперь в таком же положении оказались они сами. «Демократы» повторяют ошибку большевиков и тоже начинают чувствовать на себе сапоги истории. Уроки из неё редко кто извлекал, учеба происходит в основном на собственной шкуре. А топтаться по героям — занятие очень рискованное.

Да, Советская власть опиралась на таких, как Николай Островский, но она бы не продержалась так долго, если бы делала ставку на один героизм. Пропаганда героизма сочеталась с приказом номер 227, который действовал на всем протяжении сталинской эпохи. Сталин всегда использовал героический фактор в сочетании с фактором страха, но особенно умело распорядился обоими факторами в годы нашей святой войны. В эти годы были классически осуществлены также оба религиозных Завета — Ветхий и Новый. Я говорю не о конфессиональной стороне дела, но по существу его. Новый Завет для героев — возлюби родину, как Бога и, как самого себя, карающий Ветхий — для всех остальных. Очевидную диалектику двух Заветов война являла ежедневно. Многие молодые, необстрелянные ребята при первом столкновении с врагом бежали в панике и, если попадали под заслон заградотрядов, то шли в штрафные роты и батальоны, и опять-таки, если оставались в живых, пополняли ряды Корчагиных. Подлинная религия далеко не всегда совпадает с официальной.

Цепь подвижников непрерывна при восходящей звезде народа; но она прерывается, если звезда исчезает с горизонта. Уходят подвижники — умирает народ. Сейчас происходит закат целого цикла в истории земли, потому так остра борьба между теми, кто сросся с этим циклом, не хочет расставаться с ним и

теми, кто готов подвинуть человечество к новому отрезку большой истории. С Октября 1917 года началась репетиция нового цикла. Русская репетиция оказалась мучительной, в ней активно действовали обе стороны — светлая и тёмная. Временно победила вторая. Но за 73 года Советской власти удалось сделать многое. Главное, доказать в 1941 — 1945 годах, что дух подвижничества может победить мир материи, мир денег. Если вдуматься в то, что произошло в эти годы, то явственно вырисовывается картина страны, застигнутой врасплох внезапным нападением врага, потерявшей в течение нескольких месяцев основную часть своих самолётов и устаревших танков, страны, отдавшей неприятелю свои наиболее густонаселённые территории. Иными словами, вся видимая материя была на стороне врага, и его победа казалась неизбежной. Но невидимый дух героического народа победил. В лобовом столкновении с тьмою он напряг все свои силы, обуздал материю, он выжал из неё без денег, на одном энтузиазме лучшие в мире танки и самолёты, лучшую артиллерию, а главное, духовно более сильного солдата. Хотя немцы в ту пору тоже были сильны духом. Но, как признался сам Гитлер перед смертью, победил молодой народ с его более сильным духовным потенциалом.

Титаник

*Чем рассветы новые угрюмей,
тем тревожней, яростнее дни.
Черти свечи зажигают в трюме,
потушили ангелы огни.
На исходе все земные сроки,
он принять судьбу свою готов.
Никакие силы и пророки
не изменят ход его винтов.
Пассажиры суетятся наспех,
кто пирует, кто танцует всласть.
Но растёт в тумане вечный айсберг.
Он один не даст нам всем пропасть.
Ничего светлее и новее
время не придумало пока,
кроме лобового столкновенья
чтобы всё сломать наверняка.
Лишь тогда среди обломков хрупких
зажигают ангелы огни —*

*разума спасательные шлюпки,
привязные совести ремни.*

Во время крушения «Титаника» часть его пассажиров проявила лучшие человеческие качества, подтверждённые потом во время Второй мировой войны героями французского Сопротивления, английскими морскими конвоями в Мурманск. Так что не ограничим героизм русской темой.

Мои отрывочные заметки, думаю, мало кого убедят, как не убедили нас горы религиозной литературы. Убеждают не слова и даже не примеры, но собственный опыт. Каждое поколение приобретает его как бы заново. Но мы обязаны тянуть ниточку национального и общечеловеческого опыта, связывая ушедших с идущими. Так некогда поддерживали священный огонь в пещерах наши пращурь. Как бы густо ни обступала тьма, даже одна свеча в ней внушает надежду. Какими бы растлеленными ни были верхи общества, жизнеспособность его определяется суммой свечей, горящих внизу.

И ещё есть причина, требующая поддержания этого огня в себе. Через него, через внутренний огонь в душе мы связываем себя с мировым небом, с русским небом, с ноосферой подвижников, которые не ушли из пространства, но продолжают свою работу в тонких телах. Тёмный цикл в истории Земли ещё не закончен, поэтому каждому из нас предстоит донести свой внутренний свет до Новой Земли и Нового Неба. Пронести сквозь густую тьму.

Великое оправдание советской литературы и власти, её породившей, не только в присутствии в её духовном поле таких духов, как Николай Островский, но также в том, что она сделала этот дух знаменем для масс. Очевидна и чёрная сторона дела — под сенью Красного знамени стояли разные фигуры, а у руля власти — часто зловещие. Но так же верно, что период владычества Совдепов в России будет пристально изучаться следующими поколениями, что героические грани этой эпохи никогда не изгладятся из памяти. Никогда! В этом нет никакого сомнения.

Я пишу эти строки, отрываясь временами от письменного стола, чтобы посмотреть выступления наших спортсменов на Олимпийских играх. Вместе с миллионами россиян радуюсь их победам, переживаю поражения. Несомненно, такие же чувства испытывают руководители России, потому что победы в спорте — пока ещё показатель могущества государства. Мы оказались на третьем месте. Впрочем, если суммировать все медали суверенных государств, ранее входивших в состав Советского Союза, то место, наверное, снова окажется первым.

Но только в местах ли дело?

Средства массовой информации сообщили, что российское правительство, стимулируя усердие отечественных спортсменов, установило небывало высокие денежные премии в долларах за полученные на Олимпиаде медали. Не хочу быть пророком, но убеждён: долларовые приоритеты никогда не сделают нас первыми ни в спорте, ни в каком другом виде деятельности. Мы проиграли американцам и китайцам. Первым — потому что денежный ринг — не наш ринг, вторым — потому что патриотическая составляющая у них оказалась сильнее. Я совсем не против любых денежных вознаграждений. Но мы не только не вернём себе спортивной мощи Советского Союза, но и будем быстро деградировать во всех видах творчества, слишком поощряя денежные аппетиты людей. На иных дрожжах замешан русский характер. Мы инстинктивно это чувствуем, мы понимаем ущербность чисто материальных идеалов. Дело за разумом, волей, энтузиазмом.

Конечно, в советскую реку вторично не войдешь. Мы всегда любили родину, но когда патриотизм и бескорыстие насаждались принудительно, а сами «насаждающие» устраивали для себя иные правила игры, это оскорбляло нас. Мы побеждали американцев в спорте, в научных достижениях, в разведывательной работе, но сами думали: хорошо бы и побеждать, и жить, как противники, огребая доллары лопатой. Поэтому наши пассионарии так быстро и жадно кинулись в сторону денег, когда такая возможность появилась. И что-то, словно надломилось в России, и потащил её вниз денежный мешок.

Но не зря же Христос сказал, что легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богатому войти в царство небесное. Эти слова Спасителя заставляют каждого из нас подумать над проблемой, как, кому и чему должны служить деньги.

Перед нами также пример Америки, самой могущественной сегодня державы и самой в то же время бесперспективной, ибо она буквально, без всяких преувеличений, пропадает под властью доллара. Заокеанские верховоды судорожно пытаются навязать власть денег остальному миру, трясут своими накачанными денежными анаболиками, но дряхлеющими мускулами перед другими странами, или пугают чуть чего эти страны, что лишит их своей финансовой поддержки. Однако в мышцах Соединённых Штатов работают смертельные раковые вирусы, имя которым доллар. Свою болезнь они передают и некоторым нашим верховодам.

Кто побеждает в американском спорте? Главным образом чернокожие, потому что для них первый стимул не деньги, а утверждение своего превосходства над белыми. Долго унижаемые белой Америкой чернокожие жители

теснят белое большинство, прежде всего в музыке и спорте, где сильнее в силу природных данных. А что такое деньги для людей, добившихся высших достижений, хорошо иллюстрирует судьба многих звёзд профессионального бокса в Соединённых Штатах. Они проматывают свои миллионы и заканчивают жизнь в бедности.

Но это пока. Добиваясь равных прав, чёрная Америка быстро теряет свою пассионарность. Бывшие рабы, получив свободу, становятся самой тучной частью американского населения. Впрочем, и вся Америка больна ожирением, так что правительство США вынуждено рассматривать эту проблему как национальную угрозу.

В самом деле, как чувствует себя сегодня белое население Америки? Та же картина, что с чёрным. Люди слабеют во всех отношениях. Живущая на иммиграционном «подсесе», собирающая со всего мира интеллектуальные и творческие сливки, Америка пока удерживает первое место в земной очевидности. Но сливки в этой стране скисают уже в первом поколении. Денежный воздух удушлив для талантов.

Не стану впадать в морализаторство и упрекать нынешний российский режим в отсутствии настоящего искусства, хотя зрительно это так. Возможно, где-то сохраняется русская душа, зреет вдали от рыночной суеты. Во всяком случае, на Вологодчине безгласно работает Василий Белов, в Иркутске Валентин Распутин, в Пскове ещё недавно творил Станислав Золотцев. Эти люди — дети прежней власти. Не потому, что славили её, скорее, от неё отталкивались. От нынешнего же болота не оттолкнёшься, мастера его обходят, не маячат в его камышах. Хотя это пробует делать Эдуард Лимонов, какое-то время принадлежавший литературному секс-авангарду, потом тяготевший к политическому экстремизму и к советскому имперскому величию, а теперь, после отсидки в тюрьме, старающийся любыми путями всколыхнуть общественное сознание и прежде всего сознание молодёжи, на борьбу с равнодушием и мещанством.

В столице против общего базарно-распродажного поветрия сражаются газеты «Завтра», «Советская Россия», журнал «Наш современник».

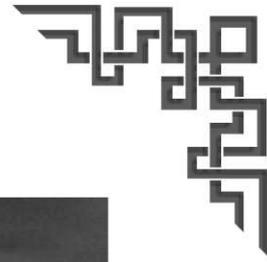
Какое отношение имеет вышесказанное к столетию Николая Островского? Самое прямое. Жива русская литература, страстная, разнохарактерная в поиске идеала, попавшая в тиски иного времени, но продолжающая свои поиски, не продающая себя ни за какие рыночные ценности. Литература, жаждущая братства народов, или, говоря словами Пушкина, зовущая время, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Значит, жив народ, пропущенный через страшную мясорубку эпохи, и живёт в нём Христос.

Он живёт в ребятах из «Вымпела», вызволивших ценой своих жизней заложников в Москве и в Беслане. Наше подлое телевидение и продажные газеты, которые в течение ряда лет творят свою чёрную мессу под лозунгом «Время героев прошло», после страшных терактов сразу поджали хвосты и заскулили по-иному. Ведь не фигуранты светской хроники и биржевых сводок поставят заслон терроризму.

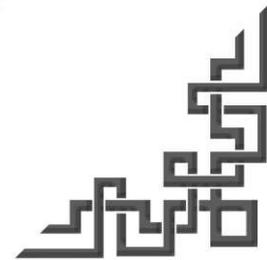
Жив Христос в священнике, который снял рясу и возглавил развалившийся колхоз. В предпринимателе, который дал клятву никогда не торговать водкой и сигаретами. В писателе, режиссере, артисте, которые не допускают в свою работу низость ни под каким видом. В учёном, которого зовут в Америку, но он продолжает трудиться в России. В самом обыкновенном человеке, не сдавшемся тёмным искушениям века.

Это и есть будущая Россия, преображённая лучами Бога.

*Какой в тебе ни вызревал бы план
страну свою увидеть Феникс-птицей,
воображенья розовый туман
в задуманную явь не воплотится.
Русь возродится Богом и судьбой
прекрасней, чем задумано тобой.*

**Георгий Константинович
ЖУКОВ
(1896 — 1974)**

Георгий Победоносец

*Когда Россия изнывает в муках,
свой лик земной являет людям Он.
Под именем последним «Маршал Жуков»,
как молния прорезал небосклон.*

*И снова дух, он дышит ныне в каждом,
кто не торгует честью и страной,
чье сердце высоту духовной жажды
не растворяет в низости земной.*

*Ах, Родина! Среди бесовских оргий
так много чистых, но поникших душ!
Напомни им о мужестве, Георгий,
прибавь им сил и веры, светлый муж.*

*Сегодня враг укрылся в сердце нашем,
его ввергая в смуту и в печаль.
Яви душе, яви, Великий Маршал,
твоей непобедимости печать!*

МАРШАЛ ЖУКОВ. УРОКИ, ЗАВЕТЫ, НАДЕЖДЫ *

Многие из нас понимают, что мы давно живём в условиях войны. Потери последних лет куда значительнее, чем в сорок первом. Территориально — примерно в два раза, промышленное производство в процентном отношении снизилось сильнее, а суммарные человеческие потери от абортот, от алкоголя и наркотиков, от криминальной вседозволенности и других «цветов зла» каждый может подсчитать сам. Уроки многих стран и нашей собственной говорят, что материальные потери можно восстановить довольно быстро. Опыт мучительной нашей истории показывает, что и людские потери восполнимы, хотя и не так быстро, как материальные. Труднее всего лечить язвы духовные. Иисус Христос, на которого, как на высший авторитет, ссылаются теперь и правые, и левые политики, говорил: «Не бойтесь убивающих тело, но бойтесь убивающих душу».

Телевидение почти круглосуточно атакует наши души эротикой, фильмами насилия и ужасов или вколачивает комплекс «совковой неполноценности». У многих складывается впечатление, что война проиграна, что Россия превратилась в труп, на котором пируют чужеземные и отечественные стервятники. И всё-таки при кажущейся беспросветности нашего положения наметились сбои во вражеской атаке, по крайней мере, на нашу историю и культуру. Ещё, пожалуй, не «Москва», но уже «Ельня». Зайдите в любой кинотеатр, когда демонстрируется самый лихой американский боевик. В лучшем случае, увидите несколько десятков человек. А на спектаклях в театре оперы и балета, на концертах симфонического оркестра — битком набитые залы. В этом, думаю, видятся первые ласточки наших будущих побед.

* В основу статьи положено выступление автора перед офицерами и генералами Сибирского военного округа в декабре 1996 г.

Итак, вернемся в 1896 год, когда в деревне Стрелковка Калужской губернии родился будущий Маршал. Отец Георгия Константиновича — деревенский сапожник, мать-полубатрачка. До революции таких называли «чумазыми», после неё происхождение из крестьян-бедняков считалось элитарным. Теперь вот снова пошла мода отыскивать в своих родословных дворянские или купеческие корни. Жуков был слишком крупной фигурой, чтобы заниматься сословной мимикрией. Выбившийся до революции в так называемые мелкобуржуазные слои, он и после неё не терпел бедности. Но личное благополучие никогда не играло существенной роли в планах Георгия Константиновича. И когда в своей книге «Воспоминания и размышления» он написал: «Революция дала мне возможность прожить жизнь яркую, очень интересную, полную сильных переживаний и больших дел», он сказал большую правду от имени целого созвездия уникальных россиян. Октябрь пробудил творческие начала в российском «чернозёме», на дрожжах революции люди, подобные Жукову, стремительно поднялись «из грязи в князи». Многих жестокая рука Сталина возвратила в грязь лагерей, иным удалось из них выкарабкаться, и, не помня обид, они продолжали верой и правдой служить своему народу. Рокоссовский, Туполев, Королев, Чижевский (называю лишь тех, кто прошёл через репрессии) — какие драматически величественные имена!

Жуков не сидел в лагере, но полной мерой испил горькую чашу времени. Он долгие годы ходил по острию бериевской бритвы, был не однажды объектом доносов. Маршал не проиграл ни одного сражения на войне и был неизменно в проигрыше в мирное время. Жуков спас страну трижды: во время войны; после смерти Сталина, когда над вакантным тронем вождя нависла тень Берии; и третий раз, когда стране угрожало возвращение к сталинским методам года руководства со стороны группы Молотова, Маленкова, Кагановича. Награда была неизменной: услугами Жукова пользовались, а затем старались убрать Маршала куда-нибудь подальше с глаз. Слишком крут и независим!

Как же складывался такой характер?

Фотографии донесли до нас облик молодого Жукова в пору его работы в скорняжной мастерской, а затем унтер-офицера на первой мировой войне. На нас смотрит решительный молодой человек в штатском и лихо надетой военной фуражке. Подбородок ещё не обрёл позднюю жуковскую массивность, но уже свидетельствует о мужском характере хозяина. Так оно и было.

Приехал однажды Георгий в родную деревню из Москвы навестить родителей. Отправился с другом на танцевальную вечеринку. Пригласил танцевать девушку. К нему подошёл парень, вытащил наган (парень работал

почтальоном, возил ценности и имел право на ношение оружия), пригрозил Георгию:

— Ещё раз пригласишь её, смотри!..

Жуков хладнокровно вырвал наган из рук парня, забросил его в крапиву и снова пошёл танцевать с девушкой.

Подростком во время пожара вбежал в горящую избу, вынес из неё малых детей и старуху. Но мужество соседствовало в Жукове с трезвостью, нравственная чистота — с высокой расчётливостью. Вот эпизод 1915 года. Призванный в армию молодой солдат был направлен в учебную команду для подготовки к унтер-офицерскому званию. Старший унтер-офицер команды, славившийся крутым нравом и тяжёлой рукой (одним ударом валил самых крепких новобранцев), невзлюбил Жукова, постоянно придирался к нему, отправлял в наряд. Но поднять руку остерегался. Жуков терпеливо сносил все издевательства, ни разу не вспылал, старался ещё исправнее выполнять службу.

«Однажды унтер-офицер позвал меня к себе в палатку, — вспоминал Маршал, — и сказал: — Я вижу, ты, парень, с характером, и тебе легко даётся военное дело. Но ты москвич, рабочий, зачем тебе каждый день потеть на занятиях? Ты будешь моим штатным переписчиком, будешь вести листы нарядов, отчётность по занятиям и выполнять другие поручения.

— Я пошёл в учебную команду не за тем, чтобы быть порученцем по всяким делам, а для того, чтобы досконально изучить военное дело и стать унтер-офицером, — был ответ «нижнего чина».

В этом эпизоде суть характера Жукова. С молодых лет он интуитивно почувствовал свою жизненную линию и шёл по ней, не сворачивая ни влево, ни вправо — никогда не теряя чести, с одной стороны, а с другой, — не впадая в амбициозность, сохраняя чёткое понимание сверхзадачи.

Он не получил систематического военного и другого образования, формально окончил лишь три класса церковно-приходской школы. Но его огромная целеустремлённость позволила ему подняться на вершины культуры. Американский военный историк Солсбери, назвавший Жукова «полководцем полководцев», заметил, что советский Маршал изучил военное искусство от Цезаря до Клаузевица как никто в мире.

Дочь полководца Элла вспоминает: «В семейной библиотеке было больше 20 тыс. томов. Была представлена, прежде всего, военная литература. Как сейчас помню три тома Клаузевица «О войне», примечательные тем, что они испещрены подчёркиваниями и пометками отца... Отец читал Шлиффена,

Фоша, Фуллера и Лид-дель-Гарта, он штудировал и отечественных теоретиков военного искусства».

По настоянию Жукова, в бытность его министром обороны в 1950-е годы, были переведены на русский язык и изданы многие мемуары западных генералов, также в распоряжение специалистов поступил шеститомник Уинстона Черчилля «Вторая мировая война».

Но, конечно, Жуков не стал бы Жуковым, если бы его интересы сводились исключительно к военным делам!

— Читайте и учите Пушкина, пьесы Островского! — говорил он дочерям. — Это сама жизнь. Толстого, Тургенева, Чехова. Русской литературе нет равной в мире.

Не раз перечитывал Маршал «Тихий Дон», восхищаясь мастерством Шолохова.

В сорок третьем после Сталинградского сражения захотел выучиться игре на баяне. И выучился через год, урывками между сражениями наигрывал «Коробейники», «Славное море, священный Байкал», «Тёмную почву», «Соловьи». В 1945 году аккомпанировал Л. Руслановой, которую очень любил.

— Для маршала совсем неплохо, — так оценила его игру Русланова.

Нельзя сказать, что при жизни его недооценили. Орденский иконостас на парадном мундире Маршала был самым великолепным. Народ и армия его любили, враги боялись, иные соратники завидовали, вожди терпели рядом только по великой нужде. Его ледокольная воля наложила неизгладимый отпечаток на всю эпоху второй мировой войны.

«Оценивая полководческие качества Жукова, — пишет генерал-лейтенант Н. Г. Павленко, — надо сказать, что он наделён был ими весьма щедро. Причём его железная воля и могучий ум находились в оптимальных пропорциях, что заметно выделяло его из числа других полководцев.

Опыт многочисленных войн показал, что пробелы в интеллектуальных и организаторских способностях полководцев, недостатки в их знаниях можно было ещё как-то компенсировать. Что касается волевых качеств, то их нельзя было восполнить ничем и никем. Железная воля Г. К. Жукова не была скрыта в глубинах его характера. Она находила выражение в его суровом взгляде, в выступавшем вперёд подбородке, в категоричности суждений, в краткости и сжатости формулировок, в металлическом голосе».

К этому набросанному генералом Павленко портрету Маршала можно добавить ещё одну характерную внешнюю черту — высокую верхнюю часть

черепной коробки Жукова. Такого великолепно сформированного черепа не было ни у одного из военачальников второй мировой войны. Недаром битый Жуковым Кейтель с ненавистью изучал лицо Маршала во время подписания акта о безоговорочной капитуляции. А союзник, американский генерал Паттон, встретившись с Жуковым, предпочёл не увидеть его высокого лба, а отметил лишь «доисторическую нижнюю челюсть, как у обезьяны». Понять Паттона нетрудно — сказался комплекс союзнической неполноценности, ведь если бы не наступление войск Жукова в 1945 году, истекающий кровью фашистский зверь мог бы устроить западным союзным войскам второй Дюнкерк. Именно так развивались события в Арденнах. Об этом «объективные» военные историки Запада не любят вспоминать.

Работавшие с Маршалом люди отмечали его выдающуюся интуицию, позволявшую предвидеть многие планы противника, а также неожиданность, порой парадоксальность его оперативных и стратегических решений. И первое, и второе качества базировались на огромной работоспособности Жукова.

Мне рассказывал о нём человек, учившийся вместе с Георгием Константиновичем на высших курсах в Москве. Чем отличался будущий Маршал уже в ту пору? Прежде всего, усердием. Курсанты могли организовать вечеринку, пойти в театр, к знакомым. Всё время Жукова было отдано учебе. Вечером в пустом классе его можно было увидеть над картой или у ящика с песком.

О днях военной страды рассказывает генерал Л. Ф. Минюк: «Будни маршала Жукова — это работа и работа. Даже в затишье на фронте, когда, казалось бы, следовало дать отдых организму и унять нервное перенапряжение, он не щадил себя, будто и впрямь был высечен из какой-то кремневой породы. Бывало, уже глубокая ночь, пора бы маршалу отдохнуть, а он стоит у огромной карты всего театра войны. Стоит и час, и другой в глубокой задумчивости».

Он был человеком прямым, открытым и бескомпромиссным. Время, в которое он жил, такие черты не поощряло, мало кто сумел пронести их через всю жизнь. А он пронёс. Вот строки из его интервью писателю К. Симонову: «Кто знает, как вышло бы, если бы я (до революции) оказался не солдатом, а офицером, если бы кончил школу прапорщиков, отличился в боях (а в боях он отличился, имел два георгиевских креста. — Ю. К.), получил другие чины... Может быть, доживал где-нибудь свой век в эмиграции?». Это сказано и напечатано не в 1993 году, а в те времена, когда принято было писать: «Революцию встретил с радостью, колебаний не имел».

Когда официальная пропаганда писала о немецко-фашистских офицерах и солдатах как о бандах трусливых хищников, Жуков говорил: «У нас их изоб-

ражают карикатурно, принижают. А это неверно. И с какой стати так делается? Против кого мы воевали? Мы воевали против сильнейшей армии в мире. Таких солдат и офицеров не было. Они воевали до последнего».

Как никто другой, Маршал противостоял отечественному репрессивному аппарату, подобного которому тоже не бывало в мире. Летом 1945 года в группу войск, которой командовал Жуков в Германии, прибыл заместитель Берии Абакумов.

«Когда стало известно, — пишет Жуков, — что Абакумов производит аресты генералов и офицеров, я приказал немедленно вызвать его. Задал два вопроса: почему по прибытии не изволил представиться мне как Главнокомандующему и почему без моего ведома арестовывает моих подчиненных? Ответы его были, на мой взгляд, невразумительны. Приказал ему: всех арестованных освободить. Самому убыть, откуда прибыл. В случае невыполнения приказа отправлю в Москву под конвоем.

Абакумов убыл восвояси».

Через год чекисты нагрянули уже к самому Жукову на его московскую дачу. «Собирался лечь отдыхать, — вспоминает Маршал, — услышал звонок и шум. Вошли трое молодцов. Старший из них представился и сказал, что им приказано произвести обыск. Кем, было ясно. Ордера на обыск они не имели. Пришлось наглцов выгнать, пригрозить, что применю оружие...»

Но приходили и с ордерами. И трижды (в ту пору) Герой Советского Союза, сжимая кулаки, глядел, как роются в его белье и в бумагах...

В ряду мемуарной литературы, а мемуары написали почти все маршалы и многие генералы, книга Жукова «Воспоминания и размышления» выделяется не только первоклассным анализом итогов и уроков войны, но и справедливой оценкой своих и чужих успехов и просчётов. В этом её отличие от многих генеральских сочинений, где самореклама авторов нередко основана на недооценке или даже уничижении соратников. Тем более важна оценка Жуковым личности Сталина. У Маршала не было личных причин обелять Генералиссимуса. Многие несправедливые упрёки, понижения в должности без причин, неоднократные угрозы ареста, наконец, реестр допущенных военных просчётов и ошибок, — всё это давало Маршалу достаточные основания свести с диктатором счёты на страницах своих «Воспоминаний и размышлений», что до сих пор делают мелкие люди безо всяких оснований и без особых размышлений.

Жуков на это не пошёл. Как не пошёл на то, чтобы вставить в свою книгу слово похвалы бригадному комиссару Леониду Брежневу, в эпоху правления

которого печатались «Воспоминания и размышления». «Я не знал такого генерала», — отрезал Маршал подхалимам. Впрочем, те упрямились сами: они без ведома Жукова вставили в книгу сюжет о том, как полководец ездил на Малую Землю «советоваться» с комиссаром Л. И. Брежневым.

Что же касается личности И. В. Сталина, то вот несколько выдержек из книги «Воспоминания и размышления»: «Сталин внёс большой личный вклад в дело завоевания победы над фашистской Германией и её союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик...

Невысокого роста и непримечательный с виду, И. В. Сталин во время беседы производил сильное впечатление. Лишённый позёрства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность чётко формулировать свою мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память заставляли во время беседы с ним даже искушённых и значительных людей внутренне собраться и быть начеку...

Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку...

Трудно сказать, какая черта у него преобладала. Человек разносторонний и талантливый, И. В. Сталин не был ровным. Обычно спокойный и рассудительный — временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, взгляд становился тяжёлым, жёстким. Не много я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отшарировать удар».

Среди таких немногих был Жуков. Известна его крутая реакция на вспышку сталинской ярости, когда Георгий Константинович предложил в стратегических целях отдать немцам Киев. Тогда эмоциональная схватка двух исполинов закончилась вничью: Сталин не принял в расчёт мнение своего начальника Генерального штаба, понизил его в должности и отправил командующим Резервным фронтом под Ельню. А Жуков выиграл сражение под этим городом и доказал, что был прав. Были и другие стычки, одни из них заканчивались тем, что принимались решения Жукова, в других конфликтах навязывал мнение Сталин. На этом основании иные военные историки пытаются создать Маршалу имидж военной тени Сталина. Гвардии полковник запаса, доктор наук, профессор А. Мерцалов пишет в журнале «Родина» (№ 6, 7 за 1991 год): «Некоторых приводит в восторг то обстоятельство, что Жукову не удалось “пройти академий”. Нужно ли доказывать, однако, что

одних природных данных не доставало для того, чтобы руководить военными действиями, да ещё при полуграмотном Верховном? Не только Сталину, но и Жукову были свойственны порочный стиль “любой ценой”, грубость и самодурство».

В этом же номере журнала рядом со статьей А. Мерцалова опубликовано тщедушное (другого слова не подберёшь) стихотворение Иосифа Бродского «На смерть Жукова», аккомпанирующее военному профессору:

*Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую! что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
Белой кровати? полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними? «Я воевал».*

Литературные достоинства этих стихотворных фантазий на тему Жукова судить не стану, так же, как мне неизвестно, какими военными заслугами подкреплено учёное звание профессора А. Мерцалова. Но историческое невежество военного историка и поэта налицо. А ещё инфантильный цинизм И. Бродского, которому, видимо, и в голову не пришло, что звание Нобелевского лауреата не даёт права на ношение ключей от рая... куда Бродский не пустил Жукова.

Статистика наших военных потерь, на которую обратил внимание известный литературовед и историк Вадим Кожин, свидетельствует: в «жуковском» контрнаступлении под Москвой погибло 139 586 человек — 13,6% от числа наступавших (1 021 700 человек). Провалившаяся в том же 1941 году Керченская десантная операция под командованием генерала Козлова дала потери. А вот статистика конца войны. В будапештской наступательной операции, которую проводил один из лучших советских военачальников маршал Ф. И. Толбухин, было задействовано 712 500 человек. Из них погибло 80 026, т. е. 11,1% участников. В Берлинской операции, которой руководил Г. К. Жуков, участвовало 1 906 200 солдат и офицеров. Число погибших составило 78 291 человек, т. е. 4,1%.

Профессия полководца обязывает проливать на войне солдатскую кровь, а не воду, и документы подтверждают: Жуков делал это очень бережно. Сказанное не умаляет заслуг других полководцев, но лишь подчёркивает, что он был лучшим из лучших.

Остаётся ответить на вопрос, почему Жуков терпел самодурство Сталина. Во-первых, терпел далеко не всегда, часто возражал и добивался своего. Во-вторых, если и терпел и вынужден был порой соглашаться с некомпетентными решениями Верховного, то по той же причине, по какой молодой солдат Георгий Жуков не обращал внимания на выходки унтера, овладевая военным делом. Перечить диктатору слишком часто — означало выбыть из игры, чего Жуков себе позволить не мог, понимая свою роль в судьбах родины и мира. Это было его понимание долга и ответственности перед историей, о чём сегодня любят порассуждать задним числом люди, к большой истории не имеющие никакого отношения.

Читатель вправе спросить, для чего в статье, посвящённой Маршалу Жукову, понадобилось так много места отводить личности Сталина? Ответу: не только из стремления восстановить историческое равновесие в его, так сказать, теоретическом аспекте. Вопрос этот горячий, живой, имеющий прямое отношение к самым насущным нашим нуждам.

Унижая Сталина, мы унижаем самих себя, тогда как сегодня нам нужно не самоуничижение, но самоосознание. Все сильные и слабые стороны личности Сталина — это проявленные в увеличенном формате качества слишком многих из нас. Ибо нам свойственны не только терпение, умение сконцентрироваться в решительную минуту, аскетизм, развитая интуиция, — всё то, чем в высокой степени владел покойный диктатор, но и беспощадность к прошлому и настоящему, бесчеловечная расточительность, тяга к спиртному... Увы, Сталин очень типичен для среднестатистической массы россиян, как бы мы от него ни открещивались. Жуков же воплотил лучшие черты нашего национального характера.

Его рыцарская щепетильность проявлялась даже в мелочах. В победные майские дни 1945 года проходили два банкета. Один во Франкфурте давал Эйзенхауэр, другой в Берлине — Жуков. По словам английского историка Д. Ирвинга, американский командующий распорядился подавать «лучшие коньяки и ликеры, захваченные в складах вермахта». Жуков приказал выставить на столы продукты и напитки только отечественного производства — нельзя осквернять великое торжество трофеями, взятыми у врага.

Встал вопрос, чем кормить немецкую делегацию, мрачно сидевшую в отведенном ей соседнем помещении. Жуков помолчал и решительно сказал:

— Не будем мелочиться: кормите их всем, что приготовлено для банкета. И обязательно подайте на тарелках с вензелями имперской канцелярии. Да-

вайте без ограничений и напитки. Пусть запивают своё поражение. Только, я думаю, это им впрок не пойдёт.

Вспоминает маршал Василевский: «В самые трудные, даже критические, моменты я никогда не видел Жукова растерянным или подавленным. Напротив, в такие часы он был, как никогда, деятелен, сосредоточен и целеустремлен».

Так было до войны, во время и после неё.

Когда в 1957 году возникла угроза захвата власти группой Молотова, Маленкова и Кагановича, Хрущёв обратился за помощью к Жукову. Тот послал военные самолёты за членами ЦК. На собравшемся 22 июня Пленуме с докладом выступил Маршал. Своим чеканным, металлическим голосом он бросал заговорщикам тяжёлые обвинения об их участии в репрессиях сталинских времен. Если бы докладывал кто другой, например, Хрущёв, могла последовать ответная атака: «А сам-то...» И как её отразить? Жукова оппозиционеры тоже пытались одернуть: дескать, время было такое, и если порыться и в архивах, то можно найти «некоторые документы», где стоит подпись Жукова. Маршал немедленно возразил:

— Нет, не найдёте. Ройтесь! Моей подписи там не найдёте.

И не нашли до сих пор. Ни одной.

Выразительны эпизоды, связанные с арестом Берии. Принять участие и возглавить эту операцию предложил Жукову в 1953 году его тогдашний начальник, министр обороны Булганин. Маршала предупредили: Берия — человек физически сильный, владеет приёмами восточных единоборств.

— Ничего, справлюсь, нам силы тоже не занимать, — ответил Жуков. Во время заседания Президиума ЦК КПСС Жуков подошёл к Берии и командовал:

— Встать! Вы арестованы.

Берия медлил. Тогда Жуков схватил его, заломил руки, приподнял, встряхнул и тут же провёл ладонью по бедрам — нет ли пистолета. Оружия при Берии не оказалось.

«Злость на Берию у меня была беспредельна, — вспоминает сам Жуков, — глядя в его испуганные глаза, я сказал:

— Сволочь, доигрался! Ты хотел посадить всю страну, теперь ответишь за все!».

Чтобы при выезде из Кремля не возник инцидент с чекистами, которые могли вступить за своего начальника, Жуков посадил в свою машину из-

вестных военачальников — Москаленко, Батицкого и Серова, которых охрана знала в лицо. Берию с кляпом во рту положили на пол между сиденьями под ноги генералам, да так и вывезли из Кремля. 57-летний Жуков не забыл приёмов, с помощью которых ещё в первую мировую брал разведчиком «языков».

Когда много позже кто-то из журналистов спросил у Жукова о дальнейшей судьбе Берии, Маршал сухо ответил :

— Я его арестовал, а судил Конев. Пусть и расскажет.

Ответил по-жуковски — ни слова домыслов, ни тени пересудов.

Примечательную историю рассказывает журналист Трояновский. Во время войны приехал он однажды в штаб Жукова с корректурой статьи, которую должен был завизировать полководец. Пришлось долго ждать приёма, адъютант пропускал других посетителей, преимущественно генералов. Наконец, настала очередь Трояновского. Жуков быстро прочел статью, поставил подпись, затем обратился к корреспонденту:

— Почему не вошли сразу, у вас же срочное дело?

— Ваш адъютант не пускал.

Жуков резко отчитал Трояновского. Смысл выговора сводился к тому, что солдаты ждут номер газеты, что дело корреспондента архиважное, и он должен был любыми путями пробиться к командующему и выполнить поручение редакции. В заключение Жуков сказал:

— Передайте бригадному комиссару Ортенбергу (редактору «Красной Звезды»), чтобы больше он вас ко мне не присылал. Вы не умеете работать.

Обо всем этом Трояновский много лет спустя рассказал не с обидой, но с восхищением профессионала перед великим профессионалом.

Возникает вопрос, уж не рисую ли я икону Маршала? Ведь были же у него недостатки? Отвечаю: на фоне современной ему человеческой панорамы, а, пожалуй, и теперь — это действительно облик иконописный. Русланова при жизни Жукова назвала его Георгием Победоносцем. И чем дальше в историю уходит фигура Жукова, тем более проступает над прекрасной головой Маршала ореол святости.

Кого называют святым человеком? Того, кто отдал всего себя без остатка самой великой цели. Мы привыкли связывать святость лишь с религиозным служением Всевышнему. Но XX век раздвинул наши понятия о святости и дал примеры подвижников в разных областях жизни. Александр Чижевский в науке, Антуан де Сент-Экзюпери в летном деле, в литературе и филосо-

фии, Альберт Швейцер в медицине и философии — все они подвижнически служили Богу как Истине, Добру и Красоте. Георгий Жуков служил той же Высшей Цели в эпоху Небесного и земного Армагеддона как святой воин. Это чувствовали тонкие люди.

Анна Миркина, редактор книги Жукова «Воспоминания и размышления», вспоминает, что когда у постели уже глубоко больного полководца собрались врачи на консилиум, находившийся среди них француз-профессор встал перед Маршалом на колени, преклонил голову и сказал: «Я кланяюсь человеку, который спас мир от фашизма».

Воин духа — монах, как правило, бывает строг к себе и мягок к людям. Жуков действовал в жестоком мире, не мог не считаться с его законами и поэтому к людям относился, как правило, жёстко. Но жестоким и мстительным никогда не был. Самые суровые решения его освящены чистотой помыслов и благородством поступков. Это равняет его с русскими старцами. Он высоко поднялся над своей эпохой, где бурлило слишком много низости. Эпоха больно ранила Жукова, но запятнать его не сумела ни в чём. Потому мы имеем полное право назвать его святым человеком. Таким же примером для подражания, как Александр Невский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский.

Был ли Жуков религиозен в церковном смысле? Прямых свидетельств на эту тему нет, но есть некоторые косвенные, например, что под обшивкой легковой автомашины Маршал возил икону Казанской Божьей Матери. Утверждают, что все свои сражения полководец начинал словами «С Богом!» и что он носил крест. Наверное, подобных данных недостаточно, чтобы объявить Жукова человеком «воцерковлённым», гораздо больше сведений на этот счёт относительно маршалов Шапошникова и Василевского. Но внутренняя религиозность великого полководца у меня не вызывает сомнений. В связи с вопросом о религиозности Жукова уместно рассмотреть проблему взаимодействия Высших Сил с Советской властью и коммунистическим режимом.

Известно, что во время войны многие препоны для церкви были убраны, и её активность необычайно возросла. Богослужения проходили даже в действующей армии. Это происходило спонтанно и понятно не было директивной ни Сталина, ни Жукова. Что же происходило в стране на духовном фронте?

Церковная литература свидетельствует, что когда гитлеровская Германия начала агрессию против Советского Союза и весь православный мир молился за спасение России и мира, митрополит Ливанской православной церкви Илия

укрылся в подземной церкви и там три дня молился перед иконой Божьей Матери о спасении России. Ему было видение Богородицы. Она сказала, что Россия будет спасена, если российский правитель Сталин выполнит следующие условия: 1) разрешит, где только можно, работу храмов и монастырей, а также духовных академий и семинарий; 2) будут совершены богослужения перед чудотворными иконами в действующей армии; 3) не будут сданы города Москва, Ленинград и Сталинград; 4) определение Высших Сил будет доведено до сведения советского народа.

Информация о видении ливанскому митрополиту была сообщена по посольским каналам Сталину. Советскому лидеру не оставалось ничего другого, как принять определение Божественных Сил, тем более что он в своё время учился в духовном учебном заведении и каким бы атеистом себя ни считал, наверное, чувствовал, как всякий крупный человек, что с Богом шутки плохи.

Во время войны, как известно, по распоряжению властей было открыто много храмов, монастырей, духовных учебных заведений. Икона Божьей Матери по распоряжению Сталина была помещена в самолёт и совершила облет неба Москвы. В осаждённом Ленинграде непрерывно шла Божественная Литургия, чудотворная икона Казанской Божьей Матери побывала в Ленинграде, Сталинграде, под Кенигсбергом. Формально было выполнено и последнее условие Высших Сил: митрополита Илию после войны пригласили в Москву, наградили Сталинской премией 1-й степени, от которой священник отказался и ещё внёс 200 тыс. долларов на восстановление разрушенного войной хозяйства страны. Сталин предложил самому митрополиту сообщить факты, связанные с Определением Богородицы, что тот и сделал перед собранием духовенства и верующих. Таким образом, православная церковь давно знала, с чьей помощью победил Советский Союз.

Всё это очень серьёзные вопросы, требующие научного осмысления. Большая наука всегда, а в наше время особенно, погружаясь в глубины материи, неизменно натывается на присутствие каких-то парадоксальных разумных сил, действующих за гранью элементарных частиц, но управляющих самыми грандиозными скоплениями материи. И человеческим обществом тоже. Как же понять парадокс помощи Бога безбожникам?

Но разве не Библия дала нам притчу о блудном сыне, прощённом Отцом? Разве не Богородица назвала Россию своим домом? Если мы считаем Бога высшей Справедливостью, мог ли он не помочь народу, который с невиданным

упорством, самоотверженностью и мужеством защищал свой дом? Между прочим, когда началась русско-японская война 1904 года, во всех храмах Российской Империи шли службы в честь русского оружия, тогда сам царь Николай II молился вновь причисленному к лику святых Серафиму Саровскому, чтобы тот помог русским воинам. Высшая Помощь не состоялась. По этому поводу левая пресса начала века иронизировала: царь пыгается победить японцев молитвами, а они бьют русскую армию новейшими бризантными снарядами.

Во все века людей волновал вопрос, как достучаться до Бога, как заслужить Его помощь? Много сказано о любви, о милосердии, о смирении, наконец, о справедливости. Но не всегда вспоминают, что Бог — это напряжение, что без предельной концентрации сил человека нет и помощи Высших Сил. Не в том дело, что Бог помогает только сильным, он помогает и слабым, но при максимальных их собственных усилиях. «Царство Божие берётся силою, и всякий стремящийся к усилию восхищает Бога». Все подвижники и Божьи угодники были, прежде всего, великими тружениками.

В величайшем напряжении народа — тайна нашей победы в Великой войне. В катастрофических условиях мы победили немцев лучшим военным искусством, лучшими танками, лучшими самолётами, то есть плодами беспрецедентных в истории усилий народа и его лидеров.

Сегодня ситуация повторяется. И хотя из атеистов мы внезапно чуть ли не все превратились в верующих, хотя повторяем, что Бог назначил России лучезарное будущее, что духовное возрождение нашей страны — залог спасения всего мира, но только на условиях труда, но не попрошайничества. Так называемый Страшный Суд подводит черту, за которой окажутся все, надеющиеся въехать в рай на чужих плечах. «Теплых» «изблую из Уст Своих», — говорит Бог устами апостола Иоанна.

Мы сегодня стали умными и понимаем, что без помощи Бога не было бы нашей Победы в мае 1945 года. Но Победы не было бы и без солдат, офицеров и генералов. Сегодня о них говорят разное. Договариваются даже до того, что напрасно они не сдали страну Гитлеру, что, возможно, в этом случае более высокая немецкая цивилизация обеспечила бы нам рыночное процветание и товарное изобилие. Подобные мысли мы уже слышали из уст одного литературного героя — Смердякова в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Он рассуждал примерно в той же тональности: проиграй Россия Наполеону, она присоединилась бы к семье цивилизованных государств.

Есть и другие «философы», которые упрекают нас за то, что мы воевали за ложные коммунистические идеи.

Я понимаю горькие чувства сегодняшних ветеранов, которым приходится выслушивать подобные речи и полностью присоединяюсь к ним. Но можно понять и великого полководца, не раз вкушавшего чёрный хлеб неблагодарности. Где находил он силы, чтобы сохранить достоинство и веру? В самом себе. Среди жестоких политических вождей и угодливых хамелеонов он сохранял высоту коммунистических идей, прежде всего, линией собственной жизни. Он был из той когорты коммунистов, к которой принадлежали Шолохов, Королев, Шукшин и тысячи других известных и неизвестных благородных россиян, чьей духовной силой держалось могущество коммунистической идеологии.

Как известно, коммунистические идеи изобретены не Марксом и не Лениным. Преданными коммунистами, то есть общинниками, жившими на общее благо, были Будда, Пифагор, Христос, Франциск Ассизский, Сергей Радонежский. Самый великий из названных выразил своё отношение к идеалам рыночной экономики весьма недвусмысленным образом: он свил кнут и выгнал этим кнутом всех торгашей из храма. Как видите, и Спаситель мира порой прибегал к очень недемократическим приёмам. Беда наша не в самом торгашестве, куда от него денешься, а в том, что мы поселили рынок в наши души и даже Бога призываем в соучастники рыночного «преображения».

Коммунистические идеи, за которые сражался Георгий Жуков, непременно вернуться в поле зрения россиян, когда пройдёт наше «демократическое» помрачение. Вернутся, конечно, не в прежнем виде, не в лицемерной форме, когда столпы общества клялись в верности Марксу, Ленину, а сами терлись у западной кормушки. Нет, общество будущего будет постоянно приближаться к идеалам Будды, Христа, Сергея Радонежского.

Что же касается насильственного коммунизма, то, отвергнув его, мы должны сохранить уважение к советской истории, как и к истории вообще.

Разве христианство во всём мире внедрялось ненасильственным путем? Разве инквизиция, религиозные войны, крестовые походы не оставили за собой горы трупов? А кто развязал первую мировую войну? Даже рыночная экономика и права человека произросли на костях буржуазной революции.

Насилие ужасно и отвратительно, но оно неизбежный спутник низших ступеней нашего сознания. Проклясть его бесполезно, отшатнуться от него недостаточно, им нужно переболеть, его нужно перетерпеть и пережечь. Так что большевистская прививка России и миру была неизбежна и даже необ-

ходима. Но не приведи Господь повторить её на демократической основе. Фразу Маркса о том, что история повторяется дважды, сначала как трагедия, потом как фарс, можно понять и в том смысле, что за одной трагедией может последовать другая. Бесплодная. В этом — фарс.

После недавних событий 1993 года многие люди патриотических убеждений активисты патриотического движения впали в разочарование. Дескать, что за народ, который безмолвствовал во время штурма Белого дома!.. Но чему удивляться? Русские во все века безмолвствовали и долго запрягали. Но в нужную минуту ездил быстро. А вот лидерам русским часто не хватает терпения. Между тем длительная собранность и терпеливый труд много важнее, чем кратковременный героический блеск смерти на войне или баррикаде.

Жуков все свои 77 лет нёс разнообразную и очень тяжёлую пошу. Но не посетовал на это ни разу. Наоборот, только трудную жизнь он считал достойной человека. Цитирую строки из письма дочери Маше: «Пусть тебя не угнетает тяжёлая жизнь. Тяжёлая жизнь — лучшая школа жизни. Тот, кто перенесёт тяжёлую жизнь, тот будет хозяином жизни, а не её рабом». Прекрасный завет тем, кто сегодня растерялся, паникует, кто считает, что битва за Россию проиграна. Она только начинается.

Может возникнуть также вопрос, зачем тревожить военные тени, не лучше ли обратить взор к образу ещё одного мирного подвижника? Действительно, кровавые лапы войны одряхтели. Ими уже никому и ничего не докажешь. Почему же человек, апофеозом которого была самая большая в истории человечества война, стал предметом нашего пристального внимания? Именно потому, что война не ушла из нашей жизни, но переменила формы. Оттого, что на полях России не стучат копыта боевых коней и не гремят гусеницы танков, легче не стало. Мы открыли врагу границы наших душ. Идёт массовая охота на человеческие души, в том числе с помощью различных эмоциональных капканов и духовных ловушек. А безбрежные заросли жизни нашей куда как удобны для такой охоты.

По телевидению, в газетах нередки проповеди о вселенских катастрофах и адских муках, ожидающих нас. Кого пугать?! Народ страны, который этих мук натерпелся столько и таких, что ни одно пророчество не вместит.

Религиозное оцепенение в предчувствии «конца света» презренно, покаяние, не сопровождающееся энергией действия, абсолютно бесперспективно. Давно пора усвоить этот урок. Молитвой Маршала Жукова была его тщатель-

ная ратная работа, а покаянием — анализ допущенных в работе ошибок.

В молитве нам могут быть даны огромные силы, но если человек проквасит их в бездействии, лучше бы ему не прибегать к помощи Бога. Древний мудрец, человек в высшей степени религиозный, сказал: «Если есть безоружные, хорошо вооруженные их побивают. Не дело Бога сражаться вместо тех, кто не хочет драться. Закон таков, что на войне спасает храбрость, а не молитва. Чтобы получить урожай, надо не молиться, а возделывать почву, и если пренебрегаешь здоровьем, будешь болеть... Если злые люди стоят у власти, то это из-за трусости их подданных, и обратное было бы несправедливо».

Как свежо звучат мысли древнегреческого мудреца Плотина в наше время, когда нас захлестывают волны духовной обломовщины!

Есть религиозное поверье: герой одним геройским поступком может искупить многие грехи своей жизни, тогда как иной добродетельный человек за минуту низости и подлости будет долго и дорого уплачивать долг Богу. С таким поверьем трудно не согласиться. Неудачи жизни, пьянство, семейный и психический разлад и распад в судьбе таких людей — это и есть то, что мы называем карой Божьей.

Пусть идут своим чередом и политические события. Не будем отчаиваться при любом их повороте. Это не гражданская пассивность, но экономия душевных сил. Они нам очень понадобятся в ближайшие годы. Главные события впереди, нам предстоит выдержать колоссальное напряжение, но не в политической, не в экономической и не в военной сферах. Все чувствуют, что над миром нависла какая-то ещё неведомая опасность, причём чаша испытаний не минует ни одну страну, ни одного человека. Через мощные потрясения предстоит рождение нового мира. Пионером этого мира является наша страна и народы, её населяющие, которые прошли уже часть родовых мук. Но в одном сходятся и Откровение Иоанна (Апокалипсис), и пророчества многих старцев, и древние священные книги Индии, и Освальд Шпенглер, и Эдгар Кэйси, и мнения новейших футурологов: современная цивилизация обречена. Планета должна возродиться на каких-то иных, принципиально отличных началах. И выживут не те, кто приберёт больше денег, больше продуктов или нашёл другую экологическую нишу для тела. Предмет главных наших забот — экология души, чистота и высота духа.

Если мы хотим выдержать экзамен на житие в новой земле — в России, мы должны соединить свои усилия с Россией Небесной, следовать в жизни её великим Обликам. Душа Маршала Жукова принадлежит к их сонму.

Как следовать?

Однажды Жукова спросили, чем была вызвана немилость Сталина к нему после войны. Подумав, Маршал ответил: «Во время Парада Победы подо мной был слишком белый конь».

Как вы помните, Георгий Победоносец топчет дракона копытами белого коня. Поэтому фразу статьи о том, что Жуков не проиграл ни одного сражения на войне и был неизменно в проигрыше в мирное время, хотелось бы уточнить: он не знал поражения никогда. Забытый, униженный, отодвинутый в тень, он оставался лучше, чище, нравственнее других. Белый конь жизни — вот главный символ спасения сегодня. Но лучше сказать: не спасения — ПОБЕДЫ!

1996

Тебе, Победа

*Никуда от пафоса не денусь,
Не могу не написать стихов.
Я люблю тебя за неподдельность
Святости твоей, твоих грехов.*

*Ты вместила на полях и займищах
Наш позор и славу, кровь и дым,
Мужество, какого мир не знал ещё
И свинцовый ливень... по своим.*

*Да, мы помним, мы, конечно, помним
Тот, с известным номером, приказ.
Только он не гневом душу полнит —
Пониманьем наполняет нас.*

*Сорок первый был щемящ и жуток,
Потому суров сорок второй.
Маршалы твои! Георгий Жуков!
А народ! Сказать, что он герой*

*Мало, он в самом аду кипящем
Укреплял и суть свою, и стать.
Был и вождь, жестокий, настоящий,
Времени и родине под стать.*

*Нет вождей и маршалов в России,
И врага густой скрывает дым.
Сердце, только сердце с прежней силой
Верит —
всё равно мы победим.*

Постскриптум

С беседами о нашем великом Маршале я проехал по многим городам России и ближнего зарубежья. Приходилось выступать перед теми, кто встречался с Жуковым, служил с ним. Некоторые поделились со мной личными впечатлениями, кое в чем поправили меня. Рассказом о двух таких встречах дополню свои размышления о Г. К. Жукове.

Дело было в городе Юрга Кемеровской области, куда я был приглашён 9 мая 1995 года по случаю 50-летия Победы. На праздничном вечере было много ветеранов войны в форме, при орденах. Словесная часть встречи, где я выступал, закончилась, люди вышли в фойе клуба.

Высокий морячок, лет семидесяти на вид, в форменке и бескозырке, звеня многочисленными орденами и медалями, лихо отплясал барыню, потом подошёл ко мне. От него слегка пахло вином. Он не скрывал этого. Состоялся такой разговор.

— По случаю праздника принял фронтовые сто граммов. Извините.

— Поздравляю. Желаю здоровья.

— Спасибо. Я вот слушал ваше выступление и понимал вас, пока вы о Боге не заговорили. Тут я перестал понимать. Знаете, я не могу представить, чтобы кто-то сидел на небесах и руководил войсками. Какая ещё небесная сила, какая энергия? Для меня Жуков и есть сила. Жуков — это Бог.

— Теперь я вас не понимаю.

— А вот послушайте. Начало войны застало меня в Ленинграде, на Балтфлоте. Служил я на флагманском крейсере. Командир у нас был замечательный, мы его все уважали, звали батей. Команду на корабле он создал классную, боевые задачи мы выполняли отлично. А главная задача состояла в том, чтобы не подпустить немецкие корабли к Ленинграду. Вооружение наших кораблей позволяло задачу выполнить, потому что дальноточность орудий была выше, чем у немцев. Но очень дожимала немецкая авиация, хотя зенитчики наши работали тоже хорошо. Единственное, что мучило нас — кормёжка. К концу сорок первого кормили совсем плохо.

И вот в это время приехал с инспекцией на флот Жуков. Понятно, что принимал его флагманский крейсер. Собрал нас батя, рапортует Жукову: так и так, команда построена. Маршал рапорт принял, обходит нас и спрашивает: «Как дела, ребята?». А мы возьми и скажи: «Плохо!». Жуков нахмурился, он не привык к таким ответам, спрашивает: «Почему плохо?». Мы объяснили. Он поворачивается к бате: «Почему плохо кормишь?». Тот говорит, мол, мало продуктов доставляют тыловики. Жуков перебивает: «О продуктах без тебя знаю. Почему рыбу не глушишь?». Батя ему: «Есть строгий приказ глубинные бомбы расходовать только по целям». Жуков говорит: «Ну так, я тебе приказываю...». Мы, конечно, обрадовались, кинулись к аппаратам. А в это время команда: «Воздух!». Пришлось бомбы отставить, взялись за зенитные пулемёты. Были у нас крупнокалиберные, счетверённые, открыли огонь, да так удачно, что два бомбардировщика срезали, и они упали в море. Остальные повернули назад. А чтобы с бомбами не возвращаться на аэродромы, немцы сбросили их в воду. Ох, и рыбы всплыло! Целую плюшку насобирали.

Накормили ухой маршала, наелись сами. Жуков взял с собой здоровенную камбалу: «Угощу Говорова», — говорит.

Я поблагодарил собеседника за интересную историю, а потом спросил:

— Но всё-таки вы не сказали, почему Жуков для вас Бог?

— А ты так и не понял? — искренне удивился морячок. — Христос сколькими хлебами и рыбами накормил толпу людей, знаешь? А маршал приехал с пустыми руками и накормил целый флот!

Вторая интересная встреча произошла в Одессе в 1996 году. Здесь я выступал перед собранием одесских офицеров-ветеранов. Одесса — город особый, среди отставников немало видных военачальников. Подозреваю, что они пригласили меня не без тайного умысла — протестировать штатского человека, что он знает о Жукове, с которым многие из них служили. Когда я закончил своё выступление, то с облегчением почувствовал, что экзамен более или менее выдержал, потому что никаких возражений не услышал. Ветераны сразу же про меня забыли и принялись спорить о Жукове.

— Самодур! Мой полк в грязь положил. Выбрал на болоте самое грязное место и командовал — ложись!

— А ты как хотел солдат учить?! Чтобы по асфальту всю службу прошли?

— Меня ни за что в должности понизил!

— Он ни за что никого не наказывал! Спорам положил конец председатель ветеранского Общества отставной генерал-полковник Зайцев.

— С Жуковым ясно, поезд ушёл. Надо было спорить, когда он стоял в Одессе. Доказать, если прав, Жукову всегда можно было. А вам, — генерал повернулся ко мне, — спасибо. Продолжайте действовать.

Я направился к выходу. В коридоре меня догнала немолодая женщина с орденскими колодками на груди.

— Я хотела вам сказать вот о чём: вы говорили, что Жуков не боялся Сталина, спорил с ним. Я служила в штабе Жукова телефонисткой, организовывала связь маршала со Сталиным. Так вот, когда Жуков подходил к телефону, он бледнел.

— Но ведь спорил...

— Никогда не слышала.

— Как он разговаривал со Сталиным?

— Коротко, ни одного лишнего слова, только по делу, отвечая на вопросы. Чувствовалось, что он очень напряжён и собран.

— Что вам больше всего запомнилось из этих телефонных разговоров?

— То, что я вам сейчас сказала. Он ни с кем так не разговаривал, как со Сталиным.

— А что вы сами испытывали в это время?

— Тоже бледнела.

Я поблагодарил мою собеседницу за эти некоторые уточнения.

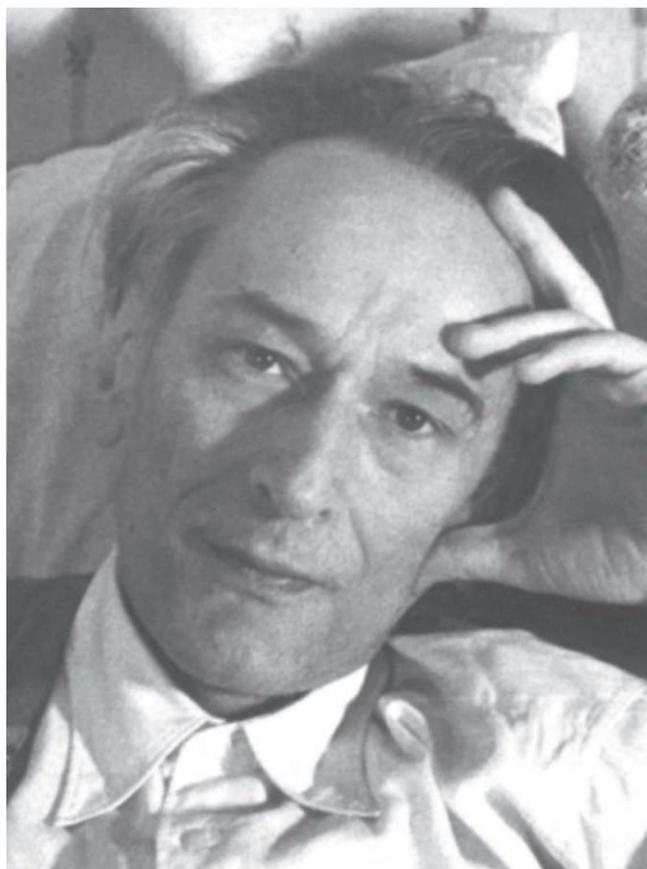
1998

* * *

Спустя пятнадцать лет после написания этой статьи и десять — после её опубликования имя Маршала вновь атаковано «гуманистами» и «телохранителями» человечества. Пишут и говорят о «несоразмерных» жертвах, которыми добыты жуковские победы. Причём особо усердствуют те, кого Георгий Константинович спас от неминуемого физического истребления. Ещё раз подчеркну особую роль великого маршала среди других славных советских военачальников. Да, кровь наших солдат в 1941-м пролилась куда как гуще, чем немецкая. Да, Жуков в первые дни войны затыкал бреши в обороне неисчислимыми солдатскими телами. Но чем ещё можно было держать оборону, когда необходимого вооружения не было? Во второй половине войны немецкие генералы вынуждены были поступать точно таким же образом, только они проиграли своё дело, а Жуков выиграл.

Маршал

*Ему в победах равных нет
Средь всех, кто вынул меч из ножен.
А мне в ряду его побед
Одна не то, чтобы дороже,
Но памятней:
Когда скрестив
Свой взгляд с державным взглядом,
Маршал
Не захотел перенести
Несправедливости монаршей.
Во всех его поступках есть
И прокаленной воли ответ,
И некасаемая честь
Георгия Победоносца.*

Даниил Леонидович
АНДРЕЕВ
(1906 — 1959)

* * *

Библейской повести страницы
пугают нас эпохой гроз.
Но с погребальной плащаницы
спокойно смотрит в мир Христос.

— Я вам Отец
и всей планете,
поправивший смертью смертный прах.
Так почему же стану детям
внушать отчаянье и страх?!

Приходят грозы и уходят,
но Вифлеемская звезда
сияет при любой погоде.
Очищу ваши города,

в них уберу ожесточенье,
сады взращу на мерзлоте.
Не ждите от Меня отмщенья
ни вам, ни даже сволоте!

Она сама себя изранит
в борьбе отчаянной со Мной.
Поверьте — скоро солнце встанет
над обездоленной страной.

КОСМОС ДАНИИЛА АНДРЕЕВА (К 100—летию со дня рождения писателя)

Ребёнок двух-трёх лет может часами играть где-нибудь в углу с игрушками, разговаривать с ними и ещё с кем-то, непонятным родителям. Пришедший недавно из мира снов и фантазий, из заоблачных высот, которые церковь называет Тем Светом, теософы — Миром Тонким, прагматики — чепухой, а психиатры — «ложной памятью» или галлюцинациями. Ребёнок не анализирует тот мир, он в нём живёт, не отделяя от этого. С годами, однако, связь двух миров ослабевает, шум повседневной жизни глушит её мелодии, а к зрелому возрасту человек и вовсе научается с улыбкой слушать разговоры об ангелах, ведьмах, лепших, гномах, русалках и прочих персонажах народной фантазии. Им, возможно, есть место в сказках, но никак не в реальной действительности, где нужно пить, есть, зарабатывать деньги, рожать себе подобных и делать многие другие дела, например, ездить на людях, а не на коньках-горбунках и коврах-самолётах. И если кто-то скажет подобному человеку, что некоторые образы, увиденные им во сне, объективны и реальны не менее тех, что встречаются в обычной жизни, наш реалист лишь пожмёт плечами — шутите, батенька.

Не часто, но всё же встречаются люди, умеющие сохранить детское восприятие жизни до старости. К таким людям принадлежал Даниил Леонидович Андреев. Чтобы без долгих предисловий подтвердить вышесказанное, приведу его прелестное стихотворение «Игрушечному медведю, пропавшему при аресте».

*Его любил я и качал,
Я утешал его в печали;
Он был весь белый и урчал,
Когда его на спину клали.*

На коврике он долго днём
 Сидел притворно неподвижен,
 Следя пушинки за окном
 И крыши оснежённых хижин.
 Читался в бусинках испуг
 И лёгкое недоуменье,
 Как если б он очнулся вдруг
 В чужом, неведомом селенье.
 А чуть я выйду — и уж вот
 Он с чуткой хитрецою зверя
 То свежесть через фортку пьёт,
 То выглянет тишком из двери.
 Когда же сетки с двух сторон
 Нас оградят в постельке белой,
 Он, прикорнув ко мне, сквозь сон
 Вдруг тихо вздрогнет тёплым телом
 А я, свернувшись калачом,
 Шепчу, тревожно озабочен:
 — Ну, что ты, Мишенька? О чём?
 Усни. Пора. Спокойной ночи.
 И веру холью я свою,
 Как огонёк под снежной крышей,
 О том, что в будущем раю
 Мы непременно будем с Мишей.

На дворе стояла зима 1951 года. Автору стихов исполнилось сорок пять лет и находился он не в «постельке белой», ограждённой с двух сторон верёвочными сетками, — лежал на нарах, за четырьмя стенами Владимирского централа, где пришлось провести целых десять лет. Стихотворение можно, конечно, принять за обычный, свойственный поэтам полёт светлой фантазии в мрачных условиях заточения, если бы не одно доброе или недоброе обстоятельство: Даниил Андреев обладал редким даже для поэта даром визионерства. Для него полёты творческой фантазии сопровождались вполне конкретными зрительными образами, то есть всё приходящее в голову виделось не менее ярко проходившего перед глазами. Сидевший вместе с ним во Владимирской тюрьме академик В. В. Парин вспоминал впоследствии: «Было такое впечатление, что он не пишет, в смысле «сочиняет», а едва успевает записывать то, что

поток на него льётся». В наше время, когда визионерство и контактёрство стали массовыми явлениями, сами по себе они уже никого не удивляют, однако споры о том, что и как видел Даниил Андреев за гранью видимого, и насколько его видения соответствуют реальным картинам мира невидимого, не утихают даже среди визионеров. Предвидя будущие дискуссии вокруг своего имени, автор «Розы Мира» писал:

*Летящие смены безжалостных сроков
Мелькнули, как радуга спиц в колесе,
И что мне до споров, до праздных упрёков,
Что видел не так я, как видели все.*

В истории русской культуры Даниил Андреев занимает своё особое место, при этом, мне кажется, ещё не оценённое по достоинству. Мало того, что он выдающийся поэт, он ещё глубокий и своеобразный историк, литературовед, мистик, не уступающий по силе и умению заглянуть в тонкоматериальные области бытия такому авторитету в этой области, как, например, Эммануэль Сведенборг. Кстати, Сведенборг в 1734 г. был принят в почётные члены Санкт-Петербургской академии наук. Шлейф мистика не помешал тогдашним русским мужам науки оценить научные заслуги шведского учёного в области математики и астрономии. Даниилу Андрееву же не везёт до сих пор. Исследователи русской литературы XX века весьма редко касаются его имени. Выпал Д. А. и из внимания тех, кто занимается русской религиозно-философской мыслью двадцатого столетия. В работах по изучению наследия отечественных философов-космистов он почти не упоминается. Это выглядит странно в наше время повального увлечения теософией, инопланетянами и жизнью «по ту сторону». Правда, всплеск интереса к книге Д. А. «Роза Мира» после её опубликования в начале 1990-х гг. был, но не долгий. Причина, как мне кажется, в том, что он действительно видел мир уж слишком «не так, как все», при этом его прозрения порой настолько болезненны, что не располагают к длительному знакомству, не дают искомого катарсиса. Он понимал это и, как мог, объяснял читателям: «Я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией. Такие люди не верят, что корни войн и тираний изжиты в человечестве или изживутся в короткий срок...Люди других эпох, вероятно, не поняли бы нас: наша тревога показалась бы им преувеличенной, наше мироощущение — болезненным».

Таким образом, Даниил Андреев сурово трезв в самооценке своих взглядов, хотя мировоззрение целого ряда других русских литераторов XX века, также раненных двумя мировыми войнами и деспотизмом Сталина, не может быть названо болезненным. В чём дело? Почему душевные раны Даниила Андреева оказались столь глубокими?

Стоит подробнее остановиться на некоторых моментах жизненного пути писателя, ибо без них трудно, может быть, даже и совсем невозможно понять, почему он видел мир «не так, как все».

Вехи жизненного пути

Он родился 2 ноября 1906 г. в семье весьма популярного в начале XX в. литератора Леонида Николаевича Андреева. С ранних лет в судьбе мальчика отчётливо проявилось нечто провиденциальное, трагическое и светлое одновременно. Можно начать с того факта, что русский ребёнок родился на чужой земле, в Германии, где в ту пору жили родители, что мать его Александра Михайловна Велигорская, красавица и добрейшее создание, умерла 26 лет от роду сразу после рождения Даниила. Горячо любивший жену и обезумевший от горя Леонид Николаевич, человек крайне впечатлительный и склонный к мрачной меланхолии, возненавидел младенца, видя в нём причину смерти супруги. Что хорошего могло ожидать ребёнка, если бы он остался у отца? Вмешивается Провидение, посылая в Берлин из Москвы сестру Александры Михайловны Елизавету Михайловну, жену известного московского врача Филиппа Александровича Доброва. Она увозит мальчика в Россию, где он сразу попадает в атмосферу любви, почти обожания со стороны людей, со всех точек зрения замечательных. Дом Добровых в Малом Лёвшинском переулке Москвы был широко и хлебосольно распахнут для многих известных людей того времени. В нём бывали Бунин, Шаляпин, Горький, А. Белый, Б. Зайцев, Скрябин, многие артисты Художественного театра. Так что с малых лет Даниил жил не только в атмосфере доброты и ласки, но также в ауре большого русского искусства. «Как хорошо, что я рос у Добровых, а не где-то», — вспоминал впоследствии Даниил Андреев.

И новая трагедия, тяжело ранившая психику мальчика. В возрасте шести лет он заболевает дифтерией. Выхаживает его бабушка Ефросинья Варфоломеевна, души не чаявшая во внучонке. Её хлопотами Даниил выздоравливает, но заражается дифтерией и умирает сама бабушка. Мальчик потрясён, он

пишет покаянное письмо Богу, в котором говорит, что отпускает бусеньку в рай к маме и сам готов отправиться туда же. Его успевают перехватить на мосту реки, в которой ребёнок решил утопиться, страстно желая увидеть дорогих ему покойниц.

Семья Добровых была глубоко православной, здесь, с одной стороны, строго отмечали все церковные установления: праздники, посты, исповеди, но с другой — царило широкое религиозное вольномыслие. И такая семейная атмосфера с ранних лет наложила отпечаток на религиозное мировоззрение Д. А. Меньше всего оно связано с церковной обрядностью, гораздо больше с духовной сутью религии. Религию он вообще считал лишь одним из средств постижения истины наряду с наукой, литературой, искусством.

По соседству с домом Добровых находились храм Христа Спасителя и Кремль. В обеих святынях Даниил бывал часто. В августе 1921 года, в возрасте 14 лет, он получает первый яркий опыт визионерства, когда над московским Кремлём перед его глазами внезапно возник Небесный Кремль. Об этом видении Даниил Андреев позже писал: «...оно открыло передо мной... такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий историческую действительность России в странном единстве с чем-то неизмеримо большим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно напылавшими оттуда в круг сознания».

Видения, с одной стороны рвали его связи с большинством обычных людей, с другой — были некоей охранной грамотой на пути из мира прекрасных снов детства в жестокую действительность. Он уходил в эти сны сознательно, когда безоблачное небо детства и юности затянулось тучами революционных событий. Сначала такие уходы были отрывочными, временными, потом визионерство стало постоянным спутником душевного мира Д. А.

Он не был представителем серебряного века русской поэзии (созрел как поэт позже), но по укладу жизни и воспитанию, а также по тончайшей нервной организации принадлежал к людям типа Владимира Соловьёва, Блока, Белого, Волошина. Хорошо передаёт особенности внутреннего мира Д. А. стихотворение, написанное в 1936 году. Оно о первой детской любви восьмилетнего мальчика к девочке на пять лет старше, принадлежащей уже наполовину к миру взрослых.

*Куда ведёт их путь? В поля?
Змеится ль меж росистых трав он?*

А мне — тарелка киселя
 И возглас фройлен: «Шляфен, ишляфен!»*.
 А попоздней, когда уйдёт
 Мешающая фройлен к чаю,
 В подушку спрячусь, и поймёт
 Лишь мать в раю, как я скучаю.
 Трещит кузнечик на лугу,
 В столовой — голоса и хохот...
 Никто не знает, как могу
 Я тосковать и как мне плохо.
 Всё пламенней, острее в груди
 Вскипает детская гордыня,
 И первый, жгучий плач любви.

В пору написания этих стихов он был уже зрелым человеком. Эпоха фройлен и веры в небесный рай давно канула в прошлое, приходилось голодать, мыкаться без работы, ощущать обострённой интуицией приближение ареста... Но картины детства, ощущение «первого, жгучего плача любви» вставали перед ним «всё пламенней и острее». Живший раньше в куда более комфортных условиях, но похожий на Д.А. по психическому складу Фёдор Тютчев писал о мучительности жизни на грани «двойного бытия». Каково же приходилось Даниилу Андрееву! Да, он нежной кожей тела и души чуял волны хлынувшего Апокалипсиса. И спасался от него не только в своих снах, но ещё и в родной природе.

Мы мальчишки: мы к юному народу
 Принадлежим и кровью и судьбой.
 Бывает час, когда мы не на бой,
 Но для игры зовём к себе природу.

Своеобразная игра с природой была его жизнью. В тридцатые годы он неделями скитался по России босой, с котомкой за плечами, ночуя в стогах сена. И вообще предпочитал ходить босиком, где только можно, даже на асфальте, говоря, что обувные подошвы отрезают от контактов со стихиями. Жена возмущалась: «Ну, земля, это ладно, но что можно почувствовать на грязном

* Спать, спать (нем.).

городском асфальте!». Он отвечал: «На асфальте излучение человеческой массы очень сильное». Что же касается стихий — всех этих гномов, унди, саламандр и прочих природных духов, описанных другими визионерами, то он их видел так же, как бабочек и стрекоз, но видел по-своему, брызжущими жизнью прекрасными живыми существами, являющимися поэту-бродяге.

*Из шумных, шустрых, нёстрых слов
Мне дух щемит и жжёт, как зов,
Одно: бродяга.
В нём — тракты, станции, полынь.
В нём ветер, летняя теплынь.
Костры да фляга.
Следы зверей, следы людей,
Тугие полосы дождей...
Заря на сене, ночь в стогу...*

Остро чувствовал и предупреждал, что всему этому может наступить скорый конец: «Когда наступление машинной цивилизации на природу станет производиться в универсальных масштабах, весь ландшафт земной поверхности превратится в законченную картину антиприроды, в чередовании урбанизированных садов и небоскрёбов. Стихии оторвутся от своей среды... Реки и озёра, луга и поля Земли станут духовно пустыми, мёртвыми, как реки и степи Марса... Эта внутренняя опустошённость и внешняя искалеченная природа ни в ком не сможет вызвать ни эстетических, ни пантеистических чувств, и любовь к природе прежних поколений сделается психологически непонятной». Тревога мрачная, но разве не справедливая?..

На войну его призвали в 1942 году, раньше не брали, поскольку числился негодным к строевой службе. На фронте он подносил снаряды и патроны, служил в похоронной команде, подбирая и закапывая трупы погибших на полях сражений. Читал над ними православные заупокойные молитвы. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В начале 1945 года, будучи отозван в Москву, как художник-оформитель, с головой погружается в написание романа «Странники ночи», начатый ещё в 1930-е годы, — о людях Москвы, живущих в условиях чекистского террора. Понятно, что в атмосфере тогдашней тотальной слежки, тем более что жилище Добровых было «уплотнено» жильцами, вселившимися по ордерам НКВД, писательские занятия Даниила Андреева не могли не привлечь внимания всевидящих органов. В апреле 1947 г. его арестовывают. Через

день приезжают за женой. Обыск продолжается в течение 14 часов, изымают не только рукопись романа «Странники ночи», но и другие рукописи писателя. В некоторых из них Сталин изображался, как одна из промежуточных инкарнаций Антихриста. Материала было более чем достаточно для вынесения самого сурового приговора — 25 лет лишения свободы (смертная казнь в ту пору была ненадолго отменена). Жену на такой же срок отправили в лагерь Мордовской АССР. Чекистский каток пропелся и по остальным членам семьи Добровых, их осудили на разные сроки «за соучастие в подготовке покушения на жизнь товарища Сталина». Естественно, главным организатором «покушения» числился Даниил Андреев. И в данном случае наказание имело основания, ибо писатель действительно «покусился» на живой образ диктатора, объявив его «нежитью», дьявольским фантомом.

По словам очевидцев, Даниил Андреев выслушал приговор с улыбкой, словно предвидя, что продержать его в тюрьме двадцать пять лет властям не удастся. Так оно и вышло. Но в 1954 г. в тюремной камере он пережил обширный инфаркт и освободился в 1957 году полным инвалидом. За два года жизни на свободе завершил главный труд жизни — «Розу Мира» — поэтически-философский трактат о мироустройстве Вселенной и одновременно пророчество о том, что ожидает нашу планету в ближайшие десятилетия.

Это интереснейший, местами гениальный в своих предвидениях трактат, впервые опубликованный в начале девяностых, вызвал в своё время массу откликов. Даниила Андреева сравнивали с Данте, Нострадамусом, некоторые рьяные почитатели объявили его даже автором нового Евангелия. Возникли и до сих пор существуют общества последователей «Розы Мира», рассматривающих книгу, как Откровение XX-XXI веков. Постепенно восторги, как это водится, схлынули. Появились критические отзывы, неодобрительные суждения о фантасмагориях Даниила Андреева высказала церковь. Свою лепту в охлаждение непомерных восторгов по поводу труда покойного мужа внесла также вдова Даниила Андреева Алла Александровна, ставшая после ухода мужа примерной христианкой. Она приезжала в Новосибирск, и я лично слышал, как она одёрнула представительницу городского общества «Роза Мира» за преувеличение роли покойного мужа. Разъяснила, что на роль автора нового Евангелия Даниил Леонидович никогда не претендовал и создавать общества его имени не заповедал. «Он был подлинным христианином, получавшим свои откровения в результате православных молитв», — заключила свою отповедь Алла Александровна.

Совсем недавно ушедшая в возрасте 96 лет, А. А. оставила воспоминания «Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой». Она была истинным другом этого замечательного человека, поэтому её свидетельства о пройденном вместе пути, её размышления о совместной арестантской Голгофе заслуживают того, чтобы осветить их подробнее. Вот как она описывает ход следствия по делу мужа.

«Героев на следствии среди нас не было. Думаю, что хуже всех была я; правда, подписывая “статью 206”, т. е. знакомясь со всеми документами в конце следствия, я не видела разницы в показаниях (моих и других арестантов). Почему на фоне героических партизан, антифашистов, членов Сопротивления так слабы были многие из русских интеллигентов? Об этом не любят рассказывать.

Понятия порядочности и предательства в таких масштабах отпадают. Многие из тех, кто оговаривал на следствии себя и других (а это подчас было одно и то же), заслуживали величайшего уважения в своей остальной жизни.

Основных причин я вижу две. Первая — страх, продолжавшийся не одно десятилетие, который заранее подтачивало волю к сопротивлению, причём именно к сопротивлению “органам”. Большая часть людей, безусловно, достойных имени героев, держались короткое время и в экстремальных условиях... У нас же нормой был именно этот выматывающий душу страх, именно он был нашей повседневной жизнью.

А вторая причина та, что мы никогда не были политическими деятелями. Есть целый комплекс черт характера, который должен быть присущ политическому деятелю — революционеру или контрреволюционеру, это всё равно, у нас его не было.

Мы были духовным противостоянием эпохе, при всей нашей слабости и незащитности. Этим-то противостоянием и были страшны для всевластия тирании. Я думаю, что те, кто пронёс слабые огоньки зажжённых свечей сквозь бурю и непогоду, не всегда даже осознавая это, своё дело сделали.

А у меня было ещё одно. Я не могла забыть, что против меня сидит и допрашивает меня такой же русский, как я. Это использовали, меня много раз обманули и поймали на все провокации, какие только придумали. И всё же, даже теперь, поняв, как недопустимо я была не права тогда, я не могу полностью отрезать “нас” от “них”. Это — разные стороны одной огромной национальной трагедии, и да поможет Господь всем нам, кому дорога Россия, понять и преодолеть этот страшный узел».

Читая эти пронзительные по трагичности и честности самооценки Аллы Андреевой, нельзя их распространить на поведение во время ареста самого Даниила Леонидовича. Разве не проявлением героизма была его слова, начертанные на акте о предании конфискованных рукописей и писем сожжению? «Протестую против уничтожения романа и стихов. Прошу сохранить до моего освобождения. Письма отца (Л. Н. Андреева) прошу передать в Литературный музей». Это был прямой вызов произволу властей, редкий в то время. А когда приблизилось время освобождения и Даниилу Андрееву нужно было лишь промолчать по поводу несправедливой отсидки, он пишет в Комиссию по рассмотрению дел заключённых: «Я никого не собирался убивать (имелось в виду обвинение в подготовке убийства Сталина), в этой части прошу моё дело пересмотреть. Но, пока в Советском Союзе не будет свободы совести, слова и свободы печати, прошу не считать меня полностью советским человеком». Новый вызов властям означал, что при освобождении, до которого ему оставалось досидеть ещё восемь месяцев (Комиссия сократила срок наказания с 25 до 10 лет), судимость не будет снята, а прописка в Москве не разрешена. Скитаясь по чужим квартирам и больницам, перебиваясь на случайные литературные заработки, Даниил Андреев закончил свой земной путь в возрасте 53 лет, оставив обширное литературное наследие, к нынешнему времени, в основном, опубликованное.

Поэт, философ, пророк

Жизненная нагрузка на психику Даниила Андреева, как мы видим, была чрезмерной. Удивляет, как при такой судьбе он не сломился, не озлобился, сохранил светлые мотивы в стихах и надежду на лучшее будущее в прозе. Поражает также итог, который он подвёл своей жизненной одиссее в «Розе Мира»: «Как могу я не преклоняться с благодарностью перед судьбой, приведшей меня на десятилетия в те условия, которые проклинаются почти всеми, их испытавшими, и которые были не вполне легки и для меня, но которые вместе с тем послужили могучим средством к приоткрытию духовных органов моего существа. Именно в тюрьме с её изоляцией от внешнего мира, с её неограниченным досугом, с её полутора тысячью ночей, проведённых мною в бодрствовании, лёжа на койке, среди спящих товарищей — именно в тюрьме для меня начался новый этап...». Как тут не вспомнить похожие на эту исповедь признания некоторых религиозных деятелей Индии, которые, попав в тюрьму, благодарили Шиву за возможность беспрепятственно заниматься йогой.

Содержательное метафизическое и «метакультурное» (термин Д. А.) своеобразие «Розы Мира» сочетается с необычным словарём этой книги, где наряду с уже встречаемыми в гностических источниках именами «Лилит», «Люцифер» или терминами с явно санскритскими корнями, такими, например, как «брамфутары», можно встретить немало ранее никогда не попадавших в эзотерической литературе выражений: «затомис», «уицраор», «жругры» и т. д. К счастью, вдумчивый современный читатель, знакомый с книгами Е. П. Блаватской и Е. И. Рерих, подготовлен сегодня к спокойному восприятию метафизической информации Даниила Андреева. Да, Тонкий мир существует. Да, он наполнен духами разных степеней, от жрецов Атлантиды и древнего Египта до развоплощённых инквизиторов и колдунов. Да, порой контактёры ловят слова исчезнувших языков или терминологию представителей иных цивилизаций. Каким ещё образом объяснить «наваждения» Даниила Андреева? Можно, конечно, принять к сведению и согласиться с мнением церковных авторов, которые расценивают некоторые картины тонкого бытия, увиденные Даниилом Андреевым, как бесовские наваждения, но как понять тех учёных, которые объявляют все явления тонкого мира большим бредом? Тогда и Пушкина, узревшего одновременно «и горний ангелов полёт, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье» можно обвинить в ненормальной психике. Куда ближе к истине Алла Андреева, когда пишет: «Даниил Андреев не только в стихах и поэмах, но и в прозаической “Розе Мира”, — поэт, а не философ. Он поэт в древнем значении этого понятия, где мысль, слово, чувство, музыка... слиты в единое явление. Именно такому явлению древние культуры давали имя — поэт.

Весь строй его творчества, образный, а не логический, всё его отношение к миру, как к становящемуся мифу — поэзия, а не философия.

Возможны ли искажения при передаче человеческим языком образов иноматериальных, понятий незнакомого нам ряда? Я думаю, что не только возможны, но неминуемы. Человеческое сознание не может не вносить привычных понятий, логических выводов, даже простых личных пристрастий и антипатий. Но, мне кажется, читая Андреева, убеждаешься в его стремлении быть, насколько хватает дара, чистым передатчиком увиденного и услышанного.

Никакой «техники», никакой «системы медитаций» у него не было. Единственным духовным упражнением была православная молитва, да ещё молитва «собственными словами».

Во всём права Алла Андреева, только не договаривает, что в видениях мужа присутствуют не только искажения «логические», словесные, но и содержательные. Д. А. очень часто видел то, что любой православный подвижник называет «прелестями», а буддист — «майявическими картинками». Тот и другой стремятся пройти «искажения», как можно быстрее, и выйти в реальные, божественные слои инобытия. Даниил Андреев же по большей части застревал в областях тонкоматериальных. К чести писателя, сам он не настаивал на личной непогрешимости. В «Розе Мира» в главе о возможном приходе к власти на земле Князя Тьмы Д. Андреев пишет: «Многое воспринимаю я при помощи различных родов внутреннего зрения: и глазами фантазии, и зрением художественного творчества, и духовным предощущением. Кое-что вижу и тем зрением, которым предваряется долженствующее быть. Но всё, что я вижу впереди, — для меня желанное; и нередко я *совершаю, может быть, незаметную подмену, принимая желаемое за объективно предназначенное к бытию*» (выделено мною. — Ю. К.).

Такое признание самого автора «Розы Мира» даёт ключ к разгадке многих пассажей его незаурядной книги. Ни «желанные», ни «ненавидимые» картины будущего, увиденные внутренним зрением не могут служить надёжной основой пророчества. Прежде чем православные старцы отваживались на метафизические суждения или на прогнозы, они проходили длительную полосу «трезвения» — полного обуздания сферы эмоций. Кроме того, великие пророки прошлого, как правило, тщательно зашифровывали свои пророчества, одевали их в весьма туманную форму. Таковы Откровение апостола Иоанна, таковы центурии Нострадамуса. Причина не только в осторожности авторов пророчеств, не желавших направлять толпы верующих по обозначенной пророком мысленной колее. Будучи реалистами, они понимали, что будущее складывается из очень многих факторов, в том числе неизвестных ни одному пророку. Поэтому права народная мудрость: «Бабушка надвое сказала». Одни пророчества сбываются, другие — нет даже у признанных религией авторитетов. Даниил Андреев к их числу не принадлежит. На сущностный план его видений в значительной степени наложен неизжитый личный.

Но как нельзя человека с большим литературным даром да ещё прошедшего мученический жизненный путь ставить в один ряд с многочисленными заурядными контактёрами, так неправомерно противопоставление поэтического видения мира научно-философскому, что делает Алла Александровна. Метафизика Индии, столь ценимая во всём мире, поэтические гимны «Ригве-

ды» относит к шрути — нетленному знанию, тогда как философскую Веданту только к смрити — знанию относительному, смертному. Поэтический мир того же Пушкина по онтологической глубине не уступает трудам самых выдающихся философов мира.

Нечто подобное можно утверждать о Данииле Андрееве. При всех его поэтических абберациях, связанных с особенностями жизненного пути, «Роза Мира» содержит замечательные по глубине прозрения, имеющие непосредственное отношение к нашей сегодняшней действительности.

Эпоха Князя мира сего в «Розе Мира»

Думаю, следует подробнее остановиться на этом разделе главной книги Даниила Андреева. И потому что пророчества мысли «Розы Мира» совпадают с христианскими. И потому что нынешнее развитие западной цивилизации, а также подключившейся к ней России, пока лишь подтверждает предвидения Даниила Андреева.

Эпоха Розы Мира, то есть всеобщего счастливого мироустройства нашей планеты, по мнению Д. А. наступит уже в XXI веке.

«При благоприятном решении ряда исторических дилемм, она (Роза Мира) действительно водворит на земле условия Золотого Века. Она упразднит государственное и общественное насилие. Она устранил какую бы то ни было эксплуатацию. Она ослабит хищное начало в человеке. Она смягчит нравы народов до той степени, на какую намекают нам вещие сны светлых мечтателей прошлого. Она откроет перед людьми пучины познания об иных мирах... Она поднимет некоторые виды животных до овладения речью и до разумно-творческого бытия. Неослабными предупреждениями о грядущем князе мрака она заранее вырвет из-под его духовной власти мириады тех, кто без такого предупреждения мог быть им оболочён и вовлётся бы в колесо горчайшего искупления... Но остаётся несколько противоречий, которых не сможет разрешить и она (Роза Мира): их вообще нельзя разрешить до тех пор, пока человечество, как говорил Достоевский, не переменится физически... Главнейшие из этих противоречий психологически выражаются наличием в человеке импульса жажды власти и сложной двойственной и противоречивой структурой его сексуальной сферы».

Даниил Андреев полагает, что XXI век в основном решит материальные проблемы человечества, наступит эпоха относительного изобилия и обеспеченности подавляющего числа людей, политически государства мира объединятся в единую систему с единым управлением под присмотром некоей духовно-этической Лиги во главе с духовным понтификом. Именно эта Лига создаст систему законов, ограничений и противовесов, регулирующих поведение людей в обществе и сдерживающих неконтролируемый выплеск указанных выше противоречий природы человека. На земле воцарится гармония. Деспотизм государств, войны, революции, голод, бедность, эпидемии — всё это уйдёт в прошлое, о котором поколения людей будут знать лишь из книг и памятников искусства. Не отвлекаемые социальной борьбой силы людей будут уходить на духовное и физическое совершенствование, на утоление жажды познания и жажды творчества, на личную жизнь, несравненно обогатившуюся, усложнившуюся и расширившуюся.

Однако духовно-этическая Лига, как всякая внешняя узда, не сможет всегда властвовать над внутренним миром человека.

«Хотя всеобщее изобилие подорвёт корни зависти материальной, останутся нетронутыми корни зависти духовной, ибо различная степень и различные виды одарённости будут выдвигать одних на руководящие роли, а других — на роли руководимых. С течением эпох очертания интеллигенции совпадут с очертаниями человечества. Но интеллигенция не будет единой, а производители материальных благ перестанут ощущать себя солью земли. Проблемы материального изобилия и комфорта, проблемы технические и хозяйственные утратят своё преобладание. И глухое недовольство начнёт томить тех, кто считает себя производителями материальных ценностей, чей душевный и умственный строй заставляет их тяготеть к работе в областях промышленной техники, хозяйства, агрономии, точных наук, изобретательства, ибо тогда первенствовать будут круги, работающие над проблемами этическими, эстетическими, трансфизическими, религиозными... Вот это-то глухое недовольство и зависть к положению интеллигенции гуманитарной и окажется одной из общественно-психологических предпосылок для движения, которым воспользуется явившийся в человеческом облике противобог».

Даниил Андреев весьма подробно живописует приход Антихриста к власти на фоне сползания мирового сообщества, с одной стороны, к разнузданной свободе, а с другой — к единоначалию человека, который такую свободу обеспечит. Антихрист, по словам Андреева, снимет последние запреты, ещё ограничивающие свободу слова, запрет нарушения норм общественного стыда и запрет кощунства. Он явится как философ, который обоснует необходимость полной моральной раскрепощённости под флагом свободы совести. Он явится в облике человека-чудотворца, производящего феномены, которые не снились ни одному факиру. Антихрист будет представлять, по описанию Д. Андреева, некую сверхчеловеческую комбинацию из Вольтера, Калигулы, Гитлера, Кашшировского и доброго десятка разного рода колдунов и факиров в одном лице.

Нет смысла пересказывать те мерзости, которые будут твориться при Антихристе по описаниям Д. Андреева, хотя бы потому, что экран телевизора уже сегодня показывает их с достаточной полнотой. А «борцы за права человека» и государственное законодательство многих европейских государств обнаруживают недвусмысленное тяготение к действительности, предсказанной Даниилом Андреевым. Здесь важны не те или иные подробности, а также указанные писателем временные координаты. Важен ход размышлений Д. А. Он совпадает с предупреждениями Библии, Корана, Махабхараты, с мыслями Достоевского в главе «Великий Инквизитор» в «Братьях Карамазовых» и в романе «Бесы».

Отметим также, что любые негативные пророчества, даже если они содержатся в священных книгах, даются, по словам пророков, именно, чтобы мрачные прогнозы не сбылись или сбылись в максимально ослабленном виде. Человек не должен влечься по предсказанному пути, словно бык на верёвочке. Поэтому религиозные пророчества всегда окрашены в светлые тона по пушкинскому принципу «печаль моя светла». Это не убаюкивание человека сказками, но абсолютная уверенность всех религиозных пророков в конечной победе сил добра над злом. Истинность великих пророчеств в том, что они исходят от индивидуальностей типа Кришны, Будды, Иисуса Христа, успешно прошедших в своём развитии циклы, которые ещё предстоит пройти массовому человечеству. Они знают все ловушки человеческого сознания и предупреждают о них, чтобы люди двигались по магистральной дороге эволюции, а не по её закоулкам.

Даниил Андреев, конечно, не принадлежит к пантеону указанных выше индивидуальностей. Будучи тонким психиком, он уловил в пространстве

недоступные рядовому человеку колокола тревоги и транслировал их на страницах своей книги. При этом наложил на трансляцию существенные черты собственного психомира, сложившегося в условиях надломленной жизни. Отсюда тягостное впечатление, возникающее у читателя при чтении многих страниц «Розы Мира», тогда как библейское Евангелие такого впечатления не оставляет.

С точки зрения религий, все чудовища Шаданакара (нашего планетного глобуса по терминологии Д. Андреева), как и других миров Вселенной, описанных в «Розе Мира» — это иллюзия, фантомы, «нежить». Каждый человек видит их по-своему или совсем не видит. Все развитые религии мира говорят об иллюзорности наших представлений. А с точки зрения теософии и Агни Йоги, с которыми у Д. Андреева были принципиальные расхождения (об этом позже), ад и рай не есть плоды творчества Творца, но результат мысленно-чувственной деятельности его порождения — человечества. Как это понимать?

До появления человека на земле в том виде, в каком мы его знаем теперь, единственным творцом на земле был Тот, кто сотворил всё, включая Своё подобие. Конечно, он не мог породить ад и его чудовищ. С появлением же человека начался процесс сотворчества с Богом. Человек сам строит себе жилища, создаёт различные вещи, преобразует природу. Эта часть творчества не нуждается в особых комментариях, но невидимое творчество человека: его мыслеформы и чувствоформы не столь очевидны и доступны зрению только ясновидящих людей. Когда тысячи, миллионы людей создают одни и те же предметы, мыслеформы этих предметов населяют астральное пространство подобно тому, как сами предметы населяют пространство земли. Рассмотрим данный факт на примере известного чудотворца Индии Саи-Бабы. Это человек с явными паранормальными способностями на глазах многих людей материализует перстни, серьги, некоторые другие предметы, причём делает это под пристальным наблюдением весьма недоверчивых людей, в том числе известных учёных. Фактор гипноза исключается, поскольку вещи, созданные индусом-чудотворцем, люди увозят с собой. Что может сие означать? Только одно — концентрацией воли Саи-Баба сгущает астральные прообразы вещей до их материального состояния. То же самое делает любой другой человек, например ювелир, только у него процесс материализации перстня от замысла до конечного продукта длиннее и протекает по-иному. Но в основе всего, так или иначе, лежит мысль.

Может быть, сказанное поможет лучше объяснить, как мысли зависти, ревности, злобы, ненависти, жестокости, накопленные за всю историю чело-

вечества, сформировали тонкоматериальный институт, названный церковью адом. В конечном счёте ад создан именно людьми, а не Богом

Таким образом, с точки зрения восточной философии Даниила Андреев увидел в своих мрачных прозрениях не демоническую структуру Вселенной, но лишь созданные многовековым мыслетворчеством человечества кошмарные образы, которых Гойя когда-то изобразил живописно и дал своему творению название «Сон разума рождает чудовищ». Да, эти образы, церковь называет их бесовскими, существуют объективно, они могут влиять на сознание человека, а если человек испытывает страх, бесы могут усиливать такое чувство и довести человека до безумия. Каждый религиозный подвижник на известной ступени своего восхождения атакуется «нежитью» в бодрствующем состоянии, в процессе молитвы, тогда как обычный человек атакуется кошмарами во сне. Но при настойчивом устремлении к реальному Творцу или в сверхличном служении высоким идеалам и тот и другой человек успешно проходит устрашения адских областей Шаданакара «Розы Мира». Это очень важно учитывать при чтении книги Даниила Андреева.

Многое из увиденного писателем в его «снах» 1950-х годов определилось в сегодняшней земной реальности. Не важно, что персональные Антихрист и его подруга Лилит пока не явились воочию, сексуальные мерзости, описанные Даниилом Андреевым, пышным цветом расцвели в средствах массовой информации. Также процесс глобализации по-американски, протекающий на наших глазах, очень напоминает картины, нарисованные фантазией Даниила Андреева в последней главе «Розы Мира». Предвидел писатель и тот факт, что не весь мир покорится мондиалистским устремлениям мировой империи зла, а такой империей мало-помалу становится страна-изобретатель данного термина. Но по принципу: «на воре шапка горит», она приклеивает эту кличку другим странам, противящимся её претензиям на мировое господство. Реальные процессы, таким образом, пошли методом временной рокировки: не утверждением эпохи Розы Мира сначала, а эпохи Антихриста потом, но — наоборот.

Даниила Андреев рассматривал эпоху Сталина, как репетицию антихристовой, причём самого советского вождя полагал промежуточной реинкарнацией противобога. В «Розе Мира» он разъяснял необычайную работоспособность Сталина именно его способностью во время ночных бдений впадать в созерцательное состояние «хохха», во время которого, якобы, происходила энергетическая подпитка кремлёвского диктатора силами мирового зла.

Однако взгляд Даниила Андреева на Сталина и Гитлера, как двух дьяволов, пожиравших друг друга, и что первый из них является предтечей Антибога, не подтверждён реальными фактами. Этих фактов гораздо больше в пользу того, что в интересах будущего России Высшие Силы, как это ни парадоксально, поддерживали кремлёвского диктатора. Такое предположение особенно зримо сегодня, когда безудержная «демократическая» вакханалия, развязанная в России, втягивает страну в новую пропасть и диктатура сильной личности вырисовывается в глазах многих, как единственная возможность вывести страну из штопора в бездну.

Более того, сама концепция книги Д. Андреева, где Мироздание рассматривается, как извечная борьба Добра и зла, нуждается в очень существенных поправках.

«Роза Мира» в контексте религий и духовных течений

Образованность Даниила Андреева для своего времени была уникальной. Он хорошо знаком с мировой художественной литературой, с философской мыслью Запада и Востока, со всеми мировыми религиями и главными духовными течениями своего времени. Конечно, как к визионеру, эти знания могли приходиться к нему из пространства, но также очевидно, что он перечитал множество малодоступных и совсем недоступных для рядового читателя тех времён литературных источников. Тюрьма оказалась местом, где он обстоятельно познакомился с ведической философией и вообще, сравнивая время своего пребывания на войне и в тюрьме, отдавал предпочтение второй, ибо здесь мог без помех много читать и писать.

Близко знавший писателя и сделавший несколько его последних снимков, Б. В. Чуков сообщает: «В тюрьме он выучил несколько тысяч слов хинди, но грамматики этого языка не знал. Индийскую культуру, философию, в частности, он считал наисовершеннейшей и был знаком с ней до мелочей. Индию страстно любил. Это бросается в глаза и в его сочинениях. Полушутливо замечал, что очень похож на индийца. Рассказывая мне о переводе “Махабхараты” индологом Смирновым, титаническим трудом которого восхищался, Андреев воскликнул: “Подумать только, целый народ мыслит философскими категориями!”». Это свидетельство очевидца. А вот мысли на эту тему самого Даниила Андреева в письме от 13 октября 1958 г. А. М. Грузинской: «Читаю понемногу “Махабхарату”. Не знаю, писал ли я Вам о грандиозном впечатле-

нии, производимом этим эпосом? В смысле пластичности образов “Илиада” или “Одиссея”, конечно, совершеннее, но перед бездонной философской глубиной и колоссальностью всей концепции “Махабхараты” меркнет не только Гомер, но и решительно всё, что я знаю, исключая, пожалуй, “Божественную комедию”. Но то — создание одного лица, великого гения, глубокого мыслителя и при том воспользовавшегося религиозно-философской концепцией, в основном уже сложившейся до него. Здесь же — фольклор, обширное создание множества безымянных творцов из народа, и это особенно поражает. Что это за беспримерный, ни с кем не сравнимый народ, способный на создание сложнейших философских, психологических, религиозных, этических, космогонических философем и на облечение их в ажурную вязь великолепного, утончённого стиха! Перестаёшь удивляться, что именно Индия выдвинула в наш век такого гиганта этики, как Ганди, единственного в новейшие времена государственного деятеля-праведника, развеявшего предрассудок о том, будто бы политика и мораль несовместимы».

Восхищаясь глубинами индийской мудрости, Даниил Андреев в своём религиозном опыте всё-таки до неё не дотягивал. Мрачные андреевские образы «жругров», «уицраоров», антихристов и тому подобная чертовщина для последователя Веданты и буддиста не более чем Мара — тёмная Иллюзия. На известной ступени своего развития любой человек атакуется подобными мысленными порождениями (принимает лежащую на земле верёвку за змею). Православный подвижник тоже, практикуя «умное делание», квалифицирует тёмные видения, как нежить, Можно, конечно, недоумевать по поводу несоответствия универсальной религиозной образованности Даниила Андреева его по-детски доверчивому отношению ко всякого рода бесовщине. Но опять-таки вспомним, какую жизнь прожил писатель. Одно дело абстрактно рассуждать об иллюзорной природе чертей и совсем другое — в полной мере испытать их когти на собственной шкуре.

На сайте Интернета, посвящённом Даниилу Андрееву, можно встретить критические замечания священников о «Розе Мира». Сам автор книги к своим критикам относился весьма терпимо. Более того, защищал церковь даже от... собственной жены. Алла Андреевна в молодые годы была настроена по отношению к церковным институтам весьма радикально. Переписываясь с мужем, сидевшим в тюрьме, называла некоторые отрицательные аспекты христианской церкви преступными. На что Даниил Андреев отвечал так: «С твоими рассуждениями о церкви и её “преступности” согласен только отчасти... Безоб-

разия церкви — только одна сторона медали. Я уже писал тебе о необычайной противоречивости отдельного человека, о совмещении взаимоисключающих, казалось бы, свойств и т. п. Тем более это относится к любому человеческому коллективу. Праведные люди, хоть и редко, но встречаются, праведные же общества — никогда... Я понимаю под словом праведность высшую степень нравственного развития, вот и всё. Праведность совершенно не обязательно должна иметь аскетический, иноческий характер. Иноческая аскеза — только одна из её разновидностей. Д-р Гааз — другая, Ганди — третья. И, по-моему, Чехов... находился на границе праведности. И если Диккенс грешил тем-то и тем-то, меня это мало интересует: существенно то, что «Пиквикский клуб» — книга такой чистоты, добра, такого изумительного отношения к людям, что автором её мог быть только праведник...

Что же касается уродливых явлений (церкви), которые ты описываешь, то я понимаю, что это может быть смешно; понимаю также, что можно испытывать к ним острую жалость, как к уродливо искривлённым карликовым деревьям, выросшим в какой-нибудь щели или трещине, вне условий, необходимых для правильного развития... Не думай, что я таких явлений не знаю... Знаю их и, кажется, кроме жалости испытываю ещё и другое чувство: уважение (к церкви). За непоколебимость и силу». (Письма А. Андреевой от 28 января и 3 апреля 1956 г.)

К сказанному можно добавить, что одновременно с Даниилом Андреевым свою лагерную Голгофу на Колыме проходил православный монах отец Арсений. Однажды он был помещён в неотопливаемый карцер на три дня. Температура снаружи была минус сорок, в карцере не намного теплее. Арсений спасся Иисусовой молитвой, практикуя её круглосуточно в течение всего срока пребывания в карцере. Он видел, как в тюремном помещении появились два ангела и волнами тепла согревали его. Когда лагерные охранники открыли дверь карцера, они были потрясены, увидев узника живым и невредимым. Так что Д. А. знал, что говорил об уважении к «церкви за непоколебимость и силу». Знал и себя, что такой степени этих качеств, как отец Арсений не достиг. Но смог пронести через жизнь драгоценные качества человека, описанные им в стихотворении «Гумилёв».

*Но одно лишь сокровище есть
У поэта и у человека:
Белой шпагой скрестить свою честь
С чёрным дулом бесчестного века.*

*...Будь спокоен, мой вождь, господин,
Ангел, друг моих дум, будь спокоен:
Я сумею скончаться один,
Как поэт, как мужчина и воин.*

В своём личном противостоянии «чёрному дулу века» Д. А., как и Николай Гумилёв, оказался на высоте времени, но в философской трактовке этого противостояния в целом отступил к манихейству. Настоящее православие в лице его монахов-подвижников, священников типа Дмитрия Дудко или таких философов, как Павел Флоренский, оценивали жестокости своего времени, как «попущение Божие», укладывающееся в рамки Божественного контроля. Кстати, П. Флоренский высоко оценивал деятельность И. Сталина, видя в нём на определённом этапе человеческой эволюции необходимую фигуру вождя. Библия не рассматривает сатану в качестве противника Бога, но лишь как его тёмного слугу, выполняющего задачу укрепления человека и человечества в вере через тяжкие испытания. И очищение человека через такие испытания. Достаточно вспомнить библейскую Книгу Иова.

Россия в мрачные годы правления Сталина много потеряла, но ещё больше приобрела. Она прибавила к русскому характеру и внесла в русскую духовность то, что не купишь ни за какие доллары и не выработает никаким образованием и воспитанием: мужество, стойкость, умение не сдаваться в самых тяжких обстоятельствах, «плотных» и «тонких». Прошедшие через страшные жернова эпохи, но не озлобившиеся, выжившие, сохранившие и умножившие в себе лучшие качества человека: Рокоссовский, Шолохов, Туполев, Курчатов, Пастернак, Ахматова — и несть им числа, известным и неизвестным, — продемонстрировали миру новый тип праведника в миру, так же, как отец Арсений и многие другие православные подвижники эпохи ГУЛАГа, показали, что жив такой праведник в лоне церкви. Таким образом, наше понимание православия в годы Советской власти раздвинулось. Да и сам Даниил Андреев фактически доказал, что без сталинской «репетиции» Россия не выдержит грядущую эпоху Антихриста. Резко отрицательная и односторонняя оценка личности Сталина писателем-мистиком вызвана, в первую очередь, конечно, личными переживаниями, но с другой стороны — издержками роста ребёнка, ещё играющего с кукольным мишкой и ожидающего отдыха вместе с ним в раю, о чём говорилось выше.

В другом стихотворении Даниил Андреев роняет замечание, что боится оказаться в ряду «тёплых» среди ожесточённой схватки «горячих» и «холод-

ных». Он был слишком честен, прежде всего, перед самим собой, чтобы скрывать недостатки собственного роста. По словам И. В. Усовой, «за несколько лет нашей с ним дружбы он не сказал ни слова неправды. Он настолько был рыцарем слова, что даже не предполагал и в других (в кого он поверил) возможность играть словами, актёрствовать с их помощью. И благодаря такой вере в слова иногда оказывался совершенно слепым по отношению к тем, кто умело пользовался ими. И это наряду со сверхчеловеческой зрячестью по отношению к областям невидимым, к потустороннему».

Удивительный сплав детской доверчивости, рыцарской честности и «сверхчеловеческой зрячести», по характеристике И. В. Усовой, конечно же, не вовлёк Даниила Андреева в стан «тёплых» на земле, но сумел сыграть с ним злую шутку в общении с миром потусторонним. Из поучений православных исихастов, из теософии мы знаем, что в том мире немало лжецов и сомнительных шептунов.

Об отношении Даниила Андреева к теософии известно не много. По некоторым свидетельствам, книги Блаватской ему были чужды, хотя неизвестно, с какими из них он был знаком. «Тайная Доктрина» была переведена на русский язык и издана только в 1940 году в буржуазной Латвии. Переводы других теософских сочинений Е. П. Блаватской появились значительно позже, когда Даниила Андреева уже не было в живых. Сведений о его оценке философии Рерихов нет совершенно. Но антропософию Штайнера Д. А. ценил высоко. И это косвенно доказывает, что с творчеством Блаватской автор «Розы Мира» был знаком недостаточно, ибо система Штайнера на 90% вышла из теософии Блаватской. Вес остальных 10%, внесённых Рудольфом Штайнером, такой зоркий мистик, как Даниила Андреев, разумеется, смог бы оценить без труда.

«Колесо времени» и его циклы Даниила Андреев описывал не в терминах восточной философии, а, скорее, в терминах гностицизма. Если восточная философия рассматривает наше время, как окончание цикла Кали-юги — тёмного века, то для Д. А. — это окончание эоны павшей Лилит. Следующий цикл восточная философия называет Сатья-югой — веком Истины, у Даниила Андреева — это эон Яросвета и Вечной Женственности. Дело не в названиях. Даниила Андреев создавал «Розу Мира» не из обработанных и осмысленных им литературных источников, а из голосов и образов, увиденных и услышанных собственным тонким сознанием. По поводу возможных aberrаций на таком пути мы уже говорили. Теперь есть смысл поговорить о том, насколько высоки были Инстанции, вдохновлявшие Даниила Андреева в его откровениях.

Современная православная церковь придерживается того мнения, что самые высокие откровения даны лишь в Евангелии. Не отрицая истин ислама, буддизма, индуизма, иудаизма, более того, включив Ветхий Завет в канон христианской Библии, наша церковь полагает лишь сказанное Иисусом Христом последней инстанцией Истины. Всё же учения, идущие не в контексте мировых религий, православие вообще отвергает, как ложные. У представителей ислама похожая точка зрения на нетрадиционные духовные направления, но отличная по отношению к Иисусу Христу. Он для мусульман не Бог, но великий пророк, а значит, не может быть единственным эталоном истины. Коран, признавая авторитет Моисея и Иисуса Христа (Мусу и Иссу), считая их посланниками Аллаха, тем не менее констатирует факт искажения иудаизмом и христианством заветов Первоучителей. Аллах через Архангела Джебраила (Гавриила) вынужден был продиктовать пророку Мухаммеду Новый Завет, устраняющий ошибки прежних религий. Буддизм во главу угла ставит не Учение, а человека. Человек способен исказить любое Учение, и он же способен достичь вершин всякого вероучения, даже превзойти эти вершины.

Буддисты придерживаются мысли, что все Учения, все Заветы даются для определённой эпохи, затем заменяются новыми, развивающими прежние. Это, в общем, согласуется и с Кораном, и с известными словами Иисуса Христа: «Я пришёл не отменить Закон (Моисея), но исполнить».

Своей «Розой Мира» Даниил Андреев, как уже отмечалось, не претендовал на новый Завет, но считал себя вестником наступающей новой эпохи, расшифровывающим некоторые истины прежних Заветов. И в этом смысле он заставляет прислушаться к себе, ибо, во-первых, с достаточной степенью убедительности конкретизирует целый ряд пророчеств, выказанных прежними религиями, во-вторых, слишком многое из того, что увидел Д. А., сбывается теперь. В целом же ответ на вопрос, насколько высоки были Инстанции, вдохновлявшие Даниила Андреева, может быть таков: если сами Инстанции и высоки, то приёмник вдохновения уступает другим известным вестникам и пророкам.

Интеррелигия

Не считая себя творцом таковой, Даниил Андреев тем не менее достаточно убедительно обосновал закономерность и необходимость возникновения интеррелигии, не как некоего экуменистского симбиоза, но принципиально

нового явления, выросшего из прежних религий, а также из «метаматериалистически», выражаясь его терминами, обоснованной картины мира. Он считал принятое наукой подразделение материи на четыре состояния: твёрдое, жидкое, газообразное и состоящее из элементарных частиц недостаточным и обосновывал целый ряд иных более тонких состояний Бытия. Также, по мнению Даниила Андреева, необходим пересмотр целого ряда прежних философских постулатов, основанных на устарелых представлениях о материи и сознании. Говоря о решении основного философского вопроса по Марксу, что первично, бытие или сознание, автор «Розы Мира» отвергает обе «первичности», справедливо полагая, что идеалистический приоритет неизбежно рождает свою противоположность — приоритет материалистический. Ход мысли Даниила Андреева таков. Если речь идёт о личности, то её сознание складывается под влиянием смешанных факторов и материальных и идеальных. Человека формируют природа, ограничения и потребности тела, желания души, культурная среда, присутствие «миротворящих иерархий» (стихий, ангелов, архангелов и т. д.), наконец, Творец. Всё это можно обозначить единым понятием «Бытие». А значит формула «бытие определяет сознание», применённая к личности человека, абсолютно права. Если же говорить о Вселенной, то она создана Сознанием Единого и здесь всё наоборот: Сознание порождает бытие. «Над примитивностью классических формул, — рассуждает Даниил Андреев — можно было бы только добродушно пошутить, если бы одна из них, став философским догматом политической деспотии, не оказалась повинной в бесчисленных несчастьях, забив, как пробка, дыхательные пути мысли множества людей и прекратив доступ духовности в сферу их сознаний. Другая (идеализм), столь же ошибочная, всё-таки менее опасна, потому что она духовнее. Но со старых религий с их философами это отнюдь не снимает вины: столько веков потратить на схоластическое мудрствование и ни на шаг не приблизиться к вопросу о примате бытия или сознания». Подходы к Истине Даниил Андреев видел не в разговорах о ней, но в проживании её. По существу, в образах «Розы Мира» он пространно декларировал краткую формулу средневекового философа-мистика Якова Бёме: «сознание рождается в муках материи», кстати сказать, сочувственно процитированную одним из классиков марксизма.

Даниил Андреев — убеждённый сторонник идей перевоплощения и кармы, хотя с его точки зрения они — не универсальные законы бытия. Объясняя отсутствие закона реинкарнации в христианстве и в исламе, Даниил Андреев

полагает, что возможно и одноразовое воплощение человеческой индивидуальности. В этом он расходится не только с философской мыслью Индии и с буддизмом, но также с Циолковским, Вернадским, православным философом Лосским, которые полагали вечное кочевье монады из тела в тело по разным глобусам Мироздания (у Циолковского кочевье духовного атома) абсолютным законом бытия.

Обосновывая необходимость рождения интеррелигии и свои подходы к ней, Д. А. часто делает оговорки «не знаю», «мне кажется», но в одном он убеждён незыблемо: «Не требование рабской покорности воле Божества будет звучать из святилищ религии Итога. Оттуда будет излучаться призыв к всеобщей любви и к свободному богосотворчеству». Это его пророчество совпадает с итогами всех высоких религий и культур, или, как он говорил, религий и культур «правой руки».

Литературные откровения Даниила Андреева

Они глубоки и своеобразны, как всё написанное Д. Андреевым. В «Розе Мира», а также в своих стихах, он дал портреты Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Владимира Соловьёва, Хлебникова, Николая Гумилёва, других выдающихся русских литераторов. Иногда они предстают, как обитатели «затомисов» — высших слоёв «метакультур», по терминологии Д.А. Иногда же визионерские комментарии у автора «Розы Мира» отсутствуют, он рассуждает о поэтах и писателях, как обычный литературовед. Но во всех случаях явно тяготеет к тем ликам, что ближе ему по духовному складу: Лермонтову, Владимиру Соловьёву, Блоку. Характерно в этом смысле сопоставление Пушкина и Лермонтова, Признавая в Пушкине «вестника» и великого русского гения, Д. А. отдаёт предпочтение Лермонтову.

«Если смерть Пушкина была великим несчастьем для России, то смерть Лермонтова была уже настоящей катастрофой, и от этого удара не могло не дрогнуть творческое лоно не только российской, но и других метакультур.

Миссия Пушкина хотя и с трудом, и только частичная, но всё же укладывается в человеческие понятия; по существу, она ясна.

Миссия Лермонтова — одна из глубочайших загадок нашей культуры».

Как «метакультурное» явление Д. А. оценивает Лермонтова гораздо выше Байрона и ставит его в один ряд с Эсхилом, Данте, Гёте, Толстым, некоторыми другими именами мировой культуры, очень немногими. Для него

вышеозначенные имена — живые реинкарнации мифа о титанах, восставших в своё время против богов. Доказательство, по мнению Д. А. — богоборческие мотивы, присутствующие в творчестве названных литераторов. Можно спорить, так это или не так, являются ли Лермонтов и Эсхил реальными наследниками древнего мифа или не являются, но нет других версий, объясняющих присутствие у этих писателей, с одной стороны, богоборческих тенденций, с другой — высочайшей религиозности и смирения перед Богом. По мысли Д. А., восстав против богов, титаны впоследствии покаялись, смирились и стали самыми глубокими, самыми последовательными слугами Бога в высочайшем смысле слова. А их нынешнее «богоборчество» есть лишь память о прошлом и защита Бога от профанации толп и церковной бюрократии.

Опять-таки, соглашаясь или не соглашаясь с этими неординарными рассуждениями Д. А., можно усомниться в ясности для автора «Розы Мира» миссии Пушкина, которая таинственно и покоряюще светла именно потому, что лишена богоборчества.

Больше всего «литературных» страниц «Розы Мира» посвящено Владимиру Соловьёву и Блоку. Это понятно. Оба поэта были визионерами, хотя и не в такой степени, как Даниил Андреев. Но вот ведь штука, то, что Даниил Андреев считает самой сильной стороной творчества Блока — его видения Прекрасной Дамы, сам Блок впоследствии оценивал, как наваждения. И в этом смысле он вёл себя подобно любому православному подвижнику, борющемуся с «прелестями». В статье «О состоянии русского символизма» Блок называет привидевшуюся ему красавицу, описанную в стихотворении «Незнакомка», «мёртвой куклой на катафалке», которая высасывает все душевные силы. От видений «незнакомок» и других обитателей Тонкого мира Блок уходил к лицемерию реальной России, которая и стала его подлинной Прекрасной Дамой.

*Россия, нищая Россия
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви.
Тебя любить я не умею,
И крест свой бережно несю.
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу.
Пускай заманит и обманет,
Не пропадёшь, не сгинешь ты,*

*И лишь забота отуманит
Твои прекрасные черты
(Выделено мною. — Ю. К.)*

Этими строками Блок недвусмысленно заявил, что выбрался из теней, в которых, к сожалению, пребывал автор «Розы Мира», и поднялся к новым поэтическим высотам, Д. А. не достигнутым. Однако сам Даниил Андреев рассматривал отход Блока от визионерства к земной действительности, как постепенную деградацию человека, а затем и поэта. Не отказывая поэме «Двенадцать» в гениальности, Д. А. уточняет: «Но в осмыслении Блоком этой бунтующей эпохи спуталось всё: и его собственная стихийность, и бунтарская ненависть к старому, ветхому порядку вещей, и реминисценции христианской мистики, и неизжитая его любовь к “разбойной красе” России-Велге, и смутная вера, вопреки всему, в грядущую правду России-Навны. В итоге получился великолепный художественный памятник первому году Революции, но не только элементов пророчества — хотя бы просто исторической дальновидности в этой поэме нет. “Двенадцать” — последняя вспышка светильника, в котором нет больше масла. Это отчаянная попытка найти точку опоры в том, что само по себе есть исторический Мальстрем, бушующая хлябь, и только; это предсмертный крик».

Всё с точностью до наоборот. В «Двенадцати» есть и видение Христа, который во время «исторического Мальстрема» реально засиял над Россией, а не как «реминисценция христианской мистики», есть в поэме и сама единая Россия с её гранями «Велги»-демоницы и «Навны»-богини одновременно, и пророчество о том, что русский бунт, «бессмысленный и беспощадный» — это надолго... Также не угас светильник Блока. Накануне смерти он вспыхнул великолепным стихотворением о Пушкинском Доме, где поэт вновь присягнул пушкинской ясности, той самой ясности, которую Д. А. недооценил.

Сказанным здесь я не отвергаю ценности мученического опыта Даниила Андреева, но лишь подчёркиваю, что его личные прозрения ограничены, как и любые подобного рода. Это луч фонаря, освещающий лишь часть потусторонних потёмков нашей планеты, а вовсе не сумерки галактических просторов. Причём человек, постоянно вовлечённый в экстрасенсорный «Мальстрем», неизбежно уходит от постижения глубин земного бытия. Писателю совершенно не обязательно обладать даром визионерства, чтобы видеть проблемы настоящего и будущего шире, глубже, чётче, чем остальные люди. Пушкин, Достоевский, Гоголь, Лев Толстой, Шолохов, М. А. Булгаков — тому свидетельство.

Весьма интересны взгляды Д. А. на личную трагедию Гоголя, который, по мнению автора «Розы Мира», не сумел соединить в себе художника и проповедника, не справился в своей душе с борьбой «между православным аскетизмом и требованиями художественного творчества», ибо вестничество через образы искусства, по мнению Д. Андреева, не должно «непрерывно связываться с высотой этической жизни и личной праведностью». Гоголь надорвался именно вследствие трагического внутреннего спора. И, наоборот, Д. А. защищает Льва Толстого от обвинений в бесплодном, с точки зрения многих, уходе великого писателя в религиозную проповедь. «“Сколько гениальных творений лишились мы из-за этого!” — цитирует Даниил Андреев один из таких упрёков и продолжает. — Подобные стенания доказывают лишь непонимание личности Толстого, и детскую непродуманность того, что такое русская гениальность. На склоне жизни каждого из гениев России возникает мощная, непобедимая потребность стать не только вестником, а именно пророком — гонцом горнего мира, выражающим высшую правду не одними только образами искусств, но всем образом своей жизни. Найти такой синтез и воплотить его в реальность дано только ничтожным единицам. Лев Толстой не нашёл его и в проповедничестве своём не создал ничего равноценного “Войне и миру”. Но поступить он мог только так и никак иначе».

Высокая духовность женских образов русской литературы, столь ценимых во всём мире и делающих её, по словам западных литературных критиков, святой, Д. А. также поворачивает неожиданным образом, как предчувствие русскими гениями эпохи торжества Навны — светлой богини Шаданакара. Дело здесь не специфической терминологии Даниила Андреева, но в подтверждении другими пророчествами прихода Эпохи Женщины. Да и обыкновенная логика подсказывает, что многовековое господство мужчин завело планету в тупик и нуждается в смягчении женским началом.

«Русские боги»

Так называется книга стихов, наиболее полно представляющая поэтическое наследие Даниила Андреева. В поэзии Д. А. звучат те же идеи, темы и образы, что в «Розе Мира», а само название книги стихов подчёркивает любимую мысль писателя, что русская культура наследует со времен Петра I нашу религиозность. Об этом говорят названия стихотворений: «Василий Блаженный» (как памятник архитектуры на Красной площади), «В Третьяковской галерее»,

«Художественному театру», «Большой зал консерватории», «У памятника Пушкину», «Каменный старец» (о храме Христа Спасителя). Для Даниила Андреева всё это не просто здания Москвы с их культурным наполнением, это своего рода иконы, имеющие живые прототипы в небе России, словом, действующие боги.

*Железная вражда непримиримых станов,
Несогласимых правд, бушующих идей
Смиряется вот здесь, перед лицом титанов,
Таких, как этот царь и чародей.
Здесь в бронзе вознесён над бурей, битвой, кровью,
Он молча слушает хвалебный гимн веков,
В чьём рокоте слились с имперским славословьем
Молитвы мистиков и марш большевиков.*

(«У памятника Пушкину».)

*Когда ковчегом старинной веры
Сиял над столицей Храм Христа,
Весна у стен его, в тихих скверах,
Была мечтательна и чиста.*

(«Каменный старец».)

А вот иная Москва в поэме «Симфония городского дня», где:

*Витрины разукрашены,
те — бархатны, те шёлковы
(От голода вчерашнего в грядущее мосты),
Чтоб женщины с баулами, авоськами, кошёлками,
Сбегались в говорливые, дрожащие хвосты.
А за универмагами, халупами, колоннами,
Пульсирует багровое неоновое М,
Воздвигнутое магами — людскими миллионами,
Охваченными пафосом невиданных систем.
Там статуи с тяжёлыми чертами узурпаторов,
Керамикой и мрамором ласкаются глаза.
Там в ровном рокотании шарнирных эскалаторов
Сливаются несметные шаги и голоса.*

*...И всё надчеловеческое
 выхолостить, вымести
 Зубчатую скребницей из личности спеша,
 Безвольно опускается в поток необходимости
 Борьбой существования пленённая душа.*

Архитектура московского метро наполнена совершенно иными вибрациями, по мнению Д. А., противоборствующими божественным. «Симфония городского дня» местами воспринимается, как пародия на поэму Маяковского «Хорошо», даже строки-лесенки повторяются. Но это, конечно, не пародия, это реквием советскому богоборчеству и предчувствие иных реконструкций и симфоний.

*Чую звучанье служений всемирных,
 Молнией их рассекающий свет,
 Где единятся в акафистах лирных
 Духи народов и духи планет.*

Даниилу Андрееву-поэту не откажешь в оригинальности взгляда на советскую действительность. Он, понятно, не из хора славословящих, но также не из тех, кто держал кукиш в кармане или «копал» под власть. Он, духовный наблюдатель, пытающийся подняться над своей эпохой, заглянуть в грядущую. Удалось ли ему это сделать, как художнику? Считаю, что в гораздо меньшей степени, чем Маяковскому. Стихи и поэмы Д. А. страдают многословием, они очень неровны, местами претенциозны, бедны в изобразительных средствах. Вот уж кого с полным правом Маяковский мог бы назвать подмастерьем, а не Есенина. Оба эти мастера, соперничая и враждуя тем не менее выразили свою эпоху гораздо ярче, чем Д. А. в цикле «Из маленькой комнаты».

*О триумфах, иллюминациях, гекатомбах,
 Об овациях всенародному палачу,
 О погибших и погибающих в катакомбах
 Нержавеющий и незыблемый стих ищущу.
 Не подскажут мне закатившиеся эпохи
 Злу всемирному соответствующий размер.
 Не помогут во всеохватывающем вздохе
 Ритмом выразить величайшую из химер.*

*Этой поступью оглушённому, что мне томный
Тенор ямба с его усадебной тоской?
Я работаю, чтоб улавливали потомки
Шаг огромное и могущественнее, чем мой.*

Как документ смелого поведения в страшную эпоху данный «гипер-пеон» (имитация древнегреческого поэтического размера) может, конечно, войти в историю, но не в большую поэзию. И по форме и по мысли он не адекватен времени, оценить величие или химеричность которого мы до сих пор не в состоянии.

Рядом с неуклюжей поэтической поделкой великолепные восемь строк о том же времени.

*Ты осуждён. Молчи. Неумолимый рок
Тебя не первого привёл в острог.
Дверь замурована. Но под покровом тьмы
Нащупай лестницу — не ввысь, но в глубь тюрьмы.
Сквозь толщу мокрых стен, сквозь крепостной редут
На берег ветреный ступени приведут.
Там волны вольные, — отчалъ же! правь! спеши!
И кто найдёт тебя в морях твоей души.*

Мои критические замечания о стихах Д. А. — не упрёк поэту, скорее размышления о жестоком времени, лишившем его в расцвете сил среды общения с товарищами по перу, а иногда самого пера и бумаги. Неровности его творчества в значительной степени проистекают отсюда — из недостатка культурного «кислорода». Поэт хотел, как можно больше выговориться, а воздуха не хватало...

Итоги

Они очень противоречивы. Как сложен и противоречив предмет нашего разговора. Мне представляется, что взоры исследователей ещё не раз обратятся к феномену Д.А. Речь идёт не о воздаянии ему каких-то запоздалых литературных комплиментов или о пристальном изучении его визионерского опыта. Феномен Д.А. требует осмысления в плане вестничества, ибо, во-первых, слишком уж много «вестников» развелось в последнее время, и моря контактной

литературы на книжных прилавках наводят на грустные размышления. Потерян здравый смысл. Не только рядовые люди, но и государственные деятели нередко «смуцаются» различными «пророками», астрологами, «ясновидящими». Или, наоборот, тупо отмахиваются от вестей из сфер «другой жизни», как от чертовщины. Во-вторых, из истории нам известно, что к религиозным пророчествам, а также к вестям из Инобытия внимательно прислушивались многие выдающиеся люди. Стихотворению Пушкина «Пророк» предшествовали реальные тонкие образы, увиденные поэтом. Моцарт отчётливо слышал «музыку сфер» и, по собственному признанию, лишь записывал её нотными знаками. Жаловался при этом, что записи несовершенны! Менделеев получил картину периодической системы элементов во сне. Тамерлан повернул своё войско от Москвы, имея устрашающее видение Божьей Матери, которая предрекла ему поражение. Сталин, как уже говорилось, всерьёз отнёсся к визионерству православного ливанского митрополита Илии и выиграл войну. Рузвельт во время второй мировой войны пошёл на тесный союз с Россией, даже находился под сильным влиянием Сталина именно под впечатлением писем из Гималаев, переданных ему через Е.И. Рерих. В письмах чётко очерчивалась грядущая великая роль России в судьбах мира. Документированные примеры можно продолжать до бесконечности.

Ещё больше примеров другого рода. Очень чуткий ко всякого рода приметам и пророчествам А. С. Пушкин, в 20 лет получив пророчество немки-предсказательницы Киркгоф, что умрёт в возрасте 37 лет от руки белокурого человека, всю остальную жизнь, словно влёкся по колее прогноза. Он боялся даже обменяться рукопожатием с человеком-блондином. А в конфликте с Дантесом забыл слова Киркгоф, забыл совершенно, в том числе её оговорку, что поэт доживёт до глубокой старости, если не белокурый человек или не лошадь белой масти... То есть и опять-таки «бабушка надвое сказала». Делай выводы, не влекись бездумно и некритически к предначертанному кем-то концу, чего Пушкин при всей его гениальности не сделал. Но судьба Пушкина — предмет особого рассмотрения. Одним словом, опыт вестничества в наше время, как никогда прежде, заслуживает пристального изучения и осмысления.

Что же в итоге можно сказать о космосе Даниила Андреева и пророчествах автора «Розы Мира»? Во-первых, при всей уникальной образованности Д.А., при всех его литературной талантливости и визионерской прозорливости он — по части видения «Шаданакара» и прогнозов дальнейшего развития человечества — в целом находится вне религиозной традиции. Ни ведическая

литература, ни Библия, ни Нострадамус, ни даже известная болгарская пророчица Ванга не отваживались на подробное воссоздание картин будущего, какое мы видим в «Розе Мира». Втискивать сознание человечества в жёсткие рамки точных пророчеств нет необходимости и опасно...

Во-вторых, визионерский опыт всех великих поэтов, учёных, политических деятелей прошлого был, как правило, кратковременным. Даниил Андреев, по его собственным признаниям и свидетельствам знавших его людей, видел картины Тонкого мира с некоторого времени почти непрерывно. Факт тоже настораживающий, поскольку аберрации сознания в подобных случаях неизбежны. Это знали православные монахи, проходившие этап «трезвения», когда им по необходимости случалось долго контактировать с Тонким миром. Они расценивали многие увиденные картины, как «прелести». Умели отделять их от состояния «исихии» — тишины, лишённой любых образов и звуков — того состояния, где происходят реальные контакты с Высшими Сферами. Точно также поступают суфии ислама, буддисты и любые другие искатели подлинного взаимодействия с Богом или с Учителем.

Третье. Сам Даниил Андреев к своим визионерским способностям, будучи человеком очень честным, относился противоречиво: с одной стороны, он благодарил Бога за них, с другой — видел в них некое Божье наказание, дополнительный по сравнению с остальными людьми крест, возложенный на сознание. А вот как с неожиданной стороны оценивает уникальные способности Даниила Андреева жена писателя: «Я думаю, что инфаркт, перенесённый им в 1954 году и приведший к ранней смерти... был следствием этих (визионерских) состояний, платой человеческой плоти за те знания, которые ему открылись. И как ни чудовищно прозвучат мои слова, как ни бесконечно жаль, что не отпустила ему Судьба ещё хоть несколько лет для работы, всё же смерть — не слишком большая и, может быть, самая чистая расплата за погружение в те миры, которые выпали на его долю». А.А. совершенно права: расплата могла быть куда хуже — безумие. Сама она пережила мужа почти на полвека, придя от мятежных духовных исканий к строгой православной религиозности. Права А.А. и в том, что длительное блуждание мужа по тонким мирам не только сократило ему жизнь, но затруднило достижение подлинных литературных высот и святости в жизни, на что он мог с полным правом рассчитывать в силу своего литературного таланта, благородства души, наконец, мученического искания Истины.

Это тоже повод для очень серьёзных размышлений, поскольку провид-

ческий дар, полученный Даниилом Андреевым от природы, независимо от его воли, в наше время становится предметом нездорового интереса, коммерции, искусственных домогательств. Возникло множество «эзотерических» школ, открывающих «третий глаз» для контактов с Тонким миром. В Америке существуют целые институты, помогающие желающим установить связь с их умершими родственниками или с ушедшими в мир иной гениями. И в России, к великому сожалению, появляются подобные общества и группы. Запретить их в нашем «демократическом» обществе невозможно, но и от фактов никуда не денешься: некоторые получившие «сверхспособности» соискатели либо раньше времени отправляются в инобытие, либо психически деградируют. Церковь можно упрекнуть, что она идёт не в ногу с веком, но она абсолютно права, остерегая людей от всякого рода искусственного раскрытия «духовности» в соответствии с модой века. И одними предостережениями тут делу не поможешь. Та же церковь сплошь да рядом оказывается бессильной в объяснении фактов, когда открытие паранормальных способностей происходит у многих людей неожиданно для них самих, наконец, когда появляются с такими способностями совершенно здоровые дети. Печать окрестила их детьми будущего, детьми «индиго», т. е. детьми с синей и фиолетовой аурой. Как в этих случаях помог бы опыт православного «трезвения»? Но где в храмах или на страницах церковной печати можно услышать и узнать, как использовать методику «умного делания» светскому человеку?

Помню, в 1970-е годы я безуспешно искал в церковных библиотеках книги Добротолюбия. Сейчас их можно приобрести в любой церковной лавке. А что могут посоветовать нынешние мастера исихазма современному духовному искателю? Помню также разговор с одним священником о желательности ознакомления людей с основами исихастской практики. Он замахал руками — такая практика без наставника опасна, она возможна только в монастырском затворе. Что же делать многим людям в миру, детям индиго, которые, подобно монахам, подвергаются устрашающим атакам Тонкого мира, а также искушениям его? И что делать, если соприкасаешься с благими «воздушными» слоями? Перекреститься «чур меня!»? Кто научит людей правильному различению?

К чести нашей православной церкви, она начинает расширять рамки своей ортодоксии, включать в религиозный опыт православия достижения светской культуры и даже... Советской власти. В своём недавнем интервью корреспонденту одного из телевизионных каналов второе лицо РПЦ митрополит Кирилл

(ныне Патриарх) заявил, что ошибочно рассматривать мир православия только через церковные очки. Православие — это и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и даже в некотором роде Николай Островский... «Как! — в ужасе переспросил интервьюер. — Вы говорите о писателе, который ради «светлого будущего» был готов пожертвовать жизнью многих людей!» «Что ж, — спокойно возразил митрополит, — христианские государи тоже вели религиозные войны и пролили немало крови. Что же касается Советской власти, то она унаследовала этику христианства». «Вы считаете атеиста Николая Островского — образцом христианской этики?», наседал корреспондент. «Я не считаю Николая Островского образцом этики, но его подвижническая жизнь, его стремление служить счастью людей, при всех ошибках этого писателя, роднит его устремления с устремлениями христианских подвижников».

Сказанное митрополитом можно в полной мере отнести к Даниилу Андрееву. Его визионерский опыт со всеми его сильными и болезненными гранями — важная веха в истории становления русского самосознания. По общему признанию далёких от всякого визионерства людей мы сегодня очень нуждаемся в пристальном изучении мирового религиозного опыта, а не только священных книг христианства для своего выздоровления. Космос грозно стучится в нашу дверь, но разве мы не глухи? Услышавший эти стуки другой вестник и гениальный сын России, семидесятилетний юбилей которого мы справили в этом году, — Николай Рубцов возгласил: «Россия, Русь, храни себя, храни!»

Вологодский поэт увидел небо России в чёрных крестах новых захватчиков. Но ведь это рать того же Противобога, описанного Даниилом Андреевым. Антихрист, индивидуальный или коллективный, на первых порах прикроет свою суть христианской символикой. Не напоминает ли предчувствие Рубцова пророчества православных старцев о «последних временах» христианства.

Мистический опыт Даниила Андреева не только мучителен, но и драгоценен. Бесспорно, православные старцы проходили страшные времена успешнее, чем он. Почему? Потому что во всех своих мытарствах они практиковали непрерывное памятование образов Иисуса Христа и Божьей Матери как охранную грамоту и щит. Д.А. тоже чтит Христа, но, судя по всему, его памятование носило скорее литературный характер и уж точно не было постоянным. В будущей Розе Мира, как религиозно-братском объединении людей, эта главная составляющая любой религии «правой руки» — всецелая устремленность к Богу — несомненно, станет доминирующей.

Поздний день мой будет тих и сух:
 Синева безветренна, чиста;
 На полянах сердца — горький дух,
 Запах милый прелого листа.
 Даль сквозь даль синееет и притин*
 Успокоился от перемен,
 И шелками белых паутин
 Мирный прах полей благословен.
 Это Вечной Матери покров
 Перламутром осенил поля:
 Перед бурями иных времён
 Отдохни, прекрасная Земля.

Грядущая религия Итога утвердит также Любовь основным стержнем сознания и познания. Об этом Д.А. писал в полном резонансе с Евангелием: «Из святилищ религии Итога... будет излучаться призыв ко всеобщей любви и к свободному сотворчеству». Ушедший сто лет назад смирившимся с мученическим собственным жребием, более того благословившим его, он верил в то, что и тяжкая судьба сверхнарода, так называл он всех россиян, будет искуплена в будущих веках.

Мой друг, мой присмиривший русский рыцарь!
 Среди хамелеонов и ужей
 куда нам скрыться, где нам затвориться,
 как не в себя, не в собственной душе?

Там места не осталось для иллюзий,
 испепелилась с ними и печаль.
 Но светится бильярдным шаром в лузе
 надежды нержавеющей сталь.

О чем она? О том, что солнце всходит,
 что на исходе бесов торжество,
 что никогда, ни при какой погоде
 нет в мире, кроме правды, ничего.

* Предел, причал. (См. словарь В. И. Даля.)

*Всё остальное — тени, тени, тени...
За них цепляться — множить боль и грусть.
Опять увязла в тине заблуждений
поверженная демонами Русь.*

*Что нужно ей и нам? Совсем немного
и Вечность, без имен, без дележа.
Воистину при жизни узрит Бога
сама в себя ушедшая душа.*

* * *

*Ушедшая в себя душа моя,
ты вовсе не пугливая улитка,
ты всем печалям собственным — улыбка,
чужой беде — надежда и маяк.*

*Мы — клетки одного большого Тела.
Служить бы да служить Ему, любя,
но мы, как пауки, обезумело
живём и бьёмся каждый за себя.*

*И подмывает речка на излуках
терпенье самых кряжистых берёз,
и Бог, как человек, в великих муках
нас отторгает каждого поврозь.*

*Да, никуда от Бога нам не деться,
Мы все — из бесконечной той Реки.
Да, Бог и Вечность — любящее сердце,
Прощающее вечные долги.*

* * *

*Но если не простятся долги наши,
и вал шестой подымет океан,
и Ангелы прольют на землю чаши,
как говорил апостол Иоанн,*

*я верю, мой народ не сложит крылья
среди ещё неслыханных тревог,
мы Божеские страсти проходили,
нам преподали дьявольский урок.*

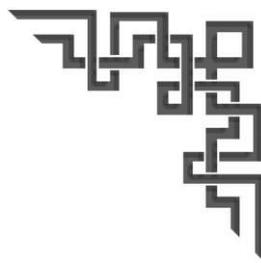
*Нас без конца мутило и штормило
и по своей, и по чужой вине.
Мы ношу, предназначенную миру,
несли за всех. И сил у нас вдвойне.*

*Лукавые! Вам кажется, что плохи
дела у нас. Но взвесит Судный День
всю трагедийность сталинской эпохи,
всё шутовство сегодняшних затей.*

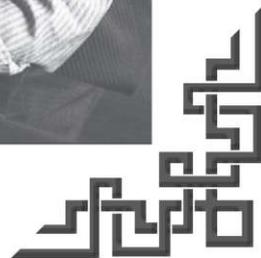
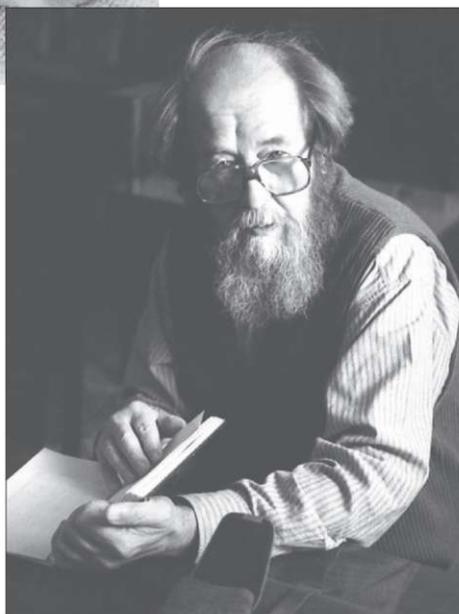
*Засветятся, рассветные одежды
седьмого дня во мраке трех шести
терпения, смирения, надежды
и красоты, чтоб крест свой донести!*

**Михаил Александрович
ШОЛОХОВ
(1905 — 1984)**

**Александр Исаевич
СОЛЖЕНИЦЫН
(1918 — 2008)**

* * *

*Ах, власть советская, твой час
Был ненадолго вписан в святцы.
Ты гнула и ломала нас,
Пришёл и твой черед сломаться.*

*Бывало, на тебя ворчал,
Но не носил в кармане кукиш.
И поздно вышел на причал,
Что никакой ценой не купишь.*

*Когда сегодня Страшный Суд
Долги последние свершает,
А телевизионный шут
На торг всеобщий приглашает,*

*Я поминаю дух и прах
Отцов, которые без хлеба,
Отринув всякий Божий страх,
Как боги, штурмовали небо.*

*Не убивал и не убью,
Не принесу свидетельств ложных,
Но их по-прежнему люблю,
По-детски веривших, что можно*

*Через кровавые моря
Приплыть к земле без зла, без фальши.
Смешная, страшная моя,
Страна-ребёнок, что же дальше?*

ШОЛОХОВ И СОЛЖЕНИЦЫН

1. Вёшенский затворник

В истории литературы вражда крупных писателей — дело нередкое. Но конфликт Шолохова с Солженицыным случай особый. Это не просто столкновение двух медведей, которым тесно в одной литературной берлоге, не разница вкусов и подходов к жизни, это непримиримый спор двух общественных систем, двух эпох, двух идеологий. И одинаково страстное по накалу служение двух душ России, служение, векторы которого направлены в противоположные стороны.

Напомню общеизвестные факты. Появление «Тихого Дона» в 1920 — 1930 годы прошлого века сразу определило место Шолохова как крупнейшей величины в литературе советской, а затем и в мировой. Не повлияла на этот факт даже снисходительное суждение очень влиятельного в ту пору в СССР и на Западе Горького, что, дескать, Шолохов при всей его замечательной талантливости всё-таки писатель «областной». Такая оценка была дана роману в письме Горького Фадееву. Замечание слишком интересное, чтобы помянуть его мельком. Приведу высказывание целиком: «Третья книга “Тихого Дона” — произведение высокого достоинства, на мой взгляд, значительнее второй, лучше сделана.

Но автор, как и герой его, Григорий Мелехов, «стал на грани двух начал», не соглашаясь с тем, что одно из этих начал, в сущности, конец, неизбежный конец старого казачьего мира и сомнительной «поэзии» этого мира. Не соглашается он с этим потому, что сам всё ещё казак, существо биологически связанное с определённым социальным укладом. Для меня третья часть “Тихого Дона” говорит именно о том, что Шолохов областной писатель, и я думаю,

что у нас будут подобные ему — уральские, сибирские и прочих территорий. Будут они до той поры, пока писатели огромной нашей страны не поднимутся на высоту социалистических художников Страны Советов, не почувствуют себя таковыми, не сознают, что фабрика более человечна чем церковь и что хотя фабричная труба несколько портит привычный лирический пейзаж, но исторически необходима именно она, а не колокольня церкви.

...Если исключить “областное” настроение автора, рукопись кажется мне достаточно объективной политически, и я, разумеется, за то, чтоб её печатать, хотя она доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут. За это наша критика обязана доставить автору несколько неприятных часов... Шолохов очень даровит, из него может выработаться отличнейший литератор, с этим надобно считаться.

Мне кажется, что практический гуманизм, проявленный у нас к явным вредителям и дающий хорошие результаты, должно проявить и по отношению к литераторам, которые ещё не нашли себя. 3.VI.31. А. Пешков».

Читая эту, по меньшей мере, странно звучащую сегодня характеристику великого романа писателем, который тоже является мировой величиной, не забудем, в какое время и с какой целью она писалась. Над публикацией третьей части «Тихого Дона» нависла угроза запрета, поэтому большой дипломат Горький, спасший в 1920-30-е годы многих людей искусства и их произведения от расправы, вынужден был «кидать кости» не знающей пощады идеологии. Вряд ли он был, понятное дело, искренен, говоря о «сомнительной поэзии» старого казачьего мира или подчёркивая живущее в Шолохове казачье «биологическое существо», скорее всего, соблюдал правила классово-идеологической игры тех лет. О том, что дело обстояло именно так, свидетельствуют дальнейшие шаги Горького, организовавшего личную встречу Шолохова со Сталиным и добившегося разрешения на публикацию продолжения романа.

А почему возникла угроза запрета?

Вторая часть «Тихого Дона» не понравилась Сталину, точнее ему не понравилось изображение красного казачества, особенно его руководителей Подтёлкова и Кривышлыкова. Своё мнение генсек высказал публично. Это был по существу приказ переписать роман, чего Шолохов делать не стал. И как следствие в него вцепились рапповские псы, служившие коммунистическим идеям ревностнее самого отца кремлёвского. Советской критике случалось затравливать насмерть художников за куда меньшие грехи и, конечно, она напала на Шолохова с особым остервенением. Горький пошёл наперекор общественному мнению, и сделал это с естественной для того времени осторож-

ностью. Хотя осторожностью нельзя объяснить всех нюансов кисло-сладкой горьковской оценки Шолохова. Дальнейшее победное шествие романа в СССР и во многих странах мира заставило даже ортодоксов марксистской идеологии смириться с поистине шекспировской мощью шолоховского гения. Но тогда же в некоторых литературных кругах вызрела легенда о том, что не мог человек из народа, не получивший должного воспитания и образования, стать автором столь выдающегося произведения. Сейчас, по прошествии многих лет, и особенно после того, как эту легенду подхватил Александр Солженицын, понятны её корни. Тем, кто всем существом своим не принимал Советскую власть, нужно было во что бы то ни стало доказать творческое бесплодие коммунистического эксперимента. Если бы Шолохов стоял на позициях Андрея Платонова, Михаила Булгакова или хотя бы по-есенински одной ногой догонял стальную красную рать, а другой скользил и падал, возможно, сомнение в авторстве «Тихого Дона» не возникло бы. Но Шолохов откровенно и безоговорочно принял сторону большевиков. Служил в продотряде ещё до того, как взялся за перо, так что Горький был совсем не прав, говоря, что писатель себя не нашёл. Политически он вопреки своему литературному герою нашёл себя сразу. Однако писательское самоопределение — дело иное. Данте в политической борьбе активно боролся на стороне белых гвельфов, даже в «Божественной комедии» поместил в ад некоторых из своих политических противников. Но в литературе Данте был представителем уникальной партии, единственным членом которой, по его собственному признанию, был он сам. Нечто подобное происходило с Шолоховым.

Шолохова до 1990-х годов прошлого столетия недоброжелатели воспринимали как донского ленд-лорда, баловня судьбы, купавшегося в деньгах от своих фантастических гонораров. Из всех советских писателей Сталин чаще других принимал в кремлёвском кабинете именно его. По рассказу сына Михаила Александровича отец, будучи в Москве, попросился однажды на приём к Л. И. Брежневу. Тот его не принял. Возвращаясь домой в Вёшенскую, Шолохов в подпитии кричал на весь вагон поезда: «Меня Сталин принимал, ко мне Хрущёв в Вёшенскую ездил, а этот чудака на букву “м” посмел отказать в приёме!».

Все первые секретари Ростовского обкома КПСС, получив утверждение в ЦК, после этого отправлялись на «утверждение» к Шолохову. Таким политическим авторитетом русские литераторы ещё не пользовались. Как же могла сочетаться эта внешне барская жизнь, лишённая малейшей оппозиционности режиму, с гениальностью? Лишь в публикациях 90-х годов прошлого века и

в начале нашего в полной мере обнажилась другая сторона жизни великого писателя, долгое время скрытая от глаз общества.

Впрочем, кое-что прорывалось на страницы печати и раньше. Уже говорилось, что Шолохов не подчинился приказу Сталина переписать образы Подтёлкова и Кривошлыкова. Таких прецедентов в советской литературе не было. Давил на писателя не только Сталин, грызли не только рапшовцы. Конец «Тихого Дона» не устроил А. Толстого, Довженко, Корнейчука, Немировича-Данченко, всем хотелось, чтобы Григорий Мелехов прибил к какому-то берегу. Даже на Западе Шолохова упрекали в натуралистичности, в слишком жестоком изображении донской реальности, так что отбиваться ему приходилось на многих фронтах. Шолохов устоял. В предисловии к одному из английских изданий «Тихого Дона» он писал: «В отзывах английской прессы я часто слышу упрёк в “жестоком” показе действительности. Некоторые критики говорили и вообще о “жестокости русских нравов”. Что касается первого, то, принимая этот упрёк, я думаю, что плох был бы тот писатель, который прикрашивал бы действительность в прямой ущерб правде и щадил бы чувствительность читателя из ложного желания приспособиться к нему...

А жестокость русских нравов едва ли превосходит жестокость нравов любой нации... И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918-1920 годах посылали свои войска на мою измученную землю и пытались вооружённой рукой навязать свою волю русскому народу?».

Это написано Шолоховым в 1934 году.

Последующий «гуманизм» Запада при атомных бомбардировках Японии и обыкновенных — Белграда, его двойные стандарты по отношению к бывшей Югославии и пока ещё не бывшей России, нынешнее стремление «западных партнёров» не мытьём, так катаньем приспособить нас под обслуживание своих интересов лишь подтверждают правоту шолоховских суждений в отношении Запада.

Шолохову в тридцатые годы пришлось наряду со многими советскими людьми пройти свою голгофу. Он чудом избежал репрессий, чудом спасшись от ареста побегом в Москву и добившись приёма у Сталина. Когда же опасность миновала, Шолохов, рискуя навлечь на себя новый монарший гнев, встаёт на защиту насильственно обобществлённого казачества. В его родном районе колхозники голодают. Он пишет об этом Сталину и добивается продовольственной помощи. Она мала, он пишет новое письмо.

«...Продовольственная помощь, оказываемая государством, явно недостаточна. Из 50 000 населения голодают никак не мень-

ше 49 000. На эти 49 000 получено 22000 пудов. Это на три месяца. Истощённые, опухшие колхозники, давшие стране 2 300 000 пудов хлеба, питающиеся сегодня чёрт знает чем, уж, наверное, не будут вырабатывать того, что вырабатывали в прошлом году...

Если всё описанное мною заслуживает внимания ЦК — пошлите в Вёшенский район доподлинных коммунистов, у которых бы хватило смелости, невзирая на лица, разоблачить всех, по чьей вине смертельно подорвано колхозное хозяйство района, которые бы по-настоящему бы расследовали и открыли не только всех тех, кто применял к колхозникам омерзительные “методы” пыток, избиений и надругательств, но и тех, кто вдохновлял на это...

Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу “Поднятой целины”.

4 апреля 1933 г. Михаил Шолохов».

Это по существу ультиматум. Никто из деятелей советской эпохи не осмеливался говорить со Сталиным в подобном тоне. А Шолохов страстно, порой очень резко защищал родное ему казачество не только в письмах, но и в личных встречах с вождём, о чем свидетельствуют кремлёвские протоколы их бесед. И диктатор вынужден был терпеть резкую критику молодого писателя, чего не позволял никому. Есть все основания предположить, что статья Сталина «Головокружение от успехов», осудившая перегибы в колхозном строительстве, как бы ни оценивали её историки, написана под влиянием Шолохова.

Нет, никогда Михаил Александрович не был ловким царедворцем. И если при жизни Сталина Шолохов давал высокую оценку деятельности генсека, а после его смерти не подпевал шакалам, вцепившимся в пятки мёртвого льва, то это свидетельствует лишь о мудрости и благородстве вёшенского затворника. В лице Шолохова советское время породило не просто гениального писателя, но и человека редкого мужества и силы, что само по себе является лучшим тестом на подлинное авторство «Тихого Дона».

Утихли споры о Григории Мелехове, куда, к какому классу или общественной прослойке его приписать. Теперь-то очевидно, что образ Мелехова — это, прежде всего, образ русского человека во всей полноте противоречивых человеческих качеств. Это Гамлет из народной толпы, заблудившийся между сгнившим «датским королевством» романовской династии и той непонятной правдой, которую несли большевики. Как человек из народа он не привык

предаваться абстрактным философским размышлениям «быть или не быть», он действовал, но это была та же рефлексия, выраженная непредсказуемыми поступками. А ещё во всех метаниях Мелехова проглядывает большая, здоровая, чистая русская душа, для которой главное — труд, справедливость, свобода и любовь к родной земле. До Шолохова в русской, а может быть, и в мировой литературе человек из народа ещё не представал в такой полнокровной красоте и мощи. Цветастый же, «областной», как выразился Горький, язык Шолохова вошёл в русскую классику, ничуть не уступая по красоте языку Тургенева, а по лиричности превосходя свежесть и своеобразие языковой палитры Лескова.

«Тихий Дон» — роман о величайших переменах века, когда лицо нового мира, рождавшегося из огня русской революции, виделось пока ещё смутно. Шолохов, как и его литературный герой, не отдают себе полного отчёта, что принесут перемены. Но ощущением огромности, загадочной противоречивости происходящего дышала вся Россия первых послереволюционных лет. В двадцатые годы ещё звенела есенинская лира, ещё горели в культуре разноцветные таланты, зажжённые до революции, хотя наступало время «страну заковывать в бетон», говоря словами того же Сергея Есенина. Шолохов успел вскочить на подножку уходящего поезда русской классики, ему позволили в этом поезде проехать какое-то время. Советский котел в 1920-е годы кипел такими искренними, страстными исканиями в политике, искусстве, науке, что не мог не выплеснуть нечто великое. А в «Поднятой целине» Шолохову пришлось уже раздваиваться. Он видел, как создавались колхозы, что говорили большевики крестьянам и что на самом деле творили с ними. Писатель частично выразил это в своём новом романе. Опять же, как никому другому, ему разрешили сказать правду. Но не всю. Одной рукой он посылал Сталину разоблачительные письма о колхозной трагедии на Дону, другой на страницах «Поднятой целины» от имени казаков восхвалял вождя за то, что тот якобы приводил в чувство некоторые закружившиеся головы.

Лгал ли Шолохов? Нет, он не лгал. Он был искренним и безоговорочным апологетом Советской власти, гениально чувствующим её историческую закономерность и необходимость. Он создал яркие образы Давыдова, Нагульнова, Майданникова — этих благородных рыцарей новой власти, написал впечатляющие сцены раскулачивания, с прежней нежностью и силой воспел красоту донской природы. Но что-то неуловимое ушло из «Поднятой целины». Это «что-то» — ощущение творческой свободы, подчинённости лишь собственному гению. У Шолохова возникла зависимость от своего положения в обществе и от другого гения, которым для писателя стал Сталин.

Постепенно приходила в относительную норму колхозная жизнь в Вёшенской, устраивалась личная жизнь литератора, но как удавка, повисло на шее Шолохова бремя славы. Он, успешно прошедший огонь Гражданской войны, выдержавший отравленные стрелы рапповской критики, уступил медным трубам славы. Смешно говорить о ребяческом стремлении к известности, как раз этим Шолохов страдал меньше всего, скрывшись от столичной суеты в Вёшенской. Драма Шолохова гораздо глубже. Она не связана с недостатками его личности. Шолохов, как и Горький, перестал быть просто писателем, он стал культурным «учреждением», символом власти. Если Горький в тридцатые годы был опекуном молодой советской литературы, то Шолохов сделался бытовым попечителем уцелевшего казачества. У него постоянно выпрашивали деньги на общественные и личные нужды, просили защиты от несправедливости, гроздьями висели на заборе его вёшенского дома зеваки со всего Советского Союза. Мне рассказывал знакомый литератор, как в молодую пору ездил на поклон к Шолохову. Постучался в калитку, она приоткрылась, и рука молчаливо протянула десятирублёвую бумажку. Великий вёшенец спасался от своей известности также на охоте и рыбалке, а там полагались обычные для русского человека способы забвения тягот жизни...

Конечно, существовал другой путь. Можно было бы уйти во внутреннюю оппозицию, подобную той, в какой находился Булгаков, спев «Мастером и Маргаритой» свою лебединую песню. Но Шолохов лебединую песню спел в начале литературного пути. И потом, в отличие от Булгакова, он был апологетом советского эксперимента при всех его кровавых эксцессах. Всякая власть имеет парадный подъезд и чёрные выходы. В случае Советской власти противоречия вопияли, Шолохов это отчётливо видел. Власть оказалась беспрецедентно великой и удачливой во многих своих делах и столь же большой в злодействах. Поднимая на щит первое, разоблачать одновременно второе было Шолохову не по силам (да и кому такое по силам!), хотя некоторое время писатель это делал. И надломился. «Поднятая целина» ещё сохраняет силу шолоховской кисти, особенно первая часть. Но уже вторая часть грешит мелкотемьем, «Судьба человека» — сентиментальностью, «Они сражались за родину» — самый слабый шолоховский роман.

Как дитя своего времени, Шолохов вполне разделял общую в 1920-е годы иллюзию атеизма. По крайней мере, нигде публично не высказывал даже намёка на свою религиозность, но как великий художник не мог не быть по своему религиозным, не мог не отметить другую «иллюзию», свойственную всем пожившим людям — веру в «иную жизнь». Молодой Гришка Мелехов искренне удивляется, как его тёзка дед Гришка Коршунов, смолоду великий

греховодник, под старость впал в набожность, мечтая отмолить грехи для спокойного ухода в инобытие.

В первой части «Поднятой целины» есть замечательный эпизод, столь же прекрасно переданный в одноимённом фильме, когда Макар Нагульников, выбив револьверной рукояткой у однохуторянина Банника обязательство сдать в колхоз семенной хлеб, кладёт голову на стол и блаженно засыпает. Он видит сон, как на боевом коне принимает участие в торжественном параде красных коников. Сияющее солнце, звуки оркестра. В торжественном строю проходят эскадроны победителей. Нагульников едет рядом с боевым товарищем, которого когда-то похоронил. Вглядывается в его лицо, спрашивает: «Как, и ты здесь? Разве ты живой? Тебя же убили под Касторной!» Товарищ, снятый в режиме рапидной съёмки, медленно поворачивает к Макару лицо, рассеивая всякие сомнения: «Разве ты не видишь — живой!».

Солнечный сон Макара Нагульнова нарушает Андрей Размётнов, вошедший в кабинет сельсовета. Макар отрывает голову от стола:

— Какой я сон видел, Андрюха! Дюже интересный!

Но трезвый Размётнов не склонен разделять иллюзий друга:

— Живёшь ты, Макар, как во сне. На тебя Банник в райком жалобу написал...

Поговорим о снах, об иллюзиях. У христиан есть понятие рая, как реализации всех прекрасных мечтаний человека в «той жизни». Правда, христианский рай имеет туманные очертания и он элитарен (туда попадают только праведники). У буддистов тоже существует некое подобие рая, он называется «девачаном» — местом приятных сновидений. Но в него, в отличие от христианского, после загробных мытарств попадают все без исключения люди, ибо заветные мечты есть у каждого человека, и все они сбываются в посмертном состоянии. Согласно буддийским верованиям после смерти человека его душа — единый в земной жизни комплекс мыслей и чувств — расслаивается. на дурные и светлые отдельно. Дурные проживаются в виде болевых ощущений (авичи — ад), светлые — как наслаждения (девачан — рай). Таким образом, буддийский рай, как и ад, для каждой души индивидуален. С подобной точки зрения, Макар Нагульников увидел во сне «свой рай» — торжество красной России «в мировом масштабе». Нужно ли распространяться на тему, что увеличенными нагульновыми были Ленин, Сталин, Мао Цзэдун, Фидель Кастро, а ранее — Чингисхан, Тамерлан, Наполеон, другие великие деятели истории, которые в кризисные периоды её реализовали собственные «сны» о будущем своих народов или даже всего человечества силовыми методами. Интуитивно понимая временность и ненадёжность

грубой силы, они, тем не менее, действуют, словно по какой-то невидимой, непонятной для них самих указке. Л. Н. Гумилёв такую указку назвал пассионарным толчком, религиозная литература именуют её Божественным или сатанинским внушением. Правда, рядовое религиозное сознание вряд ли отыщет в истории пример хоть одного крупного политического лидера, который полностью отвечал бы параметрам Божественного руководства. Со святым отшельником всё ясно, он живёт и действует в прямом луче Бога, однако деятельность большого политического реформатора, завоевателя или революционера связана с миллионами разнохарактерных индивидуальностей, которых необходимо подчинить единой воле. Отсюда в Ветхом Завете Бог — это огонь посядающий, в Новом — любовь. Подобная дихотомия с трудом укладывается в рядовое сознание, легче поделить Высшую силу на Бога и сатану.

Человеческую историю можно сравнить с театром марионеток и одновременно с театром абсурда, настолько её невыученные уроки повторяются. Природа человеческая, несмотря ни на какие прогрессы, остаётся по существу неизменной. Меняются иллюзии, а массовый, «ветхозаветный» человек один и тот же, он не хочет двигаться в царство «новозаветное» ни под влиянием проповедей, ни под воздействием страданий. Поэтому драматическое вмешательство Бога в эволюцию человечества происходит постоянно и оно походит чаще всего на козни Князя мира, чем на деятельность благого Провидения. Тем не менее совершенствование природы человека медленно, но верно всё-таки идёт. Будда определял человеческую бытийность, как постоянное страдание и видел выход из неё в Нирване, то есть в Истине. То же самое иными словами сказал и показал своим примером Иисус Христос: путь к вознесению лежит через распятие. Но это сознательный и быстрый путь единиц. С остальным человечеством Бог действует медленно и по принципу: не знаете — Научу, не хотите — Заставлю.

Вернёмся к Шолохову. Анализируя всё написанное им, в том числе сценарии его выступлений на различных съездах, которые вызывают особые насмешки сегодняшних литературных снобов, приходишь к выводу, что Михаил Александрович глубже, чем кто-либо из его современников оценил всё величие и всю трагедийность большевистской иллюзии вообще и сталинской эпохи в частности. Будущий историк найдёт в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» столько же правдивого исторического материала, сколько во всей литературе советского и антисоветского периодов, вместе взятых. Включая художественную историографию Александра Солженицына.

И дело не только в литературе.

Сегодня принято считать 73 года господства Советской власти в России бездуховным периодом в истории страны. С этим мнением молчаливо соглашаются даже некоторые коммунистические ортодоксы, для которых духовность — это синоним религиозности. Между тем огромный экономический рывок, который был сделан в сталинское время, победа в беспрецедентной по масштабам и задействованным силам войне не могли быть совершены без колоссального напряжения духовных сил людей России и без поддержки этих усилий со стороны Божественных Сил. Великие идеалы, провозглашённые Советской властью, те же, что возникали в долгой истории человечества раньше. Советская власть по существу пыталась осуществить идеи Иисуса Христа. Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», проанализировав все формы коммунистической идеологии, начиная с первобытнообщинной и кончая христианской, поставили на очередь коммунизм пролетарский, как наиболее отвечающий императивам времени. Иллюзия? Но ведь идеи Иисуса Христа в той форме, в какой их осуществила церковь и христианские монархи, а вслед за ними лидеры буржуазных стран, были не менее иллюзорными, чем большевистские. Дело не меняет тот факт, что идеология Христа в высшей степени миролюбива, а марксистско-ленинская идеология не скрывала агрессивного желания покончить с миром насилия насильственным способом. Мир Иисуса Христа — это мир в Духе и Истине, в материи же он — меч. И фактически многие христианские государи утверждали свою религиозную идеологию, как и коммунисты, с помощью морей крови.

2. Звезда Солженицына

Звезда Солженицына зажглась на литературном и, главным образом, на политическом небосклоне России, когда Советская власть шла к своему закату. Долгой диктатуры не выдерживает ни один народ, тем более такой тотальной диктатуры, какой была власть Сталина. Следующие за Сталиным руководители, как могли, смягчали жестокую тоталитарность, потому что она была невыносима прежде всего для них самих. Но у них не хватило ни ума, ни воли поменять жёсткий властный каркас, на которой воздвиг свою систему кровавый кремлёвский вождь. Никита Хрущёв выпустил из тюрем и концлагерей сотни тысяч политзаключённых, но вместе с ними на свободу вырвались фурии мести, или, пользуясь словарём Востока, — джинны Кармы. Роль одного из главных таких джиннов выпала Солженицыну. С редким упорством он атаковал власть в самых её основах, заложенных Лениным и

Сталиным. Твардовский, публикуя в «Новом мире» «Один день Ивана Денисовича», сначала не оценил всей глубины и мощи обличений Солженицына, думал только об очищении в основе здоровых советских начал, заложенных Лениным, от деформаций Сталина. Но потом сам увлёкся солженицынским обличительным пафосом и сделал свой журнал одним из главных печатных органов, расшатывавших власть.

В пылу советоборчества было позабыто, что благодаря Советской власти рухнула западная колониальная система в её наиболее одиозных формах. В страхе перед собственными кровавыми революциями Запад пошёл на серьёзные уступки малообеспеченным классам, вынужден был социально защитить все слои населения. От равновесия страха между двумя блоками, коммунистическим и капиталистическим, планета смогла в течение длительного периода обойтись без больших войн. Конечно, страх — не лучшее средство стабилизации обстановки в мире, но ветхий человек пока количественно доминирует всюду на Западе и на Востоке. Именно по этой причине, считают те же восточные учителя, Высшие Силы поддержали несовершенный коммунистический эксперимент.

Как всякий крупный человек, Солженицын не мог не понимать плюсы и минусы коммунистической системы, но история движется пока не путями Эволюции, но революционными рывками, редкие исторические сдвиги обходились без выплёскивания «с водой ребёнка». Задача разрушения омертвевшего коммунизма в Советском Союзе была поставлена на очередь, Солженицын получил свой пассионарный толчок и взялся за выполнение задачи. Действуя, как и его оппонент Ленин, по принципу «сначала ввяжемся в драку, потом посмотрим, что из этого выйдет», он стал одной из ключевых фигур в борьбе с советским строем. Вышло же по известной формуле: «Целились в коммунизм, попали в Россию». Торжественно въехавший на белом коне в Москву вслед за своими книгами, как и мечтал, Солженицын с разочарованием увидел всеобщий хаос внизу и торжество самых низменных инстинктов в правящей верхушке. Русский патриот и человек совестливый, он не мог не сознавать, что объективно способствовал торжеству негодяев. Сначала пытался увещевать их советами «как обустроить Россию», но те безо всякого стеснения выкинули Солженицына из своих перестроечных планов, принялись «обустроить» страну по-своему. Бывший кумир только путался в ногах реформаторов. Тогда писатель замолчал. В тишине продолжал свои «Красные колёса», потом написал новую книгу «Двести лет вместе» по еврейскому вопросу, осторожно давая понять, что пришедший к власти в России еврейский капитал должен действовать разумнее и дальновиднее. Власть имущие намёк поняли, но

ввязываться в дискуссии с писателем, а тем более что-то менять в денежной политике не захотели, правда, разрешили Солженицыну обширное интервью, тиражированное во многих органах массовой информации. Солженицын в этом интервью остался верен себе, критикуя всех и всё. Как он это делал на лужайке Белого Дома в Вашингтоне, где объявил Запад вторым кругом ада после первого советского, так и в новом интервью обрушил справедливый гнев на адский третий круг, в который ввергли Россию реформаторы.

А что же предлагает взамен?

Как политическую идею — развитие самоуправления, а как национальную — «сбережение русского народа». Эту последнюю идею, якобы впервые высказанную графом Шуваловым, царедворцем императрицы Елизаветы Петровны, сформулированную ещё в XVIII веке, Солженицын озвучил в вышеупомянутом недавнем интервью. Правда, не обозначил, какому Шувалову принадлежит идея, их при дворе Елизаветы Петровны было два — Иван Иванович и Пётр Иванович. На самом деле идея-то принадлежит Ломоносову, который в 1761 году написал свою знаменитую Записку «О сохранении и приращении русского народа». А покровитель Ломоносова И. И. Шувалов лишь довёл мысли великого Михайлы до сведения императрицы. Но когда цари слушали писателей и учёных? Что же касается самоуправления, то где бы и в какой форме его до сих пор ни вводили, наверху оказываются по большей части самые ловкие, а не самые честные.

Вводя Солженицына в пантеон знаменитых людей России, следует признать за ним роль по преимуществу разрушителя. В известном смысле такую роль сыграл и поздний Лев Толстой. Но за плечами Толстого гениальные романы, глубокая философия. Ничего этого у Солженицына нет. Его философия истории не выдерживает критики, его проза, за исключением «Одного дня» и нескольких рассказов, с чисто художественной точки зрения едва ли может быть сопоставлена с вершинами русской классики. А его «Архипелаг Гулаг» — слишком тенденциозен, документ чисто политический, не литературный. К тому же не всегда точный. В этом меня убедил жизненный опыт.

Вспоминаю первое ошеломляющее впечатление от «Одного дня Ивана Денисовича», опубликованного в «Новом мире». Поразила не только новизна темы, но и прекрасная проза, ёмкий, своеобразный русский язык. Потом, после прочтения «Матрёниного двора», «Случая на станции Кречетовка», напечатанных в том же журнале, я почувствовал, что в русскую литературу пришёл большой, очень большой писатель. А с «Архипелагом Гулаг» познакомился впервые только в 1975 г. в ксерокопии с оригинала, кажется, издательства

«Посев». Человек, который передал мне том «Гулага», строго предупредил — никому не давать книгу в руки. Он был ярим антисоветчиком, умело маскировавшим свои взгляды. Работал в Сибирском отделении Академии наук, имел степень кандидата исторических наук, писал статьи по вопросам истории, очень аккуратно, осторожно и умело ввинчивая в них разного рода диссидентские пассажи в духе «социализма с человеческим лицом».

Этот человек любил повторять: «Нужно внедряться, ввинчиваться в партийный социум, чтобы «очеловечить» его». В конце 1970-х Львовский обком КПСС пригласил его вместе с женой, тоже кандидатом наук, в этот украинский город работать в местном университете, чтобы «укрепить» в профессорско-преподавательской среде, традиционно заражённой украинским национализмом, «здоровое русское начало». Об этих надеждах львовских обкомовцев он сообщил мне с ухмылкой. После его отъезда на Украину я потерял с ним связь.

А в ту пору, дав мне первый том «Гулага», он пообещал после прочтения следующий. Я возвратил ему ксерокопию, но второй том просить не стал. Он крайне удивился, зная мои разногласия с КПСС:

— Неужели не интересно?

— Интересно, но одного тома достаточно.

Мой знакомый, обожавший Солженицына, считавший его вторым Толстым, разочарованно протянул:

— Я думал, ты разбираешься в литературе.

Книга Солженицына показалась мне нудной, сильно уступавшей по литературным достоинствам предыдущим публикациям писателя, а сам тон её, густо антисоветский, отталкивал, как любая передержка. К тому же я нашёл в «Архипелаге» неточности. Например, сообщалось о группе школьников из Ленинска-Кузнецкого, создавших в этом городе антисталинскую организацию. По словам Солженицына, они были арестованы, а потом исчезли в жерновах Гулага. Но я в сороковые годы сам жил в Ленинске-Кузнецком, учился в одной школе с этими ребятами, знал не из чьих-то уст, но лично, что после ареста моих однокашников, действительно, организовавших антисоветское подполье и выпускавших листовки, какое-то время подержали в тюрьме, затем выпустили. Им позволили окончить школу, продолжить дальнейшее образование. Короче говоря, органы ГБ квалифицировали их выходку как мальчишеское баловство.

В том же Ленинске-Кузнецком мы с моим другом Николаем Киселёвым (он позже стал доктором наук, профессором Томского университета) выступили в 1948 году на городской читательской конференции, посвящённой только что вышедшей «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого. По-мальчишески

раскритиковали эту книгу за низкую художественность, за газетную декларативность и оба заявили, что она недостойна Сталинской премии. Обошлось, нас не тронули.

В 1949 году я работал в местной газете «Ленинский шахтёр» репортёром, и в ней проскочила чудовищная по тем временам ошибка. Слово «Сталинград» было напечатано без буквы «р». Поздно спохватившийся редактор газеты М. И. Ульянов бегал потом по киоскам «Союзпечати» собирая злополучный тираж, но часть газет всё-таки ушла. К читателям. Редактора тоже не посадили, хотя, конечно, такая ошибка не могла пройти мимо бдительного ока органов.

Этими примерами я вовсе не хочу реабилитировать чекистскую сенокосилку. Но, живя до двадцати двух лет при сталинском режиме, много раз убеждался, что сенокосилка была отнюдь не механической и не всеохватной, гребла людей вовсе не так оголтело, как представляет это «Архипелаг Гулаг».

*Мне сладкие о прошлом чужды вздохи,
но и обиды на него — вдвойне...
Мы дети той отчаянной эпохи,
где грусть топили в драках и в вине.*

*Вино — за ожидаемые вишни,
а кровь — за обгорелые пеньки...
Мы не щадили ни себя, ни ближних,
евангельским заветам вопреки.*

*Так много ног прошло сквозь наши души,
а сердце переехало колёс,
что мимо взгляда протекают лужи
и крокодильих и овечьих слёз.*

*Не разобраться остальному миру,
как в гари им невиданных огней
мы сберегли отчизну нашу милую
и верность ей, и нежность нашу к ней.*

*Я новых потрясений не накликаю,
но вдруг придут страшней во много раз...
Как выживут народы многоликие
без неудобных для планеты нас?!*

Моё отношение к Солженицыну на протяжении ряда лет менялось. Преклонение перед Шолоховым — никогда.

Конечно, тот факт, что Солженицын пытался разогреть пущенную когда-то жареную и изрядно подостывшую утку о плагиате «Тихого Дона», не прибавил лавров автору «Одного дня» и «Гулага». Тень недостойных обвинений в адрес Шолохова до сих пор остаётся на его совести. Но также не правы те, кто усматривает в поступке Солженицына одну зависть к великому современнику или другие мелочные чувства. Дело в эмоциях иного порядка. Апологет Советской власти и убеждённый поклонник Сталина, автор «Тихого Дона» был органически враждебен сокрушителю того и другого. Солженицын в ослеплении борьбы искренне полагал, что защитник сталинского сатанизма не способен написать великую книгу. Дескать, гений и злодейство несовместимы.

Действительность посмеялась над Солженицыным. Когда была найдена рукопись «Тихого Дона», покаяться бы ему. Тем более что увядать как яркая творческая личность стал и сам гулаговский разоблачитель. Но Солженицын только махнул раздражённо рукой. Его радикальное неприятие Советской власти в перестроечную эпоху не изменилось, хотя теперь он сделал предмет своей желчи перестроечный «демократизм». Это естественно вызывает критику с обоих флангов: патриотического и «либерального».

То, что Солженицын крупная русская фигура, не отрицают ни левые, ни правые. Его считают главным разрушителем «коммунизма» в нашей стране. Но это явное преувеличение. Даже закопёрщик антисталинских разоблачений Никита Хрущёв не может претендовать на главную роль в ликвидации сталинских порядков. Порядки начали плесневеть уже при жизни диктатора по очень простой причине — в силу своей беспрецедентной жестокости они годились лишь на период «осадного положения». И когда от них устала не только власть, но и народ, наступил час Никиты Хрущёва, потом Солженицына. Сам Александр Исаевич начинал свой жизненный путь не то что правоверным, но даже пламенным революционером, ушёл на фронт, если не со сталинским, то с троцкистским креном и, только попав после войны в лагерь за неосторожные высказывания о кремлёвском хозяине, сделался столь же пламенным и неистовым антикоммунистом.

Истории и жизнь человеческая штука парадоксальная. Тем, кем стал Солженицын сегодня в общественно-литературном значении, он целиком обязан усатому вождю. За противостояние ему писатель получил и Нобелевскую премию, и мировую славу. Но Солженицын оказался слишком крупным человеком, чтобы быть обязанным только внешним обстоятельствам. Его вёл по жизни собственный пассионарный Зов. Этот же Зов вытащил его из ракового корпуса — живи, пиши, выполняй свою задачу.

Высланный за рубеж, он сумел разглядеть там обречённость западного образа жизни, культивирующего безбожие, комфорт, эгоизм. Кроме того, душа его по-прежнему жила Россией. Возвращение писателя в родную страну явило нам большого патриота. Он не принял ельцинский режим, хотя стал очень осторожен и разборчив в принятии любых политических заявлений. Ему ставили в вину, что он не всегда с патриотами, что нередко публиковал свои сочинения в либеральной печати, что пытался встать «над схваткой». Полагаю, это не от недостатка мужества. Свою непреклонность в отстаивании убеждений Солженицын проявил не однажды. Но он слишком много испытал и повидал на своём веку, на мякине его, что говорится, не проведёшь, даже если мякина пахнет патриотизмом. Он много раз имел возможность убедиться в правоте пословицы: «благими намерениями вымощена дорога в преисподнюю». Так что имеет право быть, подобно Данте, единственным членом уникальной партии «самого себя».

Нет также нужды обсуждать солженицынские планы как нам обустроить Россию. Их всерьёз не принимают ни левые, ни правые. Да и не в самих планах суть. В конце концов, замыслы многих великих политиков осуществлялись в долговременной перспективе лишь на три-четыре процента. Дело в сердце Солженицына. Горячее, мужественное, оно и на исходе девятого десятка жизни неустанно стучит на благо России. Энергия такого сердца — главная ценность для страны. А какой станет Россия, коммунистической или капиталистической, монархической или земской, или ещё какой, — это целиком в руках её народа и Бога.

Как бы мы ни оценивали литературный, политический, моральный резонанс Шолохова и Солженицына в жизни России, как бы ни относились к советскому прошлому вообще и личности Сталина, в частности, мы не можем отрицать ни величие этого прошлого, ни громадное значение обсуждаемых нами личностей.

Осуждение прошлого — грех, но обсуждение, чтобы понять его, необходимо для будущего. «Уйдёт вражда племён, исчезнут ложь и грусть» с шестой части земли под кратким названием «Русь», земли, которой завещано всеми пророками положить начало уничтожению эгоизма на остальных пяти частях земной территории. Мы настолько нахлебались потребительской грязи и пошлости, что дрогнули даже некоторые архитекторы перестройки, призывая возвратиться к ценностям советского прошлого. В головах наших ещё полно хаоса, на телевизионных сходках даже неплохие люди, искренние патриоты России стараются перекричать друг друга, превращая себя в посмешище для

многомиллионной аудитории. Солженицын на этих сборищах никогда не бывает. И слава Богу! Он работает в своём одиноком московском затворе, пишет, думает, шлифуя чистоту мысли. Чистота же, сила и постоянство мысли, даже если они сегодня не востребованы, если выглядят неосуществимыми и наивными, могут сработать в будущем. Мысли — реальная сила истории.

Остаётся высказать несколько слов о Несказуемом и о нас, а также о фигуре Сталина, которая незримо объединяла и одновременно отталкивала друг от друга Шолохова и Солженицына.

Тот, кто готовит нам Новую Землю и Новое Небо, не однажды проявлял себя в истории через пророков и гениальных людей. Понимание, что Луч Бога концентрировался на Иисусе Христе, Будде, Магомете, а также на людях, подобных Шекспиру, Пушкину, Сент-Экзюпери, Ньютону, Циолковскому, — это мы уже начинаем вместиать. Но факт, что Божественный луч сегодня шарит по нашим сердцам, напряжённо разыскивая тех, кого можно перетащить на Новую Землю под Новым Небом, — этот факт усваивается очень тяжело. По-прежнему много иллюзий возложено на «барина», который «придёт и всё рассудит». «Сталина бы сегодня!», — вздыхают порой даже очень неплохие люди России. Враги же её поливают помоями покойного диктатора, чувствуя незримое присутствие его тени в нашей сегодняшней жизни. И воздыхания по Сталину, и его очернительство есть по существу призыв к тени воплотиться в жизнь, что было бы крайне нежелательно для него самого и для страны. Сколько ещё ответственности должен взвалить на себя один человек за нашу несостоятельность, за дурное своеволие. Снова бросить страну в холодильник диктатуры — означает заморозить процесс естественного развития людей, процесс выявления потенциала каждого накануне смены Земли и Неба. Очередная диктатура лишь отсрочит такую смену. Убеждён, что Сталин для своего времени был необходимой фигурой, он спас страну от внешнего порабощения силами тьмы, хотя при этом пролил много невинной крови. Но без него этой крови было бы пролито намного больше — достаточно вспомнить планы Гитлера об уничтожении славян. В то же время сам кремлёвский вождь был достаточно трезв, чтобы видеть в диктатуре вечную палочку-выручалочку. Как показали недавние архивные открытия, в частности воспоминания начальника сталинской охраны, кремлевский вождь завещал России демократию — конечно, не такую лживую, как нынешняя, — но видел в будущей стране утверждение подлинного народовластия. Однако лишь в ту пору, когда силы тьмы прорвутся изнутри, как нарыв, чтобы истечь гноем наружу.

Сталин, Шолохов, Солженицын много сделали, чтобы подвести нас к порогу понимания, что любые внешние иллюзии будут повторяться до тех пор, пока мы не покончим с иллюзиями внутренними. Для этого нужно открыть сердце лучам Божественного Огня, который всё сильнее начинает проявлять свою мощь на планете, заставляя каждого человека снять маску, проявить свою истинную глубинную природу.

По существу, Новое Небо и Новая Земля в России уже сложены на Небесах, осталось войти в них через тесные врата сердца, через обжиг нашей внутренней печи. Печь эта — совесть, то есть присутствие Бога внутри каждого из нас. Огонь хлынул на Землю. В соединении огня космического с огнём сердечным, Бога и совести — наше спасение.

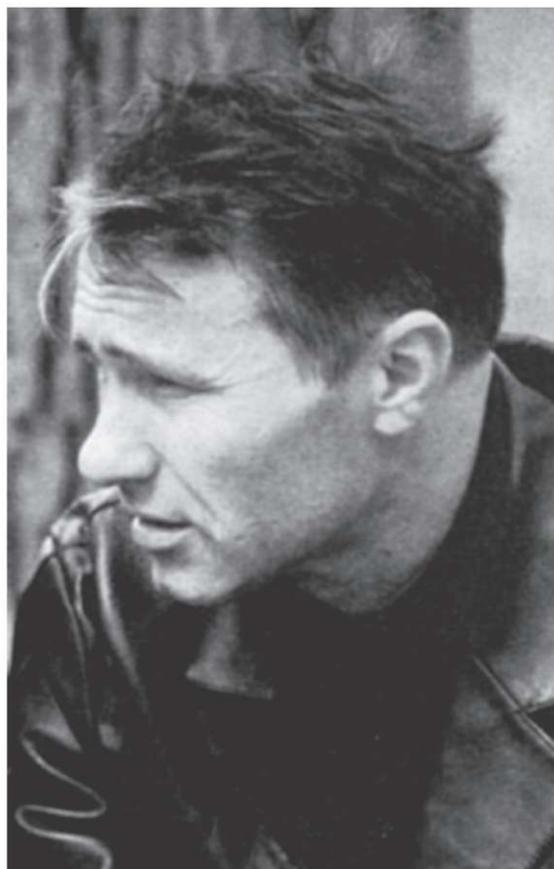
* * *

*Критик, не лови меня на слове,
что, мол, славлю сталинскую жуть.
У эпохи дьявольской на сломе
я слова охранные твержу.*

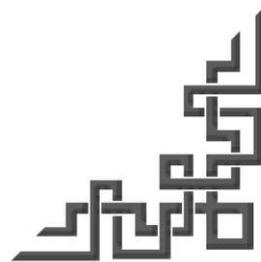
*Если вместо тихого прощенья
осуждаешь эхо прежних бурь,
приготовься, друг мой, к возвращенью
новых льдов и старых диктатур.*

*Не спеши направить злобный выстрел,
рикошет ударит под ребро...
Зло, конечно, всё решает быстро,
но всегда задумчиво добро.*

*Волки скоры, бестолковы овцы,
это всё не кончится, пока
сердце не зажжётся, словно солнце,
не на день — на многие века.*

**Василий Макарович
ШУКШИН
(1929 — 1974)**

Земля Шукшина

*В берёзах беспокойно кружит
гармошки хриплый говорок.
Усталый трактор степь утюжит,
и вьётся серый прах дорог.*

*Земля родимая, ответь мне,
зачем, не ведая вины,
не заживаются на свете
твои любимые сыны.*

*Упал, ушёл в траву с размаху,
и половины не скосив,
большое сердце, как рубаху,
до дыр последних износив.*

*Гармошка захлебнулась глухо,
а ты, подняв дорожный дым,
становишься для мёртвых пухом
и всё суровее —
к живым.*

ВО ЧТО ВЕРИЛ ШУКШИН

(Размышления о Шукшинских чтениях в селе Сростки)

В 2006-м ему исполнилось бы 77 лет. Дата не круглая, по юбилейным меркам, но по религиозным — сакральная — две семёрки. Понятно, кто любит Шукшина, те носят его в сердце всегда, независимо от юбилеев и дат. Если же такие люди собираются вместе, если их много, тогда магнит памяти, по поверьям, привлекает к памяtnому месту душу того, кто место это телом покинул.

Летом 2006-го мне посчастливилось побывать в Сростках на ежегодном празднике, посвящённом Василию Макаровичу. Конечно, праздник меньше всего походил на то, как его называют — Шукшинские чтения. Чтения — это ведь когда собираются маститые учёные мужи, во всяком случае, эрудиты, и докладывают друг другу свои научные изыскания, посвящённые выдающейся личности. Ничего подобного здесь не происходило. И самое главное, совершенно не ощущалось духа казённости, что, как правило, неизбежно в юбилейных акциях. Даже титулованные персоны, в числе которых находился сам тогдашний министр культуры Соколов, говорили просто и душевно. Остальные же, кто приехал на праздник, а это были многие тысячи людей (по подсчётам организаторов — 15 тысяч), несли своё неподдельное сердечное тепло великому выходцу из Сросток. И проговоренную или невысказанную мысль о том, как нам сейчас его не хватает. Он стал фигурой знаковой, объединяющей, бесспорной. Похоже, что его любят все, что у него нет врагов, настолько его посмертная оглушительная слава объединяет думающую и чувствующую Россию.

Были здесь, конечно, и те, кто прибыл на гору Пикет себя показать. В лучшем смысле данного выражения, то есть показать своё творчество: песни, танцы, стихи, актёрское мастерство. Но ведь вполне могли показаться дома. Тем не менее приехали без служебной командировки в Сибирь за тридевять

земель! Причём тысячи гостей это проделывают который год подряд. Конечно, на празднике присутствовал незримо и сам Василий Макарович. Зримо — в виде бронзового памятника на вершине горы работы замечательного скульптора Вячеслава Клыкоча.

С одной стороны, магнетизм Шукшина очень понятен. Шукшин привлекает любое живое сердце своей сердечностью, душевной распахнутостью, своей огромной любовью к родине и к людям, с другой, — вспомним, как он появился в литературе и в кино. Страна переживала хрущёвскую оттепель, оттаивала от культа личности и связанного с ним строго регламентированного искусства. Одновременно она «западала», как теперь говорят, на Хемингуэя, Джойса, Кафку, Пруста в литературе, на Феллини — в кино, на джинсы и плащи-болоньи — в одежде. Вроде бы ничего плохого в этом не было, названные западные литераторы и кинематографисты были людьми замечательными, одежда совсем не дурная. Но одновременно мода на всё западное нередко рождала у очень многих, особенно у молодых, пренебрежение ко всему отечественному. Советское (значит, и русское) — это скверное, а *made in USA* — эталон. Почему? А потому что мы не любили и сейчас не любим, когда нам навязывают нечто, даже если это нечто хорошее и, наоборот, любая новизна, пусть дурная, вызывает интерес. Впрочем, сегодня традиция навязывания не убывает, скорее, усиливается, только навязывают-то в основном такое, о чём и говорить не хочется..

Итак, Шукшин появился закономерно, словно по Божественному внушению именно в то время, когда Россия, всегда сама тяготеющая к разного рода заморским влияниям и как фляга мёда привлекавшая к себе разного рода чужих и своих ос, очень нуждалась в людях, которые смогли бы отстоять и сохранить, как говорят на Западе, русскую идентичность.

Он появился как Ломоносов, когда в российской науке княжили учёные-иностранцы; как Пушкин, — когда русская словесность грассировала под французскую; как Есенин, — когда нас почти одолели «люди заезжие»; как Сталин, — когда «перманентная революция» Троцкого планировала сфабриковать из нас интернациональный тип «гомо советикус».

Из всех выступлений на горе Пикет (говорят, что настоящее её название — Бекет. И оно никак не связано с понятием казачьего пикета. Но народ, словно предчувствуя рождение под этой горой великого сторожевого казака Василия Шукшина, переименовал на свой лад прежнее название), так вот, из всех выступлений на этой горе мне больше всего запомнилось слово народной артистки

России Людмилы Зайцевой. Она говорила о появлении Шукшина в Москве в солдатской гимнастёрке, в кирзовых сапогах. Он принёс в столицу конца 50-х — начала 60-х годов, в Москву кинематографическую, которая, как уже говорилось, в ту пору была в немалой степени заражена презрением к родному и преклонением перед чужим, русское народное начало. «Словно свежим ветром с гор подуло. Нам так не хватает сейчас шукшинского свежего ветра», — продолжала свою мысль актриса. И вдруг её голос перешёл на высокие плачущие регистры. «Спасите Москву! — выкрикнула она. — Москва тонет в торговом зловонии, в коррупции, в пошлости, в бездуховности!». Мало кто понял, какое отношение к празднику имеет этот плач и почему собравшиеся на горе люди должны спасать столицу. Не помню кто, кажется, Панкратов-Чёрный, выступивший после Зайцевой, хладнокровно заметил: «А почему собственно Москву нужно спасать? Москва — хороший город уже потому, что в нём жил Шукшин». Но права была, на мой взгляд, всё-таки взволнованная, может быть, даже немного истеричная Зайцева, а не рассудительный Панкратов-Чёрный. Москва, действительно, была некогда, если не хорошим, то во всяком случае жизнеспособным городом, так как в нём жил Шукшин и подобные ему. Говорю «подобные», потому что индивидуальности шукшинского типа неповторимы. А подобных становится всё меньше. Недавно ушёл неистовый (его сравнивают с протопопом Аввакумом) Александр Зиновьев. В литературе остаются Куняев, Проханов, Распутин, Личутин, Бондаренко. Можно назвать ещё несколько имён, но ряды редеют. И Зайцева била тревогу: Москва без здоровых, сильных русских людей стремительно деградирует, тонет, проваливается под землю в переносном, а теперь уже и в прямом смысле.

На Востоке есть поверье: там, где поселился хоть один праведник, там люди могут спать спокойно, в этом месте не случится ничего страшного. Может быть, поверье слишком категоричное, но, думаю, никто не станет возражать, что доля правды в таком поверье есть. Когда ушёл Лев Толстой в 1910 году, кто-то из литераторов заметил: «Пока жив был Лев Николаевич, я был уверен, что с Россией нечего непоправимого не случится. А теперь не знаю...». Так и вышло, революция произошла в отсутствие Льва Николаевича. В этой части я поддерживаю Зайцеву, но в другой — согласиться не могу, а именно в том, что кто-то должен приезжать и спасать Москву. Сегодня в опасности вся Россия, и мы, рядовые сыны её, где бы ни находились, должны рассредоточить на своих плечах тот непомерный русский груз, который нёс гениальный Шукшин.

Разве не правда, что своей пассивностью, непротивлением злу или болтовнёй вместо дела мы очень перегружаем плечи больших людей. Сердце

Шукшина не выдержало в 45 лет, как оборвалась рано судьба Петра I, Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Ленина, Есенина и других титанов, неспих тяжелейший русский крест. Я думаю, пришло время, когда Бог даёт передышку исполинам, когда Он возлагает груз на плечи всех нас — кто хочет и может помочь Родине. Кстати, если уж я назвал выше имя Ленина, несколько слов стоит сказать по этому поводу. Известно, что мечтой всей жизни Шукшина было создать образ Степана Разина в литературе и в кино. Сценарий он написал, кино снять не успел. Менее известен тот факт, что Шукшин также страстно мечтал создать образ Ленина. Стоит задуматься над этим фактом: два великих русских литератора Есенин и Шукшин поклонялись Ленину? Неужели они были не правы, а правы в оценке наших революционных вождей гайдары, немцовы, сванидзе?!

И шуткой и всерьёз затронув почти все болевые точки своего времени и таким же образом, по-доброму насмешливо, но чаще всего очень серьёзно участвуя в дискуссиях о коммунистическом будущем страны, Шукшин не коснулся личности Сталина. Ни в конце 1950-х на разоблачительной антикультурной волне, ни позже, когда волна сошла на нет, даже повернула вспять.

В чём дело? Ведь имел все основания выплеснуть в своём творчестве горечь за безотцовщину, которой обязан именно сталинскому времени. В разговорах такую горечь вышлёскивал. Но в публичных высказываниях великий сын России был сдержан. Почему?

«Позови меня в даль светлую» — одна из главных граней шукшинского символа веры. Василий Макарович обладал достаточной зоркостью художника, чтобы видеть неизбежные чёрные тени всякой дали. Те самые, что неотрывны, неуничтожимы от света, меняют лишь форму. Те самые, что пока можно обуздать только сильной и жёсткой рукой. Кроме того, как истинный сын народа прекрасно понимал народную мудрость: суди мёртвых либо добрым словом, либо никаким. Народ никогда не пел панегирики вождю, это за него делали идеологи сталинской эпохи, но и не поминал вождя чёрным словом. То и другое делала чернь, именующая себя элитой общества. Ей в своё время дал точное определение Пушкин: «Живая власть для черни ненавистна, она любить умеет только мёртвых». В случае со Сталиным лицемерная любовь и откровенная ненависть сегодня поменялись местами.

Шукшин, на мой взгляд, молчал о Сталине также потому, что даль светлая, которая его звала, не должна пристёгивать к себе память о зле, оно найдёт лазейку, само прилепится. «Пришёл человек в мир потрудиться, вырастить хлеб, сделать чудесную машину, построить дом, но ещё — чтобы не пропус-

тить прекрасного...» (выделено мной. — Ю. К.)). Ещё слова из рабочих записей Шукшина: «Важно прорваться в будущую Россию». Всё же проклятия по адресу её тёмного прошлого, с какой бы личностью эти проклятия ни были связаны, лишь призывают тьму вернуться в настоящее вновь. Вот основа эстетики Василия Шукшина и того, что он не успел нам сказать.

Шукшин принадлежал к той символической и не только символической корготе русских атлантов, которые держали и продолжают держать на своих плечах небо над землёй, периодически проходящей жестокою, но необходимую чистку. Вместе с остальными людьми проходил эту чистку и он. Не хныча, не кланяясь власти, никогда не кривя душой, как и положено настоящему человеку. Там же, где он находится сейчас, — в небе, — он поддерживает российскую землю. Народ это инстинктивно ощущает и тянется к Шукшину, потому что он, как раньше говорили, небесный заступник, охранитель народный. Кто-то из исследователей творчества Василия Макаровича сказал, что со времён ухода Есенина ни один из литераторов не собирал на свои похороны такого количества людей, как Шукшин. В Союзы кинематографистов и писателей по факту ухода его поступило 160 тысяч писем!

Над головой Шукшина после его смерти появился ореол святости. Если бы Шукшину об этом сказали при жизни, думаю, он рассмеялся бы. Более того, однажды он остановился на паперти храма, в который хотел войти, упал на колени и заплакал: «Господи, не могу войти в храм Твой, потому что большой грешник». Но ведь и многие святые называли себя при жизни точно так же — великими грешниками.

Он мог себя называть, как угодно, для нас же, чем дальше отодвигает время его фигуру, она укрупняется, вырастает в явление былинного богатыря Пересвета или сталинградского сержанта Павлова в русской культуре. Он отвергал любые чужеродные поползновения на природу русской души, умел сохранить в себе святая святых — родину. Большую и малую. Анатолий Заболоцкий, оператор «Печек-лавочек» и «Калины красной», а также друг В. М., присутствовал однажды при споре Шукшина с каким-то киношником о судьбах России. Оппонент в полемике сослался на мнение о России французского аристократа Астольфа де Кюстина в его нашумевшей когда-то книге о нашей стране. Шукшин внимательно слушал оппонента, потом сказал: «Почему Кюстин, Олеарий, кто-то там ещё, Русь, с дороги взглянувши, мерзавил? И никто не вспомнит немецкого профессора Шубарта, написавшего, между прочим, в начале века: “Англичанин хочет видеть мир как фабрику, француз — как салон, немец — как казарму,

русский — как церковь. Англичанин хочет заработать на людях, француз хочет им imponировать, немец — ими командовать, и только русский — не хочет ничего. Он не хочет делать ближнего своего средством. Это есть ядро русской мысли о братстве, это и есть евангелие Будущего!».

Своё собственное кредо верующего человека Василий Макарович исчерпывающе изложил во многих своих рассказах о русских «чудиках», в том числе в этом, сжатый вариант которого привожу ниже.

Верую

«На Максима Ярикова по выходным накатывалась тоска. Вкалывал на работе — нормально, а как свободные часы — душа болит. Жена это не понимала, ругалась: “Ой, душа болит... Ну и нервничай, чёрт с тобой! Люди дождутся воскресенья да и отдыхают культурно... В кино ходят. А этот — нервничает, видите ли. Пузырь”.

Идёт Максим к соседу Лапшину, у которого гостит родственник жены — священник, чтобы задать вопрос: “У верующих душа болит или нет?”. Батюшка взялся объяснять:

— Как только появился род человеческий, так появилось зло. Как появилось зло, так появилось желание бороться с ним, со злом то есть. Появилось добро. Значит, добро появилось только тогда, когда появилось зло. Другими словами, есть зло — есть добро, нет зла — нет добра. Понимаешь меня?

— Ну, ну.

— Не понукай, ибо не запряг ещё. Что такое Христос? Это воплощённое добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея — борется со злом. Две тыщи лет именем Христа уничтожается на земле зло, но конца этому не предвидится... Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет.

— В коммунизм, что ли?

— Что коммунизм?

— В коммунизм веришь?

— Мне не положено. Опять перебиваешь!

— Всё, больше не буду. Только ты это... понятней говори. И не торопись.

— Я говорю ясно: хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную высшую силу, которая всё это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта — победит. Иначе — для чего всё? А? Где такая сила? — Поп вопросительно посмотрел на Максима. — Есть она? Максим пожал плечами:

- Не знаю.
- Я тоже не знаю.
- Вот те раз!..

— Вот те два. Я такой силы не знаю. Возможно, что мне, человеку, не дано и знать её, и познать, и до конца осмыслить. В таком случае я отказываюсь понимать своё пребывание здесь, на земле. Вот это как раз я и чувствую, и ты со своей больной душой пришёл точно по адресу: у меня тоже болит душа. Только ты пришёл за готовеньким ответом, а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это — океан. И стаканами нам его не вычерпать...».

О религиозности Шукшина пишут сегодня разное, но сходятся на том, что человеком он был глубоко православным. И это верно. Каким православным? Цитированный выше диалог обсуждает, как сказали бы философы, онтологические проблемы бытия. Есть Бог как Абсолютная Истина и воплощённое в явлении Иисуса Христа Добро, вечно борющееся со злом. Возможно ли Его познать («дочерпаться»)? И вывод — нашими «стаканами» (читай индивидуальными сознаниями) Его «не вычерпать». Тем не менее только в исканиях, а не в получении готовых рецептов существо богопознания и всех исканий Истины. Мысли не ахти какие новые, но достаточно глубокие. Однако шукшинский бог и вера в него не в философских рассуждениях — он в деталях.

Стаканами-то оказались не человеческие сознания, но обыкновенные стеклянные посудины, в которые шукшинский поп наливал спирт, чуть разводил его водой, пил сам и угощал Максима. Своего родственника Лапшина могучий батюшка уже напоил и отправил под стол. А нового собеседника, который не соглашался с ним «поп легко одной рукой поднял за шкирку, поставил рядом с собой.

- Повторяй за мной: верую!
- Верую! — сказал Максим.
- Громче! — Торжественно: ве-рую! Вместе: ве-ру-ю-у!
- Ве-ру-ю-у! — заблажили вместе. Дальше поп один привычной скороговоркой зачастил:
 - В авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у!
 - В космос и невесомость! Ибо это объективно-о! Вместе! За мной!..
- Вместе заорали:
 - Ве-ру-ю-у!
 - Верую, что скоро все соберутся в большие вонючие города! Верую, что задохнутся там и побегут опять в чисто поле!.. Верую!

— Верую-у!

— В барсучье сало, в бычачий рог, в стоячую оглоблю-у! В плоть и мягкость телесную-у!..

...Когда Илюха Лапшин продрал глаза, он увидел: громадина поп мощно кидал по горнице могучее тело свое, бросался с маху впрысядку и орал и нахлопывал себя по бокам и по груди:

— Эх, верую, верую!».

Где подсмотрел Василий Макарович такого попа? Конечно, где-то увидел, потому что из пальца своих героев Шукшин никогда не высасывал. Но большей частью приписал попу без сомнения собственные взгляды и качества. За исключением одной важной детали — могучего здоровья.

В селе при жизни и некоторое время после ухода из неё Шукшин для иных жителей Сросток оставался прежним Васькой, завсегдатаем вечорок, любителем вышить, хотя по свидетельству того же Анатолия Заболоцкого, с 1969 года до самой смерти в 1974-м капли спиртного в рот не брал. Была в такой оценке односельчан, конечно, и зависть, и ревность к славе земляка, и другие не лучшие чувства. Но, задумываясь над отношением сросткинцев к Шукшину, прихожу к другому выводу, отдельные люди могут быть несправедливы в суждениях, но народ в целом никогда не ошибается. Сейчас почитание Шукшина утвердилось по всей стране, а в Сростках — особенно. Почему же с запозданием? А потому что народная память не спешит с утверждением почитания. Мало ли что может выкинуть объект славословия при жизни!

Мы повсеместно справляем посмертные девять, сорок дней, годовщину и не всегда задумываемся, зачем это делаем. Смутно представляем (если речь идёт о людях верующих), что девять дней душа пребывает рядом с телом, потом проходит посмертные мытарства, бродит в родных местах и после года улетает в заоблачные высоты, в рай, или в тяжких случаях спускается в ад. Так нас учит церковь. Будем считать, что это так. А куда попадают такие люди, как Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Ломоносов, Пушкин, которых народ чтит веками?

О себе и таких, как он, Шукшин говорил: «Нас подхваляют за стихийный талант, не догадываясь или скрывая, что в нашем лице русский народ обретает своих выразителей, обличителей тупого, «культурного» оболванивания». И ещё: «Вечен великий народ, и он вечно будет выводить вперёд своих мыслителей, страдалцев, заступников, творцов».

Можно ли вообразить Шукшина постоянным жителем рая, а ведь так иногда представляют вечную жизнь праведников. Шукшин при жизни, насколько я

знаю, никогда даже не бывал в санатории, а рай, как нам его рисуют, является именно своеобразным аналогом земного санатория, местом, где уставшие от земной жизни души отдыхают, набираются сил для нового воплощения. Мне кажется, что если Шукшин и попал в рай, а он за жизнь поизносился сильно (сам однажды признался в конце жизни, как катастрофически убывают силы), то, чуть набравшись в раю новых энергий, тотчас возвратился бы к людям. Так, по крайней мере, для меня звучит шукшинский символ веры в том же рассказе.

«Говоришь — душа болит? Это хорошо! Ты хоть зашевелился, ядрёна мать! А то бы тебя с печки не стащить с равновесием-то душевным. Живи, сын мой, плачь и приплясывай. Ты уже здесь, на этом свете, сполна получишь и рай и ад. Верь в жизнь!».

И в словах Ярикова «болит душа», и в словах попа о том, что побегут люди из «вонючих городов» на землю-матушку, весь Шукшин, человек с фантастической интуицией и с его отчаянной борьбой за спасение человека на земле, за укрепление души его. Эта черта — спасти, защитить Человека в человеке, или, как он сам говорил: «...не пуцу, не дам! Будь человеком!» — у него с детства.

Борис Рясенцев, сотрудник журнала «Сибирские огни», где печатался роман «Любавины», вспоминает диалог с Шукшиным во время редакторской работы над романом.

«Есть в большом эпизоде покоса (в романе) такая сценка. Кузьма видит, что в стоящую под кустиком зыбку ребёнка заползла змея. Ни матери, никого другого рядом нет. Кузьма опрометью кидается к зыбке, хватает змею и выбрасывает её. Лишь после этого, вне себя от ужаса, подбегает мать.

— Василий Макарович, знаете, вы только не сердитесь, пожалуйста, мне это, ей богу, напоминает те приёмы воздействия, которые часто используются в индийских фильмах. Не покажется ли и читателю змея в зыбке как бы цитатой оттуда? Чем-то придуманным специально для того, чтобы вызвать испуг, «вдарить по нервам»? Не боитесь этого?

Он досадливо бросил ручку на стол.

— Да какой тут, к шуту, индийский фильм! Причём индийский фильм? Какая придумка? Да я сам, понимаете, сам сделал-то!.. Когда пацаном ещё был, как раз во время покоса это и произошло, вот этими руками, — он покачал перед собой большие крестьянские ладони с расставленными пальцами, посмотрел на них, — вот этими руками выхватил из такой зыбки змею. Их же в наших местах в иное лето до черта появлялось. А вы... эка вас куда закинуло! — уже улыбнулся он».

В диалоге помимо всего прочего столкновение двух психологий: интеллектуала-редактора, видящего в литературе форму, сюжеты, влияния, вкусы читателя, — и человека-творца, в котором всё, что создано мыслью, неразрывно связано с собственным деянием. «Форма?.. — писал Шукшин. — Она и есть форма: можно отлить золотую штуку, а можно — в ней же — остудить холодец. Не в форме дело. Произведение искусства — это когда что-то случилось: в стране, с человеком, в твоей судьбе».

Как это «что-то» случается у героев Шукшина?

Шофер Пашка Колокольников из кинофильма «Есть такой парень», кинувшийся в кабину загоревшейся автоцистерны, чтобы отогнать её и спасти от неминуемого взрыва людей вокруг, на вопрос журналистки, почему он это сделал, отвечает: «по дураости». Здесь не только грубоватая шутка, за которой Пашка прячет свои высокие побуждения, здесь высокая правда жизни. Совершая подобного рода подвиг, человек действует наобум, порыв сердца опережает рассудок, рассуждать некогда. Словом, поступает как Иван-дурак, о сущности которого Шукшин рассуждает позднее в сказке-притче «Ванька, смотри!» («До третьих петухов»). Но об этом позже.

Как работал Шукшин, как он писал?

Лидия Федосеева вспоминает: «Я мыла пол в маленькой квартирке, где мы жили. Вася работал на кухне. Когда очередь дошла до пола в кухне, я сказала: «Вася, подними ноги». Он поднял ноги, сидел и писал. Я вымыла пол, убралась и тогда на него посмотрела: Вася всё пишет, пишет, пишет, а ноги всё так же вытянуты — он забыл их опустить».

А вот откровения самого Шукшина о работе:

«В новом костюме или даже в глаженных брюках ничего путного написать не смогу. А если ещё в галстук, то и строки не выжму. Не знаю, почему так. Хорошо, когда просторно, тепло и не боязно мять. (Старые штаны, валенки, чистая рубаха.) И полно сигарет...».

За ночь, работая, мог выкурить их целую пачку, а то и две, и вышить стограммовую банку растворимого кофе. Для сердца нагрузка посерьёзней бутылки водки. Но спиртное ни-ни, потому что крадёт время у творчества. А кофе и никотин только подстёгивают дух, хотя сжигают соматику. Ни в книгах В. М., ни в воспоминаниях о нём почти нет упоминаний о еде. Явный признак того, что эта проблема его мало заботила и что сам питался уж во всяком случае не по Малахову плюс. Бог с ним с телом, успеть бы родине помочь!

Каков сам Шукшин, таковы его герои. Герои же его, его «чудики», исповедующие тот же символ веры: «верую в жизнь!» — грешные, страстные,

искренние, не щадящие себя, никогда не изображавшие тех, кем никогда не были, и прикрывающие то, чем были на самом деле, грубоватым словом. И уж на печи, подобно Емеле, их представить трудно, как и самого Шукшина. Вот почему сегодняшней России так не хватает Василия Макаровича, когда народ её оставлен властью, «брошен», «опущен» ещё ниже, чем в 60-70-е годы. Но это только с виду, на самом деле народ нельзя опустить, он сегодня находится в глубоком оцепенении, продолжает жить как бы в некоей прострации. Основная часть русских умеет сохранить идентичность при любых экспериментах власти — вы действуйте сами по себе, мы живём сами по себе. Эта традиция особенно ярко проявляет себя в тех случаях, когда власть проводит эксперименты непонятные или враждебные народу. Но всему своё время...

А интеллигенция шумит, дискутирует, предлагает новые и новые реформы, до тех пор, пока не приходят матросы железняковы и не говорят: «Хватит базарить, караул устал!».

Шукшин дал своё определение интеллигенции, где во главу угла поставлена не формальная образованность, не информационная напичканность и похвальба книжным знанием, а совсем другие качества.

«Что есть интеллигентный человек? — спрашивает Шукшин. И отвечает: — Начнём с того, что явление это — интеллигентный человек — редкое. Это — беспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется для созвучия — подпеть могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса «что есть правда?», гордость... И — сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное. Если всё это в одном человеке — он интеллигент. Но и это не всё.

...Мы ломаем голову, какой он такой, интеллигентный человек? А образ его давно создал сам народ. Только он называет его — хороший человек. Умный человек. Уважительный, не мот, не пропойца. Чистоплотный. Не трепач. Не охальник. Работник. Мастер».

Из всех этих ясных и выразительных шукшинских определений выделю слово «уважительный». Именно так относился Шукшин ко всем, с кем сводила его судьба, будь то Шолохов или бездомный алтайский балалаечник Федя. Внимательно слушал каждого. Редчайшая черта сегодняшнего «публичного» интеллигента на телевидении, где умение перекричать оппонента ценится выше всего.

Виктор Астафьев о Шукшине: «За столом передо мной сидел интеллигент, не только в манерах своих, в способах общения, но и по облику... очень утончённое лицо...

У меня было ощущение огромного счастья от общения с ним, человеком очень интеллигентным».

Астафьев, сам писатель народный, в этом кратком портрете дал народное представление о человеке с большой буквы. Так выглядят на иконах русские святые. Увы, люди, окружавшие Василия Макаровича, не всегда отвечали его жизненным меркам. Но он их почти никогда не судил. Его же судят. Уже возникло шукшиноведение, и некоторые «шукшинисты» устно и печатно рассуждают, а на той ли он женился, почему она не ездит на праздники в Сростки, почему дочери не бывают на горе Пикет? Эти разговоры не только омрачают светлую память великого человека, они уведят наше внимание от главного дела его жизни, да и самому критикующему перекрывают пути к шукшинской правде. Представьте Василия Макаровича на небе слушающего подобные пересуды о его семье. Явно заходят в гнев желваки: «Какого чёрта лезете не в своё дело! Шли бы вы подальше, не хочу вас знать!».

Конечно, Лидия Федосеева не похожа на Анну Григорьевну Достоевскую, так она и не брала на себя подобное обязательство. Даже фамилию Шукшина сделала приставкой к собственной. Сама, мол, не лыком шита. И при жизни Василия Макаровича и после его ухода Л. Федосееву собственная карьера привлекали гораздо больше, чем крестьянское лыко. Но зачем и кому позволено ставить это лычко в её строчку! Гневаются на дочь Машу, которую расторопные дельцы назойливо используют в телевизионной рекламе. А того и не помнят, что однажды Шукшин взял маленьких девочек Машу и Олю на руки и сказал: «Вот то самое лучшее, что после меня останется». Он, конечно, не замедлит помочь своим кровным росткам, оказавшимся в жестокой рыночной пустыне и порой поддающимся мелочным соблазнам. Что же касается всего нашего народа, то прошедший огонь и воду, он теперь испытывается медными трубами разнообразных искушений. И народ и власть. Это третье испытание, может быть, самое тяжёлое из всех трёх. Далеко не сразу и не все его выдерживают. Окалину с нас будет счищать Судный Огонь, но не мемуарные пересуды.

Христос говорил: «Я пришёл не к праведникам, но к грешникам». Бог сводит великих людей в одну семью иногда рядом с людьми очень заурядными, чтобы подтянуть их в развитии, в становлении. Церковь не зря называет семейную жизнь таинством, и большие люди всегда стремились охранить семейные дела от посторонних глаз. Случаи, когда выдающихся сводили в одну семью, крайне редки, если иметь в виду широкую известность. Можно назвать семьи Рерихов, Дюма, Штраусов. Но бывают случаи, когда рядом с великим человеком идёт личность вроде бы не слишком приметная, но тоже очень крупная. Была такая

личность и рядом с Василием Макаровичем Шукшиным — его мать Мария Сергеевна. Она дала сыну не только тело, она вложила в это тело огромное, сжигающее Василия Макаровича пламя любви к родине, к людям. О взаимоотношениях с матерью он много написал сам, немало рассказано друзьями Шукшина, исследователями его жизни. Сам же вспоминал: «Когда поступил во ВГИК, то оказался среди студентов, чьими родителями были известные артисты, кинорежиссёры, писатели, государственные деятели, а я писал в анкете: отца нет, у матери два класса образования». Но всегда добавлял вслух: «Несмотря на это, ум у неё почище, чем у иного министра». Ум умом, но главное у Марии Сергеевны — большое сердце. Своего Васеньку, «своё дитёнка» она обожала с детства. Подростка даже на Катунь купаться не пускала, боялась, что утонет. С годами любовь её росла. Ответное чувство было таким же пламенным. Как-то Шукшин заметил: «Только бы мне умереть раньше её. Если случится наоборот — я не переживу её долго». Случилось, как он хотел.

Она наполнила сына всепоглощающей материнской любовью, а в нём её чувство распространилось на Россию, на её народ. Одним словом, мать Шукшина — это половина самого Василия Макаровича. Он любил её больше, чем жену, больше, чем детей. Для него мать и родина как бы сливались в одно понятие. И после смерти (она пережила его на пять лет, умерла в 1979 году) они вместе. Он на вершине Пикета, как бронзовый памятник, тело её под горой, её могилка первая на сротскинском кладбище, которое находится как раз у подножья Пикета. Мария Сергеевна — вот первый духовный родник, из которого проистекает река Василия Шукшина.

Мать и сын

*Он в металле на верху горы,
под горой она в могиле тесной.
Оба вышли из земной игры
на просторы Матери Небесной.*

*Оба нахлебались горя власть,
также славы. Всё, как и положено.
Оба знали, что не даст пропасть
ничему Заступница хорошему.*

*А земная не уберегла,
столько силы в грудь его вложила,*

*столько безоглядного тепла,
что в груди не выдержали жилы.*

*Но теперь их судьбы вновь сплелись,
держат, из села не улетая,
он плечами бронзовыми —
высь,
а она душой —
простор Алтая.*

Если же говорить об истоках Шукшина как мастера кино, то часто называют имя Михаила Ромма. Сам Василий Макарович не однажды уважительно отзывался об этом выдающемся деятеле советского кино. Но участие Ромма в судьбе Шукшина переоценивать не следует. Веское слово при приёме В. М. во ВГИК сказал чрезвычайно авторитетный член приёмной комиссии народный артист СССР Николай Охлопков. Именно он первым разглядел в Шукшине парадоксально талантливого самородка, хотя в иных воспоминаниях Охлопков представляется, как противник приёма сибиряка-переростка в киноинститут. Во-вторых, с первых дней учёбы творческий почерк Шукшина обозначился совсем по-иному, чем у Ромма, с которым он часто спорил. В третьих, по окончании учёбы Ромм не взял Шукшина в своё кинообъединение, пригласил других учеников во главе с Андреем Тарковским. Ещё одна тема, широко обсуждаемая в критике, — взаимоотношения этих двух выдающихся выпускников ВГИКа. Шукшин не оставил публичных высказываний о творчестве сокурсника, а Тарковский оставил. В 1981 году на вопрос об отношении к Шукшину ответил так: «Я очень хорошо отношусь и к нему, и к его фильмам, и к нему как к писателю, но не уверен, что Шукшин постиг смысл русского характера. Он создал одну из сказочек по поводу российского характера. Очень симпатичную и умильную. Были писатели в истории русской культуры, которые гораздо ближе подошли к этой проблеме. Василий Макарович, по-моему, этого не достиг. Но он был необыкновенно талантлив! И в первую очередь он был актёром. Он не сыграл своей главной роли, той, которую должен был сыграть. Очень жалко. Он мог бы в своей актёрской ипостаси нащупать тот русский характер, выразить который стремился как писатель, как режиссёр.

Простите, может, кого-нибудь не устраивает то, что я говорю о прославленном и защищаемом народом Василии Макаровиче Шукшине, моём друге покойном, с которым я проучился шесть лет. Но это правда — то, что я говорю о нём».

Конечно, сказанная «правда» принадлежит только Андрею Тарковскому. Народ уже в 1976 году, стихийно организовавший праздник на горе Пикет, сам определил, чья правда о русском национальном характере ему ближе — автора «Андрея Рублёва» или «Калины красной».

Те, кто глубоко входит в творчество Шукшина и литературу о нём, сталкиваются с фактом какой-то особой мистической связи Василия Макаровича с образом Степана Разина. Именно не простая влюблённость писателя в казацкого вождя, но глубокое внутреннее родство. Начать с того, что школьник, ученик шестого класса Вася Шукшин, услышав песню о Стеньке Разине, которую пели соседи, неделю ходил под её впечатлением и настойчиво упрасивал мать записать слова песни. Один из ранних рассказов Шукшина назван «Стенька Разин». Ни одну из своих работ он не вынашивал так долго, как фильм о Разине. В. М. ведь и приглашение Сергея Бондарчука сняться в фильме «Они сражались за родину» принял главным образом потому, что это давало возможность побывать на Дону, визуально изучить места, связанные с атаманом-бунтарём. Примечательный штрих: отказался в будущем фильме от сцены казни Степана, вычеркнул её из сценария, задумчиво пояснив:

— Я не переживу эту сцену, физически не перенесу. Умру сам.

Один из друзей Шукшина, побывав с ним на месте бывшего Яицкого городка, резиденции Степана Разина, заметил, что даже походка Василия Макаровича там изменилась. Он пошёл тяжёлой развалкой грузного большого человека. Походкой Разина.

О чём всё это может говорить?

Однажды мой знакомый спросил, не думаю ли я, что Шукшин воплощение Разина?

— Да брось ты! — была первая моя реакция на прозвучавшую неожиданную мысль.

— Перечитай шукшинский роман о Разине, — последовал совет.

Перечитал. И в самом деле, что-то очень глубокое, далеко не художническое роднит русского писателя с казацким атаманом. Оно уже в самом заголовке. Воля в русском языке это и свобода, и наш пространственный простор, и человеческий произвол, тот самый, который толкнул Степана Разина на бунт.

«Я пришёл дать вам волю» — не только название сценария, не только глубокое проникновение в душу казацкого атамана, но и своеобразное, совсем не разинское кредо самого Василия Шукшина. Степан Разин хотел учредить всеобщую казачью вольницу в России силовым путём, истребив ненавистных бояр. Строго говоря, это было то, что сделал позднее Ленин, обставив свою

акцию научными постулатами Маркса. Вот откуда интуитивное тяготение Шукшина к Ленину. Шукшин тоже видел будущую Россию, устроенную на принципах казачьего самоуправления. Но никогда не отваживался обрисовать политические контуры такого самоуправления, обжёгшись разинским опытом. И ленинским — тоже. Мы-то теперь воочию, непреложно убеждаемся, что, сколько ни руби головы боярам, буржуазии, контре или ещё кому-то, головы эти отрастают, как у Змея Горыныча. И в самом деле. 73 года кровавой коммунистической мясорубки с благими и не с благими намерениями, а что получилось. Люди остались те же, если не сделались хуже. Мы спрашиваем, почему народ не протестует против всеобщей продажности, установившейся в России под лозунгом рыночной экономики. А потому, что все лимиты внешнего бунта исчерпаны. Остаются упования на лермонтовское «Но есть, есть Божий суд наперстники разврата!».

У Шукшина упования были, скорее, не лермонтовские, пушкинские. В своих статьях последних лет он говорил о воле словами Пушкина — как о тайной свободе. Повторяю: в целом ряде последних статей и в романе-сценарии «Я пришёл дать вам волю» на все лады варьируется, перекачивается эта мысль, что без внутреннего освобождения человека невозможно говорить ни о какой его внешней свободе. Было ли это следствием лично пережитого Разиным-Шукшиным трагического опыта, так ли уж важно? Важна сама мысль. В ней ответ на вопрос, почему наш народ безмолвствует сегодня, когда другие народы кипят. Перекипел за всю свою мучительную историю. И это, может быть, совсем не плохо, потому что выкипают-то в основном очередные иллюзии.

Виктор Астафьев сказал о Шукшине ещё такие слова: «Пройдут годы, всё так же будут шуметь берёзы, всё так же будет катить воды Катунь, но я уверен, что слава этого человека, облик его будет в годах всё более благороден и светел, и на эту гору с каждым годом будет всё больше народу приходить... Просто так, как ходят к Пушкину».

Астафьев попал в точку. Сияние звезды Шукшина с годами возрастает и в стране и в мире. Подобно звезде пушкинской. Правда, мы привыкли оценивать значение отечественных гениев в соответствии с их международным резонансом, что не всегда адекватно реальному потенциалу личности. Пример — тот же Пушкин. На Западе его ценят больше с наших слов, писательский авторитет Достоевского и Толстого там намного выше. Нечто подобное происходит и с Шукшиным. Хотя он получал международные призы, но фильмы Шукшина на Западе известны гораздо меньше, чем, скажем, фильмы Андрея Тарковского. «Калину красную» западная пресса квалифицировала, как «фильм об аутсай-

дере жизни» или «о раскаявшемся гангстере». По образцу «Крёстного отца», где показана трагическая история нераскаявшегося бандита. Шведский критик Дис Хостад с иронией изложил сюжет фильма как «беспокойное странствие Прокудина, начавшееся на русском Севере, которое вызывает интерес даже у иностранца, хотя описание рассчитано на «домашнее употребление».

Известно, что уголовный мир тоже не принял «Калину красную», потому что Егор Прокудин не соответствует образу настоящего вора в законе. «Меня меньше всего интересует уголовная грань Егора Прокудина, больше — нравственная, — говорил Шукшин. — На эту тему — о падении души человеческой можно сделать много других фильмов. С другими героями. Скажем, взять судьбу какого-нибудь благопристойнейшего на вид бухгалтера или ревизора. Он живёт себе тихо-прилично, не пьёт, не курит, работает нормально. Вроде бы всё хорошо, а человек-то духовно погиб. Но мне такую судьбу нисколько не жаль. А Егор вызывает сочувствие, сострадание, потому что находит мужество признаться и себе и другим, что живёт несправедливой жизнью. И он не только признаётся в этом, но предпринимает отчаянную попытку свою жизнь переломить, повернуть её к лучшему. Но так случилось, что он ушёл от корней, ушёл от матери. И, таким образом, уйдя — предал. Предал! Вольно или невольно, но случилось предательство, за которое он должен был заплатить. Момент, или, так сказать, вопрос расплаты за содеянное меня очень, ну вот по живому волнует...». Нас — тоже. Потому что «Калина красная» — это фильм о нас сегодняшних, пусть не предавших окончательно свою страну, но позволивших в значительной степени навязать ей чужую тропу, чужие нравы, вольно или невольно. И где бы ни появились русские люди раскаявшиеся, уходящие с этой тропы, даже ценой собственной жизни, там надежда, там свет.

Недостаточно оценено на Западе также литературное наследие Шукшина. Опять же со слов нашей критики его рассматривают иногда в контексте «деревенской литературы». Или, что ещё более забавно, как писателя-диссидента в годы застоя. Ну, да Бог с ним, с Западом! Нам бы самим разобраться с собственными гениями. К Шукшину при жизни всегда было настороженное внимание, как со стороны власти, так и со стороны тех, кто под неё копал. Вспоминаю такой случай. В начале 1974 г. на Западносибирской студии кинохроники режиссер Валерий Новиков и кинооператор Владимир Лапин сняли для ежемесячного хроникального киножурнала «Сибирь на экране» большой сюжет о Шукшине, который в ту пору находился на Алтае. Спустя некоторое время Шукшин умирает, страна скорбит, студия решает сделать сюжет единственным в киножурнале и превратить журнал в документальный фильм, который мож-

но было бы тиражировать на всю страну. Но для этого нужно было согласие Госкино России. Я, как главный редактор западносибирской студии, поехал в Москву утверждать заявку. И получил нагоняй. Заявку не приняли, студию обязали сократить сюжет о Шукшине, разбавить журнал другими сюжетами и оставить нашу работу региональным явлением. Мотивировка: незачем тиражировать «пребывание Шукшина в Сибири на всю страну».

Сколько же самому Василию Макаровичу пришлось пройти мытарств, проталкивая свои фильмы — повторять не надо.

Но и делать из Шукшина противника власти нет никаких оснований. Он относился к ней по-пушкински: плетью обуха не перешибёшь. Более того, был замешан в некоторых «реакционных» акциях. Например, активно участвовал в борьбе с так называемыми стилистами. Это забытое ныне словечко приклеили в 1960-е годы к молодым людям, «шарившим под Запад», то есть носившим длинные волосы, узкие брюки и слишком пёстрые галстуки. Было дело, воевал Василий Макарович с юнцами, но делал это не потому, что его заставляла власть, а потому что сам не терпел балбесов, все интересы которых сводились лишь к следованию западной моде. Восставал весь его русский нрав. Кстати, одевавшийся подобным образом молодой Андрей Тарковский говорил геологам в Сибири: «Увидите, я ещё человеком стану».

Лидия Федосеева рассказала: шли они с мужем по Западному Берлину в ту пору, когда берлинская стена ещё стояла на месте. Федосеева, как всякая женщина заглядывалась на витрины роскошных магазинов, нередко отставая от туристической группы. А Василий Макарович тихо шипел:

— Лидка, ближе к стаду!

Почему шипел?

Конечно, в каждой туристической группе из Советского Союза находился в ту пору стукач. Но не только по данной причине негодовал Василий Макарович. Где бы он ни был, его всегда оскорбляла склонность многих из нас слишком «западать» на западные муляжи. Наследие, от которого не можем избавиться до сих пор.

Шукшину принадлежит часто цитируемое ныне знаменитое выражение «Нравственность есть правда». На этих словах цитату часто обрывают. А ведь дальше следуют огненные слова: «Не просто правда — а Правда. Ибо это мужество, честность. Это значит жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду». Шукшину вторит Валентин Распутин: «Тысячу раз прав Шукшин — народ всегда знает правду». Мещанское понятие нравственности как врождённого кантовского категори-

ческий императива опирается прежде всего на букву, требующую от человека поступать так-то, а не иначе. Обыватели Кёнигсберга сверяли свои часы, видя Канта, выходящего на прогулку в строго обозначенное время. Шукшинское понятие нравственности ведёт происхождение от «нрав народный»: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта. Не отдавай за понюх табаку наши песни, наши сказки, наши непомерно тяжёлые победы, наши страдания. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Транссиб

*За вагонным окном
проводами расчерчены ели.
От Москвы до Сибири
по всей необъятной Руси
пряжу белую ткнут
молчаливые наши метели,
и вдогонку вагонам
седая лошадка трусит.
Через ямы и кочки,
сквозь пошлость и бесов ужимки
Русь рысит, не спеша,
по раздольной дорожной петле.
Прикасаются нежно
февральского снега пушинки,
словно пальцы ребёнка,
к уставшей от грязи земле.
Наважденья уносятся
в тёплом берёзовом дыме.
Наглотались мы вдоволь
чужих и сластей, и страстей.
Проплывёт деревенька
в душе всколыхнёт и подымет
задремавшие корни
среди шумной листвы новостей.
Так судьба прочертила*

*славянскую нашу орбиту,
новизна в ней всегда
упирается в древний завет —
возвращаться из города
к сельским просторам забытым,
из колодцев бетонных
на снег выбираться, на свет...*

Частично «Калина красная» — это фильм о собственном внутреннем конфликте Шукшина. О катарсической коллизии, плодотворной для него самого и для его малой родины, где имя Шукшина сделалось, можно сказать, культовым. До сих пор не утихают разговоры, кто Шукшин, прежде всего: литератор, режиссёр, актёр. Он сам дал повод для таких разговоров, без обиняков называя своим основным делом литературу, под конец жизни неоднократно говорил о необходимости «завязывать» с кино, вернуться на постоянное жительство в Сrostки исключительно для занятий литературным творчеством. Тоже самое советовал ему Шолохов: на трёх конях далеко не уедешь, пересаживайся на одного. Но не зря сказано: человек (даже гениальный) предполагает, однако располагает им всё-таки Бог. Поступи Шукшин сразу в Литинститут, Россия бы лишилась актёра, которого в стране ещё не было. Шукшин-киноактёр — феномен удивительный, никто до него не жил в кино так, как он. Даже Бабочкин в «Чапаеве», даже Чирков в трилогии о Максиме. Потому что в случае Шукшина артиста как бы не видно, всё театральное, искусственное отжато могучим прессом личности, остаётся «се — человек». Бабочкин в «Чапаеве» один, в «Актрисе» другой, в каком-нибудь театральном спектакле третий. Шукшин в любой роли тоже многогранен и, тем не менее, всюду он один и тот же со своими звероватыми, но пронизанными великой скорбью и великим человеческим теплом глазами. Ни у одного из актёров зритель не видел ничего подобного — полное отсутствие лицедейства даже в самом лучшем смысле слова. Отсюда его огромное, ни с кем несравнимое в кино эмоциональное воздействие на зрителя. Вот отзыв одного из них: «Смотрел недавно “Калину красную”. Несмотря на то, что я человек совсем другого типа, я, может быть, как никто другой, понимаю, что вот именно это и есть то, что нужно: простота — и ой какая непростота, и любовь, и злоба, и, что главное всего, это здорово ткнёт людей на очень важное и многих, наверно, заставит оглянуться. И покраснеть от стыда, что самое главное — (живём) в дерьме и в пренебрежении (к России)».

Конечно, растущая всенародная любовь к Шукшину — во многом от кино, на которое сам он жаловался, что украло у него много лет, предназначенных литературе. Но, повторяю, внутренний творческий конфликт Шукшина оказался чрезвычайно плодотворен.

Иногда говорят, что ежегодные Шукшинские чтения в последние годы претерпевают как бы некоторую инфляцию. Их перестали посещать известные писатели, близкие друзья Василия Макаровича. У меня сложилось противоположное мнение: чтения только набирают обороты, делаются поистине всенародными.

В Сростках сейчас три музея Шукшина: под музей отдали два дома, где он жил, и старое здание школы, где учился, бывало, получая двойки по русскому языку и литературе. В классе возле парты Васи Шукшина установлено дежурство школьников. В бане, где мылся, всегда свежие веники.

В первый день на сельском спортивном стадионе при многотысячном стечении народа выступали фольклорные коллективы со всей страны, исполнялись сольные вокальные и танцевальные. И, пожалуй, ярче всех, лучше всех выглядели земляки Шукшина. Разве это не его заслуга?! Но что, может быть, больше всего поразило присутствующих: все шесть часов, пока шла концертная программа праздника, над головами людей описывал круг орёл. На это нельзя было не обратить внимания. Пошёл шёпот: «Васина душа кружит. Радует, что помнят».

Мы живём в очень тяжкое время, может быть, ещё более тяжкое, чем шукшинское. Когда смотришь наше телевидение, такое ощущение, что тьма беспросветна. Не так давно показали телевизионную дуэль двух политиков — Жириновского и Хинштейна. Не самый худший вариант на политическом небосклоне. Слушая их спор, ведущий дуэли Владимир Соловьёв подвёл итог: «Выходит, ни в правительстве, ни в президентской администрации, ни в думе нет ни одного деятеля, который так или иначе не был замешан в коррупции или в других грязных делах, так?». Хинштейн и Жириновский молчат. Соловьёв повторил свой вопрос с уточнением: «Вы, дуэлянты, в том числе?». Снова молчание. «Кто же будет исполнять закон о коррупции, если во властных структурах нет ни одного некоррупцированного человека?» — задал последний вопрос Владимир Соловьёв. Новое молчание.

Послушаем, как видит разрешение этого абсурда глубокий атеист, а на самом деле глубоко верующий человек — недавно ушедший Александр Зиновьев. Он сказал: «Нужно прямо и честно признаться, что мы проиграли. Библейский зверь 666 — американский доллар — завоевал всё обозримое

мировое пространство. Что же делать? Стоять до конца! Даже в поражении. А вдруг случится чудо? Вдруг на Нью-Йорк упадёт метеорит?». Это было сказано в 1994 году, до террористической атаки на торговые небоскрёбы в Нью-Йорке. А потом были 11 сентября, торнадо, тайфуны натуральные и символические, например, в здании Организации Объединённых Наций, тоже расположенном в Нью-Йорке, отчего разгневанный американский президент даже пригрозил распустить ООН, о чём я скажу чуть ниже.

Так что за чудом, которого ждал Зиновьев, дело не станет. Но ведь нужны и исполнители чудес — шукшинские чудики. К счастью, они не только чисто русское явление, чудики есть во всём мире, хотя в России их особенно много. Не Шукшин открыл их. Первой дала образ чудика русская народная сказка, потом наиболее ярко — Николай Лесков и Михаил Шолохов. Шукшин же с необычайной силой показал их как живую основу, как двигатель жизни народа. И то, что это так, подтверждает сегодняшняя действительность, когда сжатая в страшных тисках рыночной экономики и зависимости от Запада Россия держится силой подобных чудиков. Они, невзирая на невыплату заработной платы, ходят на работу, поддерживают умирающие заводы, делают замечательные научные открытия, учат школьников, пишут стихи и картины, рожают детей индиго, которых, как показывает статистика в России больше, чем в любой стране мира.

А на противоположном конце света в Венесуэле другой чудик, президент этой страны Уго Чавес, повёл настоящее наступление на могущественного президента Соединённых Штатов Америки Джорджа Буша, лезущего со своей ядовитой рыночной демократией всюду, где его не просят. Назвал его дьяволом, от которого пахнет адской серой, имея в виду сатанинскую власть доллара, на которой основано могущество США. И что?! Проглотила официальная Америка заявление венесуэльского вождя. Весь мир аплодировал ему в лице лидеров подавляющего числа государств, представленных в ООН, где выступал Чавес. Значит, за чудиками стоит какая-то ещё не вполне понятая нами сила, неосознанная надежда.

В конце концов, своего рода «чудиком» остаётся и основатель христианской цивилизации. До сих пор его главный Завет — возлюбить ближнего своего как самого себя, остаётся благим пожеланием, а слова о любви к врагам вообще не поняты. Как и формула, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в царство небесное, а также, что Бог и мамона несовместимы. Увы, многие, очень многие пока совмещают. Но, похоже, такому совмещению приходит, как выражаются на Востоке, «кырдык».

Не хочется заканчивать разговор о большом человеке, о чуде 1960-70-х годов прошлого века уменьшительным суффиксом, пусть даже слово «чудик» введено им самим. Время, как мы видим, укрупнило Шукшина, его героев и проблемы, которыми они болели. Что впереди? Что будет с нами в те времена, когда русская земля в первую очередь, а потом вся Земля, завершит давно предсказанные очистительные апокалиптические бури?

Мечта Шукшина о возвращении человека из заблудшего «вонючего» города к всегда праведной земле — не нова. Она волновала многих художников, начиная с античных времён. И катаклизмы писаной истории не однажды выбрасывали толпы людей из городов в деревни. Тем не менее города-спруты, по выражению Эмиля Верхарна, продолжают пережёвывать человеческие особи, выплёвывая их в обезличенную и большую массу. Значит ли это осуществление мрачных пророчеств о полной деградации человечества и замене его биороботами? Пример Шукшина показывает альтернативу такому пророчеству: здоровый человек из народа, алтайский мужик, попав в город, «стал разумен и велик». К себе в родную деревню в физическом теле возвратиться не смог, возвратился в теле духовном, но какой же мощный культурный импульс дал родным Сrostкам, а также всей стране!

Русская литература со времён Пушкина напряжённо искала образ героя эпохи. Были Онегины, Печорины, Чичиковы, Платоны Каратаевы, Павлы Власовы, Павки Корчагины. Героем нашего времени Шукшин назвал демагога. Правда, уже Гоголь в «Мёртвых душах» нащупывал черты такого героя в образе юрисконсульта, но там были намечены только контуры, дана лишь тень, прячущаяся за спинами полнокровных образов. Во времена Шукшина демагог встал на ходули и вырос до небес, расплодив вокруг себя целую армию продажных душ. Сегодня он хозяйничает всюду в окружении рокеров, брокеров, хакеров, педерастов — невиданного в России узаконенного паноптикума человекообразных. Однако небеса ему неподвластны, ибо оттуда сверкают молнии и гремят громы очистительные

Но пока суд да дело, демагог петляет, как заяц, в умах простодушного народа, плёная коровьи блины, то есть варианты рая небесного на земле: то ваучеры, то царство небесное за 500 дней, то продажу Сибири Америке за баснословные доллары. Сегодня он коммунист, завтра демократ, послезавтра патриот... Василий Макарович в завещании «Ванька, смотри!» (опубликованное оно носит название «До третьих петухов») самим названием выразил главное, что хотел бы напомнить русским людям. «Смотри, Иван, чтобы тебя в который раз не облапошили консультанты. Сохраняй свою самобытность и делай своё дело. Также не ходи к умникам за справкой, что ты не дурак».

Не пойдёшь — самое худшее не позовут на «Апокриф» к Ерофееву. Пойдёшь — замучают до смерти справками, пропишут в подмосковных Петушках и соорудят памятник Ерофееву, который не Ванечка, а Веничка! А прочие «ерофеевы» будут на твоём памятнике докторские диссертации защищать.

Народ устал от демагогии и потому так потянулся к Шукшину. Он, создавший своих литературных чудиков-героев, противостоящих всеобщей демагогии и лжи, сам стал национальным героем, удовлетворившем тоску русских людей по правде.

*Я — за Ивана-дурака,
за то, что дураку не спится,
когда он знает, что жар-птица
взмывает где-то в облака,
За то, что ладной меркой скроен
и с умниками не в ладу,
за то, что он в самом аду
не струсит перед сатанюю,
а станет краше и сильней
из адской вынырнув купели
за то, что ненавистны цели
великой Родины моей
всему планетному мещанству
за то, что я имею счастье
родиться сыном мужика.
Я — за Ивана-дурака!*

На Шукшинских чтениях 2009 я не был. Находился в это время в глубинке Горного Алтая — в Уймонской долине. Когда-то ещё в 1920-е годы прошлого века Н. К. Рерих предсказал, что возрождение России, а потом и мира начнётся с Алтая. Ему вторил известный американский предсказатель Эдгар Кейси, заявивший, что в конце XX — начале XXI века мир вступит в эпоху катастроф, единственным устойчивым местом, с которого начнётся новый цикл развития Земли, будет Западная Сибирь. Австрийский философ Освальд Шпенглер в книге «Закат Европы», опубликованной в 1916 году, также утверждал, что эпоха западноевропейского культурного цикла в мировой истории завершается, наступает время русско-сибирского. Об этих пророчествах сегодня много говорится в СМИ. Я решил сам посмотреть, что сегодня происходит с Алтаем, не только степным, сrostкинским, но и с горным. Что увидел? Во-

первых, Уймонская долина, как и другие районы Алтая, интенсивно заселяется приезжими из Москвы, Питера, Новосибирска, Тюмени и других городов. Например, в село Чендек переехало на постоянное жительство 60 семей горожан. Ещё несколько лет назад добротный дом здесь можно было купить за 70-100 тысяч рублей, теперь цены подскочили до полутора-двух миллионов. Но приезжие не только покупают дома, строят сами. В селе Замульта увидел целый посёлок таких домов.

Кто едет, покупает, строит?

Прежде всего духовные искатели самых разных направлений и оттенков. Но вместе с ними «неангажированные» художники, музыканты, писатели... И просто жители больших городов, уставшие от суеты. Я езжу в долины Алтая ежегодно, начиная с конца 1970-х годов, когда только-только начинался процесс заселения их духовными искателями. В те времена, действительно, была некоторая полоса отчуждения, даже конфликты между местными жителями и приезжими, которые порой приносили свой устав в чужой монастырь. Но с той поры много воды утекло. Местные очень скоро поняли, что приезжие несут много полезного: культуру, обновление внешней и внутренней сторон сельской жизни, наконец, внимание со стороны властей и деньги. Что касается «чуждых уставов», то в школах появились учителя с более высоким образовательным уровнем, в домах культуры — профессиональные музыканты и художники, словом, Уймонская долина выиграла во всех отношениях. И не только она. Преобразился весь Чуйский тракт, некогда воспетый Шукшиным в фильме «Живёт такой парень». Сегодня он, начиная с Маймы до Усть-Семинского моста, напоминает сказочный городок, застроенный затейливыми теремами туристических баз.

Неузнаваемо изменилась родина Шукшина Сростки. Появился изящный, тоже напоминающий большой расписной терем, храм; реконструированы шукшинские мемориальные строения, проложены новые дороги. Преображение Алтая совершается слаженным дуэтом властей и народа. И не только. Скупают земли и строят себе дворцы также «новые русские». На случай «конца света» в прежних местах дислокации и продолжения его в «сибирском цикле», согласно Шпенглеру. А ещё потому, что человек чувствует себя в условиях алтайских гор необыкновенно хорошо. Правда, человек не всякий. Энергетика Алтая обладает удивительной особенностью: она не терпит в людях ничего низменного и пошлого. Либо перемалывает в человеке такие качества, либо исторгает его из благословенных мест. Каким образом? Человек начинает пить, болеть, деградировать...

В Замульте я снимал комнату у Владимира Родкина, человека, относящегося к категории духовных искателей, переехавшего в алтайское село из провинциального городка по ту сторону Урала. Он купил дом, построил в усадьбе новый, а старый приспособил под турбазу, где я неделю и жил. Супруги Родкины отлично вписались в жизнь села, держат корову, другую живность, зарабатывают на туристах. А ещё Владимир строит дома, которые затем продаёт. В прошлом Родкин — шофёр, откуда и вооружён мастеровыми способностями. Но приезжают люди, тесно не соприкасавшиеся с рабочими и крестьянскими делами. Жизнь заставила их строить дома, заводить огороды, держать скот. Да ещё «окормлять» местное население городской культурой. В той же Замульте уже несколько лет действует школа для местных детей, где помимо школьной программы их обучают живописи, музыке, боевым восточным искусствам.

Что плохого могут сказать деревенские люди о таких приезжих?

До сих пор среди патриотической интеллигенции можно услышать сожаление о невозвратной гибели деревни и связанной с ней национальной культуры. В своё время существовала группа писателей-деревенщиков, культивировавших такие настроения в литературе. Шукшина тоже иногда причисляли к «деревенщикам». Это, конечно, не так. Шукшин как великий художник — явление национального масштаба, индивидуальное, не групповое. Живя в городе и занимаясь искусством, он не утратил ни деревенских, ни мастеровых навыков. То же самое можно сказать о многих представителях современной русской интеллигенции. Чеховский тип неприспособленного интеллигента благодаря советскому перевороту безвозвратно канул в прошлое.

А что можно сказать о владельцах садово-огородных участков, к которым принадлежит большинство городского населения? Это же прекрасная школа сохранения связи с землёй на случай, если большие города всё-таки придётся покинуть. Город был дан Богом людям для выращивания в нём культуры, но теперь с наступлением Новой Эпохи приходит время распространения духовной культуры по всей земле.

В Уймонскую долину, а точнее в Замульту приезжал известный индийский святой Пайлот-баба. На сайте в Интернете о нём сказано, что он в прошлом пилот, лётчик ВВС Индии (откуда прозвище Пайлот-баба). Зарекордирован в книге Гиннеса, как ас, летавший на русских МИГах на минимальных высотах. Достигнув высокого воинского звания (полковник), он внезапно покинул службу и удалился в Гималаи, где провёл двенадцать лет в молитвах и медитациях. Достиг святости, которая по индуистским понятиям, выражается в том,

что Пайлот-баба месяц без пищи и воды провёл заживо погребённый, затем семь суток находился под водой без аквалангистского снаряжения, наконец, сутки провёл в полном вакууме без скафандра.

Когда этот святой прибыл со свитой учеников в Замульту, где собрались духовные искатели со всей Уймонской долины, то повёл себя, как тишичный шукшинский чудик. На все вопросы о его духовных «рекордах», заявленных на сайте, отвечал шутками. Известно, что практика достижения святости во всех религиях требует полного растворения ума в сердце. С этого и начал свою беседу Пайлот-баба, объявив ум величайшим достоинством человека и одновременно главным врагом всего живого на Земле.

— Как же достичь растворения ума и полного подчинения его сердцу? — был задан вопрос

— Надо научиться служить людям, а не обслуживать только самого себя.

— Но это трудно достижимо.

— Да, на это уходят годы и годы...

— А как понять правило Вед — научиться осознавать себя здесь и сейчас?

— Можно растворить ум здесь и сейчас, получив хороший удар по голове, — невозмутимо, без тени улыбки ответил Пайлот-баба. — Сразу потеряешь рассудок.

— Бабаджи (святой отец), я хочу получить от вас благословение и посвящение.

— На что и зачем?

— Чтобы обладать вашими сиддхами (духовными достижениями).

— Какими?

— Жить без пищи, без воды, без воздуха.

— Этого можно достичь и без меня. Подставьте голову под такой удар по голове, чтобы никогда уже не подняться на ноги, — опять же совершенно серьёзно порекомендовал бывший «пайлот». — В девачане души всю жизнь пребывают без того, с чём вы хотите расстаться на земле.

Я привожу только малую часть беседы со святым из Индии. Конечно, в Замульте было обсуждено много очень серьёзных вопросов и главный из них — роль Алтая в современном мире.

— Здесь, как и в Гималаях, родина всех земных цивилизаций. Кроме того, здесь пребывают спящие и развоплощённые великие духи планеты. Если вы сумеете позвать и разбудить их, Россия и вся планета будут спасены.

У нас часто цитируется пророчество великого философа Индии Вивекананды: «Россия в будущем поведёт за собою весь мир, но путь ей укажет Индия». Сторонники ортодоксального православия видят в этих словах посягательство на самобытность нашего пути, на измену русской идее в угоду восточному оккультизму. Бывая в Индии, я убедился, что такие опасения безосновательны. Восточный оккультизм в том виде, как он трактуется западными и нашими жёлтыми СМИ, с презрением отвергается подлинными риши (мудрецами) Индии, исповедующими настоящий индуизм и буддизм. Достижение сиддх и демонстрация их обывателям запрещены, вербовка паствы — тоже. Что же касается будущего России, то свою задачу мудрецы Индии видят не в том, чтобы наставить нашу страну на дублирование индийского опыта, а в том, чтобы помочь нам осознать уникальность собственного.

Приведу ещё один духовный текст Востока: «Алтай проецирует процессы, происходящие на Солнце, и распределяет их по всей Земле. Солнечные пятна оказывают влияние прежде всего на алтайскую атмосферу. Электрозаряженность ауры Алтая мощнее на порядок других регионов. Жизненные силы Солнца сфокусированы здесь. Жизнеспособность Алтая возрастает за счёт эндемичных форм растительного и животного миров. Не только атмосфера проявляет поток космических энергий, но и представители минерального царства. Замечены свечения гор, камней и даже озёр в определённых местах. Нисхождение Огненного Мира насеет мощь неожиданную. Зовы доносит ветер. Пламя костра приобретает формы необычайные. Облака разворачивают картину эволюционную мироздания, словно живые персонажи истории сокровенной. Пуповина планеты принимает новую порцию энергии зарождения...

Катаклизмы грядут, и человечество должно задуматься о зыбкости своего существования. Только объединённая молитва способна победить красного тигра. Только молитва о благе ближнего противостоять может волнам подземного огня....

Алтай вибрирует как самая чуткая мембрана жизненной антенны на новую энергетическую реальность космоса...».

Такой чуткой человеческой мембраной был Василий Макарович Шукшин, неоднократно задававший вопрос: «Что с нами происходит?» и отвечавший, подобно мудрецам Индии: «Происходит стремительное обнажение сущности каждого. Задача каждого в новой реальности — устоять, остаться человеком!»

Во что же верил Шукшин, если сказать коротко?

В правду, в искренность наших дум и чувств, в ответственность нашего пребывания на земле, как тружеников. Не в упражнения по созданию русской Идеи, а в следование Её императивам, как это делали до сих пор лучшие сыны Отечества.

Ещё Василий Макарович верил в русскую удаль — качество, которое, увы, исчезает из жизни, по крайней мере, из виду. В недавно шедшем по телевидению фильме о войне показывали документальные киноматериалы о взятии нашими войсками Львова. Юный солдатик сбрасывает немецкий дорожный указатель и ставит наш. «До Берлина 1200 км». Постоял, подумал и приписал мелом: «Ни х...я, дойдём!». Дойти до Берлина нас заставила фашистская Германия, ушли же мы из него добровольно. Но удаль юного солдатика где-то растеряли. Теперь на новом этапе истории с той же непреклонной верой отцов и дедов, с их самостоятельностью, ох, как хочется дойти до себя, до своих корней! Вернуться к торжеству Русской Идеи.

Алтайская земля — очаг будущей цивилизации, построенной на основах духа, сегодня, как и вся Россия, атакуется тьмой. Там пытаются устроить игровую зону, соорудить на Катунь новую ГЭС, как будто примера катастрофы Саяно-Шушенской нам мало — бунтует Земля против хозяйственных вавилонов. Тем более, когда они нацелены на голую прибыль. Но незримо охраняют священную землю Стражи Алтая, к которым прибавилась душа Василия Макаровича Шукшина.

Пикет

*Бьются волны Катунь о берег,
бьются капли дождя о металл.
Он один на вершине не верит,
что недвижим и бронзовым стал.*

*Он привык до рассвета трудиться,
а не праздно блестеть на виду,
И теперь, одинокая птица,
руки-крылья сложил на ветру.*

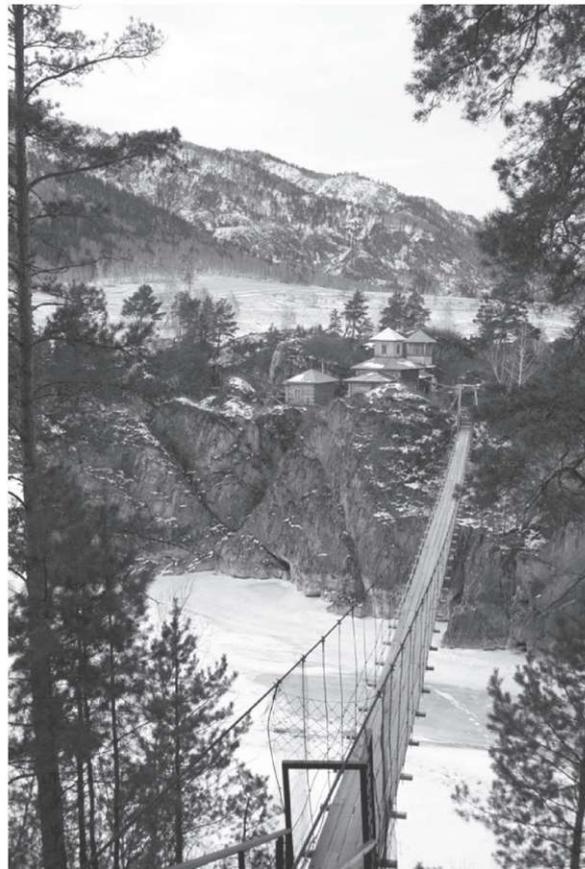
*Что он думает там одиноко?
Нам поведать хотел бы о чём?
Что рассветную правду Востока
мы напрасно от Запада ждём?*

*Что извёл своё сердце в надежде
нас любовью своей оросить?
И теперь напряжённю, как прежде,
озирает пространства Руси.*

*Кто его вспоминает, как сказку,
кто зевнёт сквозь дремотный оскал.
— Как же, знал загулявшего Ваську,
нет плетня, под которым не спал!*

*Что ж, страдал, чем страдает Россия —
буйной ширью весенней реки.
Но в зените своём пересилил
И хмельной и другие грехи.*

*Ну, а мы ещё маемся, вздорим,
дремлем в прошлом, которого нет.
Он сидит на бессменном дозоре —
одинокий казачий пикет.*

ВЕРНИСЬ В СОРРЕНТО
фантастический рассказ

Золотой век

*И был январь, и падал с неба снег,
И становился на земле скрипучим.
И шёл по снегу новый человек,
И улыбался солнышку и тучам.*

*И был апрель, и падал с неба свет,
И становился изумрудным плюшем,
И в лужи превращался серый снег,
И человек, смеясь, шагал по лужам.*

*И был октябрь, и падал с неба дождь,
И вся земля испытывала вялость.
И под дождём бродил всё тот же бомж,
И вся ему природа улыбалась.*

*И вновь летел густой январский снег,
Неуловимый, словно ипотека.
И брёл полуодетый человек,
Веселый странник золотого века.*

Нынче осенью, а точнее, в начале октября 2008-го года, побывал я на острове Патмос, который находится на реке Катунь, протекающей в районе посёлка Чемал Республики Алтай. Остров ещё называют «Макарием» в честь святителя Макария (Невского), который прибыл в эти места ещё в середине XIX века молодым священником, прослужил здесь много лет, миссионерствуя среди местного населения. Это был выдающийся подвижник православия, настоящий светоч его. Макарий долгое время без помощников вёл не только все церковные дела, но был учителем грамоты, врачом, акушером, наконец, мудрым советчиком жителей Алтая и по части духовной, и по самым разнообразным проблемам мирским. В любое время дня и ночи он отправлялся верхом на лошади в отдалённые стойбища, выполняя неотложные нужды алтайцев. Макарий оставил по себе в этих местах легендарную память. В настоящее время руководством РПЦ он причислен к лику святых. Понятно, что человек такого уровня не мог дать названия острову на сибирской реке случайно. Но почему именно Патмос?

Есть церковное предание, что Иоанн Богослов, давший христианскому миру Откровение, или по-гречески, Апокалипсис, которое вошло заключительной книгой в Новый Завет, имел видение двух храмов. Один из них будет построен на острове Патмос в Эгейском море, где сам Иоанн получил своё Откровение, а другой — в Сибири, в горах Алтая.

Есть другое предание местных алтайцев, что последняя битва между силами Света и силами тьмы произойдёт на реке Катунь и победное знамя Владыки мира — Белого Бурхана будет развернуто сначала над горами Алтая, а затем над всем миром.

Вот с такой информацией, вековой и двухтысячелетней давности, размещённой на многих рекламных сайтах туристических фирм в Интернете, я приехал с группой друзей в посёлок Чемал Республики Алтай, чтобы поклониться Патмосу.

Нам повезло. Многолюдное в летние дни место паломничества оказалось пустынным, а обстановка — дивной. Щедро сияющее, но не жаркое солнце, огромное без единого облачного пятнышка небо и роскошная палитра золотой алтайской осени. Мы оставили машину на месте, обозначенном для парковки, и отправились к острову через сосновый бор пешком.

Лес кончился, нашим глазам открылся висячий мост через реку, за ним — громада острова. Я бывал на Катунь во многих местах, начиная от её рождения в ледниках Белухи, и далее по течению — в Катон-Карагайском районе Казахстана, в районе Усть-Коксы, по Чуйскому тракту, наконец, в шукшинских Сростках перед её соединением с Бией и образованием Оби. Видел ряд островов, порогов, живописных глыб среди речной катунской стремнины, но ничего подобного Патмосу не встречал на реке никогда. Остров походил на замок, но только не мрачной средневековой архитектуры, — или на древний русский струг, но колоссальных размеров. Сходство именно с расписным стругом придавала также пылающая крона осенних лиственниц, берёз и ярко-красная листва кустарников на фоне тёмно-зелёных хвойных деревьев, растущих на Патмосе.

Мы ступили на мост, глянули вниз и замерли... С этой точки остров выглядел как драгоценный камень в оправе кольца-реки. Только цвет кольца был бирюзовым, а камня — золотым. Катунь в осеннюю пору на всём своём среднем течении имеет яркий бирюзовый оттенок. Она лишь в истоках, когда вытекает из ледников, белого цвета, откуда, кстати, пошло название Беловодье, и в конце, — когда становится Обыю, приобретает серо-зелёный оттенок. Здесь же, у Патмоса, Катунь, замедляя бег, становилась похожей на прекрасный зелёно-голубой витраж, в котором причудливо меняются разные водяные знаки, словно кто-то чертит таинственные иероглифы на воде.

Описываю то, что поддаётся некоторому описанию, но никакими словами невозможно передать ауру чарующей тишины, которая охватила меня, когда, стоя на мосту, я смотрел вниз, в небо и окрест. Состояние можно было назвать блаженством, экстазом, исихией, катарсисом, полнотой жизни... В словах ли дело?..

На острове возвышался небольшой храм. Находившаяся там послушница Татьяна тихим голосом рассказала нам историю его возникновения, гибели и нового рождения. Построен был храм в начале прошлого века по благословению того самого легендарного Макария, который после своей службы на Алтае и в Томске был переведён в Москву, стал митрополитом Московским и Коломенским. Но Алтай Макарий не забывал никогда, построил в Чемале не только церковь на Патмосе, но также больницу, школу. Храм в конце 1920-х годов большевики разрушили. А в 1991-м году в посёлке появилась чета москвичей — Виктор Николаевич и Галина Сергеевна Павловы. Они задумали восстановить труды Макария. Для этого продали московскую квартиру, ма-

шину, мебель, приобрели на Алтае скромное жильё, а все остальные деньги вложили в восстановление храма. Для начала построили висячий мост, потом взялись за строительство церковного здания, которое завершила уже Барнаурская епархия...

— Иконы появилась... — закончила свой рассказ Татьяна, подведя нас к ликам Божьей Матери и Николая Чудотворца.

Тонкий аромат мирры исходил от образов. Светлые лики проступали сквозь почерневшую от времени олифу.

— Обновляются... Мироточат... — торжественно прошептала послушница.

Покидая Патмос, я решил посидеть в лесу, на берегу Катуня. Выбрал уединённое место, сел на лавочке. Сколько просидел, сказать не могу, течение времени в этом месте не чувствуется, словно оно остановилось. Но, думаю, моя созерцательная пауза продолжалась не долго. Если бы отсутствие было длительным, то друзья, которые прошли вперёд к машине, наверняка вернулись бы меня искать и нашли бы быстро, поскольку территория леса у храма невелика.

А моё душевное состояние на лавочке было продолжением блаженства, испытанного на острове, хотя слабее, и сопровождалось разными мыслями, которые лениво проплывали в голове, как облака в небе.

Я пытался сосредоточиться, молиться, и вдруг боковым зрением заметил, что рядом со мной на скамейку кто-то сел. Повернув голову, увидел человека в чёрном монашеском одеянии, средних лет, голубоглазого, с небольшой бородкой. Солнечные лучи, пробивавшиеся через ветки высоких сосен, создавали иллюзию голубой дымки, словно на картинах Шишкина. И лицо человека казалось нереальным в окружении этой дымки, парящим, призрачным. Я инстинктивно сделал мысленное крестное знамение. Человек улыбнулся, видимо, почувствовав моё душевное движение.

— Понимаю, понимаю ваше состояние, обороняетесь против прелестей. Успокою вас, я вполне реальный человек, не видение, не фантом. Хотя... — он несколько секунд помолчал, — здесь бывают и фантомы, скажем так, невысокого свойства...

— Вы о чём?

— Когда окончили строительство этого храма, некоторое время не могли подыскать достойных насельников-монахов. Пришлось оставить сторожем одного из бывших строителей, в прошлом судимого. Вызвался сам на охрану,

клялся, что не посрамит имя Иоанна Богослова, в честь которого назван храм. — Мой собеседник снова замолчал, видимо, ему не очень хотелось вспоминать прошлое. Потом продолжил: — Стал безобразничать, водить сюда таких же друзей-пьяниц, как сам и, наконец, умер от инфаркта. Сейчас тень его бродит в этих деревьях. Некоторые чувствительные люди видят мрачную тень, спрашивают, как черти могут добраться до самых святых мест? — закончил свой рассказ монах.

— У меня такой же вопрос, — заметил я.

— Не хитрите, сами знаете, как они сюда добираются. Где много света, там тьмы ещё больше, не так ли? Я ведь знаком с вами.

— Не припомню что-то...

— Имею в виду ваши статьи, книги, фотографии в книгах...

— Понятно! Ну что же, давайте знакомиться лично. Моё имя вам известно. Кто вы?

— Можете называть Иваном Ивановичем, — как-то странно улыбаясь, ответил монах.

— Не по правилам играете, Иван Иванович. Вы знаете меня по моему настоящему имени, а сами укрываетесь за псевдонимом.

— Ну что ж, называйте отец Иоанн. Хотя вам, человеку старше меня вроде бы неудобно величать меня так. Какой я для вас отец!

— Ничего, я к неудобствам жизни привык. Кстати, ловлю вас на первом неудобстве. Объясните, почему с увеличением света умножается тьма? Количество церквей и священников в стране растёт как на дрожжах, а нравы-то не улучшаются. Даже — наоборот. Почему?

— По кочану.

— Я серьёзно спрашиваю.

— Я серьёзно и отвечаю. Церкви-то растут, как кочаны в огороде. Можно при них пристроиться — и грызи капусту всю жизнь. Работа, как говорится, не пыльная...

— Вы, монах, так оцениваете деятельность церковного ведомства?

— Я не ведомство оцениваю — людей. Рыба ищет, где глубже, человек — где лучше... Церковь сегодня в моде, вот и хлынул в неё разный люд. И хороший, и всякий, и тёмный. Многие идут в священники, чтобы укрыться за алтарём от штормов жизни. Другие — капитал приобрести и невинность соблюсти. То есть прожить спокойную жизнь на земле и заслужить себе такое же безметельное место в раю. Все нынче понимают, идёт светопреставление,

нужно определиться где-нибудь по соседству с Богом. Укрыться, так сказать, за его необъятной спиной.

— Интересно, отец Иоанн, слышать от вас такие разговоры, — удивился я. — Вы говорите о своих коллегах — «разный люд». Неужели все такие? Я, например, знаю совсем других священников. Один по совместительству с работой в церкви возглавил колхоз в родной деревне. Не захотел равнодушно смотреть, как разваливается хозяйство, как спиваются мужики. И ведь вытянул, по слухам, колхоз.

— И я таких знаю. И Макарий был таким, иначе мы с вами не встретились бы здесь. На том стоит и стоять будет церковь. Пока не переведутся в ней живые люди. Церковь ведь не фирма — люди.

— Тут мы с вами сходимся, отец Иоанн, на все двести процентов. Люди есть в церкви, были в прежней власти, есть в нынешней. Дело ведь не в том, как называется организация, КПСС или РПЦ. Главное, кто управляет организацией. Так?

— Так.

— Но живых людей в любых организациях, ох, как мало! Не так ли?

— Согласен, мало. Их никогда много не было. Помните, как Господь собрал апостолов и сказал: «Идите и проповедуйте Слово Моё. Вас мало, но вы, как дрожжевая закваска. Придёт время, тесто будет готово, и черти одумаются».

— Насчёт теста и чертей, которые одумаются, я таких слов в Евангелии что-то не припоминаю, — возразил я.

— Это я вам говорю, — рассмеялся мой собеседник. — Уточняю, так сказать, слова Господа.

— Вам дано право уточнять Писание?

— И вам оно дано. И любой, кто говорит правду, может, дополнить мнение Господа. Мыслью, Словом, Делом. Право и правда — одно и то же.

— Как вы хорошо выразились! Наши демократические правозащитники вам бы за такие слова в ладоши похлопали, — ехидно поддакнул я.

— Одумаются! — решительно повторил отец Иоанн.

— Неужели?

— Куда им деваться? У чертей ведь сегодня тоже полный разброд и самоедство. Прав они дали всем выше головы, а пользуются ими только сами. Говорят, что хотят, делают тоже, что душа пожелает, денег полно. Всё у них есть, кроме счастья. Меняют любовниц, жиреют, болеют дурными болезнями, спиваются, отстреливают друг друга. Если не сами, так дети... А тут ещё

наводнения, землетрясения, оползни всякие... В Европе морозы ударили. В Америке торнадо...

— Подождите, подождите, вы о каких чертях говорите, отец Иоанн?..

— О тех, что были, о тех, что есть, что мельтешат на телевидении. Вспомните большевиков: начали, как черти, а кончили как люди. Сначала сотворили в России великую смуту, потом выиграли самую страшную в истории войну, построили могучую державу.

— И увенчали её рыночным раем...

— Дело обыкновенное. Захотелось, чтобы всё было, как у соседних чертей. Кроме того, соскучились по революциям. Устроили новую, денежную, конца ей пока не видно... Только те большевики души-то не портили, а эти душегубством занялись.

— Вы знаете, отец Иоанн, мне приходилось беседовать с некоторыми нынешними чертями, как вы изволили выразиться. Что-то не замечал я у них желания одуматься и прекратить душегубство.

— А человек и не может измениться сам. Изменяет человека Господь. Он его сотворил из глины, вдохнул огонь Свой, обжигает глину веками. Глину, которая лжёт, грабит, бесчинствует. Он её в нас не только обжигает, но и отжигает. Когда потихоньку, когда круто... Вы ведь в ваших статьях цитируете Писание: «Бог есть огонь поядающий».

— Увы, отец Иоанн. Если посмотреть на историю, так там, действительно, одни огни, нас поядающие. То войны, то революции, то природные бедствия... Когда это закончится, по вашему мнению?

— Уже кончилось, — неожиданно ответил мой собеседник. — Гляди! — впервые он обратился ко мне на «ты».

Я огляделся. Передо мной пылали тем же ярким осенним пламенем свечи берёз и лиственниц, плыл по бирюзовой Катунь прекрасный струг Патмоса, рядом стояли тёмноликие сосны. Но всё было другим, и я сам сделался другим. Я чувствовал себя водой Катунь, храмом острова, каждой травинкой и каждым деревом этих мест. Блаженное состояние усилилось во много раз, и в то же время всё тело пронзил священный трепет. Вспомнились пушкинские строки: «И внял я неба содроганье, и горний ангелов полёт, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье...»

— Отец Иоанн, что вы сделали со мной?

Но на мой вопрос никто не ответил. Я повернул голову в сторону, где сидел монах, скамейка была пуста.

К ней шли друзья, которые отправились на розыски меня.

Вернувшись в Новосибирск, я засел за стихотворный отчёт об увиденном. Впечатления от острова стояли в глазах, как живые, однако стихи шли с большим трудом, не хватало слов. Главная мысль определилась сразу и чётко: алтайский Патмос нёс идею, отличную от той, которую исповедовал апостол Иоанн на острове в Эгейском море: эпоха страданий на Земле закончилась, наступает царство спокойствия, красоты, радости. Такая мысль пронизывала меня всего, вибрировала в моём теле с головы до ног. Но словесные краски для передачи состояния, которое охватило меня на острове, давались тяжело.

Подняв голову от стола, я вдруг заметил боковым зрением, что рядом со мной кто-то стоит. Ни лица, ни одежды различить было нельзя, но когда я повернул голову в сторону тени, чтобы лучше её разглядеть, она исчезла. Так повторилось несколько раз. Опыт взаимодействия с «теньями» на Алтае у меня был, поэтому никаких особых волнений я не испытал. Помню однажды, во время похода к Белухе, мы остановились на ночлег в низком болотистом месте. Обычно, разбивая бивак, мы читали «Отче наш» и посылали краткое сообщение духам мест, что наше пребывание будет недолгим и что мы пришли с благими намерениями. В этом же случае из-за позднего времени и сильной усталости ни молитвы, ни «послания» не совершили. Ночью, выбравшись из палатки, я увидел в лунном свете высокие тени, угрожающе обступившие лагерь. Пошёл навстречу одной из них. По мере моего приближения она уменьшалась в размере, а когда подошёл к ней, увидел на земле в лунном свете тёмное пятно.

Знал я и случаи автоматического письма под диктовку теней. Со мной, правда, такого не случалось, но мне приходилось получать по почте стихотворные «мессейджи», полученные от «теней» Есенина, Пушкина, Блока. Мои корреспонденты уверяли меня, что они общаются с указанными «теньями», но качество этих небесных посланий вызывали серьёзные сомнения в идентичности «теней».

Моя же тень была молчалива, ничего не диктовала и не вызывала во мне протеста. Как только я закончил стихотворение, она исчезла, оставив благоуханный аромат ладана. Стихотворение помещаю ниже.

Остров на Катунь

*Мы шли по лесу, осенью зажжённом,
мы подошли к висячему мосту,*

*и замерли на нём заворожённо,
робея потревожить красоту.*

*Река, замедлив бег и даже пятась,
внизу круги чертила и кресты.
Из них вставал подобьем струга Патмос —
наследник Иоанновой мечты.*

*Её на остров перенёс Макарий,
он завещал: здесь вспыхнет новый мир.
Мечте берёзы, словно помогали,
горя свечами в голубой эфир.*

*Пылали также лиственницы жарко,
сбивая с кедров царственную спесь.
Владыка Хронос, ревностный служака
всех перемен,
не шелохнулся здесь.*

*И всё, чем нас пугало Откровенье,
что обещало страшную войну,
желтело, зеленело, багровело,
преображаясь в мир и в тишину.*

Прошло три месяца.

Конец каждого года и начало следующего я обычно провожу в Москве у сына. Решаю кое-какие деловые вопросы, главным образом издательские. И в декабре нынешнего года тоже отправился в столицу. Сын живёт рядом с Лефортовским парком, где я обычно по утрам делаю часовую физзарядку. В эту пору в Москве нередко идут дожди, поэтому в парке присмотрел нечто вроде крытой веранды, где прячусь от непогоды и совершаю свои упражнения.

...Отжимаюсь на руках от пола, рядом падают капли дождя, вдруг смотрю — по соседству с моей головой вырастают мокрые башмаки. Поднимаюсь, вижу знакомое улыбающееся лицо.

— Отец Иоанн! Какими судьбами?!

— На этот раз имеете полное право называть меня Иваном Ивановичем.

В самом деле, мой знакомый был в плаще и в кожаной кепке, наподобие той, какую носит московский мэр Лужков. Голубоглаз, свеж лицом, но... чисто выбрит.

— Разве монахам разрешается брить бороду и ходить в гражданской одежде? — осведомился я.

— Это то, что вас в данную минуту больше всего интересует? — добродушно откликнулся мой визави.

— Нет, меня больше всего интересует ваша удивительная способность вдруг исчезать и также внезапно появляться.

— Многолетняя тренировка, вроде вашей зарядки, — поскуцнев, ответил Иван Иванович, он же отец Иоанн.

— И всё-таки, как вам это удаётся?

— Что именно?

— Ваши внезапные появления, как в древнегреческих драмах — дэус экс махина? Честно говоря, мне трудно понять, как у вас это получается?

— Так вы же сами в книжках пишете о всяких чудесах, телепортациях и тому подобном. Книжки ваши, как уже говорил, я почитывал.

— А ещё там, на Алтае, вы ввели меня в удивительное состояние. Когда же я очнулся — вас нет. У меня столько вопросов возникло...

— Отвечать?

— Был бы вам весьма благодарен.

— Тогда по порядку. Насчёт того, как удаётся... — рабочая необходимость. Ушёл же я спокойно, не слишком быстро, а вы пребывали в вашем... — он помолчал, подыскивая слово, — погружённом состоянии. Сами говорите, что очнулись, когда меня не было. Так что и чудес никаких не было.

— А как насчёт состояния, в которое вы меня ввели?

На мой вопрос он ответил вопросом:

— Скажите, когда-нибудь раньше вы испытывали чувства вроде тех, которые возникли у вас на Алтае в моём присутствии?

— Да было нечто похожее в Москве много лет назад, потом лет восемь назад я испытал подобное состояние в Индии. Случалось приходить в восторг и на Алтае. Я ведь там бывал не один раз.

— Я спрашиваю не о восторге, — нахмурился мой собеседник, — я говорю о чувстве единства с миром.

— Такое пережил, можно сказать, впервые.

— Прогуляемся, — неожиданно предложил «Иван Иванович».

Беру его имя в кавычки, потому что он явно не походил на того, за кого себя выдавал. Во-первых, возраст. Ему можно было дать и двадцать пять и пятьдесят. Свежее, молодое, чуть загорелое, совершенно не московское лицо человека, который приехал откуда-то с гор, где много солнца. В Москве же солнца почти не увидишь. И в тоже время лучи морщинок в углах живых голубых глаз. И кожа, не то, что холёная, а какая-то удивительно чистая, словно у юной девушки или у ребёнка.

— Сколько вам лет? — спросил я.

— Если скажу восемьдесят — подойдёт?

Я промолчал. Меня начала немного раздражать эта игра в таинственность. Чего он хочет от меня? И зачем я выслушиваю его многозначительные поучения?

Мы прошли мимо заколоченного досками, приготовленного к реставрации скульптурного Лефорта, спустились к пруду. На его ещё незамёрзшей поверхности плавали утки. Мой спутник вынул из кармана целлофановый пакет, высыпал содержимое на берег. Утки подплыли к берегу, но остановились поодаль, ожидая, когда мы удалимся. Мы поднялись к соседнему кафе. Утки высыпали на берег, принялись подбирать корм, ссорясь, выхватывая кусочки друг у друга.

— Вот так и люди, — промолвил мой знакомый, — хлеб наш насущный даждь нам днесь и возвращайся в свои небеси, не мешай нам жить, как жили. Хлеб мы как-нибудь поделим сами...

— Вы о чём? — с нарастающим раздражением спросил я. — Кого эти люди, по-вашему, возвращают в «свои небеси»? За долгую жизнь я повидал немало «мессий», «христов», «архангелов» и прочих «высоких» духов. Одни из них домогались от меня поклонения, другие пытались всучить для распространения свои сомнительные труды, третьи просили денежной помощи, четвёртые...

— Я как раз принадлежу к четвёртым, — угадал мои мысли «Иван Иванович». — Не мессия, не Христос, не архангел. Обыкновенный божий человек, которому, правда, не восемьдесят, а все сто восемьдесят, может быть, даже тысячу восемьдесят лет.

— Неужели столько? — иронически заметил я, пряча свои чувства.

— Оставьте иронию при себе. Я говорю о том, что люди приходили на эти берега сто восемьдесят и тысячу восемьдесят лет назад. Что утки плавают в Лефортовских прудах, примерно, три века, а раньше плавали в соседней Яузе. Летом и осенью. Зимой улетали на юг. Теперь живут в столице круглый год.

Пока льда нет, плавают в прудах, пруды замёрзнут — переселятся на Язу. Она ведь, эта бедненькая река, благодаря достижениям цивилизации свободна ото льда круглый год. Сточные воды и мазут не дают ей передохнуть. Я говорю правильно?

— Вы говорите очевидные истины. Или, как выражается один наш учёный, — невероятно-очевидные.

— Я скажу вам ещё одну невероятно-очевидную вещь: скоро и пруды не будут замерзать зимой. Так?

— Да, учёные говорят о потеплении климата на Земле.

«Иван Иванович» остановился и пристально взглянул мне в глаза. Его собственные глаза из голубых сделались тёмными, глубокими, проникающими в душу. Моё раздражение куда-то ушло, я почувствовал себя в обществе собеседника легко и радостно.

— Что ещё говорят ваши учёные? — спросил он.

— Они говорят, что вслед за финансовым кризисом разразится экономический, потом системный...

— Тоже правильно, кроме порядка. Земное движение вперёд совершается в обратном порядке: системный кризис идёт уже по меньшей мере две тысячи лет, экономический и политический — весь двадцатый век, а финансовый, действительно, начался, потому что мир сходит с ума от... бумаги. Представляете себе, одна страна напечатала несколько десятков тонн зелёных бумажек и заставляет население планеты стонать от ужаса, что мир пойдёт ко дну, если эти бумажки ничего не будут стоить. Не бред ли!?

Я не ответил.

Мой собеседник остановился и вновь своим цепким взглядом зацепил мой:

— Я прошу вас записать наши беседы. Записать и напечатать где-нибудь в газете или в журнале. Всё запомнили, о чём мы говорили? У вас хорошая память? — строгим наставническим голосом спросил Иван Иванович.

— Пока не жалуюсь.

— Напишите, о том, что видели на Алтае, что Судные времена, описанные Откровением апостола Иоанна, закончились, что Новая земля и Новое небо над нею уже состоялись. А зелёные бумажки, которые навязали сегодня миру вместо Бога, истлеют так же, как жёлтые осенние листья, упавшие вниз...

— Но СМИ нас пугают всякими ужасами.

— Какими, например?

— Ссылаются на пророчества Кейси и Ванги, что Америка пойдёт ко дну, что Европу тоже захлестнут волны океана, и она превратится в архипелаг.

— Разве такое на Земле не случалось? И потопаы были, и огонь сжигал материки. Люди перебирались на другие земли, начинали новые цивилизации.

— Есть ещё сценарии мировых войн за природные ресурсы, за пресную воду.

— Пусть сценаристы и воюют. А люди устали. Эпоха мировых войн закончилась. Вряд ли кого, кроме кучек фанатиков, заставишь сегодня воевать.

— Говорят и показывают фильмы о возможности завоевания нашей планеты злобными инопланетянами.

— Ну да, говорят и снимают кино те, кому за это платят теми самыми зелёными бумажками.

— Иван Иванович, я так и не понял, кто вы? — озвучил я вопрос, который не прекращал вертеться у меня на языке.

— Я же вам сказал: Иван Иванович Иванов, он же отец Иоанн. Разве сказано недостаточно внятно? Или так уж важно, как меня зовут? — упрёкнул меня мой собеседник. Глаза его при этом насмешливо блеснули.

— О чём нужно написать ещё? — вздохнул я.

— О том, что век бесов заканчивается, что они должны стать людьми или уйти с планеты навсегда. Что над Сибирью, а потом над Россией и над всем миром поднимется солнце Новой Эпохи.

— Вы думаете, читатели поверят всему этому?

— Поставьте заголовок — фантастический рассказ или, как у Достоевского: «сон смешного человека».

— Лучше я напишу: «Русская сказка о джинне по имени Ваня из новой серии “Тысячи и одной ночи”».

— Пойдёт! И начните так: «Он возник передо мной на Алтае... Нет, он вынырнул из чрева горы, похожей на большую бутылку. Над горой поднялось облако дыма, а в воздухе запахло нефтью, газом и самогоном...». Такой аромат добавит русского колорита и правдоподобия в ваш рассказ.

— Это уж точно. Сегодня даже у непьющих вся квартира нефтью и газом пропахла. От телевизионного ящика, — грустно согласился я.

— Что подделаешь, жизнь... — поддержал мою грусть «Иван Иванович», хотя в глазах его держалась всё та же ироническая улыбка.

— Вы называете происходящее сегодня жизнью? Мне кажется, это — кошмар.

— Не надо драматизировать ситуацию. Кошмары прошли, я бы назвал нынешнее состояние России театром абсурда. На авансцене. А в глубине сцены начинается новая, настоящая жизнь.

— Кроме шуток, что вы от меня хотите?

— Я уже сказал: напишите о том, что закончилась эпоха войн, революций, а также всяких гадостей: попсы, финансовых афёр, борьбы за ресурсы, государственного интриганства. Что наступило время истины, только истины, ничего, кроме Истины...

— Иван Иванович, пощадите, я обыкновенный человек! На землю приходили великие пророки, они предупреждали о грядущих бедствиях, которые подтверждались тут же. Но люди побивали пророков камнями, распинали, не слушали... Теперь, вы говорите, идёт спектакль абсурда и предлагаете мне остановить это зрелище. Меня воспримут, как участника программы «Аншлаг, аншлаг!».

— Не случится ни первого, ни второго, ни третьего...

— На чём основана ваша замечательная убеждённость?

— Во-первых, потому что вы не сулите людям никаких ужасов. Ужасы кончились. Во-вторых, русского человека не напугаешь уже никакими страшилками. За свою жизнь он навидался их всяких — и настоящих, и мнимых. Что касается «аншлаг», то одурачиванию России тоже приходит конец.

— Вот-вот! — подхватил я его доводы. — В-четвёртых, вы предлагаете мне наваять «человечеству сон золотой», как сказано в одном сочинении. Чтобы надо мной посмеялись какие-нибудь молодые затейники из телепрограммы КВН.

— И сны закончились, смею вас уверить. Правда, один, самый последний, ещё придётся пережить. Потом наступит век Истины, век Реальности, об этом я твержу вам всё время. И не я один. Почему вы не верите? Почему предпочитаете верить всякому бреду и сброду?

Речь моего собеседника, казалось, проникала в каждый атом сознания. «Иван Иванович» говорил просто, убедительно, сердце верило ему, но рассудок восставал против всех его оптимистических уверений.

— Но с людьми-то, с людьми что будет, Иван Иванович?! Неужели так и случится — из чертей непонятным образом превратятся в ангелов?

— В ангелов — не в ангелов, но человеческий образ вернётся.

— По взмаху волшебной дирижёрской палочки!?

— Можно и так выразиться. Вы же видите, как по дирижёрской палочке телевизора можно калечить сознание людей, но есть палочка куда более мо-

гущественная. Вы сами это знаете. Вот только что сказали про сон золотой. Он прописан во всех религиях, особенно восточных. Последний сон человечества. Сказано, что наступит Час Икс, люди на мгновение заснут и проснутся другими.

— Какими другими?

— Такими, как вы почувствовали себя на Патмосе, понимающими, что они, и берёза, и река, и травинка, и кедр связаны в общий узел, что все мы — части одного Великого Целого, которое называется Земля, Природа, Бог... Что больше не нужно уродовать землю, потому что уродуешь самого себя. Не нужно выхватывать друг у друга куски, потому что эти куски тебе и так принадлежат...

Голос человека, шагавшего рядом со мной, сделался взволнованным, страстным, высоким. Дождь в Лефортовском парке прекратился, выглянуло редкое в эту пору московское солнце. Заблестела тёмная, влажная кора лип, приободрилась зелёная травка, сохранившаяся ещё кое-где на газонах.

И вновь повторилась алтайская история. Пока я разглядывал распогодившийся парк, звуки шагов рядом прекратились. Иван Иванович исчез, словно сквозь землю провалился. Но как только я допустил в свою голову эту мысль, тотчас пришла опровергающая её: «Ну, уж только не под землю... Там ему делать явно нечего».

Вернувшись в квартиру сына, я последовал настойчивому совету моего таинственного знакомого: перенёс наши разговоры с ним на бумагу, назвав их «фантастическим рассказом». Я не мог поступить иначе, не мог назвать своё сочинение просто рассказом, ибо фантастика рыночной действительности с помощью телевизионного ящика стала нормой жизни. А прежние нормы жизни превратились в убогую фантастику. А ещё потому, что художественная литература вытеснена на задворки книжных магазинов, объявлена, по примеру Соединённых Штатов, «fiction» — выдумкой. Так что был вынужден назвать жанр своего сочинения фантастическим. В надежде, что когда-нибудь прежние и новые реальности поменяются местами.

Два дня ушли на раздумья, как окончить рассказ. И оба дня на моём столе лежала книга Томмазо Кампанеллы «Город солнца», которую кто-то, то ли сын, то ли его жена, положили среди бумаг. Когда же на третий день по радио прозвучала итальянская песня «Вернись в Сорренто», пришло неожиданное решение поставить точку стихотворением, написанным, что говорится, в одночасье, легко и быстро.

*«Вернись в Сорренто». Память вдруг запела
под русским небом итальянский гимн.
Мне вспомнился Томмазо Кампанелла
и Город Солнца, выстраданный им.*

*Я видел этот город на Алтае,
точнее, остров на Катунь-реке —
волшебный Патмос. Осень золотая.
Сиреневые горы вдалеке.*

*И светлый дух Макария Алтайского,
разлитый всюду. Сосны, Тишина.
Судьба всегда к святителям не ласкова,
к нему была особо тяжела.*

*И Кампанеллу родина ломала,
как наши сосны дикая гроза,
за то, что итальянцу было мало
молиться на святые образа,*

*святейшей инквизицией дозволенные —
душа к Христу воскресшему рвалась...
Во все века по вере и по-своему
еретиков воспитывает власть.*

*Один зачах на итальянском острове,
в тюрьме, другой глубоким стариком,
всю жизнь свою в живом Христе упорствуя,
скончался под чекистским колпаком.*

*А Патмос негодяи разорили,
монахов разогнали, храм сожгли.
Но он поднялся из безбожной пыли,
разрушить веру бесы не смогли.*

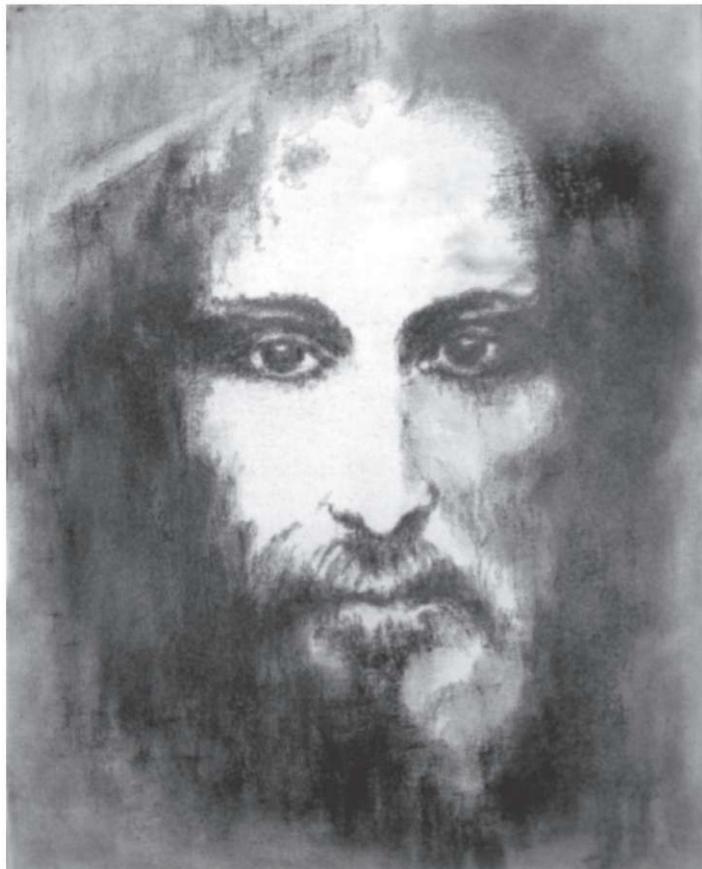
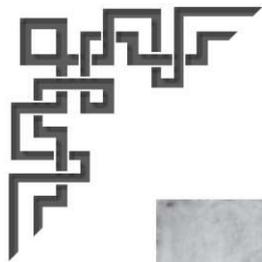
*Теперь тот Храм — родня планете целой
от Пушкина до Сент-Экзюпери,*

*Макария скрепляет с Кампанеллой
предчувствием евангельской Зари.*

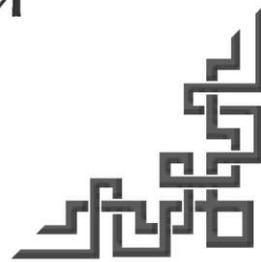
*А всем нам открывает три дороги,
какую выбрать — каждому решить.
Одна, где можно рассуждать о Боге,
другая — верить,
третья — Богом жить.*

*Не уступая нежити ни пяди
живого, негасимого тепла,
а также не заботясь о награде
за все твои молитвы и дела.*

*Звенит в пространстве итальянский пафос.
Зовёт к себе Сорренто — русский Патмос.*

БЕЗМОЛВИЕ И ЛИКИ

* * *

*Не за тем, чтоб с грехами расстаться,
Не для праздных томлений души
В оны веки к пустынным-старцам
Наши гордые прадеды шли.*

*И какой-нибудь грозный воитель,
Весь в былых и грядущих боях,
Перед тем, кто жука не обидит,
На коленях смиренно стоял.*

*Темнота? Суеверье? Юродство?
Или мудрый завет старины —
Напитаться святым благородством
Перед варварским делом войны?*

*Чтоб любовь и во мраке дышала,
Чтоб в жестоких трудах бытия
Возвышалась, добрела, мужала
Дорогая Россия моя.*

Откуда приходят любимые лики?

— Из тишины ночей, из нежных и страстных касаний мужчины, из мучительного и блаженного таинства рождения ребёнка, — скажет любая мать.

А как возникают Святые Лики?

— Тоже в блаженном безмолвии, после долгих и страстных поисков Истины, почти всегда сопровождаемых страданиями, — ответит подвижник.

«Бог есть любовь», — гласит Евангелие. Но в первом случае она рождается из страданий плоти, во втором — духа.

Можно ли увидеть Лик Бога?

Евангелист говорит: «Бога никто никогда не видел». А Иисус Христос сказал: «Видевший Меня, видел Отца Моего. Я и Отец — одно». Противоречие? Но из этого противоречия родилось семисловие: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», которым пользовались в своей молитвенной практике монахи-исихасты в течение многих веков. Иные из них удостоивались Божественных видений и касаний.

Эта статья о безмолвии и умном делании, растворяющих личное начало в человеке. На первый взгляд она тематически никак не связана с предыдущими статьями книги, каждая из которых посвящена какой-то выдающейся личности в русской культуре. Однако русская культура в своей сакральной основе связана с духовной молитвенной работой, безмолвно творимой в глубине человеческого сердца. Ещё Иван Ильин сказал, что высшее, чем обладает Россия, — это молитвенники-старцы и Пушкин, и тем самым показал внутреннее единство наших светской (художественной) и духовной (религиозной) культуры. Молитвенный подвиг русских святых, старцев, занимающихся умным деланием, зажег огонь, около которого грелись лучшие люди России, черпавшие силы и вдохновение именно из этого незримого источника. А за огнем исихазма стоит Лик Спасителя, в безмолвии совершающего молитву о преобразении России. Я решился рассказать о своём личном опыте соприкосновения с этим Ликом через молитву и умное делание. Я не монах, а поэт, но более тридцати лет отдал Иисусовой молитве. Ей обязан всем, чего добился в жизни, она спасала меня на многих крутых жизненных виражах. И тоже ощущал на себе блаженные Касания. Как не поделиться этим опытом!

Вспышка света

Сразу оговорюсь, что к этой статье не следует относиться, как к тексту строгого церковного послушника, практикующего молитву в затворе под неусыпным присмотром опытного старца. Жизнь моя сложилась так, что подобными возможностями я не располагал, но зато была острая потребность в помощи Бога. Поэтому человеку с ортодоксальным мировоззрением мой подход к Иисусовой молитве может показаться слишком вольным, не учитывающим обязательные для христианина условия духовного послушания — регулярные посещения церкви, исповедь, участие в таинствах, причастие... Также может показаться, что я выдёргиваю Иисусову молитву — один из самых сложных элементов христианской религии — из целостной системы духовной жизни православного человека и пытаюсь искусственно вписать в контекст религий Востока. Это не так. Несмотря на широту религиозного взгляда и разнообразие моего мистического опыта, я всегда отдавал предпочтение русскому исихазму. И теперь пытаюсь встроить его вместе со всеми многообразными проявлениями православия, церковного и светского, в свою жизнь. Чем дальше, тем эта работа становится интенсивней.

Полагаю, что дальнейшая моя жизнь будет ещё тесней смыкаться с тем направлением, которое задали России её духовные отцы.

Цель этой публикации — ещё раз обратить внимание на огромный потенциал, заложенный в Иисусовой молитве, которая помогала в кризисные моменты жизни даже такому «упёртому» человеку, как я. Не мне судить, насколько близко я подошёл к Богу, но то, что молитва помогла мне выдержать тяжёлые испытания жизни и не сломаться, — это факт.

Так случилось, что первый опыт *исихии* (*религиозного безмолвия*, букв. *тишины* (греч.)), я пережил, ничего не зная об Иисусовой молитве и о том, как практикуют её православные старцы. Это было подобно вспышке света.

А случилась она в 1964 году, в Москве, где я в ту пору учился. Вопросы смысла жизни, откуда и зачем мы приходим в мир, а также куда мы уходим из него, меня занимали с юных лет. Перечитал горы литературы на эту тему, понятно, публиковавшейся в те годы. Жизнь в Москве и обучение в «элитном» учебном заведении (Высшей партийной школе при ЦК КПСС, куда я был направлен на журналистское отделение из Новосибирского комитета по радиовещанию и телевидению) открыли доступ к спецхранам Ленинской библиотеки. Познакомился с религиозно-философскими источниками, недоступными для

массового читателя: от раннехристианских до Ницше, Сартра, Хайдеггера. Как многие молодые советские люди, полагал, что западный интеллигент лучше информирован во всех проблемах жизни, в том числе в философских. Выучил французский язык. Три месяца на летних каникулах работал переводчиком в Интуристе, обслуживая франкоязычные группы туристов, приезжавших в Советский Союз. Искал ответа на вопросы смысла жизни у французских, бельгийских, швейцарских профессоров, литераторов, людей бизнеса, студентов, врачей... К великому моему удивлению, на меня смотрели либо как на дурачка, либо как на провокатора КГБ. Итог всем этим исканиям подвёл один ироничный парижанин: «Юрий, ты задаёшь вопросы, нетипичные для сегодняшнего западного человека. Последний, кто ими интересовался у нас, был Сент-Экзюпери. А сегодня любой француз полагает, что приходит в мир затем, чтобы накопить хороший счёт в банке, купить модную марку автомашины, виллу на Лазурном берегу, яхту, ещё лучше — личный самолёт...

А куда мы уходим? Предпочтительно на кладбище, подобное вашему Новодевичьему. И чтобы памятник был по первому разряду».

Вопрос, зачем живёт человек, я пытался задавать также нашим священникам. Они отвечали мне фразами из Евангелия, а когда мои вопросы становились слишком дотошными, говорили, что чрезмерное «умствование» до добра не доводит. Теперь-то я их понимаю, но тогда...

И вот однажды, пребывая в подавленном настроении, я встречал рождественскую ночь в канун 1965 года. Сидел в общежитии, в полутьме, в одиночестве, глубоко разочарованный бесплодными поисками. И вдруг в мою комнату словно хлынул какой-то странный свет. Говорю «словно», потому что свет шёл непонятно откуда. За окном горели желтые окна соседней многоэтажки. Однако «мой свет» был голубоватый, он излучался от стен, от стола, от моих рук и ног. Также он сопровождался блаженным теплом, охватившим всё тело. В комнате запахло цветами. Голова сделалась совершенно ясной. И мне почудились большие голубые глаза. Они смотрели на меня грустно, но с таким огромным, я бы сказал, сверхчеловеческим сочувствием, что я расплакался. А «почудились» глаза потому, что я не понимал, откуда они на меня смотрели, то ли извне, то ли изнутри меня. И в голову пришла мысль: «Ты сам не знаешь, что ты ищешь, но, видишь, это есть». Сколько времени продолжалось моё состояние, не знаю, на часы не смотрел, но не меньше часа. И час этот навсегда вошёл в мою жизнь. Много лет спустя написал стихи о случившемся.

Фаворский свет

Рождественская ночь.
Сиреневые тени.
Проваливаюсь в снег,
шепчу себе под нос:
— Куда тебя несёт
в Господень день рожденья?
Смотрел бы телевизор,
не лез бы на мороз?
Заканчивать пора
игру с дорожной страстью.
Куда-то тащишь музу
и заблудился сам.
Был негоден той,
не принят этой властью
и очень под вопросом,
что нужен небесам.
А начиналось всё
в столичном общежитье
для будущих «богов».
Тебе за тридцать лет.
Ты в одиночку пил
партийный «небожитель»,
и вдруг в ночной тиши
Фаворский вспыхнул Свет.
Нетрезвой голове
был Свет, конечно, странен,
но Он в безбожный мрак
пролил благую весть:
— О, бедный блудный сын!
В своём хмельном тумане
ты что-то ищешь жадно,
и, видишь, это есть.
И замерли часы,
и хмель сняло рукою,
и память о блаженстве

*храню я до седин.
Фаворский дальний Свет,
Ты не даёшь покоя...
Рождественская ночь.
Я в ней бреду один.*

Первые опыты самостоятельной молитвы

Этот поначалу непонятный сполох Света, если так можно выразиться, потянул меня на Восток, к его метафизике. Я увлёкся традиционными школами йоги Индии, затем Агни Йогой, позднее, в 1990-е годы, совершив ряд путешествий в Индию и Непал, изучал теорию и практику буддизма, встречался с сикхами, джайнами, знакомился с суфиями ислама. И на протяжении всех исканий не выраженная словами, не ставшая ещё устойчивым фактором второй сигнальной системы, подспудная, меня буквально тащила по жизни мысль, что же произошло в ту рождественскую ночь 1965-го. Я постепенно стал узнавать из книг, из личного общения с монахами разных религий, что Свет, вспыхнувший во мне, пережили многие до меня. По их описаниям, Свет этот вспыхивает в сознании, как маяк в штормовом море жизни. Время от времени даёт о себе знать, видимо, всегда присутствуя в душе невидимо. В отличие от морских маяков, по мере приближения к Нему, отдаляется, иногда совсем гаснет, если тебя хоть чуть повело в сторону. Но вспыхивает вновь, когда душа настраивается на Него. Он ведёт тебя по жизни из житейского моря к житейской горе, если движешься на его Свет. Я испытывал радость, когда шёл по жизни правильно, когда же сбивался с курса, маяк напоминал о себе невыразимой тоской. Свет маяка не ослабляет жизненный шторм, может даже усилить его, но плыть в штормовых волнах с Ним легче. Достаточно лишь вспомнить о Нём. Он один для всех в мире людей, но к каждому человеку приходит по-своему, через собственное увеличительное стекло души, а также через традицию той страны, в которой человек живёт. Вот то, что мне удалось узнать о Свете из книг, от людей и на своём личном опыте.

Помню, в одной из экспедиций на Алтай (а я их провёл десять, будучи руководителем больших групп паломников из России, ближнего и дальнего Зарубежья к горе Белухе) шли мы в гору и повторяли слова: «Ом Рам». Это была моя рекомендация паломникам — идти в молчании мысленно повторяя слова, которые я прочёл на памятном камне — на месте кремации Н. К. Ре-

риха. Приём, опробованный нами в экспедициях много раз. Он помогал без особых проблем и неприятных происшествий осуществить все десять наших путешествий на Алтай к горе Белухе, где в иные годы собиралось больше ста человек.

Иду впереди группы, твержу вышеназванную восточную молитву, держу мысленно перед глазами лик известного восточного Учителя. И вдруг созданная моим воображением картинка исчезает и заменяется изображением Иисуса Христа с Туринской плащаницы, а вместо «Ом Рам» в голове звучит молитва «Господи, помилуй!». И незабываемые, мной уже виденные синие глаза, полные любви и милосердия. Это было так неожиданно и странно, что я, знавший о необходимости постоянства в духовных упражнениях и верности выбранному Учителю, растерялся, попробовал вернуться к прежнему изображению и прежним словам. Но Христос и его молитва не уходили, они наполняли всё моё существо знакомым блаженным теплом, которое я ощутил той памятной рождественской ночью...

Разговаривая позднее с другими участниками экспедиций, убедился, что некоторые из них тоже переживали нечто похожее — отход сердца от образов, внушаемых умом и волей, и сердечное подчинение внезапно хлынувшей Благодати.

*Любовь нечаянно нагрянет,
Когда её совсем не ждёшь.*

Именно так! Слова известной песни о земной любви точно соответствуют приходу Любви Небесной. Небесная Любовь, иначе говоря, Благодать, тоже спускается неожиданно во времени и в неожиданной форме. В этом приходилось убеждаться много раз.

На одном из партийных собраний, где меня прорабатывали за богоискательство и отступление «от принципиальных положений Программы и Устава КПСС», я вновь ощутил, как в сердце вошла благодать.

Это произошло в 1981 году. А тремя годами до этого шесть новосибирцев, в числе которых был и я, написали письмо руководителям Новосибирской области, в котором предложили передать освобождающееся здание обкома КПСС (обком переезжал в новое) под филиал музея Н. К. Рериха. Основной же музей создать в Горах Алтая в селе Верх-Уймон, где в 1926 году останавливалась на месяц трансгималайская экспедиция Н. К. Рериха. Как и многие духовные искатели тех лет, я увлёкся философским наследием семьи Рерихов. Мы видели в нашей акции не просто создание обычного мемориального уч-

реждения, но попытку учредить научный центр нового типа, где учёные могли бы заниматься биосферными исследованиями, траволечением, проблемами психологии, парапсихологии, феноменами искусства, в том числе народного, и его благотворным воздействием на психосоматическую систему человека и т. д. То есть мы предложили создать в Сибири институт, типа учреждённого Рерихами в 1930-х годах в Гималаях института «Урусвати», сотрудниками которого были Николай Вавилов, Альберт Эйнштейн, Джагадиш Бозе и другие видные учёные. Мы не ограничились предложением, начали строить здание алтайского музея в горах (и, кстати, довели строительство до конца методом народной всесоюзной стройки). Но результат нашей записки властям был весьма неадекватным. Стройку не запретили, но за нас, строителей, крепко взялись партийные власти, особенно за членов КПСС. А таких среди подписавших записку было трое. Нас обвинили в идеализме, богоискательстве, отходе «от принципиальных положений марксистской философии». На меня, как закончившего ВПШ, заседали особенно: в течение трёх лет протащили через десятки партийных собраний, где требовали марксистско-ленинского «покаяния». Дело дошло до ЦК КПСС. Я же упирался, приходя на проработки с иконой во внутреннем кармане и со словами молитвы в душе, которые твердил мысленно. Это помогало. Но и бить своих членов партия тоже умела хорошо. Не одного до инфаркта довела. Помню, как на том собрании почувствовал приступ отчаянья, от которого в глазах потемнело. Тем не менее, в критическую минуту моё отчаянье вдруг сменилось хлынувшим откуда-то потоком радости. В сознании сама по себе возникла молитва «Господи, помилуй!», и я вновь увидел голубые глаза Христа. Обстановка, понятно, была совсем не подходящая для трансперсональных состояний, но я непроизвольно улыбнулся. Конечно, тотчас погасил улыбку. Однако эта смена выражений на моём лице не ускользнула от внимания присутствующих. После собрания поползли слухи: «Да он психически ненормальный! С кем мы возимся, кого пытаемся переубедить?». В те времена таких слухов было достаточно, чтобы запятить непокорного еретика в психушку.

Мне пришлось принять упредительные меры: пройти тесты у психологов новосибирской психиатрической больницы, чтобы их потом показать кому надо, подтвердить соответствие моего интеллекта, по крайней мере, общепринятым стандартам и предупредить, что в случае принудительного лечения тесты попадут тоже, куда надо. Подействовало...

Последний акт этой партийной драмы проходил в феврале 1982 года на бюро Советского райкома КПСС Новосибирска. Секретарь райкома до-

ложил членам бюро суть дела и, глядя мне в глаза, сказал: «Мы возились с Вами почти три года, вы настаивали на том, что остаётесь на партийных позициях и лишь хотите дополнить их философией Рериха, называя её не противоречащей марксизму-ленинизму. Классики марксизма этой философии оценки не дали, а вот Иисусу Христу дали, и недвусмысленную. «Скажите, Ключников, как вы относитесь к Иисусу Христу?». На бюро повисла напряжённая тишина. Я тоже почувствовал момент истины, отступить было некуда. И сказал: «Если бы современные руководители СССР хоть чуточку походили на Иисуса Христа, наша страна не оказалась бы в кризисной ситуации».

Секретарь стукнул ладонью по столу и закончил: «Ключников за три года ничего не понял. Предлагаю исключить из партии. Кто за?». За были все. Не стану называть фамилий, ибо действующие лица этой истории живы-здоровы. Некоторые из них находятся на высоких должностях и даже помогают строить церкви. А сама история в протоколах и других документах изложена в книге «Еретики Новосибирского Академгородка». Для меня важнее другое: я подал апелляцию в Новосибирский горком КПСС, явился на заседание бюро горкома с иконой во внутреннем кармане и Иисусовой молитвой в сердце. Попросил оставить меня в рядах КПСС, не покаявшись ни на йоту в своей приверженности Христу и в других своих убеждениях. Меня оставили в партии, правда, записав «строгач» за богоискательство и идеализм. На любой интеллектуальной работе был поставлен, естественно, крест.

Пробуждение силы

Свою молитву, как сказано, я практиковал в одиночку, пользуясь всевозможными книжными источниками и консультациями представителей разных религий. Я знал из этих источников, что практика «умного делания» небезопасна, что практикующий молитву подвергается бесовским устрашениям, а также различным «прелестям». Что оборониться от тёмных атак бывает трудно, очень трудно. Всё описанное Гоголем в повести «Вий» и случившееся с героем повести Хомой Брутом — не сказочки, но реальность нашей «тонкой» жизни, в чём мне тоже пришлось убедиться не однажды. Крестными знамениями от нежити оборонить не всегда удаётся. Но стойкой верой в Христа и памятованием о Нём оборону держать можно.

Что касается преодоления «прелестей кайфа», то здесь мне тоже помогли книги и советы опытных людей. Блаженство редких экстатических состояний

бывает настолько сильным, что никакие наслаждения жизни не могут с ним сравниться. Земная жизнь кажется серой, пресной в сравнении с «небесными» состояниями. Хочется покинуть этот мир, чтобы навсегда остаться в Том. Но из писем Е. И. Рерих, я знал, что Благодать (на языке Агни Йоги она называется приливами психической энергии, а в Ведах и буддизме — теджасом), даётся Высшими Силами планеты вовсе не для наслаждения экстазом, но — как помощь человеку в кризисные периоды жизни.

Помню такой случай. Изгнанный за нежелание покаяться с поста редактора издательства «Наука», я вынужден был устроиться грузчиком на хлебозавод — на работу по специальности меня с моим идеологическим «хвостом» нигде не брали. Там, на хлебозаводе, я сделал быструю карьеру, спустя несколько месяцев, стал бригадиром грузчиков, поскольку аккуратно без прогулов являлся на работу и не пил. Чего нельзя было сказать о постоянно менявшихся членах моей бригады. Однажды, когда нам дали квартальную премию в 8 часов вечера (с этого времени начиналась ночная смена), весь мой славный коллектив лёг «в отруб».

И я начал работу один с молитвой «Господи, помилуй!». Я твердил её беспрерывно, молча, не отвлекаясь ни на какие разговоры, ни на какие мысли. «Господи» — вдох, «помилуй» — выдох, погружая ум в сердце и провожая туда каждый глоток воздуха. Внимание было полностью поглощено дыханием, а внутренний взгляд ликом Христа. Всё — по инструкции старцев «Добротолубия». И всё равно к концу смены я готов был упасть на погрузочную эстакаду от усталости.

Но в пять утра взошло солнце, и вместе с ним в меня вошло прекрасное Нечто. Это было не второе дыхание, с которым я был знаком, занимаясь в молодости спортом, это было что-то неизмеримо большее — знакомая мне по видению в ВПШ песня радости. Усталость совершенно исчезла. На полном подъёме я закончил двенадцатичасовую смену, выполнив один задание четырёх человек. А было мне в ту пору пятьдесят три года. Домой летел, словно на крыльях. И написал о своих переживаниях стихи.

Премияльная ночь

*Нагрузившись вином,
разбрелась по задворкам и щелям
моя славная смена.
До солнца не растормошить.*

Я остался один на один
со своим возмущеньем,
не считая, конечно,
полдюжины автомашин.
Семь потов в эту ночь
я пролил на сучки эстакады,
триста сорок процентов
в рекорды завода вписал
без цветов и оркестров.
Ну, ладно, оркестров не надо.
Но зачем свою спину
нагрузкой такой наказал?!
И когда я с молитвой
07-46 догружал, еле-еле можаху,
из-за тарного склада
июньское солнце взошло,
обсушило лицо
и белёную солью рубаху,
и второе дыханье
под этой рубахой зажгло.
И восторг распрямил
приунывшую душу и тело,
и вся горечь моя
сразу стала смешной и чужой,
и незримая птица
в ликующем сердце запела
песню чистой победы
над тонувшей в обидах душой.
Я полсутток проспал,
но зато во вторые полсутток
написал эти строчки
о пользе тяжёлых работ.
Так что низкий поклон
вам, принцесса судьба,
кроме шуток,
за умение выжать
последние силы и пот.

Как молитва помогла мне в болезни

В 1993 году в поездке за город меня укусил клещ. Обнаружил его я не сразу, дня через два после укуса, когда он, насосавшись крови, уже выбрался из-под кожи и висел в своём мешочке. Страна переживала смутное время, всё разваливалось, в том числе и медицинское обслуживание, соответствующей вакцины в поликлинике не оказалось. Да и что толку, если бы она была, время для прививки я упустил.

Решил — будь что будет. Ровно через двенадцать дней, в полном соответствии с клинической картиной заболевания энцефалитом у меня резко поднялась температура — 39, 40, 41 градус. Никогда не знавший температуру выше 38 с половиной, я почувствовал себя крайне скверно. Жена вызвала скорую. Врачи подтвердили: скорее всего, начальная стадия той самой болезни, но для окончательной постановки диагноза нужны больничные анализы. В общем, собирайся в больницу, дружище. Я категорически отказался. И начал свой курс лечения Иисусовой молитвой. Молился сутки непрерывно, ни на секунду не покидая мысленный лик Христа. Сон не шёл, да и какой сон при температуре 41? Состояние было ужасное. Я физически чувствовал, как полчища энцефалитных микробов или вирусов, не знаю, как они называются медициной, рвутся в мой мозг. Что им обязательно нужно захватить голову. Молитва удерживала их на уровне горла, а они вместе с ударами сердца пытались пробить оборону. Я её держал 24 часа подряд. Никакого состояния блаженства на этот раз, конечно, не испытывал, состояние, повторяю, было отвратительное, но благодать шла, и тяжёлый бой с болезнью удалось выиграть. Внезапно я почувствовал, как яростная тьма отступила. Отступила быстро так, будто бы кто-то дал ей приказ прекратить атаку. Температура упала ниже тридцати шести. Я глубоко уснул.

Примерно, через неделю температурная атака повторилась, но градусник показывал только 39. Я продолжал молиться, правда, уже не так напряжённо. После этого началось быстрое выздоровление. Но ещё довольно долго оставалась острая боль в лопатке и плохо работала левая рука. Я её потом разрабатывал гантелями. Никаких последствий болезнь не оставила.

Смирение

Во время экспедиций на Алтай нас неоднократно застигал в пути ливень. Были случаи, когда наш палаточный городок у подножья Белухи накрывал

снег. Это в конце-то июля. Погода в районе Белухи неустойчивая: может сиять солнце, а через несколько минут хлынуть ливень или ударить град. И мы неоднократно коллективно молились о даровании хорошей погоды. Часто наши молитвы были успешными. Например, во время движения группы вдруг начинает идти дождь, мы едва успеваем достать плащи из рюкзаков, как дождь прекращается. И каким образом! Слева, справа, позади стена дождя, а мы идём в сухом коридоре. Такое случалось много раз, чему свидетели сотни людей, побывавших в наших экспедициях, но эти же люди могут подтвердить, что коллективная молитва действовала не всегда. Иногда дождь или град даже усиливались при молитве. Почему?

Сейчас некоторые учёные (к счастью, уже появилось немало таких), изучая феномены коллективной молитвы и подтверждая факты её действия, объясняют это созданием тонкого силового поля из сверхслабых энергий, которое может притянуть, например, облака. Почему же такое силовое поле в одном случае оказывает своё действие, в другом — нет? Наука пока не спешит ответить на этот вопрос, но религия давно ответила на него. Молитва лишь притягивает к себе внимание Высших Сил, управляющих природными процессами, но послать дождь или прекратить его, решают не люди. Люди тянут одеяло погоды на себя и тем могут нарушить необходимый природный баланс, лишить влаги другие местности и других людей, где она нужнее. Поэтому последнее слово за Высшими Силами, которые управляют глобальными погодными процессами в целом.

Вот почему так важно осознавать известную религиозную формулу «Да будет воля Твоя!». Даже Христос в известном молении о чаше страданий сказал вначале: «Да минует меня чаша сия», потом добавил: «Но пусть будет не так, как хочу я, но как Ты хочешь».

Предоставление себя Воле Высшей — центральный аспект проблемы смирения и молитвы. Само слово смирение этимологически обозначает соединение своей воли с волей мира. Это совсем не упраздняет фактор личной воли. Наоборот, Высшая Воля помогает лишь в случае крайнего напряжения воли личной, то есть собственных усилий человека в достижении благой цели. Если бы я, например, полностью предался Воле Высшей в описанном выше случае укуса клещом и не молился сам в предельном личном напряжении, думаю, всё кончилось бы плачевно.

В Евангелии сказано: «Царство Божие берётся силою, и всякий делающий усилие восхищает Бога», «Вера без дел мертва есть», «Стучитесь, и вам откроется».

Как откроется, судить не людям. Известно, что во время русско-японской войны 1904 г. по распоряжению богобоязненного Николая II во всех церквях шли молебны за победу русского оружия. Тем не менее, Россия эту войну проиграла. Как проиграла первую мировую. А вторую — выиграла, хотя у власти в стране находились безбожники. Но безбожное русское воинство проявило такую величайшую решимость защитить страну, а главное цели его были настолько чисты, что полностью соответствовали Божественным предначертаниям. Что и было, согласно церковным источникам, подтверждено видением Божьей Матери ливанскому митрополиту Илии. Богородица, согласно преданию, определила митрополиту условия победы СССР во второй мировой войне, он по посольским каналам переслал Божественные Предначертания Сталину.

Проблема личного духовного совершенствования также теснейшим образом связана с проблемой смирения. Совершенствует себя не сам человек, а та Сила, которую он привлекает к себе с помощью молитвы. Я давно убедился, что бороться с недостатками бесполезно, чем напряжённее ты с ними сражаешься, опираясь только на собственную волю, тем ловчей они прячутся. А когда о них не думаешь и переключаешь внимание на высокие цели, напрягая себя в молитве, они (недостатки, грехи, тёмные привычки), лишённые внимания, а значит, энергетической подпитки, начинают усыхать. Молитва же усиливает процесс. Под воздействием Благодати, привлечённой молитвой, тёмное в человеке выгорает как бы само собой. Не зря же сказано в Библии: «Бог есть огонь поядоющий».

* * *

*Не горюй, что лужи мелкобесия
заслонили русские моря.
Есть Россия, есть её поэзия,
есть душа народа и твоя.*

*Только так! Неразделимы души,
за чужой не даст укрыться Бог.
Лужи Он, настанет срок, осушит,
ты бы вместе с ними не засох.*

Смирение — одна из важнейших ипостасей любой духовной работы, и сегодня оно актуально, как никогда. В мир хлынуло множество «восточных»

психотехник. Беру эти слова в кавычки, потому что такие психотехники, большей частью, сфабрикованы на Западе и представляют собой не что иное, как то, что в православном «Умном делании» называют опасной «самодельщиной». Особую опасность представляют эксперименты с изменёнными способами дыхания. В Индии они практикуются широко, называются пранаямой. Но там такие упражнения совершаются под руководством опытных мастеров и при предварительном прохождении практики «ямы-ниямы», т. е. телесного и нравственного очищения.

Православная «умная молитва» тоже предполагает работу с дыханием. Телесное очищение через посты и нравственное через покаяние — есть предварительные условия православной дыхательной практики. Кроме того, в Иисусовой молитве важно не дыхание само по себе, но воспитание в себе привычки дышать эмоциональным центром, т. е. сердцем. Это значит, каждый вдох провожать мысленно до глубин сердца, представляя, что вдыхаешь любовь Господа, и в каждом выдохе посылать свою любовь к Нему. Всё это выражено известной православной формулой: «Каждый вдох да хвалит Господа».

Возвращаясь к собственной практике молитвы «Господи, помилуй», замечу, что никогда не форсирую дыхание. На «Господи» — вдох, на «помилуй» — выдох. Дыхание при этом изменяется само собой, не принудительно. Оно становится лёгким, еле слышным. Но, как правило, изредка перемежается глубокими вдохами. Без всякого принуждения. Ещё раз хочу подчеркнуть эту важную мысль: дыхание в «Умном делании» протекает естественно, смена ритмов если и происходит, то в результате самой молитвы, спонтанно, но никак по волевому приказу. Также постоянно в сердце и в уме необходимо держать лик Иисуса Христа.

Конечно, «умная молитва» утончает сознание и делает его более чувствительным к феноменам Тонкого мира, как благим, так и тёмным. Человек острее ощущает не только волны Благодати, но и «прелести» и наваждения тьмы. Имя Иисуса в этом случае является щитом, обороной.

Широко распространившаяся в мире практика ребефинга — форсированного дыхания, введённая в обиход американским психологом Станиславом Грофом и основанная на шаманской практике, ставит целью просветление человека в скоростном темпе с помощью личной воли человека. Фактор духовной обороны в ней совсем не учтён или учтён недостаточно. Без вреда для себя этой практикой могут заниматься только хорошо подготовленные духовно и психологически люди, да и то при условии, если её проводит с ними опытный профессионал. А при слабой психике и неумелом использовании «ребефинга»

это приводит к срывам психики. Неподготовленное человеческое сознание, лишённое Иисусова щита, может не выдерживать атак нежити и сдвигается, в чём имел случаи убедиться неоднократно.

Традиция и желание обновления

Наше сознание так устроено, что непрерывно жаждет новых впечатлений, перемен мыслей, ощущений, жизненной обстановки. Между тем практика Иисусовой молитвы требует длительного её повторения, и перемены в ощущениях могут быть недостижимы годами, как это было со мной. Ищущий часто спотыкается о такой порог и подпадает под влияние различных внушений, земных и тонких. Дескать, Иисусова молитва для нашего времени устарела, есть более «продвинутые» практики, приводящие к скорым результатам. Иные «восточные» методики помогают открыть «третий» глаз — и, глядишь, попал человек под одержание. Дело в том, что большинство подобных «восточных» методик, как уже говорилось, разработаны на Западе. И даже если они относительно успешны в западных странах, не факт, что таковыми окажутся в России.

Рациональный тип западного сознания менее чувствителен к впечатлениям из Тонкого мира. Европейец впитывает из «восточных» практик чаще всего то, что способствует жизненному успеху, созданию материального комфорта, продления сексуальных удовольствий и т. д. Конечно, он тоже увязает в болоте искусственных «практик», но этот процесс обычно происходит медленно, без видимых срывов сознания. А русский тип сознания с повышенной эмоциональностью и более открытым сердцем скорее реагирует на духовную фальшь. И крах может наступить значительно быстрее!

Вместе с тем любая духовная работа, а Иисусова молитва, в особенности, не терпит рутины и остановки. На известных ступенях духовного продвижения старцы рекомендуют творить собственную молитву и сами придумали их множество. Сама Иисусова молитва создана монахами, Иисус Христос заповедал, как известно, лишь «Отче наш».

Как соединить традицию и новизну?

Опять же у каждого свой опыт, могу говорить лишь о собственном. Усвоение того, что сделали до тебя, выполнение рекомендаций опытных старцев абсолютно необходимы, когда становишься на путь молитвы, «самодельщина» на первых порах недопустима. Это как в науке, искусстве, в любом деле. Только тщательно изучив опыт мастеров, можешь сделать новый шаг, открыть, создать нечто новое.

В то же время, если ты мирской человек, твой опыт будет неизбежно отличаться от монашеского, ибо тебе придётся практиковать молитву не в затворе, а в электричке, трамвае, метро, искать «окна» на работе, в любой обстановке. Кроме того, рекомендации книг и старцев доводят искателя до известного порога, до безмолвия, а там начинается самостоятельное плавание... И здесь единственный поручень, единственный маяк — имя Иисуса. Имя Того, кто бесконечно превосходит по уровню духовности среднестатистическую массу человечества, также имя Того, кто сумел вместить Бога и Истину в земном теле. При таком ощущении Христа практика Иисусовой молитвы всегда успешна, какой бы деятельностью человек ни занимался. Молитва пробуждает в нас начало Отца Небесного, иными словами, Творца, которое с максимальной полнотой нёс в себе Иисус Христос.

Внимание

Обычное человеческое сознание представляет собой круглосуточный, неуправляемый поток мыслей, желаний, эмоций. Достаточно проследить, а лучше записать то, что происходит в твоей голове в дневное время и ночью во время сна, чтобы убедиться — большинство из нас во власти мысленно-эмоционального хаоса. Ты идешь по улице, видишь человека, дерево, машину, они вызывают какие-то воспоминания, ассоциации, мысленные всплески. Или ты не обращаешь внимания на всё встречное, занят предстоящими заботами, которые могут возникнуть на службе, опасениями потерять работу, получить выговор, мало заработать и т. д. Тебе и не приходит в голову, что идя по улице можно любоваться деревьями, цветами, лицами, солнцем, снегом — всей многообразной жизнью, которая течёт мимо тебя и через тебя. Ты заслонился от жизни мысленным экраном. Придя на работу и выполняя какое-либо дело, ты опять-таки часто отдаёшь голову во власть случайных мыслей, не имеющих никакого отношения к тому, что делаешь, и тем самым ослабляешь качество своей работы.

Отличие большого мастера от заурядного ремесленника в том, что его внимание целиком сосредоточено на избранном деле, только таким образом можно достичь мастерства. Гений круглосуточно сосредоточивает внимание на любимом предмете: известно, что Пушкин писал стихи даже во сне. Такой неоднозначно воспринимаемый человек, как Ленин, поражал умением концентрировать внимание. Интересно в этом смысле замечание Мартова о Ленине: «Спорить и бороться с ним было бесполезно, ибо мы в эмиграции

порой думали не о революции, а о кружке пива, о театре, об ухаживаниях за женщинами, он же сутки напролёт думал только о ней». Есенин своё восхищение такой сосредоточенностью выразил в стихах:

*Неведомый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
И не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной*

Пастернак писал о Ленине: «Он управлял теченьем мыслей и лишь поэтому — страной». И Есенин, и Пастернак сами были мастерами сосредоточенного мышления и чувствования. Но сосредоточенность гениального поэта иная, он чутко прикасается ко всему, в том числе и очень часто, к тeneвым сторонам действительности, преображая их в красоту. Искусство, наука в их высших ипостасях тоже являются формами сосредоточенной молитвы. А. Л. Чижевский ярко описал состояние озарения во время научных открытий.

Таким образом, сосредоточенное внимание — неотъемлемое качество любого серьёзного дела, молитвы тем более. Можно сказать, что человек и его энергия находятся там, где внимание. Если внимание сосредоточено на проблемах тела — значит, человек ещё не дорос до образа и подобия Божьего, он лишь футляр этого подобия. Сосредоточиваясь на душе, человек делает существенный шаг на пути реализации в себе Божественного начала. Внимание же, направленное на развитие духа в монашеской среде даёт подвижника типа Франциска Ассизского или Серафима Саровского, а в атмосфере обычной жизни и культурной среды являет тип гармонического человека: Пушкина, Гёте, Леонардо да Винчи, Рериха.

Все перечисленные индивидуальности были людьми в высшей степени религиозными. Факт этот в доказательствах не нуждается. Пушкин писал: «Мы созданы для вдохновенья, для звуков сладких и молитв». Каких молитв? Начав со стихотворных славословий богам языческого пантеона, Пушкин пришёл к православию, переложив на стихотворный язык «Отче наш» и великопостную молитву Ефрема Сирина. Николай Рерих наряду с восточными духовными методами практиковал Иисусову молитву, о чем свидетельствует его книга «Держава Света».

Иисусова молитва может стать великолепной лабораторией учёного, поэта, музыканта, живописца. Своей судьбой поэт я обязан именно этой молитве.

Возвращение к истокам

Мой молитвенный опыт насчитывает больше тридцати лет.

Вначале я практиковал молитву «Пусть миру будет хорошо», проговаривал её вслух, твердил мысленно, пробовал повторять также известную буддийскую мантру «Ом-мани-падме-хум», некоторые индуистские мантры. Чувствовал, что дело не идёт, хотя были случаи прорыва к Благодати, например, как упоминалось во время партийного собрания.

В 1985 году у меня произошла встреча с отцом Наумом, монахом Троице-Сергиевой Лавры в Загорске, ныне возвратившем своё исконное название Сергиева Посада. Разговор начался на суровой ноте. «Новомодными учениями увлекаешься?» — строго спросил меня отец Наум. «Увлекаюсь», — ответил я. «Что же ты, отставной русский офицер пляешь по чужим окопам?» — отчитал меня мой собеседник. Не стану подробно описывать наш разговор, эту встречу я описал в очерке «Отец Наум», опубликованном в моей книге «Лики» (Новосибирск: «Манускрипт», 2005). Встреча с подлинным мастером исихазма произвела на меня неизгладимое впечатление. За словами нашего разговора шла бессловесная беседа, которая, как я впоследствии понял, была куда важнее слов. Внешне разговор шёл напряженно, строго с его стороны и вовсе не смиренно с моей, что вызывало его недоумение и даже лёгкое раздражение — зачем пришёл, если в душе не соглашаешься со мной? Внутри же я чувствовал, что от отца Наума шла на меня волна Благодати, та самая, которая посещала в редкие часы прежде. Наш разговор закончился тем, что на мой вопрос, могу ли я прийти к нему снова, он коротко ответил: «Приходи». Я вышел от отца Наума потрясённым и полностью примирённым, восприняв нашу встречу с ним, как благословение на глубокое вхождение в православие и освоение его.

Опыт старцев я знал в основном по книгам: по «Откровенным рассказам странника духовному отцу своему», по Мотовилову, Достоевскому, Константину Леонтьеву. Встреча с отцом Наумом подействовала в сторону страстного желания изучить практику исихазма, подтолкнула к основательному изучению «Добротолюбия», то есть текстов Григория Паламы, Григория Синаита, Исихия, Иоанна Лествичника и других мастеров «Умного делания». Конечно, я не мог в полной мере овладеть монашеским опытом из-за своей постоянной «мирской» занятости, тем более не мог повторить хотя бы частично опыт непрерывного трёхлетнего столпничества Серафима Саровского. Тем не менее, удалось сделать Иисусову молитву более или менее постоянной. Я стал чувствовать «отепление» сердца — начальную стадию успешной молитвы, потом — распространение сердечного огня на всё тело. Но самое главное — стали

приходить минуты безмолвия, всю цену которых я осознал не сразу. После них лучше дышалось, лучше жилось и думалось. Много размышлял, что в это время происходит? В сами эти минуты не происходит ничего. Ты молчишь, в голове, как редкие облака, проплывают мысли, внимание обращено на дыхание, оно становится тихим, почти неуловимым, в сердце горит ничем не колеблемый лепесток свечи. Течение мыслей прекращается совсем, всё твоё существо охвачено ничем ненарушимым покоем. При этом замечу, что я никогда не переживал одномоментных озарений наподобие тех, которые описал А. С. Пушкин в стихотворении «Пророк», когда перед человеком разворачивается одновременная картина бытия:

*И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Со мной, повторяю, ничего подобного не случалось, мой опыт безмолвия скромнее, но, возможно, по этой причине он может представлять интерес для рядового искателя истины, к каковым причисляю и себя.

Капканы и ловушки

Состояние ненарушимого покоя в исихии (безмолвии) отличается от того, где ощущается воздействие жителей Тонкого мира. Сам я никогда не стремился к контактёрству, хотя судьба сводила с контактёрами не однажды. Иногда это были люди с явно выраженной расстроенной психикой, чаще же такое расстройство выражалось в неумении приспособиться к жизни, трезво оценивать её, реагировать на потребности и вызовы дня. Сейчас много людей, слышащих голоса, записывающих «высокие» послания, а также стихи под диктовку, занимающихся «автоматической» живописью, когда некто «свышпе» водит рукой по бумаге или холсту. Продукция подобного творчества, как правило, малоинтересна. По крайней мере, для меня.

В состоянии исихии ничего подобного не происходит, но зато после выхода из неё наступают приливы творческой энергии. В этом смысле нет лучшего примера, чем пример Александра Сергеевича Пушкина. Тот Божественный Глагол, который «слуха чуткого коснётся» и вынуждает поэта бежать «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы», отнюдь не надиктовывает поэту

стихи. Свидетельство — черновики Пушкина, показывающие его огромную самостоятельную работу над словом.

Именно безмолвие даёт в считанные секунды большой заряд тонкой энергии, способный пробудить твои собственные силы, твой собственный дремлющий опыт, вдохновляет на самостоятельное творчество, а не использует тебя, как рупор, хотя в крайне редких случаях возможно и такое. Коран, как утверждает предание ислама, написан пророком Мухаммедом под диктовку архангела Джебраила (Гавриила).

Состояние безмолвия — неизбежный порог к Богу, как Духу. Но о порог можно и споткнуться. Чаще всего это происходит, когда человек начинает слышать «божественные» голоса или видеть «бога», не умея отличить подлинное от фальшивки. Согласно эзотерическим учениям, эти голоса идут из Тонкого мира, населённого ушедшими душами людей и иными сущностями, среди которых немало колдунов, лжепророков или просто безответственных неудачников, не сумевших реализовать себя при жизни и пытающихся это сделать Оттуда. Поскольку же своего тела нет, используется чужое. В наши дни подобные случаи происходят сплошь да рядом.

Как научиться распознаванию? Я всегда вспоминаю слова евангелиста: «Бога никто никогда не видел». Полагаю — никто и — не слышал. Творец, который незримо и неслышно пронизывает Вселенную, в силу своей необъятности недоступен ограниченному человеческому сознанию, даже если это сознание святого. Реальные видения архангелов, Иисуса Христа или Богородицы случались, но это были видения, которые потрясали всё существо смертного человека, всю его душу и тело. Такие видения были у Сергия Радонежского, у Пушкина; пережил их Арджуна, один из героев «Бхагавадгиты». В результате Сергей поседел, Пушкин — «как труп в пустыне я лежал», Арджуна взмолился Кришне явиться в человеческом образе, ибо Божественный невыносим для лицемерия.

Когда же «христы», «божьи матери», «архангелы» прилетают как бабочки по первому зову контактёра, русские опытные старцы всегда рекомендовали посмотреть на их одежды вниз, не торчат ли из-под полы козлиные копыта...

Думаю, таким же образом обстоит дело и со словесной диктовкой «богов». Современные примеры прямого воздействия Высших Сил с помощью автоматического письма так же редки, как и в прошлом. Агни Йога, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха — то, что мне известно. Остальное — либо повторение уже сказанного, либо убогий «самопал». Критерий подлинности — мощь и воздействие божественной «автоматики» на мил-

лионы. Та же «Чайка», о которой записавший её Р. Бах сказал, что ему в ней не принадлежит ни одного слова, до сих пор поражает читателей всех стран необычайной художественной силой.

Но не таково ли воздействие всех подлинных творений человеческого гения?

Какое отношение имеет вышеназванное к Иисусовой молитве?

Всё дело в том, что человек может не произносить слова Иисусовой молитвы, но своими делами, всем своим существом служить той Силе, которую максимально содержал и выразил Иисус Христос. И, наоборот, человек может произносить сколько угодно молитв, но если в душе полно низких мыслей и себялюбия, очень легко может угодить в какой-либо хитроумный кашкан.

Иные опасности

Обычно под словом молитва понимают обращение к Богу с какой-нибудь просьбой. Считается, что лучшая молитва, когда человек просит не что-нибудь себе, но «молится за мир». Ведь по определению всевидящий и всеслышающий Бог без просьб знает, что нужно каждому человеку и миру в целом. Так оно и есть. Начиная свою молитвенную практику, я тоже обращался к Богу с просьбой «Пусть миру будет хорошо», в общем-то, будучи информирован святыми книгами, что Бог и без меня делает всё, чтобы миру было хорошо. Тем не менее, обращался. Зачем?

Начинающий молитвенник обычно представляет Бога как некую внешнюю силу или некое существо, внимание которого он хочет обратить на себя. Многие, не добившись успеха, бросают это занятие. Главный секрет успешности молитвы в умении разбудить сердце, то есть ту силу в нём, о которой в канонических Евангелиях сказано: «Царство Божие внутри нас есть». В апокрифическом же Евангелие от Фомы эти слова Иисуса Христа уточнены так: «Царство Божие внутри и вне нас». Поправка даёт возможность лучше понять процесс молитвы, как соединение нашего внутреннего Христа с Христом внешним. Вначале «отепляется» левая часть груди, там, где находится физическое сердце. Потом зажигается правая часть груди. Затем огонь опускается в район солнечного сплетения и поднимается вверх до горла. Были у меня случаи, когда начинало гореть всё тело, но в этих случаях я прекращал молитву, так как знал из литературы, что может начаться неконтролируемый процесс самовозгорания, опасный для нашего организма. Именно по этой причине преждевременно ушёл из жизни знаменитый подвижник Индии Вивекананда.

Могут подстергать иные опасности. Несколько лет назад Россию потрясло известие о трёх монахах, убитых на Пасху. Мало кто обратил внимание на то, что все три практиковали Иисусову молитву и однажды пережили экстатические состояния. Они восприняли их, как зов Бога уйти на небеса. Монахов охватило непреодолимое желание расстаться с этой жизнью и вознестись в небеса именно на Пасху. Не умаляя их духовного подвига, выскажу такую мысль: не исключено, что они сами притянули к себе форму смерти. Если бы внимательно изучили опыт старцев, то поняли, что «прелести» бывают и уводящие от жизни с её тяготами. Старцы же всегда подчёркивали, что земная жизнь даётся человеку для труда, покидать её ради небесной по своей воле не разрешено.

Вернёмся к молитве. Отепление сердца — первая её ступенька. Следующие — трудно поддаются описанию. Когда внутренние вибрации сердца достигают необходимых частот, они входят в резонанс с Божественными Вибрациями. Происходит замыкание внутренней искры Божьей Божественной Силой вне нас. Молитва начинает работать.

Таким образом, обращения к Богу со словами звучащими, мысленными, разогрев сердца это лишь средства для установления связи с тем, что является Несказуемым и выражается чудесным, мирным состоянием.

*Возжелав в душе унять тревогу,
Вражьих стрел хвативши через край,
Я однажды постучался к Богу
С вечным и тоскливым нашим «Дай!».*

*По иной, по этой ли причине,
Все мои тревоги отлегли,
Но и лучшие стрелы наточили
В тишине угрюмые враги.*

*Продолжая тряскую дорогу
По ухабам жизненной возни,
Радость я принес к престолу Бога
И воскликнул весело: «Возьми!».*

*И волною теплой грудь омыло,
С глаз моих упала пелена
До поры, пока не накатила
Новая холодная волна.*

*Породнив и радость и тревогу,
Не считая годы и труды,
В третий раз я поднял очи к Богу.
«Сердце без остатка занял ты».*

*И занялся в сердце ровный, сильный,
Жаркий, но совсем не жгучий свет,
Голубой, смарагдовый и синий,
Об ином —
Ни слов, ни красок нет.*

Знавший цену сказанному слову Тютчев однажды заметил: «Мысль изречённая есть ложь». Это не помешало ему создать сотни поэтических словесных шедевров. Знал, что говорил и Есенин, когда писал:

*Несказанное, синее, нежное,
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя, поле безбрежное
Дышит запахом мёда и роз.*

Несказуемое, хотя и не передаётся словами, но стоит за ними, ощущается человеком, дышит через слова, мысли и чувства.

Молитвой может быть сочинение стихов, другие формы творчества, хотя не всякое сочинительство есть молитва. Настоящий творческий труд вводит в состояния, подобные тем, которые посещают человека во время молитвы. Оттого многие поэты, музыканты, живописцы, выйдя из творческого процесса, предаются алкогольным возлияниям, рутинная жизнь им кажется невыносимо пресной в сравнении с творческой. Говорю об этом не понаслышке, сам в своё время изрядно послужил «зелёному змию». Если же Иисусова молитва становится твоим постоянным спутником, нужда в алкогольных возлияниях отпадает, они становятся неинтересными, несопоставимыми с теми, какие даёт молитва.

Самая эффективная

Почему Иисусова молитва наиболее совершенна?

Риску поделиться некоторыми соображениями на этот счёт.

Во время молитвенного «отепления» сердца появляются излучения, становящиеся заметными в пространстве. Они привлекают внимание ангелов, говорят языком христиан, или развоплощённых высоких духов, согласно лексике Востока, которые прилетают и помогают молящемуся. Но эти же излучения притягивают и разного рода тёмную нежить, как всякий свет в ночи влечёт мошкарку. Нежить, то есть бесы, не рискуют напрямую приблизиться к источнику света, он их обжигает. Они ищут в энергетической оболочке человека слабые места, христиане называют такие щели греховными мыслями, буддисты — клешами, то есть низкими влечениями. Через эти отверстия в ауре и влазит в человека нежить. Поэтому кто решил встать на путь молитвенной практики, должен всегда отчётливо понимать, что ступает на поле битвы. Такая битва непрерывно происходит в небе любой страны, и в любой человеческой душе, проекцией её являются наши земные бои. В христианских странах небесную битву ведут светлые духи во главе с Иисусом Христом и Божьей Матерью, в странах, где господствуют иные религии, — сонмы иных национальных святых, ушедших в небо. Но на землю, к людям, высокие духи спускаются лишь тогда, когда их зовут. Закон свободы воли во всех истинных религиях нерушим. В этом особенность работы светлых духов. Тёмные же лезут со своими услугами и нащёптываниями без всякого спроса. При этом тёмными могут быть не только духи злобы, но любые безответственные сущности, которых, не ведая, что творит, может позвать на помощь иной человек в эгоистических целях.

Вот почему «легче» молиться своей, «намоленной» для данной страны молитвой, или, как иногда говорят, молитвы, вписанной в эгрегор данного народа. Светлые духи данной страны легче услышат «свою» молитву, придут на помощь несовершенному человеку, защитят от тёмных. Это я тоже знаю не из книг.

Молитва — материя тонкая, все её тонкости может оценить лишь сам молящийся. Я знал человека, который жил в сибирском селе и молился по китайской «Книге перемен». Все наши разговоры на духовные темы сводились им к даосизму или конфуцианству. В остальном он был вполне русским человеком, кстати, очень мастеровым, способным починить любую машину, любой прибор, за что его очень ценили и уважали односельчане. Как объяснить китайские религиозные увлечения этого человека? На ум приходит единственная причина — в прошлом воплощении жил в Китае и, родясь в России, ступил на проторённую, освоенную в прошлом духовную колею.

Однажды в Индии, бродя по горам, я наткнулся на одинокий жилой дом. Дело было зимой, десять лет назад, а в тех невысоких Гималаях, где мне при-

ходилось бывать, в январе выпадает снег и порой лежит целую неделю. Вдруг слышу слова на английском. «Кто ты?» Поднимаю взгляд, вижу на балконе второго этажа человека. Что я мог ответить на вопрос, кто я? Говорю: «Рапен йог». Он оживился: «Айм йог ту. Кам ин». Я поднялся в дом, познакомился с хозяином. Он оказался разговорчивым и гостеприимным фермером, содержал коров, большой фруктовый сад, держал работника-непальца. Когда ввёл меня в дом, я заметил в углу женщину, молившуюся перед изображением Шивы. Её молитва продолжалась около часа, пока мы говорили. Когда она закончила и повернулась к нам, хозяин дома представил её, как свою жену. И добавил, что оба они йоги-шиваиты. «А ты к какой йоге принадлежишь?» — спросил он. «Агни Йога», — ответил я. «Не знаю такой. Кто у тебя Учитель?» — «Иисус Христос». — «Христа знаю», — заявил индус.

Беседовали мы долго на самые разные темы. И это при моём скудном английском языке, который мой собеседник понимал с полуслова. В заключение он предложил вместе помолиться в его семейном храме.

Он провёл меня вниз по горе в конец сада, где располагалось невысокое строение из камня с типичной для шиваитских храмов архитектурой. Позвонил в колокольчик, висевший над дверью, то же сделал и я. Таким способом в Индии извещают богов о своём приходе. Мой новый знакомый зажёл ароматические палочки и стал распевать молитвы Шиве. Я молча молился Христу. И чувствовал, что благодать снизошла на меня в этом «чужом» храме. Когда мы оба закончили свои молитвы, индус, видимо, что-то почувствовав, спросил меня: «Кому ты молился?». — «Иисусу Христу». Он улыбнулся: «Я это понял. А ты когда-нибудь видел Христа?». — «Нет». — «Я Шиву тоже никогда не видел. Но он у меня здесь», — мой знакомый указал на сердце. «У меня Христос тоже здесь», — согласился я. При этих словах индус обнял меня.

На окраине Дели есть ашрам, который называется Гобинд Садан. Возглавляет ашрам известный во всей Индии святой Баба Вирса Сингх. Святой этот прославлен многими своими исцелениями, пророчествами, а также тем, что ему было видение Иисуса Христа. На месте видения по рисунку Бабы Вирса Сингха сооружена статуя Иисуса Христа таким, как он привиделся махарадже (так иногда называют этого святого Индии). Подробно о нём и его видении я написал в очерке «“Наш” Христос в Индии», опубликованном в моей книге «Я в Индии искал Россию». Здесь же скажу: редко встречал столь благодатное место для молитвы, как поляна в Гобинд Садане, где стоит статуя Христа. Сюда съезжаются паломники со всего света, прежде всего из Индии. Трогательно, но непривычно смотреть, как индуисты в белых одеждах, мусульмане и сикхи в

своих чалмах простираются ниц у ног «нашего» Иисуса Христа. По рассказам очевидцев у ног Его случались исцеления неизлечимо больных. Замечательные минуты пережил здесь и я, когда часами просиживал в молитвах у статуи. Многие мои стихи ведут происхождение отсюда.

Уезжая из этого ашрама, получил напутствие святого: «Служи России, молись за Россию, она сейчас самая важная страна в мире. Через неё будут решаться судьбы всей планеты».

Из затвора в мир

Завершая эти заметки, хочу подчеркнуть, что многому научился у молитвенников «Добротолобия», много дала Индия, её священные книги и живое общение с её людьми, имеющими свою практику погружения в безмолвие.

Сам я всегда жадно искал живой опыт молитвы и безмолвия не только у святых людей, но и у «мирских». Сделал вывод, что опыт мирянина неизбежно отличается от монашеского. И другой вывод — молитвенный опыт любого человека индивидуален, он зависит от возраста, профессии, национальности, места проживания, ряда прочих факторов. Кроме того, этот опыт всегда творческий. Какие бы рекомендации тебе ни дали книги и люди, они доводят тебя лишь до известной черты, до известного порога. Дальше иди и твори сам. Единственный поручень — имя Христа или Божьей Матери.

Иисусова молитва в корне отличается от современных психологических тренингов, которые учат, как добиться в жизни успеха, заработать много денег, отладить здоровье, стать успешным бизнесменом и т. д., то есть решить личные задачи.

Цель Иисусовой молитвы — работа на человечество. Слова эти — не риторика, они фиксируют реальный факт, что в мире всегда были, есть и будут люди, решающие общечеловеческие задачи: внесение в мировую хаотическую энергетику энергий гармонии и миротворчества, дружелюбия и любви. Эти люди не противопоставляют личные задачи общественным, они решают собственные проблемы походя, двигаясь в направлении Общего Блага.

Таких людей больше всего в России, в стране, которая всей своей мучительной историей доказала, что жила общечеловеческими интересами в большей степени, чем своими собственными.

Таким образом, возвращение России к православию, на мой взгляд, не сводится к решению чисто церковных задач. Православие есть живой духовный опыт России, включающий в себя имена Сергия Радонежского, Михаила

Ломоносова, Александра Суворова, Серафима Саровского, Пушкина, Достоевского, старцев Оптиной Пустыни, Льва Толстого, Менделеева, Николая Рериха, Николая Островского, Сергея Есенина, Николая Рубцова, Бориса Пастернака, Василия Шукшина и многих других славных сынов Родины. Мне думается, не нужно бояться такого расширения границ православия, как и контактов с подвижниками других религий. Православие живо там, где бьёт родник любви к Родине, к людям, где есть бескорыстное и бесстрашное искание Истины. Кто ближе к Богу, разберётся Он сам, кто ближе сердцу России, разберётся её народ.

Русские люди всегда проявляли терпимость и дружелюбие к «инославным». Теперь задача — изучить опыт их подвижников. В этом смысле никак нельзя обойти ислам, самую активную из современных мировых религий. Кстати сказать, суфии, являющиеся в исламе некоторыми аналогами наших исихастов, весьма часто не удаляются в затвор, осуществляют свою духовную практику, оставаясь известными поэтами, музыкантами, ювелирами...

Сегодня в России немало людей, интересующихся практикой суфизма, буддизма, индуизма. Приглядываюсь к «чужим» религиям и я. Осваиваю их опыт. И что же? В советское время получал за это нахлобучки от КПСС, в постсоветское — от некоторых служителей церкви, не в нашу веру, дескать, склоняешься. Но ведь не «склонился», вернулся к истокам. Не мог не вернуться, как любой путешественник возвращается домой. Руми, Шанкарачарья, Миларепа только обогатили моё понимание духовных глубин православия и желание вернуться на духовную родину. Как Пушкину свободное владение французским языком только помогло стать непревзойдённым мастером русского. Как Николаю Рериху жизнь в Индии и погружение в стихию буддизма лишь обогатили патриотизм и потянули к практике исихазма.

И сегодня опыт старцев становится достоянием мирян. В этом убеждает замечательный фильм Павла Лунгина «Остров». Никогда ещё русская кинематография не прикасалась так успешно к высочайшим духовным материям. По существу, это картина об Иисусовой молитве. Тот факт, что она вызвала широкий резонанс в обществе, что ею заинтересовались многие, в том числе тяготеющие к «инославным» духовным направлениям, внушает оптимизм. Значит, Россия в состоянии вернуться на свой Путь. Нам лишь нужно потрудиться, чтобы духовное богатство, накопленное нашими монахами, постепенно становилось достоянием людей в миру. Конечно, не следует строить иллюзии — массовым этот опыт никогда не станет. По крайней мере, теперь. Но зону влияния такого опыта надо расширить. У народов многих стран есть поверье:

там, где поселился праведник, меньше бедствий и всяческих неблагополучий. Учёные уже обсуждают факты воздействия коллективных молитв на погоду. Почему бы не попробовать объединить два этих фактора — энергетику опытного молитвенника с энергетикой человеческих сообществ — для создания положительного силового поля в той или иной местности? В противоположном направлении работа ведётся давно и весьма эффективно. Ведь разного рода фильмы кошмаров, разнузданные тёмные заклинания иных рок-групп, подпитанные эмоциональной реакцией миллионов (неважно поклонников или противников), создают отрицательные энергетические поля, провоцирующие земные неурядицы. Почему же не попробовать создать светлый энергетический противовес? Каким образом? Совместными усилиями церкви, правительства, СМИ. Это может пойти на пользу не только России, но всему миру, в том числе МЧС многих стран, которые уже не справляются с нарастающим числом катастроф, а чем дальше, тем неспособность эта будут проявляться сильнее. Растущую экспоненту катастроф можно уменьшить с помощью благой энергетики людей, говоря языком науки, и с помощью молитвы, говоря языком церкви. Доказано не однажды. Вот корень истинной глобализации, о которой сегодня говорят на всех языках, но не в безумных попытках объединить мир с помощью денег. Пожрут с такой помощью люди планету и себя.

* * *

*Две силы борются в душе,
И обе в ней настороже,
Следят за третьей — за вниманьем,
Танцующим на их меже.*

* * *

*Ты силой не гордись своей,
Всегда найдётся, кто сильнее.
Держись за руку Иисуса
Тем крепче, чем тропа тесней.*

* * *

*Споткнёшься — слишком не грусти,
А встал — с молитвою иди,*

*Самохождение и отчаянье —
Две бездны на твоём пути.*

* * *

*В бою с окрестным вороньём,
В сраженье внутреннем твоём
Умей бороться в одиночку,
Но побеждать всегда
Вдвоём.*

* * *

*Будь искушеньям всяким рад,
Зовущим в рай, влекущим в ад.
Но каждому скажи с улыбкой:
Всего дороже путь утрат.*

* * *

*Чего от будущего ждёшь,
Сказав — он плох, а я хорош?
Словами этими незримо
Вонзил в свою же душу нож.*

* * *

*Ты греешь руки у костра,
Зажжённого в груди вчера,
И сам себе из сердца шепчешь:
Сегодня, на мороз пора!*

2003

Заключение

После того как эта статья в сокращении была опубликована в журнале «Наука и религия» (№ 2-3, 2006 г.), пришли вопросы, а также предложения

провести учёбу на эту тему. Семинары по вопросам духовного совершенствования я пробовал проводить и раньше, но потом их прекратил. Дело в том, что на такие семинары собираются разные люди, увы, часто попросту любопытствующие. Удовлетворив первый интерес и сделав начальные молитвенные пробы, они потом забрасывают молитву, а ведь духовные практики требуют, прежде всего, постоянства, как правило, многолетнего. Я понял, что даром траю время, что нужен строгий отбор аспирантов.

Встречаются другие проблемы. Некоторые искатели после первых проб начинают ощущать разогрев сердца и «кайфовые» состояния, углубляют эти состояния, а потом начинаются тёмные атаки Тонкого мира. Человек пугается, выключает молитву. И правильно делает. Если он думает, что Иисусова молитва — только кайф, лучше за неё не браться.

Если же человек не боится бесовских устрашений, тёмная нежить искушает его с помощью различных соблазнов: сексуальных, денежных, тщеславных и т. д. Короче говоря, человек, приступающий к Иисусовой молитве с целью решить какие-то эгоистические или даже просто личные проблемы, должен всегда помнить, что непременно споткнётся.

Готов ли он много раз споткнуться и много раз встать?

Лучше всего браться за Иисусову молитву, когда пройдена суровая школа жизни, испытано много неудач и разочарований, когда путь к Богу становится единственным, безальтернативным. Когда этот путь возник передо мной, я написал такие стихи:

*Сколько их, полустанков, станций
Промелькнуло в вагонном окне!
И насытилась муза странствий,
Ничего не добыв извне.*

*Повернула вовнутрь дорога,
Ухожу, унося в груди
Бесконечную жажду Бога,
Безоглядность Его найти.*

Кроме того, не нужно думать, что Иисусова молитва единственный эффективный путь к прямым контактам с Богом. Всякое неуклонное служение высоким целям, как уже говорилось, даст тот же результат. Эти люди могут не испытывать Божественных видений. Жизненная ноша таких людей превосходит тяготы обычного человека, зато радость служения не сравнима ни с

чем. Это и есть ощущение Божественного присутствия — наряду с тяготами огромная радость.

Я получил письмо от одной женщины. «Мне 66 лет. Об Иисусовой молитве слышала давно. Пробовала заниматься, но мало что получилось. Начинаю молиться, теплота в сердце появляется очень быстро, но она и без молитвы у меня возникает. А потом чувствую как бы волны холодного воздуха. Пробовала мысленно произносить “Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя” в общественном транспорте, становится настолько жарко, что приходится прекращать молитву. И ещё — у меня беспокойный ум, в какие-то минуты жизни я как бы отключаюсь. Чтобы дисциплинировать ум, читаю Розарий.

Тело у меня слабое и ленивое. Не знаю, от возраста это или так должно быть при духовном развитии. В 2000 г. я специально пошла в поход на Алтай, чтобы посмотреть на себя в тяжёлых условиях. Ну и что?! Я поднималась в горы намного легче, чем многие молодые люди, никогда не мёрзла, как они, т. е. физически оказалась крепкой.

Прошу Вас помочь мне разобраться в моих ощущениях, а также преодолеть рассеянность ума».

Интересное письмо. Весьма вероятно, что эта женщина в прошлых жизнях проходила монашескую практику, скорее всего в горных условиях. Ничем иным нельзя объяснить быстрое «отепление тела», отключение сознания, ощущение себя в горах, как дома. Что же касается «рассеяния ума», то с ним невозможно бороться одним молитвенным сосредоточением, необходимо сосредоточение в труде. Монахи в монастырях наряду с духовной работой много трудились физически. Тем более сосредоточенный труд нужен в условиях мирской жизни, где соблазнов и невидимых атак гораздо больше. Практика трудового послушания, говоря православным языком, или «севы», говоря языком Востока, т. е. — бескорыстной работы на благо людей — наилучшая форма дисциплины ума при духовном восхождении.

Духовное восхождение человека должно укреплять все три его составляющие: дух, душу и тело.

В древнем монастыре

*Здесь птицы, шорохи и страхи
гнездятся нынче среди стрех.
А были времена, монахи
радушно привечали всех.*

*Входи смиренный и отчаянный,
безбожный и святой, садись.
Но если ты не гость случайный,
тогда трудись, трудись, трудись.*

*Цвели сады на голом камне,
в земле для них совсем чужой,
согретой тёплыми руками,
но главное — живой душой.*

*Ведь здесь молились за Россию
всей силой сердца, горячо.
И как нам знать, не той ли силой
мы живы до сих пор ещё?*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Беловодье»

- ✓ психология
- ✓ педагогика
- ✓ философия
- ✓ история
- ✓ культурология
- ✓ религиоведение

*Дипломант конкурса
«Лучшие книги России» (2003)*

Приглашаем к сотрудничеству авторов, переводчиков, а также всех, кто может предложить для издания книги по эзотерике, буддизму, йоге, аюрведе, религиоведению, восточной медицине, мировой духовной культуре, философии, истории, психологии и т. п.

Возможно, у Вас есть книги, которые Вы могли бы предложить нам для издания. Мы с радостью откликнемся на любое Ваше предложение.

Центр творчества «Беловодье» является некоммерческой организацией, все доходы от деятельности которой идут на реализацию гуманитарных программ, связанных с изданием и распространением научно-популярных и духовных книг на русском языке.

Если Вас заинтересовало наше предложение,

Мы ждем Ваших звонков по тел.:

(495) 484-37-32,

а также сообщений по электронной почте:

belovodje@rambler.ru

**В 2000 – 2010 годах
в Издательстве «Беловодье»
вышли в свет следующие книги:**

- Аверина Л. П.
Престол Благословенных: Эзотерическая космогония Библии и Вед (2005)
- Адаш Истад.
Песнь Борбада: зороастрийские сказания (2001)
- Амаду Хампате Ба
Каидара (2008)
- Амонашвили П. Ш.
Америка — век XXI: глазами очевидца (2003)
- Амонашвили Ш. А.
Амон-Ра (2002, 2003, 2004)
Саломея (2003)
Вся земля ждет нас... (Путь Ильи) (2004)
- Баба Вирса Сингх.
Иисус приходил. Я говорил с Ним... (2003)
- Бакштанский В. Л., Жданов О. И.
Менеджмент жизни (2003)
Менеджмент жизни: Стратегия личной эффективности (2006, 2008)
- Белинская А. Б.
Конфликт в социальном познании как философская проблема (2004)
- Блаватская Е. П. (Сост. и коммент. А. Владимирова)
Тайная Доктрина Е. П. Блаватской. Происхождение космоса (2007)
Тайная Доктрина Е. П. Блаватской. Происхождение человека (2007)
- Богин И. Л.
Бог. Вселенная. Смысл (2000)
- Бхикку Кхантипало.
Секреты медитации: Спокойствие и прозрение (2005)
- Владимиров А.
В поисках православия: Современники (2000)
Кумран и Христос: Кумранские свитки об историческом Иисусе, жившем за 100 лет до евангельского Христа (2002)
Апостолы: Гностико-эллинистические истоки христианства (2003)
Асуры и Дэвы: типология человека (2006)
Кольцо подсознания: тонкие тела человека (2006)
Письма Махатм . Главные положения (2007, 2009)
Ковчег эволюции. Погибшая планета (2008)

- Гай Н. М.
Как наши предки с инопланетянами встречались: фантастические сказы (2006)
Удивительные приключения в Стране Динозавров (2008)
- Гленн Муллин.
Практика Калачакры (2002)
- Грибашёв В. П., Шелейкова Н. И.
Что такое “Спектральная Логика” и “Спектроглобус Грибашёва” (2009)
- Джнанакришна
Человек, Судьба, Вечность, или Философия Великого Единства (2009)
- Гуру Гобинд Сингх.
Джап Сахиб (2004)
- Дарнева И.
Молчание Сфинкса: Эзотерическое путешествие в страну фараонов (2006)
- Джек Корнфилд.
Путь с сердцем: Путеводитель по опасностям и надеждам духовной жизни (2007)
- Джозеф Голдстейн.
Опыт прозрения: Простое практическое руководство к буддийской медитации (2007)
- Диденко В. Д.
Духовная реальность и искусство: Эстетика преображения (2005)
- Исаев И. Ю.
Алхимия эмоций: немного о природе чувств и страстей (2009)
- Ким В. Н.
Философия культуры евразийства и наследие художественной культуры Центральной Азии (2004)
- Кирилев Е. Н.
Жизнь ради жизни (2001)
Острие победы (2004)
- Ключников С. Ю.
Священная наука чисел (2000)
Невидимая броня: теория и практика психоэнергетической защиты (2002)
Путь к себе: обретение духовной силы (2002, 2003)
Фактор успеха: новая психология саморазвития (2002)
Мастер жизни: психоэнергетическая защита в социуме (2004)
Внутренняя сила: стратегия овладения собой (2005)
В поисках безмолвия: практика медитации и преображение сознания (2005)
Деньги в вашей жизни: национальный практикум богатства (2005)
Аура человека: укрепление, гармонизация, защита (2005)
Личная территория: психологическая защита от агрессии и манипулирования (2006)
Внутренняя сила: как обрести уверенность и реализовать себя (2006)

- Путь к себе: как пробудить творческий потенциал (2006)
Безмолвие и Просветление: психология внутренней работы (2007)
Священная наука чисел: символика, нумерология, психология (2007)
Мастер саморегуляции. Как реализовать потенциал сознания (2008)
Расколдованный круг: Девять Законов Управления Реальностью (2009)
Расколдованный круг-2: Прыжок через кризис (2009)
Расколдованный круг-3: Выход из матрицы (2009)
- Ключников С. Ю., Э. Леви, Дж. О. Фуллер, М. А. Кузмин.
Два Адепта: Сен-Жермен и Калиостро. Сакральная история Европы. Сборник работ (2005)
- Ключников С. Ю., Максимова Н. Е.
Будьте здоровы! Психологические секреты самоисцеления (2009)
- Ключников С. Ю., Странден Д. В. и др.
Сакральный мистицизм Запада. Герметическая философия. Сборник работ (2007)
- Ключников Ю. М.
Белый Остров (2000)
Здесь и там (Поэт и Фея) (2004)
Стихия души: опыт постижения (2006)
Годовые кольца (2006)
Я в Индии искал Россию: Странствия по Ариаварте (2009)
- Ключникова Л. И., Ключников Ю. М.
Под зеленым лучом: За гранью видимого мира (2004)
- Косоруков А. А.
Строитель вечного пути России Сергей Радонежский (2004)
- Кут Хуми.
Сон Раваны: Мистерия (2004)
- Лама Анагарика Говинда.
Основы тибетского мистицизма (2005)
Творческая медитация и многомерное сознание (2006)
Психологическая позиция философии раннего буддизма согласно традиции абхидхаммы (Психология раннего буддизма) (2007)
Озарения гималайского странника (2008)
- Макаров В. В.
Психология здоровья: биологически активные добавки в психотерапии и профессиональном консультировании (2006)
- Мирра Альфасса Ришар (Мать).
Журчащий родник (2000)
- Науменко Г. М.
Явное о Тайном: Наука о рождении, деяниях, воскресении Христа (2008)
Великая тайна бытия (2009)

- Проценко Т. А.
Здоровье — гармония ума, сердца и воли (2004)
Как сохранить энергетический иммунитет (2004, 2007)
Ресурсы здоровья (2004)
Вибрационное целительство: квантовое оздоровление сознания и тела (2007)
- Рамачандра Рао.
Тантра. Мантра. Янтра (2002)
- Рене Генон.
Восток и Запад (2005)
Символы священной науки (2005)
Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира (2004)
Царство количества и знаменья времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте (2003)
Человек и его осуществление согласно Веданте. Восточная метафизика (2004)
Царь Мира. Очерки о христианском эзотеризме (2008)
Символизм креста (2008)
Заметки о посвящении (2010)
- Рудникова Н. П.
Сакральный мистицизм Египта: 22 ступени посвячительного пути (2002)
- Свами Рама.
Жизнь среди гималайских йогов (2006)
- Степанов С. С.
Философия Карлоса Кастанеды: Путь воина. Школа Игры в Бисер. Начало (2008)
Путь воина: Искусство осознания (2009)
- Степанов С. С., Птуха А. Р.
Игра богов: любить и не бояться. Выбирает женщина (2009)
- Сундаков В. А.
Выиграть жизнь. Сказки из сундука (2001)
- Фреди Боллаг.
Имя Аллаха и число 66 (2001, 2003, 2008)
- Цветков А. В.
Фотон и Геометрия (2005)
- Чогьям Трунгпа.
Шамбхала: священный путь воина (2006)
- Шилин К. И.
Русские суфии: Новое человечество и образ будущего (2007)
- Югай Г. А.
Общность народов Евразии — арьев и суперэтносов — как национальная идея: Россия и Корея (2003)
- Юхимов В. В.
Карантин (2009)

Книги издательства «Беловодье»
вы можете заказать по почте.
Подробный каталог высылается бесплатно.

195213, Санкт-Петербург,
а/я 35 «КП-Беловодье»
E-mail: belovodje@x-books.ru
Интернет: www.x-books.ru

ОТДЕЛ КНИГОРАСПРОСТРАНЕНИЯ
Т е л . : (4 9 5) 4 8 4 - 3 7 - 3 2

ЦЕНТР ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ С. Ю. КЛЮЧНИКОВА

приглашает на психологические консультации,
авторские тренинги и выездные семинары по городам России

I. ПРОГРАММА ИНДИВИДУАЛЬНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

1. Выявление глубинных причин болезней

Обучение методам самоисцеления и восстановления здоровья.

2. Диагностика энергетического состояния человека

Нахождение «ахиллесовой пяты» в ауре человека. Обучение методам энергетического самовосстановления. Тренировка укрепления и гармонизации ауры.

3. Диагностика и решение психологических проблем

Страх. Чувство вины. Тревога. Депрессия. Неудачи. Лень. Инфантильность. Ссоры.

4. Семейные проблемы

Супружеские конфликты. Конфликт «отцов и детей». Измены. Ревность. Непонимание. Сексуальная неудовлетворенность. Консультирование семейных пар.

5. Трудности при знакомстве и общении с противоположным полом

Выявление причин трудностей. Тренинг воспитания уверенности и обаяния. Избавление от застенчивости и комплексов.

6. Снятие психологических травм

Выявление глубинных причин психотравмы или негативного переживания. Проведение психокоррекционных сеансов снятия боли и растворения негативных воспоминаний. Разработка нового «сценария» жизни и стиля поведения, закрепляющего позитивное душевное состояние.

7. Возрастные кризисы

Анализ особенностей жизненного цикла и возрастного периода, через который проходит клиент. Выявление негативных факторов, сценариев и программ, потенциально присутствующих в каждом возрастном периоде. Создание новой жизненной программы, восстанавливающей личностную гармонию.

8. Финансовые проблемы. Наука управления личными финансами

Выявление глубинных причин финансовых проблем и психоконфликтов неправильного отношения к деньгам. Устранение ограничений, мешающих финансовому росту. Перепрограммирование на успех. Обучение искусству привлечения финансовых потоков в свою жизнь.

9. Невезение и жизненные неудачи

Анализ глубинных причин жизненных неудач. Работа с моделью мира человека, подверженного фактору невезения и неудач. Перепрограммирование глубинных установок и создание настроения на успех. Обучение искусству успешного поведения.

10. Проблемы на работе

Трудности с правильным и эффективным выбором работы. Проблемы трудоустройства и первого собеседования. Взаимоотношения с начальником. Конфликты с коллегами. Умение делать карьеру.

11. Самореализация людей творческих профессий

Анализ глубинных причин неудач. Побуждение и развитие креативных (творческих) способностей. Искусство правильного позиционирования. Взаимоотношения со спонсором и с продюсером. Разработка творческого имиджа. Секреты «самораскрутки».

12. Психологическая помощь спортсменам

Выявление корней спортивных неудач. Пробуждение скрытых ресурсов организма и психики и методы их мобилизации на спортивные достижения. Развитие образного мышления в спорте. Снятие предстартового волнения. Формирование психологии победителя.

13. Искусство публичного выступления

Психодизайн лица. Формирование внешнего и внутреннего имиджа. Обучение мастерству эффективного убеждения. Освобождение от страха перед аудиторией.

14. Снятие стресса

Разработка индивидуального антистрессового стиля жизни. Обучение искусству снятия предэкзаменационного стресса студентов, школьников, выпускников автошкол

15. Выбор пути

Психологическая помощь старшеклассникам в профессиональном самоопределении, выборе жизненного пути и подготовке в вуз.

16. Психологическая помощь в освобождении от пристрастия к алкоголю и другим формам зависимостей (курение, переедание, музыкальные и ТВ-наркотики, азартные игры и др.)

Работа с самим зависимым, членами его семей и родственниками. Освобождение от созависимости, обучение здоровому мировоззрению и образу жизни. Помощь пострадавшим от деструктивных сект.

17. Пробуждение и развитие интуиции.

Определение ведущего интуитивного канала. Устранение препятствий для активно работающей интуиции. Тренировка способности к предвидению. Развитие способности тонкого видения. Основы энергетической защиты при утончении организма и психики.

18. Духовный рост

Обучение медитативным практикам Востока и Запада, помощь при духовных кризисах и выборе пути.

Каждая консультация с клиентом длится от 1,5 до 2-х часов. Она включает в себя такие элементы, как 1) выявление глубинных причин тех проблем, которые более всего беспокоят человека в данный момент; 2) тщательная разработка подробного и конкретного сценария поведения клиента, поэтапно выводящего его из кризиса или затруднения; 3) проведение психотерапевтического сеанса, снимающего психотравму, эмоциональный блок или негативное переживание, и формирующего позитивные психологические установки уверенности; 4) обучение методам и приемам саморегуляции, помогающих клиенту самостоятельно устранять отрицательные переживания и поддерживать состояние гармонии.

В зависимости от пожеланий клиента, любая консультация может быть:

- одноразовой встречей, направленной на решение острых краткосрочных проблем (по модели «скорой психологической помощи»);
- программой, предполагающей несколько встреч с психологом, на которых постепенно решаются сложные психологические проблемы или производится обучение каким-либо поведенческим навыкам, умениям и начальным приемам саморегуляции;
- долгосрочной программой индивидуального наставничества и серьезного обучения психологическим «техникам», методам саморегуляции или медитативным практикам, нацеленным на решение наиболее сложных психологических проблем.

**II. ТРЕНИНГОВАЯ ПРОГРАММА
«МАСТЕР ЖИЗНИ»
(Открытые тренинги личностного роста)**

1. Тренинг «Сверхресурсы здоровья и жизненной силы»

Создание ментального образа совершенного здоровья. Оздоровляющая гимнастика (комплекс йоги и двигательных упражнений). Исцеляющее дыхание (пранаяма и цигун). Выявление глубинных причин болезни. Исцеление от хронических болезней с помощью суггестии, аффирмаций, специальной молитвенно-медитативной практики, позитивного мышления. Пробуждение скрытых ресурсов организма.

2. Тренинг «Внутренняя гармония»

Тренировка внимания. Развитие навыков концентрации и созерцания. Управление эмоциями. Тренировка мышления. Развитие силы мысли и воображения. Воспитание воли и способности к свежесилиям. Работа над личностными качествами. Разрешение внутренних конфликтов.

3. Тренинг «Роскошь человеческого общения»

Правильная диагностика партнера по общению (определение психотипов и ролей). Тренировка уверенности в коммуникации. Преодоление застенчивости. Пробуждение обаяния. Вербальное и невербальное взаимодействие. Психологическая защита от манипуляции. Воспитание независимости от влияний. Искусство привлечения друзей. Мужская и женская психология.

4. Тренинг «Пробуди в себе воина» (поведение в экстремальных ситуациях)

Мгновенная концентрация и находчивость. Психотехники преодоления страха. Пробуждение скрытых ресурсов психики. Самопрограммирование на победу. Искусство вхождения в транс. Привлечение энергий удачи. Методики работы с болью. Выживание в обстоятельствах опасности.

5. Открой свою интуицию

Устранение внутренних препятствий и ограничений для действия интуиции. Диалог со сверхсознанием. Умение задавать собственной интуиции вопросы. Открытие интуитивного канала. Искусство проникновения в неизвестное. Развитие способности к предвидению будущего.

6. Тренинг «Королевское обаяние»

Осознание внутренних психоконфликтов и зажимов. Искусство принятия себя: королевская улыбка, осанка, интонация. Умение соотносить свой психотип с психотипом вашего избранника. Медитация и обаяние. Создание лучезарной ауры. Как найти свою духовную половинку? Тайны пола. Управление сексуальной энергией.

7. Управление личными финансами: как привлечь денежные потоки в свою жизнь?

Определение своего финансового темперамента и характера взаимоотношения с миром денег. Устранение ограничивающих убеждений и внутриличностных препятствий, мешающих притяжению денежных потоков. Пробуждение внутренней силы и формирование необходимых психологических качеств, способствующих финансовому процветанию. Создание эффективного бизнес-плана жизни. Обучение психотехнологии успешной жизни.

9. Карьера психолога

Переосмысление собственной мотивации, предопределившей выбор психологической специальности. Анализ сферы психологических услуг в российских условиях. Секреты «самораскрутки» в сфере практической психологии. Умение привлечь клиента. Создание нового имиджа консультанта и тренера. Рекламная стратегия психолога.

Каждый из тренингов может длиться от 1 до 3 дней.

III. «МАСТЕР БИЗНЕСА». ПРОГРАММА КОРПОРАТИВНЫХ БИЗНЕС-ТРЕНИНГОВ

Приглашаются менеджеры, персонал банков, руководители фирм, корпораций и все желающие эффективно управлять своим бизнесом.

1. Стресс-менеджмент

Участники тренинга смогут осознать причины стресса, научиться расслаблять мышечные зажимы и снимать внутреннее напряжение, активизировать ресурсы организма и психики, значительно повысить работоспособность, избавиться от психологических травм, приобрести уверенность в общении с «трудными» людьми, создать положительный эмоциональный климат на работе.

2. «Защищенный человек». Психологическая самозащита от агрессии, давления, манипулирования в деловом общении

Участники тренинга смогут глубже разобраться в причинах, из-за которых они попадают в трудные ситуации, осознать свои слабости, пробудить защитные силы организма и психики, научиться распознавать природу чужих манипуляций в общении и своевременно пресекать их, овладеть приемами эффективной психологической обороны.

3. Развитие интуиции и принятие управленческих решений («Техники интуиции»)

Участники тренинга смогут пробудить и развить силу интуиции, научиться принимать правильные управленческие решения и отстаивать их, применять интуицию при работе с персоналом, использовать «шестое чувство» для расширения успешного бизнеса, прогнозировать будущее.

4. Менеджмент здоровья руководителя и персонала

Участники тренинга смогут научиться оценивать потенциал собственного здоровья, осознать глубинные психологические причины многих соматических заболеваний и телесных недугов, овладеть наиболее эффективными психотехнологиями самооздоровления, построить наиболее оптимальный сценарий здорового образа жизни.

5. Стратегия финансового роста («Энергетика денег»)

Участники тренинга смогут лучше увидеть связь финансового успеха с личной силой человека, понять какие внутренние препятствия и психологические тормозят их путь к процветанию, осознать, насколько эффективна их стратегия трат и денежных вложений в дело, научиться создавать эффективный бизнес-план собственной жизни.

6. Креативное мышление в бизнесе

Участники тренинга смогут осознать основные стереотипы своего коммерческого мышления, раскрыть в себе способности к видению проблем с новой стороны, научиться искусству преодоления препятствий в жизни и в бизнесе с помощью творческого мышления, стать генераторами свежих идей в бизнесе.

7. Деловые переговоры

Участники тренинга расширят свои представления о деловых переговорах и сущности делового общения, научатся практическим методам и психотехнологиям, повышающим эффективность переговорного процесса, овладеют искусством телефонного общения, умением работать с возражениями клиентов и партнеров.

8. Образование команды

Участники тренинга расширят свои представления о сущности командной работы и наиболее эффективных психотехнологиях, помогающих формированию сплоченной команды, будут учиться практическим методам и приемам, помогающим созданию «командного духа», осознают, насколько личные цели каждого члена команды совпадают с общими задачами. Помимо этого они будут тренироваться в умении налаживать четкое групповое взаимодействие в условиях дефицита времени и создавать благоприятный психологический микроклимат и рабочую атмосферу в процессе ежедневного решения задач.

9. Спиральная эволюция человека и организации (Система спиральных динамик)

Участники тренинга познакомятся с новейшими психотехнологиями Запада, помогающими человеку понять свое место на шкале эволюции и научиться определять спиральный эволюционный код других людей, организаций, организаций, фирм, а также продвигаться по ступеням мастерства жизни и бизнеса.

Продолжительность тренингов от 8 до 16 часов. Темы могут быть адаптированы к запросам и проблемам вашей организации.

V. КОУЧИНГ ПРОГРАММА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КОРПОРАЦИЙ И ФИРМ, ТОП-МЕНЕДЖЕРОВ, ЛЮДЕЙ, ДЕЛАЮЩИХ ТВОРЧЕСКУЮ КАРЬЕРУ

1. Выявление индивидуального стиля руководства, его коррекция. Причины управленческих неудач.
2. Успешное целеполагание в бизнесе и менеджменте. Тренировка умения правильно ставить цели и достигать их.
3. Конфликты в организации и жизни.
4. Развитие лидерского потенциала. Разработка нового имиджа лидера и организации.
5. Тренировка бизнес-креативности. Работа с препятствиями для зарабатывания и привлечения денег в свою жизнь. Воспитание финансовой успешности
6. Коррекция проблем здоровья. Обучение методам снятия стресса и самооздоровления.
7. Активизация ресурсов психики, обучение саморегуляции и медитативным практикам, повышающим эффективность в бизнесе.
8. Искусство распознавания людей. Кадровая интуиция. Как создать и сплотить успешную команду.
9. Тренировка делового общения (налаживание контакта, понимание мотивов партнера, секреты переговорного процесса).
10. Психологические секреты создания крепкого семейного тыла для руководителя и человека с карьерными амбициями. Решение семейных проблем.

Проведение бизнес-тренингов и коучинга может проходить в офисе у заказчика

**Центр практической психологии С. Ключникова
проводит выездные тренинги в Индии и в других странах мира.
Узнать о программах новых тренингов С. Ключникова
можно на сайте**

www.kluchnikov.ru

**Заказать тренинги, как открытые, так и корпоративные, для организаций,
фирм и частных лиц, а также записаться к С. Ключникову
на индивидуальные консультации можно по телефонам:**

**(499) 173-07-12
(499) 267-73-09
+7-916-608-26-73
+7-916-525-64-05
+7-926-080-92-51**

E-mail: kluch05@yandex.ru

**Мы готовы поставить Вам
со склада в Москве и под заказ
следующую продукцию:**

- Высоковольтные предохранители.
- *Изоляторы. Арматура и металлоконструкции для ВЛ и СИП.*
- Разрядники. Ограничители перенапряжения.
- Разъединители наружной и внутренней установки.
- Выключатели нагрузки.
- Трансформаторы. Кабель. Провод.
- Низковольтные предохранители. Электросчетчики. Рубильники.
- Заземления, штанги изолирующие, указатели напряжения.

**Подробный каталог на сайте
<http://www.avkenergo.ru>**

Литературно-художественное издание

Юрий Михайлович Ключников
ЛИКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ответственный редактор, pre-press:
М. Бухвостова

Корректор:
И. Таранёва

Дизайн обложки:
С. Китов

Издательская лицензия ЛР № 066606 от 19.05.99
Формат: 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Miniature». 26 усл. печ. л.
Тираж 1000 экз. Зак. №

НПЦТ *«Беловодье»*
Тел.: (495) 484-37-32
E-mail: belovodje@rambler.ru

Книги издательства «Беловодье» вы можете заказать по почте.
Подробный каталог высылается бесплатно.

195213, Санкт-Петербург,
а/я 35 «КП-Беловодье»
E-mail: belovodje@x-books.ru
Интернет: www.x-books.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
в ООО Производственная фирма «Полиграфист»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3